

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СЛАВЯНСКИЙ МИР

**2020 В ТРЕТЬЕМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ**

Том 15

№ 3–4

МОСКВА
2020

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
DOI номера 10.31168/2412-6446.2020.15.3-4

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
Issue DOI 10.31168/2412-6446.2020.15.3-4

Главный редактор журнала
Елена Семёновна Узёнова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Editor-in-Chief
Elena S. Uzeneva
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

И. о. ответственного секретаря журнала
Ксения Валерьевна Мельчакова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Acting Editorial Coordinator
Ksenia V. Melchakova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Редакционная коллегия
Светлана Ивановна Данченко
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Ольга Сергеевна Каштанова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Евгений Андреевич Колосков
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
Анна Андреевна Леонтьева
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Наталья Александровна Лунькова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Петр Владимирович Мошечков
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Editorial Board
Tatyana I. Chepelevskaya
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Svetlana I. Danchenko
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Olga S. Kashtanova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Olga V. Khavanova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Evgenii A. Koloskov
St Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Лидия Юрьевна Пахомова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Ольга Владимировна Хаванова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Татьяна Ивановна Чепелевская
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Евгений Александрович Яблоков
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Anna A. Leontyeva
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Natalia A. Lunkova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Petr V. Moshechkov
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Lidia Yu. Pakhomova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Evgeny A. Yablokov
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Редакционный совет
Дёрдь Бебеш
Печский университет, Печ, Венгрия
Сальваторе Дель Гаудио
Киевский университет имени Бориса Гринченко, Киев, Украина

Editorial Council
György Bebesi
University of Pécs, Pécs, Hungary
Salvatore Del Gaudio
Borys Grinchenko Kyiv University, Kyiv, Ukraine

Оксана Анатольевна Запека
РГУ имени А.Н. Косыгина, Москва, Россия
Алеш Заржицкий
Остравский университет, Острава, Чехия
Мария Китанова
Институт болгарского языка,
Болгарская академия наук, София, Болгария
Наталья Корина
Венский университет, Вена, Австрия

Sandra Hadžihalilović
University of Zadar, Zadar, Croatia
Maria Kitanova
Institute for Bulgarian Language,
Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
Natalia Korina
University of Vienna, Vienna, Austria

Константин Владимирович Никифоров
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Дорота Пазио-Влазловска
Институт славистики ПАН, Варшава, Польша
Андрей Николаевич Соболев
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
Сузана Раич
Белградский университет, Белград, Сербия
Сандра Хаджихалилович
Задарский университет, Задар, Хорватия

Konstantin V. Nikoiforov
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Dorota Pazio-Wlazłowska
Institute of Slavic Studies,
Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
Suzana Rajić
University of Belgrade, Belgrade, Serbia
Andrey N. Sobolev
Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia
Oksana A. Zapaka
Kosygin Russian State University, Moscow, Russia
Aleš Zářický
Ostrava University, Ostrava, Czech Republic

Учредитель и издатель: Институт славяноведения РАН
Издается с 2006 года
Периодичность: два раза в год
Тираж: 500 экз.
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А, корп. «В»,
Москва, 119334 Россия
Электронный адрес: slavmillen@yandex.ru
Сайт: slavworld.ru

Founder and Publisher: Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Published since 2006
Frequency: two per year
Circulation: 500 copies
Address: Leninsky Prospect, 32A, Moscow, 119334 Russia
E-mail: slavmillen@yandex.ru
Web: slavworld.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Дронов А.М.* Военная граница монархии Габсбургов между хорватской и сербской идеями национальной интеграции (1826–1848) 7
- Мерлико Д.* Нежелательный союзник. Споры об объединении югославян в итальянской политике во время Первой мировой войны 25
- Борисёнок Е.Ю.* А.В. Луначарский и «кубанский язык»: интриги советской украинизации 1920-х годов 37
- Балог М.* Арест и судебный процесс над кардиналом Йожефом Миндсенти в 1948–1949 гг. Часть 2. «Самый жалкий узник страны» 53
- Аникеев А.С.* Кремль и политика Югославии в годы советско-югославского конфликта. 1948–1953 гг. 69
- Колосков Е.А.* Дом цветов: анализ образа Югославии в видеоиграх 85
- Саенко М.Н.* К этимологии праслав. *tělo ‘тело’ 102
- Чиварзина А.И.* Сопоставительное исследование цветообозначений в переводах Нового Завета на македонский и албанский языки 113
- Ващенко Д.Ю.* Словацкое наречие *zadržátko* в свете корпусных данных 127
- Валенцова М.М.* Взаимодействие славянских традиций в Восточных Карпатах (на примере демонологической лексики) 145
- Трефилова О.В.* Болгарская народная мифология: краткий обзор 160

Дискуссионная платформа

- Пазио-Влазловская Д.* Концепт *ОЖИРЕНИЕ* в польском разговорном языке. Проект базы данных 182

Рецензии и обзоры

- Пивоваренко А.А.* «Локальная история» или новые горизонты хорватско-итальянских отношений? Рецензия на работу Филипа Шкиляна «Итальянцы в Загребе» [Škiljan F. Talijani u Zagrebu. Zagreb: Zajednica Talijana u Zagrebu, 2015. 95, 101 s.] 197
- Пилюпенко Г.П.* *Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár Ljubić M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Szentesi O.* A magyar nyelv Horvátországban / szerk. M. Kontra. Budapest: Gondolat; Eszék: Media Hungarica Művelődési és Tájékoztatási Intézet, 2016. 306 o. [Фанчай Э., Гутти Э., Контра М., Молнар Любич М., Оско Б., Шиклоши Б., Жагар Сентешши О. Венгерский язык в Хорватии / отв. ред. М. Контра. Будапешт: Gondolat; Осиек: Media Hungarica Művelődési és Tájékoztatási Intézet, 2016. 306 С.] 207
- Узенёва Е.С.* Аксиологические исследования славянских языков и культур 217

Хроника научной жизни

<i>Валенцова М.М., Узенёва Е.С.</i> 25 лет Институту славистики им. Яна Станислава Словацкой академии наук	226
<i>Пазио-Влазловская Д.</i> II Международный семинар по лингвокультурологии. Ценности в языковой картине мира литовцев и поляков. Народное, национальное, полиэтническое и мультикультурное наследие	236
Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». 13–14 октября 2020 г.	243
Секция «История» <i>Перетяцько А.Ю.</i>	244
Секция «Языкознание» <i>Борисов С.А.</i>	252
Секция «Литературоведение. История культуры» <i>Лунькова Н.А.</i>	255

CONTENTS

Articles

- Aleksandr M. Dronov*
The Military Frontier of the Habsburg Monarchy
between the Croatian and Serbian Ideas
of National Integration (1826–1848) 7
- Giordano Merlicco*
Unwanted Ally. Italian Political Debate on Yugoslav Unity during WWI 25
- Jelena Yu. Borisenok*
Anatoly V. Lunacharsky and “Kuban Language”:
Intrigues of Soviet Ukrainisation of the 1920s 37
- Margit Balogh*
Arrest and Conviction of Cardinal József Mindszenty 1948–1949.
Part 2. “Most pitiful prisoner of the country” 53
- Anatoly S. Anikeev*
The Kremlin and the Politics of Yugoslavia during the Years
of the Soviet-Yugoslav Conflict, 1948–1953 69
- Evgenii A. Koloskov*
House of Flowers:
An Analysis of the Image of Yugoslavia in Video Games 85
- Mikhail N. Saenko*
On the Etymology of the Proto-Slavic *tělo “body” 102
- Alexandra I. Chivarzina*
A Comparative Study of Colour Terms in Translations
of the New Testament into Macedonian and Albanian 113
- Daria Yu. Vashchenko*
Slovak Temporal Adverb *zákratko* in the Light of Corpus Data 127
- Marina M. Valentsova*
The Interaction of Slavic Traditions in the Eastern Carpathians
(On the Material of Demonological Vocabulary) 145
- Olga V. Trefilova*
Bulgarian Folk Demonology: A Brief Overview 160

Discussions

- Dorota Pazio-Wlazłowska*
OBESITY in Colloquial Polish. Inventory Research Project 182

Reviews

- Alexander Al. Pivovarenko*
Local History or New Dimensions in Croatian-Italian Relations?
A Review of a Book by F. Škiljan “Italians in Zagreb”
[Škiljan F. Talijani u Zagrebu. Zagreb:
Zajednica Talijana u Zagrebu, 2015. 95, 101 s.] 197

Gleb P. Pilipenko

Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár Ljubić M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Szentesi O. *A magyar nyelv Horvátországban / szerk. M. Kontra. Budapest: Gondolat; Eszék: Media Hungarica Művelődési és Tájékoztatási Intézet, 2016. 306 o.*

[Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár Ljubić M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Szentesi O. *The Hungarian Language in Croatia / ed. M. Kontra. Budapest: Gondolat; Eszék: Media Hungarica Művelődési és Tájékoztatási Intézet, 2016. 306 p.] 207*

Elena S. Uzeneva

Axiological Studies of Slavic Languages and Cultures 217

Chronicle of scientific life*Marina M. Valenstova, Elena S. Uzeneva*

25 years of Jan Stanislav Institute of Slavic Studies
of the Slovak Academy of Sciences 226

Dorota Pazio-Wlazłowska

II International Seminar of Cultural Linguistics.
Values in the Language Picture of the World of Lithuanians and Poles.
Folk, National, Multi-ethnic, and Multicultural Heritage 236

“Slavic World: Commonality and Diversity” Young Scholars Conference
13–14 October 2020 243

Artem Yu. Peretyatko 244
Section “History”

Sergej A. Borisov 252
Session “Linguistics”

Natalia A. Lunkova 255
Session “Literary Studies. The History of Culture”

ВОЕННАЯ ГРАНИЦА МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ МЕЖДУ ХОРВАТСКОЙ И СЕРБСКОЙ ИДЕЯМИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ (1826–1848)*

Александр Михайлович Дронов –

младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: dronov839@gmail.com

Аннотация

В 1820–1840-е гг. в пограничном регионе Австрийской и Османской империй происходило становление и развитие национальных движений у сербов и хорватов, проживавших в административно-политических единицах с особым правовым статусом. Одной из таких территорий являлась и Военная граница, за симпатии населения которой развернулась борьба хорватских «иллиров» (Загреб) и сербских «родолюбцев» (Матица сербская). Из-за своей большой протяженности и высокой плотности населения Военная граница стала важной частью проектов территориально-государственной интеграции, а ее военизированные жители — возможным инструментом для достижения политических целей. Население Военной границы говорило на штокавском диалекте сербскохорватского языка (распространенном также в Далмации и Славонии). В частности, поэтому иллиры решили взять этот диалект за основу хорватского литературного языка. Так они могли вести пропаганду своих идей через печатную продукцию, попадавшую на территорию Военной границы. Сербские «родолюбцы», однако, подозревали хорватов в намерении посредством распространения идей иллиризма хорватизировать и окатоличить сербов. Оба национальных движения выстраивали свою агитацию на основе исторического нарратива, причем сербы в своей риторике обращались к национальным героям сербской истории, а иллиры объединяли сербских и хорватских героев вместе, создавая единый героический пантеон всех южных славян. Сербское княжество Османской империи тоже претендовало на участие в будущем сербском объединении; для его правящей верхушки особый интерес представлял венгерский Срем с резиденцией сербского митрополита. Отдельными хорватскими и сербскими политиками были предприняты попытки выработать план совместных действий в отношении Военной границы, для этого они обращались за поддержкой к польской эмиграции.

* Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-59-23005 «Монархия Габсбургов: новые направления в изучении экономического, социально-политического и национального развития композитарного государства Центральной Европы».

Ключевые слова

Габсбургская монархия, Военная граница, иллиризм, «родолюбцы», Хорватия, Сербия, Османская империя, польская эмиграция

Статья поступила в редакцию 3 октября 2020 г.

Цитирование: Дронов А.М. Военная граница монархии Габсбургов между хорватской и сербской идеями национальной интеграции (1826–1848) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 7–24.

THE MILITARY FRONTIER OF THE HABSBURG MONARCHY BETWEEN THE CROATIAN AND SERBIAN IDEAS OF NATIONAL INTEGRATION (1826–1848)

Aleksandr M. Dronov,

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: dronov839@gmail.com

Abstract

From the 1820s to the 1840s, the borderland between the Austrian and Ottoman empires witnessed the creation and development of national movements among Serbs and Croats who lived in administrative and political units with special legal status. One of these territories was the Military Frontier, which turned into a battlefield between the Croatian “Illyrians” (Zagreb) and the Serbian “rodoljubs” (Matica Srpska) for the sympathy of the population. The massive territory and dense population of the Military Frontier attracted the architects of territorial and national integration, and the paramilitary population was considered an instrument in achieving political goals. The population of the Military Frontier spoke the Shtokavian dialect of Serbo-Croatian (which also spread, for example, in Dalmatia and Slavonia), and for this reason the Illyrians took this dialect as the basis for Croatian literary language. By doing so, they were able to spread their ideas through printed materials, which they circulated in the Military Frontier. However, the Serbian “rodoljubs” suspected the Croats of wanting Croatisation and Catholicisation. Both national movements built their agitation on the basis of a historical narrative; Serbs by referring to heroes of Serbian history, and Illyrians by amalgamating Serbian and Croatian heroes together to create a single pantheon for all South Slavs. The Serbian Principality (under the rule of the Ottoman Empire) also claimed their share in the future Serbian unification. For its ruling elite, the Hungarian Srem with the residence of the Serbian Metropolitan was of particular interest. Some Croatian and Serbian politicians worked on a plan of joint action regarding the Military Frontier and turned to Polish émigrés for support.

Keywords

The Habsburg monarchy, Military Frontier, Illyrism, “rodoljubs”, Croatia, Serbia, Ottoman empire, Polish emigration

Received 3 October 2020.

How to cite: Dronov, A.M., 2020. Voennaia granitsa monarkhii Gabsburgov mezhdu khorvatskoi i serbskoi ideiami natsional'noi integratsii (1826–1848) [The Military Frontier of the Habsburg Monarchy between the Croatian and Serbian Ideas of National Integration (1826–1848)]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 7–24.

В первой половине XIX в. Военная граница Габсбургской монархии сохраняла особое военное административно-территориальное управление и для нее действовало особое законодательство (Закон о Военной границе 1807 г.). Тем не менее ее территория стала ареной политического противостояния сторонников двух национальных идей, хорватской и сербской, которые сами еще находились в стадии развития¹. Хронологические рамки статьи охватывают период от образования в 1826 г. Матицы сербской в Пеште и до революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи².

В монархии Габсбургов хорваты проживали, прежде всего, на территории королевства Хорватии и Славонии, также часть населения Далмации и Военной границы³, главным образом католики, считала себя хорватами⁴. Сербь в Австрийской империи в рассматриваемый период не имели своей территориальной единицы, располагая только дарованной им в 1699 г. императором-королем Леопольдом I церковной автономией, однако составляли существенную часть населения Военной границы⁵, а также компактно про-

¹ *Beschnitt W.D. Nationalismus bei Serben und Kroaten 1830-1914. Analyse und Typologie der nationalen Ideologie. München: R. Oldenbourg Verlag, 1980.*

² См.: *Дронов А.М. Отношение австрийских сербов к иллиризму на рубеже 1830-1840-х гг. (по материалам газеты «Сербский народный листъ») // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 21-22 мая 2019 г. / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 73-78.*

³ Судить о численности хорватского населения Военной границы в исследуемый период представляется сложным: во-первых, далеко не все славяне-католики Границы идентифицировали себя на заре национальных движений у южных славян Габсбургской монархии как хорватов, во-вторых, перепись 1837 г. учитывала также население Трансильванской военной границы, поэтому славяне в целом составляли лишь немногим более 70% от общего числа населения всей Границы. См.: *Stopfer M. Lehrbuch über die Statistik der Militär-Gränze des österreichischen Kaiserthums. Gratz: J.A. Kienreich, 1840. S. 47.* Разделять славянское население Границы по национальному признаку австрийские и венгерские статистики начали только накануне ее демилитаризации.

⁴ *Povijest Hrvata. Zagreb: Školska knjiga, 2005. 2 Knj.: Od kraja 15. stoleća do kraja Prvog svetskog rata / ured. M. Valentić, L. Čoralić; Roksandić D. Vojna Hrvatska = La Croatie Militaire. Zagreb: Školska knjiga; Stvarnost, 1988; Rothenberg G. The Military Border in Croatia 1740-1881. A study of an Imperial Institution. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1966.*

⁵ Представить примерную численность сербского населения Военной границы в исследуемый период можно, лишь ориентируясь на данные статистики по конфессиям. Согласно данным сербского историка Н. Делича, несмотря на общий рост численности как православного, так и неправославного населения, проживавшего на территории Границы, доля православных в 1820-1840-е гг. немного снизилась: с 50,58% в 1828 г. до 48,99% в 1848 г. См.: *Делић Н. Српско православно становништво Далмације и Војне крајине (1828-1848) — број, наталитет, морталитет, нуцијалитет, природни и механички прираштај // Српске студије. 2014. Књ. 5. С. 55, 64.* Однако в последующие годы наметилась обратная тенденция: так, в 1857 г. православные в целом составляли ровно 55% всего (1 059 221 чел.) населения Военной границы уже без упраздненной Трансильванской границы. Ср.: *Hostinek J. Die k.k. Militär-Grenze, ihre Organisation und Verfassung. Wien: Aus der kaiserlich-königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1861. Theil 1. S. 19.*

живали в южных комитатах Венгрии⁶. Кроме того, после двух антитурецких восстаний начала XIX в. на пограничье Австрийской и Османской империй возродилась Сербия⁷, прошедшая к 1830 г. путь «от княжеской автономии до автономного княжества»⁸.

Из-за социальной однородности восставшей Сербии М.В. Белов даже считает, что в ней была реализована утопия Ж.-Ж. Руссо «о государстве, в котором отсутствуют сложные политические ухищрения (процедуры и институты)»⁹. В то же время, по данным венгерского статистика Э. Фенеша за 1837 г., рядом с территорией Венгрии — с самой большой, по его мнению, долей знати во всем населении королевства в Европе (к слову, хорватско-славонских и сербских нобилей в Венгрии насчитывалось в пять раз меньше, чем венгерских) — находилась Военная граница, где среди офицерства аристократов и дворян было «не больше 833 человек»¹⁰. И это при том, что общее население Границы в 1839 г. составило 1 016 976 человек¹¹. Таким образом, речь идет о группах с полной социальной структурой¹² (хорваты), частично-полной¹³ (австрийские сербы) и неполной (турецкие сербы Сербского княжества), между которыми располагалась область, военно-иерархическая организация которой мешала образованию широкой прослойки высшего общества.

ХОРВАТСКИЙ ИЛЛИРИЗМ И СЕРБСКИЕ РОДОЛЮБЦЫ

Главным выразителем хорватской национальной идеи с начала 1830-х гг. стало движение иллиризма¹⁴. В советской и югославской историографии социалистического периода в соответствии с официальной марксистской

⁶ Гаврилович С. Срби у Хабсбуршкој монархији (1792–1849). Нови Сад: Матица српска, 1994; Schwicker J.H. Politische Geschichte der Serben in Ungarn. Budapest: L. Aigner, 1880; Микавица Д. Српско питање на Угарском сабору: 1690–1918. Нови Сад: Filozofski fakultet Novi Sad, 2011; Крстић В. Срби у Угарској: 1790–1918. Нови Сад: Матица српска, 2013; Костяшов Ю.В. Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград: Издательство КГУ, 1997.

⁷ Карасев А.В. Сербское княжество во время правления Милоша Обреновича и режима уставобранителей (1815–1856 гг.) // История Балкан: Век девятнадцатый (до Крымской войны) / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: URSS, 2012. С. 372–392.

⁸ Чиркович С. История сербов. М.: Весь Мир, 2009. С. 242.

⁹ Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII — середина 30-х гг. XIX века). СПб.: Алетейя, 2007. С. 387.

¹⁰ Agramer Zeitung. 1845. № 27. 2 IV.

¹¹ Hostinek J. Die k.k. Militär-Grenze, ihre Organisation und Verfassung. S. 12.

¹² См.: Фрейдзон В.И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. — начала XX в. Дубна: Феникс, 1999. С. 17–22.

¹³ Небольшая группа дворянства, которая идентифицирует себя как дворянство венгерское, т.е. государственное, а не национальное сословие.

¹⁴ Povijest Hrvata. 2 Knj.; Фрейдзон В.И. История Хорватии: краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). М.: Алетейя, 2001.

научной терминологией оно получило название буржуазного¹⁵. Однако у этого массового движения во главе с культурно-политическим клубом загребской интеллигенции имелись предшественники еще на рубеже XVIII–XIX вв. в лице как высшего загребского духовенства, так и хорватских аристократов и дворян в сословно-представительном саборе (парламенте), несогласных с передачей в 1790 г. части автономных прав королевства Хорватии и Славонии Пресбургу (ныне Братислава, Словакия) — административной столице Венгерского королевства¹⁶. В хорватской историографии период развития хорватского национального движения до Людевита Гаю (1809–1872) рассматривается как «иллиризм до иллиризма»¹⁷. Также необходимо отметить, что идеология иллиров 1830–1840-х гг. не была во всей полноте представлена в каком-либо одном программном документе¹⁸.

Некоторым аналогом движения хорватских иллиров можно считать у сербов движение «родолюбцев» (которые считали, что «самая дорогая и самая светлая вещь в этом мире — польза и слава отечества своего»¹⁹), группировавшихся вокруг Матицы сербской²⁰. В той или иной степени идеологические принципы движения сербских родолюбцев были изложены в статье Й. Субботича «Род, народность, родолюбие», трактующей родолюбие как «любовь к роду», а в более широком смысле — как «старание печалью рода в себе и в целом народе не только сохранить, но и усовершенствовать»²¹. Наиболее яркие сторонники (на)родолюбцев среди сербской интеллигенции Австрийской империи брали себе такие псевдонимы, как Родолюбич, Родо-

¹⁵ Лещиловская И.И. Иллиризм. К истории Хорватского национального Возрождения. М.: Наука, 1968; *Vićanić R. Počeci kapitalizma u hrvatskoj ekonomici i politici*. Zagreb: Školska knjiga, 1952.

¹⁶ Дронов А.М. От иллиризма к хорватизму в Австрийской империи первой половины XIX века // *Славяноведение*. 2018. № 1. С. 58–59.

¹⁷ См., например: *Blažević Z. Ilirizam prije ilirizma*. Zagreb: Golden marketing — Tehnička knjiga, 2008. Еще в 1818 г. хорватский поэт А. Миханович — автор стихотворения «*Lěpa naša domovino*» (хорв. «Наша прекрасная родина», 1835), которое легло в основу текста современного гимна Республики Хорватия — получил от властей разрешение на издание политической газеты *Oglasnik Ilirski* («Иллирский глашатай»), но не смог собрать достаточно средств для начала ее выпуска.

¹⁸ *Hrvatski narodni preporod 1790–1848: Hrvatska u vrijeme Ilirskog pokreta / ured. N. Stančić*. Zagreb: Povijesni muzej Hrvatske; Muzej za umjetnost i obrt; Muzej grada Zagreba; Globus, 1985. S. 24.

¹⁹ *Караџић В.С. Историјски списи*. Београд: Просвета, 1969. Књ. I // *Сабрана дела*. Књ. XV. С. 265.

²⁰ Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии... С. 453. О «родолюбивом гражданине» см.: *Милисавиц Ж. Историја Матице Српске*. Нови Сад: Матица српска, 1986. Д. 1: *Време националног буђења културног препорода*. 1826–1864. С. 93. «Родолюбцы» были прославлены и в стихах: например, в «Гласе родолюбца» граничара-серба Н. Бороевича (Сербский народный листъ. 1840. 3 III). Встречается и вариант «народолюбец» (см.: «Летопис» Матицы сербской за 1837 г., ч. 1, а также написанное в 1819 г. стихотворение Л. Мушицкого «Глас народолюбца»).

²¹ См.: Сербский народный листъ. 1837. 7 I; 22 I; 25 I; 29 I.

вич и другие с корнем *rod-*²². Кроме того, существовал пропагандистский персонаж, герой нравоучительных историй и веселых скетчей Добродрад Родович, выступавший с позиций сербского национального движения²³.

Наименование «родолюбцы» было распространено и среди иллиров, хотя чаще они называли себя «домородцами» («местный уроженец» или «абориген»)²⁴.

В связи с насущной задачей просвещения населения одним из центральных был языковой вопрос, его решение сербы видели в отказе от славяно-сербского (высокого) литературного языка в пользу народного, а иллиры — в переходе с кайкавского (загребского) на штокавский диалект, практически идентичный сербскому языку и распространенный в Славонии, Далмации и на Военной границе²⁵. С 1838 г. иллиры открывали народные читальни, а в 1842 г. на базе загребской читальни возникла и Матица иллирийская²⁶. В обоих случаях данные шаги способствовали интеграции простых граничар в то или иное национальное движение, хотя православное духовенство Габсбургской монархии (в том числе и Военной границы) оставалось верным славяно-сербскому языку и письму вплоть до 1860–1870-х гг.

Средством пропаганды национальной идентичности на основе единого литературного языка стала печатная продукция. Британский филолог Б. Андерсон в давно ставшей классической книге «Воображаемые сообщества» ввел понятие «печатного капитализма» — системы издания и распространения книг и периодики на языках формирующихся современных наций, что позволяло — не в последнюю очередь благодаря материальной заинтересованности издателей — объединять рассредоточенных на большом пространстве людей в читательскую аудиторию²⁷. В этой связи М.В. Белов, од-

²² См.: Сербский народный листъ. 1837. 26 VI.

²³ Антагонистом Добродрада Родовича являлся Пецал Тучолюбич. Фамилию Тућољубић («Тућољубичъ»), на наш взгляд, можно истолковать не только как «драчун» («любителъ подраться») от сербского *тући* ‘бить’, *туча* — ‘драка’), но и, учитывая, что он превозносит всё немецкое и венгерское, как «чужелюбич», «ксенофил» (от сербского *туђ* ‘чужой’), что делает ее антонимичной для Родолюбича — «родолюбца». См.: Там же. 1837. 3 VII.

²⁴ Понятия «domorodac» («domorodec») и «rodoljubac» использовались иллирами и в их литературных произведениях, особенно в стихах, однако второе понятие чаще встречается у сербов-иллиров: ср. названия стихотворений лидера иллиризма в Славонии М. Топаловича («Бог и молитва домородца иллирского»), хорвата Т. Блажека («Речь домородца»), серба Н. Боровича («Вопрос родолюбца»). См.: Pěsmarica. Sbirka 1. Pesme domorodne izdane po D.R. i L.V. Drugo izdanje. U Zagrebu: tiskom Franje Suprana, 1842. S. III, 8, 13.

²⁵ Данная мера иллиров объяснялась еще и тем, что лингвисты первой половины XIX в. считали сербским языком весь штокавский диалект. Так, далматинцев, славонцев и боснийцев чешский лингвист П.Й. Шафарик включал в «католических славяносербов». См.: Šafařík P.J. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Prag: Friedrich Tempsky, 1869. S. 226.

²⁶ Ravlić J. Ilirska čitaonica u Zagrebu // Historijski zbornik. 1963. 16. S. 159–215.

²⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.

нако, замечает, что «пространство “нации” до распространения сплошной грамотности ограничивалось сравнительно узким кругом образованных лиц», которые были «прообразом-ядром будущей *большой* нации»²⁸.

Важную роль играли печатные органы хорватских иллиров и сербских (на)родолюбцев²⁹, попадавшие на территорию Военной границы и получавшие обратную связь в виде писем читателей из среды образованных граничар. Причем в случае с первыми адресатами граничары часто подписывались «иллир из (далее название населенного пункта Границы)» или «иллир с Военной границы», чем давали понять о своем интересе к иллирскому движению³⁰. Согласно чешскому историку П. Стеглику, для того чтобы занять «равноправное положение в семье культурных народов» Европы, иллиры считали важным сохранить особую идентичность и традиции отдельных этносов внутри иллирской нации³¹, что подтверждается и записками Л. Гая³². На основе этого можно сделать вывод, что, с одной стороны, иллирская самоидентификация части граничар не вытесняла их локальное, граничарское и тем более религиозное самосознание, а лишь обозначала принадлежность к конструируемой хорватскими идеологами «культурно-языковой нации»³³ («Kulturnation»³⁴). С другой стороны, поскольку Л. Гай и его сторонники никогда не говорили об особой «граничарской» идентичности, граничары-иллиры, по-видимому, ассоциировали себя с какой-либо национальной (хорваты, сербы и др.) или локальной (славонцы, сремцы, банатцы и др.) общностью.

Однако граничары, отправлявшие свои письма в сербские газеты и журналы, никогда не именовали себя (на)родолюбцами, а только сербами или сербами-граничарами. Этот факт подтверждает то, что (на)родолюбие было лишь идеологией сербского национального движения. Но по схоже-

²⁸ Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии... С. 389.

²⁹ В этих газетах среди прочих печатались стихи хорватских и сербских поэтов «национального возрождения», целиком посвященные Военной границе или упоминавшие о ней. Среди писавших стихи о граничарах были и их соплеменники. Например, автор «Граничарского мальчика» С. Марянович происходил из Брода-на-Саве (Славонски-Брод, Хорватия), находившегося на территории Бродского полка Военной границы.

³⁰ Письма печатались в главной газете иллиров «Novine horvatsko-slavonsko-dalmatinske» (ранее носившей название «Novine dalmatinsko-hrvatsko-slavonske»), преимущественно в приложении к ней «Danica ilirska».

³¹ Stehlik P. Između hrvatstva i jugoslavenstva: Bosna u hrvatskim nacionalno-integracijskim ideologijama 1832–1878. Zagreb: Srednja Europa, 2015. S. 17–18.

³² «Пусть, будучи иллиром, брат-хорват сохранит не только имя, но и всё хорватское; пусть, будучи иллиром, брат-славонец сохранит не только имя, но и всё славонское; пусть, будучи иллиром, брат-серб сохранит не только имя, но и всё сербское». См.: Ilirske narodne novine. 1842. 7 XII.

³³ Соколовский С.В. Онто-логики национального: культурная сложность национальных сообществ и проблемы ее категоризации // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М.: РОССПЭН, 2016. С. 56.

³⁴ См.: Фрейдзон В.И. Нация до национального государства... С. 6.

сти языков подобным понятием оперировало и хорватское национальное движение, существовавшее в форме иллиризма, что могло иногда вводить в заблуждение славянское население юга Австрийской империи, среди которого вели национальную пропаганду как хорватские, так и сербские деятели «национального возрождения».

МЕСТО ВОЕННОЙ ГРАНИЦЫ В ПРОЕКТАХ ВОЗРОЖДЕНИЯ ХОРВАТСКОГО И СЕРБСКОГО ГОСУДАРСТВ

Территориальные претензии сторонников иллиризма на всех этапах развития их идей опирались на тезис о непрерывности истории Хорватии от Средневековья до настоящего времени, а потому иллиры считали, что исторически обладают правом на те или иные земли, когда-то якобы входившие в состав хорватского государства. Хорватский историк Н. Станчич пишет, что «на основе хорватского государственного права хорватское дворянство в состав триединого королевства включало помимо реальной территории Хорватии и Славонии также и “виртуальные” территории, т. е. часть исторической территории хорватского государства, утерянной, главным образом, во времена турецких завоеваний, — Военную границу, Далмацию, Боснию до Врбаса, которую называло “турецкой Хорватией”, и три северо-восточных котара Истрии»³⁵. Таким образом, Военная граница (ее часть от Адриатики до Срема) рассматривалась как часть утерянных хорватских земель. Романтики из окружения Л. Гая поначалу особенно выделяли Лику и Крбаву (приморская часть Границы) как важные для хорватов земли³⁶.

В «Диссертации, или Разговоре» (1832) граф Я. Драшкович будущее большое хорватское королевство представил в виде «Великой Иллирии», в которую помимо Хорватии, Славонии, Военной границы, Далмации, Боснии и Истрии включил даже словенские земли³⁷. Также этот хорватский аристократ и депутат сабора одним из первых среди лидеров иллиров заявил, что вопрос принадлежности Военной границы нужно поднять перед императором-королем, так как когда-то саборы уже сделали ошибку, допустив отдельное законодательство для этой территории³⁸. В 1842 г. в представлении императору-королю от лица родной Вараждинской жупании другой лидер иллиров М. Ожегович тесно увязывал демилитаризацию Военной границы и присоединение Боснии к империи, так как в последнем

³⁵ Hrvatski narodni preporod 1790-1848. S. 12-13.

³⁶ См., например: Danica Horvatzka, Slavonzka y Dalmatinzka. 1835. 7 II.

³⁷ *Dražković J.* Disertacija iliti razgovor, darovan gospodi poklisarom zakonskim i budućem zakonotvorcem kraljevinah naših, za buduću dietu ungarsku odaslanem, držan po jednom starom domorodcu kraljevinah ovih. U Karlovcu: pritiskano slovima Joana Nep. Prettnera, 1832. Ср.: Grada za povijest književnosti hrvatske / ured. F. Fancev. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1933. Knj. 12. S. 301.

³⁸ Ibid. S. 311.

случае граничарам не пришлось бы «в тяжелейших условиях» нести службу по охране и обороне южных границ Габсбургской монархии³⁹.

Следовательно, иллиры, с одной стороны, видели Военную границу (до Дуная на востоке) обязательной частью будущей большой Хорватии (или Иллирийского королевства), а с другой, сообразовывали планы по расширению территории королевства на юг за счет османских Боснии и Герцеговины с общеимперскими интересами, стараясь заручиться поддержкой императора-короля.

Одним из самых первых проектов сербского государства в XIX в. стала «Записка» карловицкого митрополита Стефана (Стратимировича) (1758–1836). В ней он обозначил земли, где «обитают сербы»: «в Венгрии на обоих берегах Дуная, в Славонии, Хорватии, Далмации и Приморье; также от сих пределов в Турецких землях до Адриатического моря; весь народ между рекой Салы от границ Валахии до Скутари в Албании, между рекой Савой и Уной есть Славяно-Сербский с малейшим наречия различием, так что и все находящиеся там турки суть рода и языка Славяно-Сербского»⁴⁰. Будущее сербское государство Стефан Стратимирович мыслил вассальным, находящимся в составе Османской империи княжеством во главе с русской династией (записка предназначалась российскому императору Александру I). Но, будучи австрийским сербом, митрополит придавал важное значение и тому, чтобы в состав такой «Славяносербии» вошли не только османские территории, но и Срем (его он предлагал обменять на валашскую Олтению), а также Бока-Которская (которую планировалось получить взамен Турецкой Хорватии)⁴¹. Иными словами, предстоятель сербской православной церкви Австрийской империи и одновременно политический глава всех австрийских сербов, избравшийся на народно-церковном соборе, митрополит Стефан считал Срем (очевидно, как гражданский, так и находившийся в составе Военной границы) необходимой частью возрожденной Сербии.

М.В. Белов видит причины таких геополитических воззрений в «образованности и развитости» Срема, что должно было, по его мнению, повысить уровень общественного развития молодого сербского государства⁴². На наш взгляд, Срем был не просто одним из регионов Габсбургской монархии, населенных сербами. Здесь находилась митрополия (Сремски-Карловцы), фрушкогорские сербские монастыри, города Земун и Петроварадин на Военной границе, причем последний отделяла от главного культурного

³⁹ Predstavka županije varaždinske na Njegovo c. kr. Veličanstvo za zaštitu kršćana u ruskom carstvu (1842.) // Njekoji spisi iz javnoga političkoga djelovanja Metela baruna Ožegovića Belskoga i Barlabaševačkoga. Zagreb: [s.n.], 1887. S. 10.

⁴⁰ О восстановлении нового Славяносербского государства. Записка митрополита Стратимировича, составленная для поднесения императору Александру Павловичу. В июне 1804 года // Русский архив. 1868. № 1. Стб. 115–116.

⁴¹ Там же. Стб. 116–117.

⁴² Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии... С. 163.

центра австрийских сербов — Нови-Сада — лишь река Дунай. Таким образом, можно сказать, что Срем — это духовный, политический и культурный центр всех сербов Габсбургской монархии, и присоединение его к возрожденному сербскому государству означало бы воссоединение «австрийской» и «турецкой» Сербии. Именно вопрос о принадлежности Срема в период революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи впоследствии привел к первому крупному конфликту между сербским и хорватским национальным движением⁴³.

Сходную картину географии расселения сербского народа рисовал и знаменитый сербский лингвист В. Караджич в программной статье «Сербы все и повсюду» (написанной в 1836 и изданной в 1849 г.): «Сербы сейчас живут в современной Сербии, в Метохии, в Боснии, в Герцеговине, в Зете, в Черногории, в Банате, в Бачке, в Среме, на правом берегу Дуная от Осиека до Сентендре, в Славонии, в Хорватии (и на Турецкой, и на Австрийской границе), и во всем Адриатическом приморье почти от Триеста до Бояны»⁴⁴. В. Караджич лишь не знал, каково соотношение сербского и несербского населения в Албании и Македонии. Надо заметить, что в отличие от Стефана Стратимировича он упоминал австрийскую Военную границу, определяя ее население как сербское. В. Караджич исходил из языкового принципа, поэтому удивлялся, «почему сербы закона Римского не называют себя сербами»⁴⁵. Вместо этого «они называют себя по местностям, где живут, например славонцы, боснийцы (или бошняки), далматинцы, дубровчане и т.д., или, как это особенно делают писатели, древним или вообще Бог весть каким именем — иллиры или иллирийцы»⁴⁶. В. Караджич, развивая идею П.Й. Шафарика о «католических славяносербах», относил всех католиков-штокавцев к сербам-католикам, а кроме того, выступал против иллиризма. Следовательно, всё южнославянское население Военной границы, независимо от вероисповедания, по В. Караджичу, являлось сербским.

Противники В. Караджича в вопросе активно продвигаемого им нового правописания и литературного языка, группировавшиеся, главным образом, вокруг Матицы сербской, тем не менее были близки с ним в определении территории расселения сербского народа на пограничье Османской и Австрийской империй, хотя и делали упор на вероисповедание (сербы — православные, хорваты — католики). Так, в 1845 г. в «Летописи Матицы серб-

⁴³ Борьба сербов за территориальную автономию вспыхнула именно в Сремски-Карловцах в 1848 г. Сербские политики полагали, что населенный сербами Восточный Срем должен обязательно войти в состав будущей сербской Воеводины, тогда как подавляющее большинство их хорватских оппонентов считало весь Срем частью королевства Славония, поэтому также имело территориальные претензии на эту географическую область.

⁴⁴ *Караџић В.* Срби сви и свуда // Ковчежић за историју, језик и обичаје Срба сва три закона. У Бечу: у штампарији Јерменскога манастира, 1849. I. С. 1.

⁴⁵ Там же. С. 3.

⁴⁶ Там же. С. 2.

ской» была напечатана статья священника из Дубровника. В ней население Лики и Крбавы, входивших в состав Хорватской военной границы, считается «однородно славяно-сербским», таким же, как «в Боснии, в Герцеговине, в Черногории, в княжестве Сербии и в Среме», а хорваты, «как особое славянское племя», находятся, согласно автору, только на территории «Провинциальной Хорватии»⁴⁷. Также здесь объяснялось, что «хорватской» данная часть Военной границы называется лишь по историко-географическим соображениям, а этнически ее население целиком относится к сербскому народу⁴⁸.

На рубеже 1830–1840-х гг. в изданиях австрийских сербов стало появляться всё больше критики иллиризма, в том числе и от сербов Военной границы. Так, некий «серб-граничар Алекс. Андрос» как военный прагматик рассуждал: если черногорцы одержат в сражении победу над турками, то почему эта победа должна считаться иллирской и распространяться также на хорватов и словенцев, которые не имеют к такой победе вообще никакого отношения?⁴⁹ Кроме того, он отмечал, что иллиризм является всего лишь «продолжением далматинско-дубровникской» традиции, но только с другим вариантом латинского письма⁵⁰. Другой (на)родолюбец П. Попович, ссылаясь на текст еще одного автора, чьи взгляды он разделял, выражал опасение, что иллиры могут вытеснить в школах на Военной границе кириллицу латиницей, что, по мнению Поповича, представляло угрозу для самосознания молодых граничар⁵¹. Авторы подобных статей видели в иллиризме завуалированную экспансию католицизма и хорватизма на православное сербское население разных частей Габсбургской монархии.

ПОПЫТКА ВЫРАБОТКИ ОБЩЕЙ ПОЛИТИКИ ХОРВАТОВ И ТУРЕЦКИХ СЕРБОВ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОЙ ГРАНИЦЫ

Кроме проекта Стефана Стратимировича у сербских повстанцев были и другие планы, в том числе развивавшие отдельные идеи карловицкого митрополита⁵². М.В. Белов рождением непосредственно «великосербской идеи» считает период с осени 1808 по весну 1809 г., когда депутаты сербских повстанцев Белградского пашалыка представили русским союзникам проекты получения полной независимости Сербии от Османской империи⁵³,

⁴⁷ Сербский Лѣтопись Матице сербске. 1845. Ч. 2. С. 28.

⁴⁸ Нечто подобное говорится и в комментариях к стихотворению католического священника с Военной границы Й. Марича, посвященному кончине серба-граничара, главы Карловацкого генералата (Хорватская военная граница) П. Радивоевича. См.: Плачь крайшника // Сербский Лѣтопись Матице сербске. 1831. Ч. 3. С. 81.

⁴⁹ Сербский народный листъ. 1840. 14 I.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. 1840. 6 VI.

⁵² См.: Грачев В.П. Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М.: Институт славяноведения РАН, 2003.

⁵³ Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии... С. 324.

однако К.В. Никифоров критически относится к такому утверждению⁵⁴. В 1842 г. к власти в княжестве Сербия в ходе переворота пришли «уставо-бранители», вожди которых, еще будучи в ссылке в Константинополе, установили в 1841 г. контакты с польской эмиграцией и одним из ее лидеров А. Чарторийским через его эмиссара в Юго-Восточной Европе М. Чайковского. Польские эмигранты мечтали о возрождении Польши и видели своих главных противников в России и Австрии. В их планы входило уменьшение влияния этих держав на Балканах путем создания крупного славянского государства, которое в своей политике ориентировалось бы на Францию, Англию и Османскую империю⁵⁵. Резидентом А. Чарторийского в Белграде стал чех Ф. Зах, который помог установить связь уставобранителей с хорватскими иллирами через С. Цара. Последний передал Ф. Заху список деятелей иллирской партии, готовых к сотрудничеству с сербами княжества, и получил от польского агента деньги для поездки на Военную границу⁵⁶.

После поездки соратник Л. Гая С. Цар высоко оценил результаты пропаганды иллиров среди граничар, сообщив Ф. Заху, что «патриотический дух хорватов обращает всю военную границу на сторону сербов и склоняет против Австрии; а это обстоятельство имеет важность, потому что оно может при любом вооруженном вмешательстве в сербские дела создать Австрии препятствие, если только Сербия искусно смогла бы его использовать»⁵⁷. Но С. Цар возлагал надежды не только на Сербское княжество, но и на итальянские провинции Габсбургской монархии: «А если военная граница сделает решительный шаг к Сербии [и пойдет] против Австрии, есть ли вероятность ожидать, что Италия, которая так близко от Хорватии, использует это событие для того, чтобы попытаться себя освободить?»⁵⁸

Такой план вполне соответствовал интересам А. Чарторийского, так как сулил распространение ирредентизма на всем юге монархии Габсбургов от севера Апеннин до самого востока Трансильвании, где тогда заканчивалась Военная граница (недаром воодушевленный такой информацией от С. Цара Ф. Зах писал, что можно рассчитывать на все 17 полков Границы⁵⁹), и ослаблял Австрийскую империю. Л. Гай, не находя общего языка с (на)родолюбцами Матицы сербской в Пеште и их сторонниками в Южной Венгрии, но мечтавший о распространении иллиризма в Боснии⁶⁰, тоже

⁵⁴ Никифоров К.В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М.: Индрик, 2015.

⁵⁵ Там же. С. 42.

⁵⁶ Там же. С. 120.

⁵⁷ Вучковић В. Национално-револуционарна акција Србије у Војној граници // Зборник Матице српске. Серија друштвених наука. 1954. Св. 9. С. 5–6.

⁵⁸ Там же. С. 6.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См.: Greble E. Introduction / Forum: The Habsburg-Ottoman Borderlands: New Insights for the Study of the Nineteenth-Century European Legal and Social Order // Austrian History Yearbook. 2020. № 51. P. 15–24.

предлагал сербскому правительству свои личные услуги, обещая распространять «сербскую национальность и сербскую народную гордость среди граничар»⁶¹. В социалистической Югославии такое сотрудничество между лидером иллиризма и сербскими уставобранителями оценивалось как первая попытка реализации идеи югославянского политического объединения⁶². Однако П. Стеглик вслед за хорватским историком Я. Шидаком замечает, что эту политику Л. Гая можно назвать «тайной», в которую был посвящен лишь узкий круг его ближайших сподвижников, а сами действия были порой противоположны декларируемым целям политического иллиризма и молодой Иллирской партии⁶³.

Идея Л. Гая понравилась уставобранителям тем, что в случае розыска все подозрения пали бы только на самого Л. Гая, а Сербия бы оказалась ни при чем⁶⁴. Ставший в 1843 г. министром внутренних дел Сербии И. Гарашанин оказался еще осторожнее и отказался от включения в свою стратегическую программу «Начертание» предложенной ему Ф. Захом части о действиях в отношении Хорватии⁶⁵. Зато И. Гарашанин сделал акцент на «защите святого права исторического», обосновывая право княжества Сербии считаться преемницей царства Стефана Душана⁶⁶, а следовательно, и претендовать на его территории⁶⁷. Таким образом, при князе Александре Карагеоргиевиче был взят курс на возрождение большого сербского государства именно на Балканах⁶⁸, без претензий на владения Габсбургов, в то время как А. Чарторыйский рассматривал Сербию как ядро объеди-

⁶¹ См.: *Greble E.* Introduction / Forum: The Habsburg-Ottoman Borderlands: New Insights for the Study of the Nineteenth-Century European Legal and Social Order // *Austrian History Yearbook*. 2020. № 51. P. 15–24.

⁶² *Ekmečić M.* Stvaranje Jugoslavije 1790–1918. Beograd: Prosveta, 1989. T. I. S. 468.

⁶³ *Stehlik P.* Između hrvatsva i jugoslavenstva... S. 47. *Šidak J.* Hrvatski narodni preporod — ideje i problemi // *Studije iz hrvatske povijesti XIX. stoljeća* / ured. J. Šidak. Zagreb: Sveučilište, Institut za hrvatsku povijest, 1973. S. 108.

⁶⁴ *Вучковић В.* Национално-револуционарна акција Србије... С. 6.

⁶⁵ В разделе «О средствах, которыми можно достичь сербскую цель» Хорватия, Славония и Далмация перечислены среди территорий, которые интересуют княжество Сербию, но затем о них нет информации, тогда как остальным названным землям посвящены отдельные, порой даже обширные параграфы. См.: Начертание Илије Гарашанина из 1844. // *Микавица Д., Гавриловић В., Васин Г.* Знаменита документа за историју српског народа: 1538–1918. Нови Сад: Филозофски факултет, 2007. С. 232.

⁶⁶ Образ царя Стефана Душана Сильного (1331–1346 гг.) активно использовался (на)родолюбцами-романтиками еще до «Начертания»: издававшийся в Вене «Забавник» М. Давидовича за 1820 г. вышел с гравюрой «царь Душан» на обложке, в 1835 г. в «Сербском народном листе» было напечатано стихотворение «Глас гроба Душана». См.: Сербский народный листъ. 1835. 7 XII.

⁶⁷ Начертание Илије Гарашанина из 1844. С. 231.

⁶⁸ См.: *Карасев А.В.* Эволюция великосербской внешнеполитической программы в 40–60-х гг. XIX в. // *Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия* / под ред. И.В. Чуркиной, И.С. Достян, А.В. Карасева. М.: Институт славяноведения РАН, 1992. Ч. 2. С. 51–59.

нения в том числе и австрийских южных славян. В результате, несмотря на печатание в Белграде хорватской газеты *Branislav* (хорв. «Бранислав») и функционирование тайного общества панславистов и югославистов под председательством авантюриста дубровчанина М. Бана, которому симпатизировали сербский князь и И. Гарашанин, проекты Л. Гая так и не получили горячего отклика, а три его поездки в Сербское княжество в 1846 и 1847 гг. не увенчались каким-либо политическим успехом⁶⁹.

Одной из причин такого отношения могло быть и то, что Л. Гай даже не скрывал от Ф. Заха, что совершает поездки по поручению австрийских властей и пишет для них отчеты; это бросало на него подозрения в том, что он австрийский агент⁷⁰. В целом, по проекту Л. Гая, предполагалось использовать граничар в чисто военных целях как собственную армию. Подобное отношение к Военной границе как поставщику солдат было характерно для австрийских властей начиная с самого момента ее образования в XVI в., такой же взгляд был присущ сербским повстанцам и правителям молодого Сербского княжества, заинтересованным в переходе в Сербию подготовленных военных кадров.

Подводя итог, можно заключить, что в рассматриваемый период Военная граница, с одной стороны, стала ареной распространения хорватской (в виде иллиризма) и сербской национальной пропаганды, с другой, несмотря на то что наметились конфликтные зоны двух движений как в территориальном, так и в языковом и культурном плане, из-за сохранения областью милитаризованного статуса противостояние между ними не приобрело еще той остроты, которая будет характерна для него позже.

Литература

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
- Белов М.В.* У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII — середина 30-х гг. XIX века). СПб.: Алетейя, 2007.
- Вучковић В.* Национално-револуционарна акција Србије у Војној граници // Зборник Матице српске. Серија друштвених наука. 1954. Св. 9. С. 5–25.
- Гавриловић С.* Срби у Хабсбуршкој монархији (1792–1849). Нови Сад: Матица српска, 1994.
- Грачев В.П.* Сербь и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М.: Институт славяноведения РАН, 2003.
- Делић Н.* Српско православно становништво Далмације и Војне крајине (1828–1848) — број, наталитет, морталитет, нупцијалитет, природни и механички прираштај // Српске студије. 2014. Књ. 5. С. 55–77.

⁶⁹ *Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина... С. 125.

⁷⁰ Там же.

- Дронов А.М.* От иллиризма к хорватизму в Австрийской империи первой половины XIX века // Славяноведение. 2018. № 1. С. 55–69.
- Дронов А.М.* Отношение австрийских сербов к иллиризму на рубеже 1830–1840-х гг. (по материалам газеты «Сербский народный лист») // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 21–22 мая 2019 г. / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 73–78.
- Карасев А.В.* Сербское княжество во время правления Милоша Обреновича и режима уставобранителей (1815–1856 гг.) // История Балкан: Век девятнадцатый (до Крымской войны) / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: URSS, 2012. С. 372–392.
- Карасев А.В.* Эволюция великосербской внешнеполитической программы в 40–60-х гг. XIX в. // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия / под ред. И.В. Чуркиной, И.С. Достян, А.В. Карасева. М.: Институт славяноведения РАН, 1992. Ч. 2. С. 51–59.
- Караџић В.С.* Историјски списи. Београд: Просвета, 1969. Књ. 1 (Сабрана дела; књ. 15).
- Костяшов Ю.В.* Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград: Издательство КГУ, 1997.
- Крестић В.* Срби у Угарској: 1790–1918. Нови Сад: Матица српска, 2013.
- Лециловская И.И.* Иллиризм. К истории Хорватского национального Возрождения. М.: Наука, 1968.
- Микавица Д.* Српско питање на Угарском сабору: 1690–1918. Нови Сад: Filozofski fakultet Novi Sad, 2011.
- Милисавиц Ж.* Историја Матице Српске. Нови Сад: Матица српска, 1986. Д. 1: Време националног буђења културног препорода. 1826–1864.
- Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М.: Индрик, 2015.
- Соколовский С.В.* Онто-логики национального: культурная сложность национальных сообществ и проблемы ее категоризации // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М.: РОССПЭН, 2016. С. 35–56.
- Фрейдзон В.И.* История Хорватии: краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). М.: Алетейя, 2001.
- Фрейдзон В.И.* Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. — начала XX в. Дубна: Феникс, 1999.
- Чиркович С.* История сербов. М.: Весь Мир, 2009.
- Beschnitt W.D.* Nationalismus bei Serben und Kroaten 1830–1914. Analyse und Typologie der nationalen Ideologie. München: R. Oldenbourg, 1980.
- Bićanić R.* Počeci kapitalizma u hrvatskoj ekonomici i politici. Zagreb: Školska knjiga, 1952.
- Blažević Z.* Ilirizam prije ilirizma. Zagreb: Golden marketing — Tehnička knjiga, 2008.
- Ekmečić M.* Stvaranje Jugoslavije 1790–1918. Beograd: Prosveta, 1989. Т. 1.
- Greble E.* Introduction / Forum: The Habsburg-Ottoman Borderlands: New Insights for the Study of the Nineteenth-Century European Legal and Social Order // Austrian History Yearbook. 2020. № 51. P. 15–24.

- Hrvatski narodni preporod 1790–1848: Hrvatska u vrijeme Ilirskog pokreta / ured. N. Stančić. Zagreb: Povijesni muzej Hrvatske; Muzej za umjetnost i obrt; Muzej grada Zagreba; Globus, 1985.
- Povijest Hrvata. Zagreb: Školska knjiga, 2005. 2 Knj.: Od kraja 15. stoleća do kraja Prvog svetskog rata / ured. M. Valentić, L. Čoralić.
- Ravlić J. Ilirska čitaonica u Zagrebu // Historijski zbornik. 1963. 16. S. 159–215.
- Roksandić D. Vojna Hrvatska = La Croatie Militaire. Zagreb: Školska knjiga; Stvarnost, 1988.
- Rothenberg G. The Military Border in Croatia 1740–1881. A study of an Imperial Institution. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1966.
- Schwicker J.H. Politische Geschichte der Serben in Ungarn. Budapest: L. Aigner, 1880.
- Šidak J. Hrvatski narodni preporod — ideje i problemi // Studije iz hrvatske povijesti XIX. stoljeća / ured. J. Šidak. Zagreb: Sveučilište, Institut za hrvatsku povijest, 1973. S. 95–111.
- Stehlik P. Između hrvatstva i jugoslavenstva: Bosna u hrvatskim nacionalno-integracijskim ideologijama 1832–1878. Zagreb: Srednja Europa, 2015.

References

- Anderson, B., 2016. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole.
- Belov, M.V., 2007. *U istokov serbskoi natsional'noi ideologii: Mekhanizmy formirovaniia i spetsifika razvitiia (konets XVIII — seredina 30-kh gg. XIX veka)* [At the origins of the Serb national ideology: Mechanisms of formation and specificity of development (the end of the eighteenth — mid-1830s)]. Saint Petersburg: Aleteiia.
- Beschmitt, W.D., 1980. *Nationalismus bei Serben und Kroaten 1830–1914. Analyse und Typologie der nationalen Ideologie*. Munich: R. Oldenbourg Verlag.
- Bićanić, R., 1952. *Počeci kapitalizma u hrvatskoj ekonomici i politici*. Zagreb: Školska knjiga.
- Blažević, Z., 2008. *Ilirizam prije ilirizma*. Zagreb: Golden marketing — Tehnička knjiga.
- Chirkovich, S., 2009. *Istoriia serbov* [The history of Serbs]. Moscow: Ves' Mir.
- Delić, N., 2014. Srpsko pravoslavno stanovništvo Dalmacije i Vojne krajine (1828–1848) — broj, natalitet, mortalitet, nupcijalitet, prirodni i mehanički priraštaj [The Serbian Orthodox population of Dalmatia and the Military border (1828–1848) — population size, natality, mortality, nuptiality, natural and mechanical growth]. *Srpske studije*, book 5, pp. 55–77.
- Dronov, A.M., 2018. Ot illirizma k khorvatizmu v Avstrijskoj imperii pervoi poloviny XIX veka [From Illyrism to Croatism in the Austrian Empire of the first half of the nineteenth century]. *Slavianovedenie*, 1, pp. 55–69.
- Dronov, A.M., 2019. *Otnoshenie avstriiskikh serbov k illirizmu na rubezhe 1830–1840-kh gg. (po materialam gazety “Serbskii narodnyi list”)* [The attitude of the Austrian Serbs to Illyrism at the turn of the 1830s–1840s (according to the newspaper “Serbskii narodnyi list”)]. In: Uzeneva, E.S., Khavanova, O.V., eds,

2019. *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Tezisy konferentsii molodykh uchenykh v ramkakh Dnei slavianskoi pis'mennosti i kul'tury. 21–22 maia 2019 g.* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 73–78.
- Ekmečić, M., 1989. *Stvaranje Jugoslavije 1790–1918* [The creation of Yugoslavia 1790–1918]. Belgrade: Prosveta. Vol. I.
- Freidzon, V.I., 1999. *Natsiia do natsional'nogo gosudarstva. Istoriko-sotsiologicheskii ocherk Tsentral'noi Evropy XVIII v. — nachala XX v.* [Nation before national state. Historical and sociological essay of Central Europe in the eighteenth — early twentieth centuries]. Dubna: Feniks.
- Freidzon, V.I., 2001. *Istoriiia Khorvatii: kratkii ocherk s drevneishikh vremen do obrazovaniia respubliki (1991 g.)* [The history of Croatia: a brief essay from ancient times to the formation of the republic (1991)]. Moscow: Aleteiia.
- Gavrilović, S., 1994. *Srbi u Habsburškoj monarhiji (1792–1849)* [Serbs in the Habsburg monarchy]. Novi Sad: Matica srpska.
- Grachev, V.P., 2003. *Serby i chernogortsy v bor'be za natsional'niu nezavisimost' i Rossiia (1805–1807 gg.)* [Serbs and Montenegrins in the struggle for national independence and Russia (1805–1807)]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Grebler, E., 2020. Introduction / Forum: The Habsburg-Ottoman Borderlands: New Insights for the Study of the Nineteenth-Century European Legal and Social Order. *Austrian History Yearbook*, 51, pp. 15–24.
- Karadžić, V.S., 1969. *Istorijiski spisi* [The historical notes]. Belgrade: Prosveta. Book I in Sabrana dela. Book XV.
- Karasev, A.V., 1992. *Evolutsiia velikoserbskoi vneshnepoliticheskoi programmy v 40–60-kh gg. XIX v.* [The evolution of “great Serbian” programme from the 1840s to 1860s]. In: Churkina, I.V., Dostian, I.S., Karasev, A.V., eds, 1992. *Natsional'noe vozrozhdenie balkanskikh narodov v pervoi polovine XIX veka i Rossiia* [National revival of the Balkan peoples in the first half of the XIX century and Russia]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, part II, pp. 51–59.
- Karasev, A.V., 2012. *Serbskoe kniazhestvo vo vremia pravleniia Milosha Obrenovicha i rezhima ustavobranitelei (1815–1856 gg.)* [Serbian Principality during the reign of Miloš Obrenović and the regime of The Defenders of the Constitution (1815–1856)]. In: Vinogradov, V.N., ed., 2012. *Istoriiia Balkan: Vek deviatnadsatyi (do Krymskoi voiny)* [History of the Balkans: the Nineteenth century (before the Crimean war)]. Moscow: URSS, pp. 372–392.
- Kostiashov, Iu.V., 1997. *Serby v Avstriiskoi monarkhii v XVIII veke* [Serbs of the Austrian monarchy in the eighteenth century]. Kaliningrad: Izdatel'stvo KGU.
- Krestić, V., 2013. *Srbi u Ugarskoj: 1790–1918*. [The Serbs in Hungary: 1790–1918]. Novi Sad: Matica srpska.
- Leshchilovskaia, I.I., 1968. *Illirizm. K istorii Khorvatskogo natsionalnogo Vozrozhdeniia* [Illyrism. To the history of the Croatian national Revival]. Moscow: Nauka.
- Mikavica, D., 2011. *Srpsko pitanje na Ugarskom saboru: 1690–1918* [The Serbian question in the Hungarian Parliament: 1690–1918]. Novi Sad: Filozofski fakultet Novi Sad.
- Milisavac, Ž., 1986. *Istorija Matice Srpske* [The history of Matica srpska]. Novi Sad: Matica srpska. *P. 1: Vreme nacionalnog buđenja kulturnog preporoda. 1826–1864* [The period of national awakening and cultural revival. 1826–1864].

- Nikiforov, K.V., 2015. "Nachertanie" Ilii Garashanina i vnesniaia politika Serbii v 1842–1853 gg. [Ilija Garashanin's "Nachertanije" and the foreign policy of Serbia in 1842–1853]. Moscow: Indrik.
- Ravlić, J., 1963. Ilirska čitaonica u Zagrebu. *Historijski zbornik*, XVI, pp. 159–215.
- Roksandić, D., 1988. *Vojna Hrvatska = La Croatie Militaire*. Zagreb: Školska knjiga; Stvarnost.
- Rothenberg, G., 1966. *The Military Border in Croatia 1740–1881. A study of an Imperial Institution*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Schwicker, J.H., 1880. *Politische Geschichte der Serben in Ungarn*. Budapest: L. Aigner.
- Šidak, J., 1973. Hrvatski narodni preporod — ideje i problemi. In: Šidak, J., ed., 1973. *Studije iz hrvatske povijesti XIX. stoljeća*. Zagreb: Sveučilište, Institut za hrvatsku povijest, pp. 95–111.
- Sokolovskii, S.V., 2016. Onto-logiki natsional'nogo: kul'turnaia slozhnost' natsional'nykh soobshchestv i problemy ee kategorizatsii [Onto-logics of national: cultural complexity of national communities and problems of its categorization]. In: Tishkov, V.A., Filippova, E.I., eds, 2016. *Kul'turnaia slozhnost' sovremennykh natsii*. Moscow: ROSSPEN, pp. 35–56.
- Stančić, N., ed., 1985. *Hrvatski narodni preporod 1790–1848: Hrvatska u vrijeme Ilirskog pokreta*. Zagreb: Povijesni muzej Hrvatske; Muzej za umjetnost i obrt; Muzej grada Zagreba; Globus.
- Stehlík, P., 2015. *Između hrvatstva i jugoslavenstva: Bosna u hrvatskim nacionalno-integracijskim ideologijama 1832–1878*. Zagreb: Srednja Europa.
- Valentić, M., Čoralić, L., eds, 2005. *Povijest Hrvata*. Zagreb: Školska knjiga. 2 Knj.: *Od kraja 15. stoljeća do kraja Prvog svetskog rata* [The history of the Croats. 2nd Book: from the end of the 15th century to the end of the first world war].
- Vučković, V., 1954. Nacionalno-revolucionarna akcija Srbije u Vojnoj granici [The national-revolutionary action of Serbia on the Military border]. *Zbornik Matice srpske. Serija društvenih nauka*, wb. 9, pp. 5–25.

НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ СОЮЗНИК. СПОРЫ ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ ЮГОСЛАВЯН В ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЛИТИКЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Джордано Мерликко —

Ph.D., преподаватель,
Чжуннаньский университет
экономики и права;
научный сотрудник,
Институт политических исследований
имени Св. Пия V
Почтовый адрес: Пьяцца Навона, 93,
Рим, 00186, Италия
Электронный адрес: g.merlicco@yahoo.com

Аннотация

Вступая в Первую мировую войну, Италия рассчитывала добиться гегемонии в Адриатическом море. Однако с 1917 г. ряд событий серьезно изменил политическую обстановку, заставив Италию пересмотреть военные цели. В статье описываются дебаты в итальянских политических кругах в связи с возникновением югославского юнионизма. Некоторые группы итальянских политических и государственных деятелей предлагали заключить двустороннее соглашение с Сербией и Югославянским комитетом и вели прямые переговоры с целью выработки компромиссного решения по Адриатике. Министр иностранных дел Соннино, напротив, продолжал считать Лондонский договор 1915 г. единственным документом, определяющим позицию Италии в войне, и отказывался от любых предложений о заключении двусторонних договоров. Неспособность Италии пересмотреть дипломатическую стратегию в итоге привела к усилению изоляции Рима, особенно после того, как Франция и Англия поддержали требования югославян.

Ключевые слова

Первая мировая война, Италия, Адриатическое море, Сербия, Югославия, Антанта, дипломатия

Статья поступила в редакцию 21 июля 2020 г.

Цитирование: *Мерликко Дж.* Нежелательный союзник. Споры об объединении югославян в итальянской политике во время Первой мировой войны // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 25–36.

UNWANTED ALLY. ITALIAN POLITICAL DEBATE ON YUGOSLAV UNITY DURING WWI

Giordano Merlicco,

Ph.D., Lecturer,
Zhongnan University
of Economics and Law;
Researcher,
Rome San Pio V Institute
for Political Studies
Postal address: Piazza Navona, 93,
Rome, 00186 Italy
E-mail: g.merlicco@yahoo.com

Abstract

Upon entering WWI, Italy expected to gain hegemony over the Adriatic Sea. After 1917, however, several events had seriously altered the political context, urging a reappraisal of Italy's war aims. This article describes the debates among Italian political sectors on the emergence of Yugoslav unionism. Several Italian politicians had proposed a bilateral deal with Serbia and the Yugoslav Committee and engaging in direct talks to pave the way for a compromise solution over the Adriatic. Minister of Foreign Affairs Sonnino instead retained the 1915 Treaty of London as the only basis for Italy's war, rejecting bilateral deals. The lack of reappraisal in Italy's diplomatic strategy finally exposed Rome to growing isolation, especially when France and England began to support Yugoslav claims.

Keywords

WWI, Italy, Adriatic Sea, Serbia, Yugoslavia, Entente, Diplomacy

Received 21 July 2020.

How to cite: Merlicco, G., 2020. Nezhelatel'nyi soiuznik. Spory ob ob'edinenii iugoslavianskoi v ital'ianskoi politike vo vremia Pervoi mirovoi voiny [Unwanted Ally. Italian Political Debate on Yugoslav Unity during WWI]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 25–36.

После начала Первой мировой войны среди правящей элиты Италии распространилось убеждение, что Риму следует вступить в нее, только если это позволит добиться «полного военного превосходства» в Адриатике¹. В этом контексте важно отметить, что, хотя явным противником

¹ *Salandra A. L'intervento: 1915, ricordi e pensieri. Milano: Mondadori, 1930. P. 169; Documenti Diplomatici Italiani / Quinta serie. Istituto poligrafico e Zecca dello Stato. Roma: Libreria dello Stato, 1954–1986 (далее — DDI). Vol. 1. Doc. 703. Телеграмма министра иностранных дел Италии А. Патерно-Кастелло, маркиза Сан-Джулиано — послу в Лондоне Г. Имперали, 16 IX 1914; Doc. 581. Отчет генерального секретаря Министерства иностранных дел Италии Дж. де Мартино — А. Сан-Джулиано, 4 IX 1914; Дж. де Мартино — премьер-министру А. Саландра, 31 X 1914; Sonnino S. Carteggio, 1914–1916. Roma; Bari: Laterza, 1974. P. 62; Monzali L. La politica estera di Sidney Sonnino*

Италии была Вена, до некоторой степени ее настоящим врагом являлась Сербия и позже Югославия. Многие итальянские политические деятели прямо заявляли, что славяне, молодой народ, «сильнее и агрессивнее» пришедшей в упадок Австрии². Министр иностранных дел Сидней Соннино прямо заявил послу Сербии, что он стремится к «абсолютному военно-морскому превосходству в Адриатике», а это подразумевало завоевание ряда территорий с преимущественно славянским населением. Следовательно, компромисс с Белградом был недостижим³.

Англия, Франция и Россия поддержали претензии Италии и в рамках Лондонского договора (1915 г.) признали ее власть над Триестом, Истрией, частью Далмации и стратегически важным албанским городом Валоной⁴. Договор усилил напряженность между сербами и Римом, и министр внутренних дел Люба Йованович заявил итальянскому дипломатическому представителю в Нише, что из-за притязаний Италии на славянские территории «военное сотрудничество или любое выражение солидарности более невозможны»⁵. Сербия опасалась, что ее военные действия против Австро-Венгрии могут способствовать итальянской экспансии на славянских территориях. Поэтому сербское командование обратило внимание на Албанию, чтобы обеспечить стране выход к морю⁶. В то же время Вене удалось убедить своих югославянских солдат, что они сражаются ради защиты собственных земель от итальянского империализма, а не только за династию Габсбургов⁷.

e i fini di guerra dell'Italia (1915–1917). Alcune riflessioni // La guerra di Cadorna 1915–1917: atti del Convegno Trieste–Gorizia 2–4 Novembre 2016 / eds. P. Neglie, A. Ungari. Roma: USSME, 2018. P. 315–325.

² Письмо министра колоний Ф. Мартини — М. Бартоломмеи, 23 IX 1914: *Martini F. Lettere*, 1860–1928. Milano: Mondadori, 1934. P. 496. «Настоящая борьба идет между нами и югославами», — признавал Адриано Колоччи, член итальянского парламента и сотрудник Министерства иностранных дел. См.: Письмо А. Колоччи министру иностранных дел С. Соннино, 30 VIII 1918 (*Sonnino S. Carteggio*, 1916–1922. Roma; Bari: Laterza, 1975. P. 475–477). См. также: *Colocci A. Prima l'Adriatico!* Firenze: Gonnelli, 1915. Противоположная точка зрения представлена в: *Salvemini G. Dal patto di Londra alla pace di Roma: documenti della politica che non fu fatta*. Torino: Gobetti, 1925. P. LI–LII.

³ *Sonnino S. Diario*. Bari: Laterza, 1972. Vol. 2. 1914–1922. P. 114, 118–119, 121–123.

⁴ *Monzali L. Una difficile scelta. Il patto di Londra e la politica estera italiana 1914–1915* // *Acta Histriae*. 25. 2017. № 4. P. 919–938.

⁵ DDI. Vol. 4. Doc. 617. Телеграмма итальянского резидента в Нише Н. Скитти — С. Соннино. 18 VIII 1915. См. также: *Živojinović D. Serbia and the 1915 Treaty of London* // *Serbia and Italy in the Great War* / ed. V. Pavlović. Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts, 2019. P. 121–136.

⁶ Archivio Storico del Ministero degli Affari Esteri (далее — ASMAE). Archivio politico ordinario e di gabinetto, 1915–1918. Busta 177. Телеграмма С. Соннино послам в Лондоне Г. Империади, в Париже Т. Титтони, в Петрограде А. Карлотти, резидентам в Дурресе К. Алиотти, и в Нише Н. Скитти, 15 VI 1915; *Salvemini G. Dal patto di Londra alla pace di Roma...* P. XLV.

⁷ *Sforza C. L'Italia dal 1914 al 1944 quale io la vidi*. Roma: Mondadori, 1945. P. 49–50; *Sforza C. Jugoslavia: storia e ricordi*. Milano: Rizzoli, 1948. P. 110; *Albertini L. Venti anni di vita politica*. Bologna: Zanichelli, 1952. Parte 2: *L'Italia nella guerra mondiale*. Vol. 2. P. 10.

Карло Сфорца, представитель Италии в Сербии, считал, что лучшим вариантом для Италии будет сохранение раздробленных «сербо-хорватских государств», с тем чтобы «католические остались в Европе, а православные — в Восточном мире»⁸. Соннино соглашался с ним и действовал так с целью предотвратить принятие Антантой и итальянским правительством любой декларации, которая признавала бы югославское объединение. Вместо этого он продвигал планы поддержки сепаратистских настроений, особенно среди хорватов и черногорцев⁹.

АНТИЮГОСЛАВСКИЕ АРГУМЕНТЫ ИТАЛИИ

Чтобы умерить амбиции Сербии в Адриатике, 4 июня 1917 г. Рим провозгласил независимость Албании под протекторатом Италии¹⁰. Затем, 20 июня, Соннино официально включил восстановление королевства Черногория в список целей участия Италии в войне¹¹. Для получения поддержки последней черногорский король Никола даже назначил гражданина Италии Эвгение Поповича премьер-министром своего правительства в изгнании. Никола называл югославизм австрийским проектом и считал, что ему удастся перетянуть Югославянский комитет на сторону Италии¹². Соннино поддержал эту идею и был готов предложить финансовую поддержку его председателю Анте Трумбичу и его соратникам. Итальянский представитель на Корфу, однако, понимал, что объединение с Сербией являлось *raison d'être* Комитета¹³. Это подтвердилось 20 июля, когда глава кабинета и министр иностранных дел Сербии Никола Пашич и Анте Трумбич подписали Корфскую декларацию, предусматривавшую создание единого югославского государства.

Декларация вызвала некоторое недоумение в Риме, поскольку в тексте Италия ни разу не упоминалась¹⁴. Генерал Просперо Марро, командующий

⁸ ASMAE. Archivio politico ordinario e di gabinetto 1915–1918. Busta 177. Донесение итальянского резидента на Корфу К. Сфорца — С. Соннино, 24 X 1916.

⁹ *Sonnino S. Diario*. Vol. 2. P. 193, 203–205, 208–209; *Malagodi O. Conversazioni della guerra 1914–1919*. Milano; Napoli: Ricciardi, 1960. Vol. 2. P. 375–376; *Caccamo F. Il sostegno italiano all'indipendentismo croato // Nuova storia contemporanea*. 2004. № 6. P. 23–56; *Becherelli A. Montenegro Betrayed: The Yugoslav Unification and the Controversial Inter-Allied Occupation // Balkan Studies*. 2016. № 51. P. 69–104.

¹⁰ *Živojinović D. The War aims of Serbia and Italy (1917) // Italy's Balkan Strategies (19th–20th Century) / ed. V. Pavlović*. Belgrade: Institute for Balkan Studies, 2014. P. 142–143; см. также: *Fundić D. The Albanian question in Serbian-Italian relations 1914–1918 // Serbia and Italy in the Great War*. P. 185–199.

¹¹ *Živojinović D. Italija i Crna Gora 1914–1925: studija o izneverenom savezništvu*. Beograd: Službeni List SRJ, 1998. P. 234.

¹² *Ibid.* P. 230, 232–234; DDI. Vol. 8. Doc. 158. Телеграмма посла Италии в Париже К. Романо Авеццана — С. Соннино, 30 V 1917.; Doc. 435. Телеграмма С. Соннино — К. Сфорца, 23 VI 1917.

¹³ DDI. Vol. 8. Doc. 435. Телеграмма С. Соннино — К. Сфорца, 23 VI 1917; Doc. 446, Донесение К. Сфорца — С. Соннино, 23 VI 1917; Doc. 546, 609. Телеграммы К. Сфорца — С. Соннино, 5 VII 1917 и 10 VII 1917.

¹⁴ ASMAE. Archivio politico ordinario e di gabinetto, 1915–1918. Busta 183. Patto di Corfù. Донесение К. Сфорца — С. Соннино, 25 VII 1917; *Ibid.* Отчет адмирала А. Фоскини, 31 VII 1917.

итальянской военной миссией на Корфу, писал, что подписавшие ее стороны «забыли об Италии, как будто можно было забыть о стране, наиболее заинтересованной в решении [Адриатического] вопроса»¹⁵. Сфорца заключил, что Пашич и Трумбич не упомянули Италию, чтобы не раздражать «хорватское и словенское население, которое, как считается, сражается против нас добровольно». Посол утверждал, что югославянам на самом деле необходима внешняя угроза, которая позволит им преодолеть их различия во «взглядах и традициях». Адмирал Антонио Фоскини пришел к выводу, что для Сербии и Комитета югославянские солдаты в армии Габсбургов не сражались за Вену, а скорее «защищали югославское национальное дело»¹⁶.

Итальянские власти запретили публикацию Корфской декларации, но комментарии о ней свободно распространялись в прессе¹⁷. В большинстве из них декларация осуждалась и утверждалось, что по сути она являлась антиитальянской. Большое внимание уделялось проблеме югославян, сражающихся в армии Габсбургов. Трумбич и его соратники были названы «австрофилами», а всё югославское движение — политическим инструментом Австрии. Некоторые авторы предлагали раздельное существование Хорватии и Сербии¹⁸.

Демократические интервенционисты, напротив, хвалили декларацию, поскольку они с самого начала войны подчеркивали общность интересов Италии и сербов / югославов. Газтано Сальвемини жаловался, что итальянская пресса преувеличивала степень лояльности хорватов и словенцев по отношению к Австрии, и указывал на то, что если Вена и смогла убедить солдат-югославян сражаться против Италии, то только из-за необоснованных претензий последней на славянские территории¹⁹.

¹⁵ Archivio dell'Ufficio Storico dello Stato Maggiore dell'Esercito (далее — AUSSME). E-11. Busta 45. Отчеты, переданные высшему командованию, 1917. Заместитель начальника штаба — министру иностранных дел, 2 VIII 1917.

¹⁶ DDI. Vol. 8. Doc. 720. Телеграмма К. Сфорца — С. Соннино, 24 VII 1917; ASMAE. Archivio politico ordinario e di gabinetto, 1915-1918. Busta 183. Patto di Corfù. К. Сфорца — С. Соннино, 25 VII 1917; Ibid. Отчет адмирала Фоскини, 31 VII 1917.

¹⁷ DDI. Vol. 8. Doc. 763. Телеграмма секретаря Министерства иностранных дел Италии А. Банкьери — С. Соннино, 1 VIII 1917; Doc. 765. Телеграмма А. Банкьери — премьер-министру Италии П. Боселли, 1 VIII 1917. О дискуссиях в прессе см.: *Bucarelli M. Mussolini, la questione adriatica e il fallimento dell'interventismo democratico // Nuova rivista storica*. 2011. 95 (1). P. 137-205.

¹⁸ Письмо Л. Альбертини — Дж. Амендола, 8 VIII 1917: *Albertini L. Epistolario, 1911-1926*. Milano: Mondadori, 1968. Vol. 2. La Grande Guerra. P. 742; *Albertini L. Venti anni di vita politica. Part 2. Vol. 2. P. 543; Salvemini G. Dal patto di Londra alla pace di Roma... P. 38-39. О критиках декларации см.: Caburi F. Italiani e Jugoslavi nell'Adriatico*. Milano: Treves, 1917.

¹⁹ *Salvemini G. Dal patto di Londra alla pace di Roma... P. XLIV, 67; Письмо Г. Сальвемини — Л. Альбертини, 6 VIII 1917: Albertini L. Epistolario, 1911-1926. Vol. 2. P. 739-741. О демократическом интервенционизме см.: Leoncini F. Alternativa mazziniana*. Roma: Castelvecchi, 2018.

НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Вскоре после подписания Корфской декларации Пашич заявил, что хочет заключить «честное и справедливое соглашение» с Римом, напомнив, что Вена является для них общим врагом и что югославское единство сообразовывается с принципами итальянского *Risorgimento*. Соннино ответил, что именно декларация закрыла путь к переговорам. Этот документ практически стал «актом саботажа» Италии. Пашич пошел на ряд уступок, показав свою готовность согласиться на контроль Италией над Триестом, Пулой, половиной Истрии, некоторыми островами в Адриатическом море и Валонией. Соннино, впрочем, считал, что территории, указанные в Лондонском договоре, составляют «абсолютный минимум»²⁰.

Итальянский министр по-прежнему придерживался двух основных принципов: сохранения Австро-Венгрии и необходимости гарантировать выполнение Лондонского договора как единственной дипломатической основы участия Италии в войне. До самого конца войны Соннино верил, что Австро-Венгерская монархия сможет пережить военное поражение²¹. Италия была, таким образом, готова смириться с включением в состав территории Сербии Боснии, Герцеговины и части Далмации в соответствии с Лондонским договором, но не с созданием Югославии, которое поставило бы под угрозу и существование Габсбургской империи и планы Италии. Как следствие, в октябре 1917 г. Соннино официально заявил, что у Италии нет стремления «ни к уничтожению вражеских государств, ни к смене существующего в них конституционного порядка»²².

Во взглядах Соннино была внутренняя логика, но политическая конъюнктура радикально менялась, что признавали высокопоставленные чиновники итальянского Министерства иностранных дел²³. США присоединились к Антанте, но Вашингтон не был связан договором 1915 г. Новое правительство России заявило о своем желании общего пересмотра соглашений между союзниками, а вскоре Октябрьская революция вывела Россию из войны, что позволило армии Габсбургов усилить натиск на итальянском фронте. Стремление югославян к объединению также сулило Риму проблемы, поскольку подразумевало распад Австро-Венгрии, вопреки ожиданиям Италии и ее союзников²⁴.

²⁰ *Albertini L.* Venti anni di vita politica. Part 2. Vol. 2. P. 540, 544–545; *Sonnino S.* Diario. Vol. 3. 1916–1922. P. 190–192; *Sforza C.* Jugoslavia: storia e ricordi. P. 113; *Bajin Z.* Nikola Pašić and Italy on the eve of the establishment of the Yugoslav state (1917–1918) // The day worth a century: 1. XII 1918 / eds. R. Cukić, V. Kastratović-Ristić, M. Vasiljević. Belgrade: Museum of Yugoslavia, 2018. P. 38.

²¹ *Malagodi O.* Conversazioni della guerra 1914–1919. Vol. 2. P. 373, 387; *Sforza C.* L'Italia dal 1914 al 1944 quale io la vidi. P. 50.

²² I discorsi parlamentari di Sidney Sonnino / ed. P.L. Ballini. Firenze: Polistampa, 2015. P. 182.

²³ DDI. Vol. 8. Doc. 711. Отчет Дж. де Мартино, 22 VII 1917.

²⁴ *Tamborra A.* L'idea di nazionalità e la guerra: 1914–1918. Roma: Istituto per la storia del Risorgimento italiano, 1963. P. 88. См. также заявление министра по делам колоний Фердинандо Мартини: *Ojetti U.* I taccuini: 1914–1943. Firenze: Sansoni, 1954. P. 79.

В 1915 г. итальянское правительство определяло свои цели в войне, исходя из того, что предстоит завоевать территории враждебной империи. Корфская декларация, напротив, превратила Адриатический вопрос во внутреннее дело Антанты. Сербь и югославы претендовали на территории, руководствуясь национальным принципом, который в 1917 г. занял центральное место в политическом дискурсе Антанты²⁵. Более того, лидеры Франции и Британии всё более склонялись к тому, что любой вариант послевоенного урегулирования должен включать меры по сдерживанию Германии. В этом отношении создание Югославии было действительно полезным геополитическим действием²⁶. Затем, в ноябре 1917 г., поражение при Капоретто нанесло удар по престижу Италии в глазах союзников, а в начале 1918 г. президент США Вудро Вильсон опубликовал свои «четырнадцать пунктов», к чрезвычайному неудовольствию Соннино²⁷.

По словам министра без портфеля Леониды Биссолати, Соннино продолжал жить в первой фазе мировой войны, отказываясь принимать во внимание дальнейшее развитие ситуации²⁸. Демократические интервенционисты с самого начала войны считали, что Рим отказывается от своей многолетней приверженности национальному принципу, следование которому между тем могло бы способствовать национальному подъему народов Габсбургской империи²⁹. В 1917 г. этих позиций придерживались умеренные либералы, такие как Андреа Торре, Джованни Амендола и Луиджи Альбертини, директор влиятельного издания *Corriere della Sera* (итал. «Вечерний вестник»). Они считали, что консерватизм Соннино заводит Италию в тупик.

Вскоре после подписания Корфской декларации *Corriere della Sera* начала активную кампанию за изменение итальянской политики. Альбертини утверждал, что югославское движение являлось лучшим средством разрушения Австро-Венгерской монархии изнутри, а у Рима была уникальная возможность стать стратегическим партнером Сербии³⁰. Сторонники итальянско-югославского компромисса склонялись к признанию права Югославии на владение Далмацией в обмен на право Италии владеть Истрией

²⁵ DDI. Vol. 7. Doc. 283. Донесение посла Италии в Вашингтоне В. Макки ди Челере — С. Соннино, 12 II 1917; Письмо С. Соннино — К. Сфорца, 28 XII 1917: *Sonnino S. Carteggio*, 1916–1922. P. 355–356.

²⁶ DDI. Vol. 6. Doc. 606. Донесение К. Сфорца — С. Соннино, 24 X 1916.

²⁷ *Sonnino S. Diario*. Vol. 3. P. 251–252.

²⁸ *Malagodi O. Conversazioni della guerra 1914–1919*. Vol. 2. P. 369.

²⁹ См., например: *Ghisleri A. Per l'intesa italo-jugoslava: Scritti della vigilia*. Lugano: Istituto librario italiano, 1918; *Italia e Jugoslavia / Un gruppo di scrittori italiani e jugoslavi*. Firenze: Libreria della Voce, 1918.

³⁰ Для многих сторонников итальянско-югославского соглашения это был лишь вопрос удобства. Биссолати, например, не питал симпатий к югославянам и даже признавался, что славяне в целом вызывают у него «отвращение»: *Malagodi O. Conversazioni della guerra 1914–1919*. Vol. 2. P. 461; Vol. 1. P. 143.

и, возможно, Фиуме / Риекой³¹. Некоторые дипломаты разделяли эти взгляды. Посол в Лондоне Гульельмо Имперали считал, что Италия должна «немедленно достичь <...> соглашения с сербами и югославами»³². Соннино, однако, оставался непреклонным, защищая каждый пункт Лондонского договора³³.

НЕФОРМАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

С 1917 г. международная обстановка давала Риму уникальную возможность улучшить отношения с Сербией. Тем не менее ряд факторов помешал Италии пересмотреть свою стратегию, в первую очередь неуступчивость правительства в вопросах международных отношений. Министр Биссолати жаловался, что Соннино считает Лондонский договор «долговой распиской», на выполнение обязательств по которой не могут повлиять какие бы то ни было события³⁴. Сфорца утверждал, что Соннино оставался «в рамках условий Лондонского договора, как в осажденной крепости»³⁵. Соперники и союзники нередко считали министра иностранных дел упрямым, а его критики заходили и дальше, называя его «дураком» и «одержимым»³⁶.

Сторонники другой политики вынуждены были обратиться к параллельной дипломатии, вступив в переговоры с Югославянским комитетом. В декабре 1917 г. итальянский военный атташе в Лондоне генерал Армандо Мола и влиятельный журналист Гульельмо Эмануэл встретились с Трумбичем. В совместном заявлении, опубликованном после этой встречи, превозносился национальный принцип, но было добавлено, что для установления стабильных границ необходимо рассмотреть ряд исключений в пользу Италии. В ходе переговоров стороны также оценили возможность передачи Триеста и половины Истрии Италии, а Далмации — Югославии³⁷.

³¹ *Malagodi O. Conversazioni della guerra 1914-1919. Vol. 2. P. 378.*

³² DDI. Vol. 10. Doc. 75. Донесение посла Италии в Лондоне Г. Имперали — С. Соннино, 11 I 1918.

³³ Письмо С. Соннино — К. Сфорца, 31 I 1918: *Sonnino S. Carteggio, 1916-1922. P. 387-389; Sonnino S. Diario. Vol. 3. P. 237-238.*

³⁴ *Malagodi O. Conversazioni della guerra 1914-1919. Vol. 2. P. 377, 527; Письмо Г. Эмануэла — Л. Альбертини, 16 I 1918: Albertini L. Epistolario, 1911-1926. Vol. 2. P. 854-859.*

³⁵ *Sforza C. Pachitch et l'union des yougoslaves. Paris: Gallimard, 1938. P. 169.*

³⁶ *Martini F. Diario: 1914-1918. Milano: Mondadori, 1966. P. 1206. Ср. мнения Витторио Орландо, Антонио Саландра и Сальваторе Барзилай, представленные в: Malagodi O. Conversazioni della guerra 1914-1919. Vol. 2. P. 251, 383, 565-566, 517-518, 544.*

³⁷ Письмо редактора иностранного отдела газеты «Таймс» Г. Стида — С. Соннино, 29 I 1918: *Sonnino S. Carteggio, 1916-1922. P. 383-387; Письмо Г. Эмануэла — Л. Альбертини, 16 I 1918: Albertini L. Epistolario, 1911-1926. Vol. 2. P. 864-870, 1054-1061. Уже в 1915 г. дипломат Карло Галли считал такое решение приемлемым для обеих сторон и рассчитывал, что Трумбич в итоге с ним согласится: *Galli C. Diarii e lettere: Tripoli 1911 — Trieste 1918. Roma; Firenze: Leonardo-Sansoni, 1951. P. 252.**

Другие компромиссные предложения соответствовали этому формату. Трумбич проявил несговорчивость в вопросе Фиуме / Риеки, но при некоторых условиях, казалось, соглашался с его аннексией Италией. Важнейшим вопросом была судьба Далмации. Сторонники компромиссного решения обращали внимание, что подавляющее большинство населения этой области — славяне, напоминая, что даже боровшийся за объединение Италии Джузеппе Мадзини считал Истрию ее национальной и географической границей. Сальвемини заметил, что именно претензии на Далмацию придавали участию Италии в войне империалистический характер. В свою очередь, в соответствии с компромиссными предложениями регион передавался Югославии, но при условии предоставления гарантий итальянцам, живущим в Далмации, в то время как Лондонский договор, составителей которого волновали исключительно территориальные вопросы, таких гарантий не предусматривал³⁸.

Эта параллельная дипломатия в итоге привела к созыву Съезда угнетенных народов, прошедшего в Риме в апреле 1918 г. Делегаты подчеркивали общность своей борьбы против Габсбургской империи, в то время как итальянские и югославские представители заявили о своем стремлении к установлению взаимоприемлемой границы³⁹. Определенную поддержку предложил Съезду премьер-министр Италии Витторио Орландо, заявив, что договор 1915 г. «устарел». Тем не менее он воздержался от выражения полного одобрения новой политики, поскольку это вызвало бы конфронтацию с Соннино, который всё еще пользовался значительной поддержкой во многих влиятельных политических кругах, включая франкмасонов, националистов и некоторые группы католиков⁴⁰.

Слабое место политики Соннино стало очевидным во время мирных переговоров, когда Франция и Великобритания отказались выполнить обещания, данные в 1915 г., оставив Рим в губительной изоляции. Отсутствие предварительных договоренностей с сербами / югославами оказалось оружием в руках противников Италии. Планы Лондона и Парижа имели в за-

³⁸ *Albertini L.* Venti anni di vita politica. Part II. Vol. III. P. 365; *Salvemini G.* Dal patto di Londra alla pace di Roma... P. 192-193; ср. также: Письмо Г. Эмануэла — Л. Альбертини, 16 I 1918 // *Albertini L.* Epistolario, 1911-1926. Vol. II. P. 854-858. Возможность предъявления претензий на Далмацию всегда вызывала споры в Италии. См., например: DDI. Vol. I. Doc. 834. Телеграмма итальянского посла в Париже Т. Титтони — министру иностранных дел А. Сан-Джулиано, 28 IX 1914; *Salvemini G.* La Dalmazia, 9 XI 1914 // *Idem.* Come siamo andati in Libia e altri scritti dal 1900 al 1915. Milano: Feltrinelli, 1963. P. 370-373. Даже в рядах армии на этот вопрос существовали разные точки зрения: *Malagodi O.* Conversazioni della guerra 1914-1919. Vol. II. P. 501-505.

³⁹ *Amendola G., Borgese G., Ojetti U., Torre A.* Il Patto di Roma. Roma: La Voce, 1919.

⁴⁰ *Malagodi O.* Conversazioni della guerra 1914-1919. Vol. II. P. 274, 540, 751; *Valiani L.* La dissoluzione dell'Austria-Ungheria. Milano: Il Saggiatore, 1985. P. 426, 430-431; *Malagodi O.* Conversazioni della guerra 1914-1919. Vol. II. P. 371-372, 540; Письмо представителя межправительственной комиссии по печати и пропаганде У. Ойетти — Л. Альбертини, 14 VII 1918 // *Albertini L.* Epistolario, 1911-1926. Vol. II. P. 950-951.

метно бóльшей степени империалистический характер. Однако именно из-за своих притязаний в Адриатике Италия подверглась обвинениям в империализме со стороны прессы и дипломатических кругов стран Антанты.

В Италии сторонники компромисса с Сербией / Югославией взбунтовались против вопиющей политики двойных стандартов, которой придерживались французские и британские лидеры⁴¹. Равным образом они обвиняли президента Вильсона, которого ранее считали разделяющим их тезис о «демократической войне» и «справедливом мире». Хотя Вильсон громко заявлял о своей приверженности принципу права на самоопределение и об отказе от империалистической политики, он добился признания Латинской Америки сферой влияния Вашингтона благодаря включению доктрины Джеймса Монро в Устав Лиги Наций. Он также не допустил принятия предложения о равноправии рас, создававшего проблемы и для внешней, и для внутренней политики США⁴². Для итальянских демократических интервенционистов это был и нравственный, и политический вопрос. Из-за позиции союзников сложно было убедить итальянскую общественность в необходимости отказаться от националистических устремлений в пользу принятия компромиссного решения по Адриатике⁴³.

Опасаясь главным образом сербских / югославских лидеров, итальянское правительство, кажется, доверяло участникам договора 1915 г. больше, чем они того на самом деле заслуживали. Если в 1915 г. Лондон и Париж были готовы пойти на уступки, чтобы натравить Италию на Австрию, то к концу войны они стремились не допустить территориального расширения Италии, которая могла бы стать для них серьезным конкурентом на международной арене⁴⁴. Орландо отмечал, что Франция и Великобритания были одновременно «коварны и жестоки» в ходе переговоров. Они поощряли югославские амбиции еще и для того, чтобы «загипнотизированный» адриатическим вопросом Рим дал полную свободу Лондону и Парижу самостоятельно решать другие значимые вопросы, такие как судьба немецких колоний и финансовые проблемы⁴⁵.

Перевод с английского Г.В. Александрова и А.К. Александровой

⁴¹ *Malagodi O. Conversazioni della guerra 1914-1919. Vol. 2. P. 463; Salvemini G. Dal patto di Londra alla pace di Roma... P. 172-173.*

⁴² *Shimazu N. Japan, Race and Equality: The Racial Equality Proposal of 1919. London: Routledge, 1998; Lauren P. Power and Prejudice: The Politics and Diplomacy of Racial Discrimination. New York: Routledge, 2018.*

⁴³ *Salvemini G. Dal patto di Londra alla pace di Roma... P. 272-274; Bucarelli M. Mussolini, la questione adriatica e il fallimento dell'interventismo democratico. P. 191-196.*

⁴⁴ Уже в 1915 г. британский историк и публицист Роберт Сетон-Уотсон заявил, что расширявшая свои территории Италия представляет угрозу британским и французским интересам в Средиземноморье: *Seton-Watson R.W. R.W. Seton-Watson and the Yugoslavs: correspondence 1906-1941. London; Zagreb: British Academy; Sveučilište u Zagrebu, 1976. Vol. 1. Doc. 109, 131. Ср. см. действия британского офицера по разжиганию итальянско-югославского соперничества: Письмо У. Ойетти — Л. Альбертини, 08 VII 1918 (Albertini L. Epistolario, 1911-1926. Vol. 2. P. 948-949).*

⁴⁵ *Malagodi O. Conversazioni della guerra 1914-1919. Vol. 2. P. 473, 651.*

Литература

- Becherelli A.* Montenegro Betrayed: The Yugoslav Unification and the Controversial Inter-Allied Occupation // *Balkan Studies*. 2016. № 51. P. 69–104.
- Bucarelli M.* Mussolini, la questione adriatica e il fallimento dell'interventismo democratico // *Nuova rivista storica*. 2011. 95 (1). P. 137–205.
- Caccamo F.* Il sostegno italiano all'indipendentismo croato // *Nuova storia contemporanea*. 2004. № 6. P. 23–56.
- Italy's Balkan Strategies (19th–20th Century) / ed.: V. Pavlović. Belgrade: Institute for Balkan Studies, 2014.
- La guerra di Cadorna 1915–1917: atti del Convegno Trieste–Gorizia 2–4 Novembre 2016 / eds.: P. Neglie, A. Ungari. Roma: USSME, 2018.
- Lauren P.* Power and Prejudice: The Politics and Diplomacy of Racial Discrimination. New York: Routledge, 2018.
- Leoncini F.* Alternativa mazziniana. Roma: Castelvechi, 2018.
- Monzali L.* Una difficile scelta. Il patto di Londra e la politica estera italiana 1914–1915 // *Acta Histriae*. 25. 2017. № 4. P. 919–938.
- Serbia and Italy in the Great War / ed.: V. Pavlović. Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts, 2019.
- Shimazu N.* Japan, Race and Equality: The Racial Equality Proposal of 1919. London: Routledge, 1998.
- Tamborra A.* L'idea di nazionalità e la guerra: 1914–1918. Roma: Istituto per la storia del Risorgimento italiano, 1963.
- The day worth a century: 1 XII 1918 / eds.: R. Cukić, V. Kastratović-Ristić, M. Vasiljević. Belgrade: Museum of Yugoslavia, 2018.
- The Serbs and the First World War: 1914–1918 / ed.: D. Živojinović. Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts, 2015.
- Valiani L.* La dissoluzione dell'Austria-Ungheria. Milano: Il Saggiatore, 1985.
- Živojinović D.* Italija i Crna Gora 1914–1925: studija o izneverenom savezništvu. Beograd: Službeni List SRJ, 1998.

References

- Becherelli, A., 2016. Montenegro Betrayed: The Yugoslav Unification and the Controversial Inter-Allied Occupation. *Balkan Studies*, 51, pp. 69–104.
- Bucarelli, M., 2011. Mussolini, la questione adriatica e il fallimento dell'interventismo democratico. *Nuova rivista storica*, 95, 1, pp. 137–205.
- Caccamo, F., 2004. Il sostegno italiano all'indipendentismo croato. *Nuova storia contemporanea*, 6, pp. 23–56.
- Cukić, R., Kastratović-Ristić, V., Vasiljević, M., eds, 2018. *The day worth a century: 1 XII 1918*. Belgrade: Museum of Yugoslavia.
- Lauren, P., 2018. *Power and Prejudice: The Politics and Diplomacy of Racial Discrimination*. New York: Routledge.

- Leoncini, F., 2018. *Alternativa mazziniana*. Roma: Castelvechi.
- Monzali, L., 2017. Una difficile scelta. Il patto di Londra e la politica estera italiana 1914–1915. *Acta Histriae*, 25, 4, pp. 919–938.
- Neglie, P., Ungari, A., eds, 2018. *La guerra di Cadorna 1915–1917: atti del Convegno Trieste–Gorizia 2–4 Novembre 2016*. Roma: USSME.
- Pavlović, V., ed., 2014. *Italy's Balkan Strategies (19th–20th Century)*. Belgrade: Institute for Balkan Studies.
- Pavlović, V., ed., 2019. *Serbia and Italy in the Great War*. Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts.
- Shimazu, N., 1998. *Japan, Race and Equality: The Racial Equality Proposal of 1919*. London: Routledge.
- Tamborra, A., 1963. *L'idea di nazionalità e la guerra: 1914–1918*. Roma: Istituto per la storia del Risorgimento italiano.
- Valiani, L., 1985. *La dissoluzione dell'Austria-Ungheria*. Milano: Il Saggiatore.
- Živojinović, D., 1998. *Italija i Crna Gora 1914–1925: studija o izneverenom savez-ništvu*. Beograd: Službeni List SRJ.
- Živojinović, D., ed., 2015. *The Serbs and the First World War: 1914–1918*. Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts.

А.В. ЛУНАЧАРСКИЙ И «КУБАНСКИЙ ЯЗЫК»: ИНТРИГИ СОВЕТСКОЙ УКРАИНИЗАЦИИ 1920-Х ГОДОВ

Елена Юрьевна Борисёнок —

доктор исторических наук,
заведующая отделом восточного славянства,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: vostslav@yandex.ru

Аннотация

В современной украинской литературе А.В. Луначарский часто оценивается как противник украинизации. Причины такой негативной оценки связаны с малоизвестными до сих пор высказываниями наркома просвещения РСФСР, сделанными им в сентябре 1926 г. в Краснодаре перед школьной общественностью. В рамках курса на коренизацию для местного населения, среди которого, согласно переписи 1926 г., было много украинцев, решено было открыть национальные школы. Необходимо заметить, что на Кубани были как активные сторонники украинизации, так и ее противники, были и те, кто настаивал на необходимости проводить не украинизацию, а кубанизацию. Отвечая на вопросы озабоченных происходившими на Кубани изменениями в школьной политике местных учителей, Луначарский советовал пользоваться в школах кубанским языком. Данному сюжету практически не уделяется внимания в современной историографии, однако можно предположить, что российский нарком пытался маневрировать между сторонниками и противниками украинизации на Северном Кавказе. При этом он не мог не учитывать настроения тех слоев населения, которые стремились дать своим детям образование в учебных заведениях с русским языком преподавания. В статье анализируется ситуация, в которой Луначарским были сделаны эти заявления, обозначаются сложные перипетии национального строительства на Кубани и попытки оказать влияние на ситуацию в Северо-Кавказском крае со стороны руководства Советской Украины.

Ключевые слова

Советская украинизация, национальная политика, Кубань, А.В. Луначарский

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2020 г.

Цитирование: *Борисёнок Е.Ю.* А.В. Луначарский и «кубанский язык»: интриги советской украинизации 1920-х годов // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 37–52.

ANATOLY V. LUNACHARSKY AND “KUBAN LANGUAGE”: INTRIGUES OF SOVIET UKRAINISATION OF THE 1920s

Jelena Yu. Borisenok,

D. Sc., Head of the Department
of Eastern Slavic Studies,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: vostslav@yandex.ru

Abstract

Modern Ukrainian literature considers Anatoly V. Lunacharsky an opponent of Ukrainisation. The reason for this are some little-known statements made by the people's Commissar of Education of the RSFSR in September 1926 in Krasnodar before school employees. According to the 1926 census, there were many Ukrainians among the local population. Therefore, in accordance with the adopted course on “indigenization”, it was decided to open national schools. In the Kuban there were both active supporters and opponents of Ukrainisation. There were people who insisted on the need to carry out not Ukrainisation, but Kubanisation. When Lunacharsky answered questions about school policy in the Kuban, he advised that the Kuban language be used in schools. Modern historiography pays little attention to this subject. We can assume that the Russian people's Commissar tried to maneuver between the supporters and opponents of Ukrainisation in the North Caucasus. It took into account the desire of the population to give their children an education in educational institutions with Russian as the language of instruction. The article analyzes the situation in which Lunacharsky made this statement, analyzes the features of national policy in the Kuban, and considers attempts to influence the situation in the region made by the leadership of Soviet Ukraine.

Keywords

Soviet Ukrainisation, national policy, Kuban, Anatoly V. Lunacharsky

Received 1 September 2020.

How to cite: Borisenok, Je. Yu., 2020. A.V. Lunacharskii i “kubanskii iazyk”: intrigi sovetsoi ukrainizatsii 1920-kh godov [Anatoly V. Lunacharsky and “Kuban Language”: Intrigues of Soviet Ukrainisation of the 1920s]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no 3–4, pp. 37–52.

Современные украинские историки, пишущие на тему украинизации 1920–1930-х гг., обычно подчеркивают негативное к ней отношение русской интеллигенции. К числу противников украинизации отнесен и уроженец Полтавы, писатель и публицист, нарком просвещения РСФСР (1917–1929 гг.) Анатолий Васильевич Луначарский. В 1990 г., когда оживился интерес к национальной проблематике, такую оценку Луначарскому дал Я.Р. Дашкевич¹. Имя наркома просвещения РСФСР нередко стало звучать в связи с «теорией борьбы двух культур»: например, Т.А. Комаренко

¹ Дашкевич Я.Р. Українізація: причини і наслідки // Слово і час. 1990. № 8. С. 58–60.

и Н.П. Гончарова сочли Луначарского предшественником Д.З. Лебеда². К противникам украинизации Луначарский был причислен и в коллективной работе, подготовленной Институтом истории Украины в 2003 г.³

Попытаемся разобраться, с чем же связана такая оценка пламенного революционера, который в 1912 г. на страницах журнала «Украинская жизнь» подчеркнул, что «и природа, и историческая судьба создала для украинского народа важные предпосылки для культуры высокой и оригинальной»⁴. Ответом на предложенную журналом анкету по «украинскому вопросу»⁵ явилась статья Луначарского «О национализме вообще и украинском движении в частности». «Обращаясь в частности к украинскому движению, <...> я должен сразу сказать, <...> что ни одно национальное пробуждение не вызывает во мне субъективно столь горячих симпатий»⁶, — писал Анатолий Васильевич. При этом он настаивал, что «вопрос об украинской школе является одним из насущнейших и должен быть поставлен в качестве важной задачи не только украинским, но и всем российским пролетариатом»⁷.

Анкета журнала обсуждалась на страницах украинской газеты либерального направления *Рада* (укр. «Совет»), выходявшей в Киеве. Газета приняла статью Луначарского довольно благосклонно, поскольку тот выразил украинскому национализму «самые широкие симпатии», хотя и указал на нежелательные течения в нем. «Правда, он не приводит более или менее убедительных примеров, из которых стало бы ясно, что эти течения существуют и занимают в украинстве значительное место», — писала газета⁸. Стоит отметить, что реферат о Т.Г. Шевченко, прочитанный Луначарским в Париже в марте 1911 г. в связи с пятидесятилетием со дня смерти поэта, был издан в украинском переводе во Львове в 1912 г., а потом переиздан в Полтаве в 1917 г. и в Одессе в 1921 г. В 1914 г. во втором номере киевского журнала *Дзвін* (укр. «Колокол») появилась работа Луначарского «Шевченко и Драгоманов»⁹.

² Комаренко Т.О. «Теорія боротьби двох культур» і шляхи розв'язання національного питання в Україні (березень–квітень 1923 р.) // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки. 1994. Вип. 3. С. 86; Гончарова Н.П. Теорія «боротьби двох культур»: дискусія та її наслідки у контексті взаємин міста і села УСРР у 1920-х роках // Вісник Черкаського університету. Серія: Історичні науки. 2010. Вип. 182. С. 94.

³ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки / відп. ред. В.А. Смолій. Київ: Інститут історії України НАН України, 2003. С. 247.

⁴ Луначарский А.В. О национализме вообще и украинском движении в частности // Украинская жизнь. 1912. № 10. С. 19.

⁵ Об анкете см.: Клопова М.Э. «Больной вопрос». Анкета журнала «Украинская жизнь» 1912–1917 гг. // Славянский альманах. 2015. Вып. 3–4. С. 122–137.

⁶ Луначарский А.В. О национализме вообще и украинском движении в частности. С. 15.

⁷ Там же. С. 17.

⁸ Григорович М. Украинская жизнь // Рада. 1912. 20 листопада. С. 2.

⁹ См.: Луначарский А.В. Неизданные материалы / ред. Н.А. Трифонов. М.: Наука, 1970. С. 210. (Литературное наследство. Т. 82).

Отдавая должное украинской культуре, в ноябре 1920 г. Луначарский подписал резолюцию коллегии Наркомпроса РСФСР, в которой одобрялась политика украинских коллег, их «заботливое отношение к культурным запросам украинского села и большинства населения республики, говорящего на украинском языке». При этом выражалась уверенность в том, что Наркомпрос Украины «озаботится сохранением и русской культуры, к которой примыкает значительная часть населения городов и некоторых местностей Украинской Республики, а также, что Наркомпросом Украины будут приняты меры к бережной охране культурных ценностей национальных меньшинств»¹⁰.

Украинский критик и литературовед С.А. Ефремов, весьма критически отзывавшийся в дневниках и об украинизаторских усилиях властей Советской Украины, и об отношении к переменам в русском обществе, не мог упрекнуть Луначарского в украинофобии. 4 ноября 1925 г. он сделал следующую запись: «Ходили к Луначарскому жаловаться на украинизацию учителя-русские. Он заявление взял и сказал, что ответ даст публично. И действительно, на собрании учительского союза выступил с речью, а в ней отметил, что украинизация должна быть, что это основа развития украинской культуры, что все, кто на Украине живут, должны знать язык украинского народа. “Кто же не хочет учиться — пусть уходят из Украины: мы найдем всем таким место и работу в Великороссии”. Такой ответ учителей-руссопелов мало порадовал»¹¹.

Что же послужило причиной негативной оценки Луначарского современными украинскими историками? Авторы монографии об украинизации 1920–1930-х гг. ссылаются на выступление Луначарского 11 сентября 1926 г. в Краснодаре¹² перед русскими учителями, озабоченными украинизацией на Кубани: нарком советовал пользоваться в школах не украинским, а кубанским языком¹³. Г.Г. Ефименко настаивает: «Луначарский считал, что украинцы Кубани совсем не украинцы и что проводить там украинизацию нет необходимости. Но под давлением фактов и доказательств украинской интеллигенции он вынужден был уступить»¹⁴.

Краснодар был центром Кубанского округа, в котором, по официальным данным переписи 1926 г., всего проживали 1 488 411 человек, из них 915 402 украинцев и 497 496 русских, при этом пользовались украинским языком 729 278 человек, русским — 700 600 человек¹⁵. Большое количе-

¹⁰ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральный державний архів громадських об'єднань України; далее — ЦДАГОУ). Ф. 1. Центральный комитет компартии Украины. 1917–1991 гг. Оп. 20. Д. 159. Л. 51.

¹¹ Ефремов С.О. Щоденники, 1923–1929. Київ: Газета «Рада», 1997. С. 297.

¹² Авторы пишут о Екатеринодаре, не учитывая того, что название сменилось в 1920 г.

¹³ «Українізація» 1920–30-х років... С. 247–248.

¹⁴ Ефименко Г.Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ: Інститут історії України, 2001. С. 127.

¹⁵ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки: в 10 т. М.: ЦСУ Союза СССР, 1928. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. С. 74.

ство украинцев, согласно переписи, проживали и в других округах Северо-Кавказского края РСФСР. Поэтому для местного украинского населения Наркомпрос РСФСР в рамках курса на коренизацию предлагал организовывать национальные школы. В 1924–1925 гг. на Кубани были открыты 150 украинских школ¹⁶.

Украинское население РСФСР относилось к планам коренизации по-разному, часто весьма настороженно. На Кубани были как активные сторонники украинизации, так и ее противники, были и те, кто настаивал на необходимости проводить не украинизацию, а кубанизацию. Так, в начале апреля 1925 г. в Краснодаре прошли учительская конференция Кубанского округа и краевое совещание по украинскому вопросу представителей окружных партийных комитетов. В докладной записке одного из подразделений Наркомпроса РСФСР подчеркивалось: «Украинизация развивается достаточно стихийно, органы партии стоят пока в стороне, четкие, ясные директивы отсутствуют, а эта обстановка усиливает шовинистические настроения, дает возможность кулачеству и прочей братии (а на Кубани есть прилетевшие из Украины “птички” с петлюровским душком) играть на этих настроениях». В то же время автор документа признал: «Вследствие отсутствия понимания на местах в станицах учителям приходится все время доказывать, что украинский язык есть, что школа нужна»¹⁷. Действительно, на совещании по украинизации при Кубанском окрисполкоме в июле 1928 г. учитель Борисенко заявила, что население в станице Марьянской «против украинского языка»¹⁸, а другой выступающий, Бурхан, доказывал, что между «родным материнским языком кубанского казачества и украинским есть большая разница», что число украинских школ увеличивается, но число учащихся в них уменьшается¹⁹. В мае 1928 г. ОГПУ, рассмотрев положение с украинизацией в Кубанском и Донском округах, пришло к следующим выводам. Прежде всего, отмечалось, что украинизация школы «не встречает широкого сочувственного отношения среди местного населения», что русские школы переполнены, а в украинских — недобор²⁰. Вместе с тем

¹⁶ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. С. 393.

¹⁷ Докладная записка заместителя председателя Совета по просвещению национальностей нерусского языка наркома просвещения РСФСР в Президиум Совета об украинизации советского аппарата. [Не позднее 7 мая 1925 г.] // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос / сост. Л.С. Гагагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. Кн. 1: 1918–1933. С. 280–281.

¹⁸ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Центральный державний архів вищих органів влади та управління України; далее — ЦДАВОВУ). Ф. 1. Верховный Совет Украины. 1917–1999 гг. Оп. 4. Д. 616. Л. 39.

¹⁹ Там же.

²⁰ Справка ОГПУ в ЦК ВКП(б) об отношении населения к украинизации школы в Кубанском и Донском округах Северного Кавказа. [31 мая 1928 г.] // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 571.

особо отмечались «неоднократно встречающиеся заявления о необходимости изучения “своего кубанского языка”, а не “чужого украинского”»²¹. Наконец, согласно выводу ОГПУ, «сторонниками украинизации является лишь незначительная часть учительства, преимущественно молодежь, окончившая Кубанский и Киевский педагогический техникумы». В то же время «антисоветские элементы станицы, под покровом украинизации, иногда пытаются вызвать самостийное движение на Кубани, используя с этой целью организуемые при избах-читальнях украинские литературные кружки и т. д.»²².

Среди местного руководства курс на украинизацию тоже вызвал немало вопросов. Как отметил Т. Мартин, свои сомнения власти Северо-Кавказского края объясняли тем, что население говорит на особом «кубанском» языке, оно ассимилировано. Кроме того, украинизация может быть воспринята казаками как уступка и усилит межсословную вражду. Американский исследователь считал, что «опасения нашли свое выражение в секретном циркуляре властей Северо-Кавказского края, составленном в августе 1926 г. В нем предписывалось положить конец украинизации»²³. С.Н. Малахов и С.Г. Немченко в работе, посвященной деятельности кубанского учителя и краеведа П.М. Галушко, указали, что 16 августа 1926 г. в Армавирский отдел народного образования (ОНО) поступило секретное распоряжение из ОНО Северо-Кавказского края о прекращении украинизации школ округа до особого рассмотрения этого вопроса специальной комиссией, создаваемой в Северо-Кавказском крае. Украинизировать разрешалось только те школы, родители учащихся которых сами добровольно этого пожелают²⁴.

Свое отношение к проблеме языка обучения национальных меньшинств Луначарский высказал на Пятом всероссийском съезде заведующих отделами народного образования, состоявшемся 27 мая — 2 июня 1926 г.: «Что касается определения языка в школах, то это один из запутаннейших вопросов и, может быть, вы на вашем совещании поможете его распутать. Из всех писем, которые получены с февраля по вчерашний день (сводка “Учительской Газеты”), я сделал некоторые выборки. Там имеются, между прочим, по поводу нацменьшинств такого рода жалобы: с одной стороны, дубиной загоняют в национальный рай и национальные группы; например, в данной местности, которая целиком связана с русским языком и русской культурой, восстанавливают по этнографическим догадкам, куда поселе-

²¹ Справка ОГПУ в ЦК ВКП(б) об отношении населения к украинизации школы в Кубанском и Донском округах Северного Кавказа. [31 мая 1928 г.] // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 572.

²² Там же. С. 573.

²³ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». С. 394.

²⁴ Малахов С.Н., Немченко С.Г. Сохранение памяти. Краеведческая деятельность Петра Митрофановича Галушко. Армавир-Отрадная: издатель Шурыгин В.Е., 2014. С. 54. Исследователи ссылаются на Архивный отдел администрации Армавира.

ние относится, и приписывают им тот язык, который не является для них типичным материнским языком и который идет, может быть, параллельно с русским языком, навязывают ему этот язык как школьный. Это неправильно»²⁵. Далее он подчеркнул, что «насильственная национализация мало чем лучше насильственной русификации, а на это жалуются». Кроме того: «Было бы очень просто <...> следовать желанию родителей, но мы стоим на другой точке зрения учить на материнском языке. Установление его и есть вещь, которая требует уточнения. Я не вижу достаточной точности и ясности принципа, по которому мы проводим это правило»²⁶.

В ответ во время прений заведующий Кубанским окружным отделом народного образования Потапов возразил наркому, что, «прежде чем провести украинизацию, учтены были решительно все возможности. Обсуждался вопрос о том, существует ли в данное время на Кубани украинский язык или нет. Научно и путем обследования комиссиями было доказано, что украинский язык существует, и кубанский язык является одним из видов украинского языка; кубанский говор представляет собой одно из наречий украинского языка». Пересматривать текущую политику не стоит, поскольку «от этого будет громадный ущерб в политическом смысле», и «украинизацию проводить надо»²⁷.

Поездка Луначарского на Кубань, столь возмущившая ярых сторонников украинизации, состоялась 11–12 сентября 1926 г. Нарком побывал в вузах Краснодара, художественном музее, отделе народного образования и выступил с докладами в театрах и кинотеатре. Событие освещалось в местной прессе. В.И. Сергийчук, ссылаясь на «Красное знамя» от 18 сентября, пишет, что Луначарский «на собрании работников местной школы в Краснодаре» заявил: «Украинизация пугает некоторых учителей тем, что русская школа будет украинизирована, и, таким образом, русский язык займет положение языка, который исчезает на Кубани. Эти опасения совершенно безосновательны. Если на Украине проведена основательно украинизация, то это там согласовывается целиком с местным бытом. Здесь же, на Кубани, этого делать нельзя». При этом Луначарский «рекомендовал употреблять в школе вместо украинского языка “кубанский”», таким образом, в будущем будет легче перейти на русский²⁸.

По-видимому, кубанцев беспокоила проблема получения хорошего образования: общим принципом коренизации школ было проведение ее

²⁵ Труды Пятого Всероссийского съезда заведующих отделами народного образования. 27 мая — 2 июня 1926 г. / под ред. А.Я. Подземского. Б.м.: Административно-организационное управление НКП, 1926. С. 31.

²⁶ Там же. С. 32.

²⁷ Там же. С. 47.

²⁸ Сергийчук В. Північний Кавказ: українські аспекти заселення, розвитку господарства та національної свідомості. Київ: ІМФЕ ім. М.Т. Рильського НАН України, 2014. С. 121; «Українізація» 1920–30-х років... С. 247–248.

«снизу», в результате чего национальные меньшинства были в основном обеспечены начальными школами. В 1928 г. комиссия Крайисполкома по украинизации вынуждена была признать «отсутствие украинских школ второй ступени, в силу чего учащиеся украинских школ первой ступени не могли продолжить дальнейшее образование на родном языке»²⁹. Такое положение было весьма распространенным. Например, в УССР дети в начальной школе начинали обучаться на национальном языке, а в семилетке зачастую — на украинском или русском. В результате уровень их подготовки позволял им претендовать на место только в высших учебных заведениях для нацменьшинств — педагогических и сельскохозяйственных³⁰.

Слова Анатолия Васильевича попали на страницы газет. Остап Вишня, написавший по этому поводу юмореску «Конфуз», впервые опубликованную в 1926 г. в сборнике «Украинизируемся», в качестве эпиграфа привел цитату «из разговора с наркомом А.В. Луначарским, напечатанного в Ростовской газете “Молот”»: «Бесспорным фактом является то, что потомки сечевиков на Кубани не говорят на том языке, как говорят коренные, право- и левобережная Украина... Украинская Кубань не должна идти таким точно путем “языкотворчества”, что интенсивно развивают теперь в УССР. Наша задача — не привести кубанцев-украинцев только к формам, выработанным на Украине, а создать школу, основываясь на живом языковом материале кубанских потомков сечевиков». В юмореске рассказывалось, что человечество пришло к коммунизму, на берегу Тигра и Евфрата собралась старая гвардия большевиков-ленинцев, перед которой проходили некогда угнетаемые царизмом нации:

И последними подходили потомки запорожских сечевиков славных — кубанцы-украинцы...

И спросил их Анатолий Васильевич Луначарский:

— Эй вы, запорожцы, вы, славные молодцы. А скажите нам, а расскажите нам, когда начали возрождаться?

И зазвучал кубанский голос коллективный:

— Числа не знаем, ибо календаря не имеем, месяц в небе, год в книге, а день у нас такой, как и у вас, поцелуй за то вот куда нас!*

И сделалось тихо-тихо на берегу Тигра и Евфрата. И, потупив глаза, спросил Анатолий Васильевич Луначарский:

— Что говорите такое, запорожцы, вы, славные молодцы? Ответили потомки славных запорожцев:

²⁹ Протокол заседания комиссии Крайисполкома по вопросу украинизации. Гор. Ростов-на-Дону (1928) // Васильев И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX — начало XXI века). М.: Традиция, 2014. С. 273.

³⁰ Якубова Л.Д. Етнічні меншини в суспільно-політичному та культурному житті УСРР. 20-і — перша половина 30-х рр. XX ст. Київ: Інститут історії України НАН України, 2006. С. 417–418.

* В оригинальном тексте: Числа не знаємо, бо календаря не маємо, місяць у небі, год у книзі, а день у нас такий, як і в вас — поцілуй за те он куди нас!

– Как возрождал, так и говорим... На языковом материале сечевиков возрождал! Чего же сердиться!

И еще тише сделалось на берегу Тигра и Евфрата³¹.

Слова российского наркома привлекли внимание руководства Советской Украины не случайно. Как посчитал Т. Мартин, Харьков пытался оказать давление на российские власти и взять реванш за свои уступки в период урегулирования споров о границе между УССР и РСФСР в 1924–1925 гг. Действительно, когда решался вопрос о передаче РСФСР Таганрогского и Александро-Грушевского (Шахтинского) округа Донецкой губернии УССР, а Украине — пограничной территории в Курской, Воронежской и Брянской губерниях, украинские руководители получили меньше, чем рассчитывали. В 1926 г., когда была приостановлена украинизация на Кубани, украинское руководство развернуло, как пишет историк, «шумную публичную кампанию в печати»: была организована специальная колонка об «украинцах в РСФСР» в газете *Vicmi VUЦBK* (укр. «Известия ВУЦИК») с нападками как на центральные органы РСФСР, так и на власти Северо-Кавказского края³².

В этой ситуации слова Луначарского, переданные местной прессой, получили огласку в УССР. Например, востоковед, историк литературы А.Е. Крымский в одной из работ отметил, что слова российского наркома послужили основой для публикации в харьковском «Коммунисте» 28 сентября 1926 г. Газетная заметка передавала ответ Луначарского на вопрос учителей Краснодара о школьной политике на Кубани: «Я постараюсь осветить этот вопрос с точки зрения марксистской педагогики. Вполне ясно, что когда родители требуют перевести школьное обучение на язык, которым сами говорят, то это тотчас сделается. Мы выдвигаем обязательно язык матери, а не какой-то другой. Поэтому всегда вопрос надо ставить о конкретном, бытовом языке, на котором говорит ребенок. В данном случае, значит, не приходится говорить вообще об украинском языке, а конкретно о языке кубанском. Итак, если окажется, что эти 50 процентов населения Кубани говорят не на языке право- и левобережной Украины, а на другом, кубано-украинском, то именно на этом наречии и нужно вести обучение». Крымский признавал, что по поводу рассуждений Луначарского можно сказать много, и «Коммунист» «справедливо и метко» заметил, что «у себя, в коренных губерниях РСФСР, т. Луначарский не сторонник, скажем, калужского языка, или языка тверского, а детишек учит на литературном русском языке». Сам Крымский считал, что такие факты содержат в себе предостережение: нельзя общеукраинскому литературному языку «далеко уходить от языка восточных наших краев и делаться для восточных краев

* В оригинальном тексте: Як відроджував, так і кажемо... На мовному матеріалі січовиків відроджував! Чого ж гніваєшся!

³¹ Вишня О. Конфуз // Твори: в 4 т. Київ: Дніпро, 1988. Т. 1: Усмішки, фейлетони, гуморески, 1919–1925. С. 363–364. О времени написания: Там же. С. 507.

³² Мартин Т. Империя «положительной деятельности». С. 395–396.

малопонятным». Ученый также упомянул, что заметка «Коммуниста» была перепечатана галицийскими и американскими журналами³³.

Высказывание Луначарского стало использоваться в зарубежной украинской — диаспорной — литературе. Так, С. Николишин утверждал, что «социалистическая пролетарская справедливая национальная политика такая же государственная политика, как каждая другая, и использует против украинского народа те же методы, что и “буржуазная”, шляхетская или демократическая». Одним из доказательств он считал то, «что в СССР за пределами СССР не признают украинского языка. Так, например, нарком просвещения Луначарский, хорошо знавший Киев, говорил еще в 1926 г. о... “кубанском” языке»³⁴.

Между тем Луначарский объяснил свою точку зрения на сессии ВЦИК в ноябре 1926 г., где он выступил с докладом о всеобщем начальном обучении. Касаясь проблемы национальных меньшинств, нарком заявил: «Этот вопрос не до конца нами продуман, например, по такому важному вопросу, как введение украинского языка для школ на Кубани, где 60% говорит на украинском языке, мы имеем большие разногласия. В самом деле, как на этот вопрос надо ответить? Должны ли мы обеспечить национальной школой детей только тех родителей, которые требуют этого, или тех, которые фактически в семье разговаривают на украинском языке?»³⁵ Обратим внимание, что Луначарский говорил об украинском, а не о кубанском языке. По мнению наркома, необходимо было точно установить, что значит «школа на национальном языке», «когда переходить на русский язык для тех национальностей, которым нужно заняться изучением русского языка, чтобы не оказаться замкнутыми в своей отсталой культуре?»³⁶. В принятой резолюции, наряду с заявлением об обеспечении «национальностей нерусского языка» школой на родном языке, отмечено: «В местностях с разноязычным населением язык преподавания в школах должен определяться в зависимости от выраженных пожеланий родителей детей школьного возраста и от употребляемого в их домашнем обиходе языка. В тех случаях, когда по желанию родителей учащихся в национальных школах требуется также преподавание русского языка, Народный Комиссариат Просвещения РСФСР и народные комиссариаты просвещения автономных республик должны принять все меры к обеспечению удовлетворения этой потребности»³⁷.

³³ Кримський А. [рец. на:] Д-р Смаль-Стоцький. Правописна справа (1926) // Записки історично-філологічного відділу. Київ: Українська академія наук, 1927. Кн. 12. С. 346–347.

³⁴ Николишин С. Культурна політика большевиків і український культурний процес (публіцистичні рефлексії). Б.м.: На чужині, 1947. С. 40.

³⁵ III Сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета XII созыва [5 ноября 1926 г. — 19 ноября 1926 г., Москва — Кремль]: стенографический отчет. М.: Красный пролетарий, 1926. С. 30.

³⁶ Там же. С. 31.

³⁷ III Сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета XII созыва: Постановления. М.: Красный пролетарий, 1926. С. 261.

Однако нарком не сомневался в необходимости украинизации в УССР. Свое отношение к украинской культуре Луначарский высказал — в который раз — 14 марта 1927 г. на Шевченковском вечере в Москве, закончив речь словами: «Мы, москвичи, со своей стороны, от сердца нашей страны и всего трудового люда шлем украинцам свой самый искренний привет и пожелания расцвета их культуры, которая должна быть одновременно и национальной, и глубоко общечеловеческой, каким был сам Шевченко в его великих песнях»³⁸.

Через месяц, на очередном всероссийском съезде Советов 10–15 апреля 1927 г., Луначарский подчеркнул свое отношение к принципу «свободного культурного развития» разных народов: «Когда-то Владимир Ильич (Ленин. — Е. Б.) сказал, что страна наша подобна гигантскому каравану, голову которого составляет передовой пролетариат, пролетариат, опередивший по своей сознательности пролетариев всего мира. Питерские и московские пролетарии в минуту Октябрьской революции шли впереди всего мира, и сейчас Москва, Иваново-Вознесенск, Ленинград идут впереди всего мира. С другой стороны, мы имеем огромное туловище деревни нашей, которая еще только сравнительно медленно ползет в деле своего культурного развития. А дальше идет уже длинный хвост, который кончается не только номадами, а прямо дикарями, скажем, наших северных тундр. И нам просто нельзя весь этот длинный поезд продвигать вперед и решить так: мы стоим на точке зрения свободного культурного развития всех национальностей. Этого недостаточно. Нет, мы должны продвигаться так, чтобы задние передних нагоняли, и дело у нас здесь не только в свободе культурного развития отсталых национальностей, а в помощи в деле их культурного развития и в помощи самой интенсивной. Мы должны заботиться об этом»³⁹. Нарком призвал «усилить внимание в эту сторону, нам нужно, как пеликану, вырвать кое-что из своей груди и дать этим отставшим нациям. Нельзя иначе вести наше огромное братское хозяйство, целую большую семью народов, которая живет в РСФСР и Союзе. И с этой точки зрения передвижка средств в сторону нацменьшинств является нашим прямым долгом и отвечает интересам развития страны»⁴⁰. Стоит заметить, что в резолюции съезд признал необходимость усиления развертывания сети национальных школ, в том числе профессионального образования, обеспечения доступа молодежи «из национальностей нерусского языка» в ВУЗы и рабфаки⁴¹.

³⁸ Луначарский А.В. Вступительное слово на Шевченковском вечере 14 марта 1927 г. // Луначарский А.В. Неизданные материалы. С. 214.

³⁹ XIII Всероссийский съезд Советов: [10–15 апреля 1927 г.: стенографический отчет]: бюллетени. М.: б.и., 1927. Бюл. 9. С. 34–35.

⁴⁰ Там же. С. 35.

⁴¹ Резолюция по докладу Народного Комиссара Просвещения РСФСР т. Луначарского А.В. «Об общем состоянии народного просвещения в РСФСР» // XIII Всероссийский съезд Советов: [10–15 апреля 1927 г.: стенографический отчет]: бюллетени. Бюл. 14. С. 35.

На Кубани же сторонники и противники украинизации школ не могли прийти к соглашению. Например, Иван Васильевич Шаля, украинский языковед, преподаватель Кубанского педагогического института, в статье, опубликованной в шестом номере журнала *Життя і революція* (укр. «Жизнь и революция») за 1927 г., возмущался позицией заведующего окружного отдела народного образования Емельянова. На съезде инспекторов народного образования тот заявил, что не является сторонником как «искусственного сдерживания естественного роста украинизации школ», так и «выпячивания» этого вопроса. По мнению Емельянова, вопрос был ясен: «Все должно идти своим естественным путем. Решающее слово об украинизации школы остается за родителями и учащимися, но специальных кампаний по агитации или пропаганде не нужно, что же касается разъяснений, то замазать рот украинцам нельзя: если явится у кого охота прочесть лекцию об украинском языке или культуре — пожалуйста!»⁴²

Между тем сторонники украинизации перешли в наступление, и в ноябре 1927 г. в Ростове создали краевую конференцию с участием представителей Наркомпроса УССР. Сторонникам кубанского языка защитить свою концепцию не удалось, их противники, в частности вышеупомянутый И.В. Шаля, настаивали, что речь кубанского населения чисто украинская. Следующий год выдался напряженным: в марте Совет национальностей по инициативе украинского наркома просвещения Н.А. Скрыпника начал исследование положения украинцев в РСФСР, уделив особое внимание Северному Кавказу; в мае — июне экспедиция Русского музея Ленинграда провела «этнографическое обследование украинского населения Кубани»; наконец, в июле и августе комиссия ВЦИК и ЦКК изучала вопрос о проведении советской национальной политики на Северном Кавказе. 17 июля 1928 г. в Краснодаре состоялось совещание с участием комиссии и советских, партийных и общественных деятелей. Сторонники украинизации настаивали: кубанский говор в научном отношении чисто украинский, и даже в большей степени, чем в УССР. В итоге было решено провести украинизацию ускоренными темпами. Через десять дней на пленуме Кубанского окрисполкома Емельянов вынужден был признать: после долгих споров выяснилось, что украинский язык один, отдельного кубанского языка нет. 9 августа бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) постановило в месячный срок разработать план сплошной украинизации⁴³.

Внимание к «кубанским заявлениям» Луначарского было не случайным, поскольку они шли вразрез с соборническими настроениями среди руководства Советской Украины. Надеясь на пересмотр границы республики, в мае

⁴² Шаля І. Українізаційні справи в Північно-Кавказькому краї // Життя і революція. 1927. № 6. С. 407–408.

⁴³ Сергійчук В. Північний Кавказ. С. 125–127; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». С. 398; Васильев И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани. С. 82.

1927 г. ЦК КП(б)У направил в ЦК ВКП(б) докладную записку, предлагая передать Украине часть районов Курской и Воронежской губерний, заселенных, по мнению Харькова, украинцами, а также вернуть УССР Шахтинский и Таганрогский округа. Среди доводов украинского руководства значились и извращения национальной политики партии в отношении украинского населения⁴⁴. На X съезде КП(б)У Н.А. Скрыпник вновь коснулся вопроса о районах Курской и Воронежской губерний, прямо заявив: «Мы ставим своей задачей и ставим вопрос перед ВКП(б) о государственном объединении в границах УССР украинского народа, живущего за пределами Украины <...>. Это украинское население не входит в состав Украинской Советской Республики и это мешает ему в культурном развитии, поскольку оно не имеет возможности развиваться культурно и не имеет достаточного обслуживания своих национальных потребностей»⁴⁵. Не добившись успеха, через год, в мае 1928 г., когда началась подготовка к созданию Центрально-Черноземной области, харьковское руководство вновь выдвинуло территориальные претензии — на часть Воронежской и Курской губерний⁴⁶. Однако ЦК ВКП(б) 24 мая 1928 г. постановил «признать нецелесообразным в данный момент предложение украинцев о присоединении к Украине некоторых уездов Курской и Воронежской губерний»⁴⁷. На следующий год, 12 февраля 1929 г., во время встречи с украинскими писателями, Сталин прямо заявил: «Слишком часто меняем границы — это производит плохое впечатление и внутри страны, и вне страны»⁴⁸. Осенью этого же года Луначарский был смещен с поста наркома просвещения и назначен председателем Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР.

На Кубани принялись за украинизацию. Известный историк Н.И. Павленко, родившийся в семье кубанского казака и окончивший в Ейске педтехникум в 1933 г., вспоминал, что «с подачи тогдашнего наркома просвещения УССР Николая Скрыпника Украина была объявлена “ненькой” (матерью) Кубани». Менялись вывески на учреждениях, а преподавателям дали год для овладения украинским языком. По мнению историка, «кубанский жаргон <...> существенно отличался как от украинского, так и от русского языка», поэтому украинизация создавала дополнительные трудности не только для педагогов, но и для студентов: «Мы мыслили на русском, поэтому писали сочинения по-русски, а затем с помощью словаря переводили текст его на украинский»⁴⁹.

⁴⁴ Боєчко В.Д., Ганжа О.І., Захарчук Б.І. Кордони України: історія та проблеми формування (1917–1940 рр.) // Український історичний журнал. 1992. № 1. С. 70.

⁴⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Центральный Комитет КПСС. 1898, 1903–1991. Оп. 26. Д. 8. Л. 243.

⁴⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2673. Л. 33–37.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 688. Л. 2.

⁴⁸ Стенограмма встречи опубликована: Шаповал Ю.И. Україна ХХ століття: особи та події в контексті важкої історії. Київ: Генеза, 2001. С. 112.

⁴⁹ Павленко Н.И. Воспоминания историка. М.: Памятники исторической мысли, 2016. С. 34–35.

Однако период интенсивной украинизации Кубани был недолгим: уже 14 декабря 1932 г. вышло известное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области». Украинизация в районах Северного Кавказа была оценена как «легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения», небольшевистская, которой воспользовались враги советской власти — кулаки, офицерство, реэмигранты-казаки, участники Кубанской Рады. Дело-производство украинизированных районов, газеты и журналы переводились на русский язык, как «более понятный для кубанцев». К осени в этих районах следовало перевести на русский язык преподавание в школах⁵⁰.

С изменениями в политике и идеологии прежние оценки высказываний Луначарского сменились прямо противоположными. И.Ю. Кулик, возглавивший в 1934 г. Союз советских писателей Украины, на траурном митинге памяти Луначарского в Комкадемии в Москве 4 января 1934 г. произнес слова покаяния, осудив тех шовинистов, контрреволюционеров и двурушников с партбилетом в кармане, которые набросились «с обвинениями в “великодержавном шовинизме” за вполне правильное выступление т. Луначарского об украинизации на Северном Кавказе». «Тов. Луначарский в том выступлении совершенно правильно и по-партийному доказывал, что подавляющее большинство Северного Кавказа не употребляет украинского языка, что, в частности, речь кубанского казачества со времен его переселения из Запорожья значительно изменилась и перестала быть по сути украинской, правильно и своевременно предостерегал нас Анатолий Васильевич от националистической установки на украинизацию Северного Кавказа»⁵¹, — говорил украинский поэт и прозаик.

«Кубанские высказывания» Луначарского не нашли места в советском каноническом образе наркома, практически не уделяется внимания им и в современной историографии, ограничивающейся краткой констатацией факта. Безусловно, взгляды Луначарского на языковую ситуацию на Кубани еще ждут своего исследователя, пока же можно предположить: Анатолий Васильевич пытался маневрировать между сторонниками и противниками украинизации на Северном Кавказе. При этом он не мог не учитывать настроения тех слоев населения, которые стремились дать своим детям возможность не ограничиваться начальной школой на национальном языке, но продолжить обучение и получить образование в средних и высших учебных заведениях с русским языком преподавания. Нарком понимал, что для создания полной вертикали образования на языке многочисленных нацио-

⁵⁰ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области». 14 декабря 1932 г. // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 696–698.

⁵¹ Пам'яті більшовика-інтернаціоналіста (3 промови голови Оргкомітету СРП УССР т. І. Кулика на траурному мітингу пам'яті А.В. Луначарського в Комкадемії в Москві, 4 січня 1934 р.) // Червоний шлях. 1934. № 1. С. 188.

нальних меншинств РСФСР не було можливостей: не хватало фінансов, кадрів, учебників. В цій ситуації Луначарський намагався зрозуміти в тому, наскільки населення Кубані пов'язано з російським мовою і російською культурою; чи варто навчати всіх дітей на «материнській мові» чи ж опиратися на бажання батьків; як створити можливість національним меншинам отримати освіту в центральних вузах. Але, якщо в вересні 1926 г. нарком радив навчати дітей на місній, кубанській мові, то в листопаді на сесії ВЦІК він говорив уже про українську мову в школах Кубані.

Литература

- Босчко В.Д., Ганжа О.І., Захарчук Б.І.* Кордони України: історія та проблеми формування (1917–1940 рр.) // Український історичний журнал. 1992. № 1. С. 56–77.
- Васильєв І.Ю.* Український націоналізм, українізація і українське культурне рухання на Кубані (друга половина ХІХ — початок ХХІ століття). М.: Традиція, 2014.
- Гончарова Н.П.* Теорія «боротьби двох культур»: дискусія та її наслідки в контексті взаємн міст і сіл УСРР у 1920-х роках // Вісник Черкаського університету. Серія: Історичні науки. 2010. Вип. 182. С. 92–97.
- Дашкевич Я.Р.* Українізація: причини і наслідки // Слово і час. 1990. № 8. С. 55–64.
- Сфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ: Інститут історії України, 2001.
- Клопова М.Э.* «Больной вопрос». Анкета журналу «Українська життя» 1912–1917 гг. // Славянський альманах. 2015. Вип. 3–4. С. 122–137.
- Комаренко Т.О.* «Теорія боротьби двох культур» і шляхи розв'язання національного питання в Україні (березень–квітень 1923 р.) // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки. 1994. Вип. 3. С. 84–90.
- Малахов С.Н., Немченко С.Г.* Сохранение памяти. Краеведческая деятельность Петра Митрофановича Галушко. Армавир-Отрадная: издатель Шурыгин В.Е., 2014.
- Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О.Р. Щелоковой. М.: РОССПЭН, 2011.
- Сергійчук В.* Північний Кавказ: українські аспекти заселення, розвитку господарства та національної свідомості. Київ: Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М.Т. Рильського НАН України, 2014.
- «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки / відп. ред. В.А. Смолій. Київ: Інститут історії України НАН України, 2003.
- Шаповал Ю.И.* Україна ХХ століття: особи та події в контексті важкої історії. Київ: Генеза, 2001.
- Якубова Л.Д.* Етнічні меншини в суспільно-політичному та культурному житті УСРР. 20-і — перша половина 30-х рр. ХХ ст. Київ: Інститут історії України НАН України, 2006.

References

- Boiechko, V.D., Hanzha, O.I., Zakharchuk, B.I., 1992. Kordony Ukrainy: istoriia ta problemy formuvannia (1917–1940 rr.) [Borders of Ukraine: history and problems of formation (1917–1940)]. *Ukrains'kyi istorychnyi zhurnal*, 1, pp. 56–77.
- Dashkevych, Ia.R., 1990. Ukrainizatsiia: prychny i naslidky [Ukrainization: causes and consequences]. *Slovo i chas*, 8, pp. 55–64.
- Honcharova, N.P., 2010. Teoriia “borot’by dvokh kul’tur”: dyskusii ta ii naslidky u konteksti vzaiemyn mista i sela USRR u 1920-kh rokakh [Theory of “confrontation of two cultures”: discussion and its consequences within context of relations between town and village in USSR (1920th)]. *Visnyk Cherkas'koho universytetu. Serii: Istorychni nauky*, 182, pp. 92–97.
- Iakubova, L.D., 2006. *Etnichni menshyny v suspil'no-politychnomu ta kul'turnomu zhytti USRR. 20-i — persha polovyna 30-kh rr. XX st.* [Ethnic minorities in the socio-political and cultural life of the USSR. 20 — the first half of the 30’s of the XX century]. Kiev: Instytut istorii Ukrainy NAN Ukrainy.
- Iefimenko, H.H., 2001. *Natsional'no-kul'turna polityka VKP(b) shchodo radians'koi Ukrainy (1932–1938)* [National-cultural policy of the CPSU (b) concerning Soviet Ukraine (1932–1938)]. Kiev: Instytut istorii Ukrainy.
- Klopova, M.E., 2015. “Bol’noi vopros”. Anketa zhurnala “Ukrainskaia zhizn” 1912–1917 gg. [“A sore point”. Questionnaire of the journal “Ukrainian Life” 1912–1917]. *Slavianskii al'manakh*, 3–4, pp. 122–137.
- Komarenko, T.O., 1994. “Teoriia borot’by dvokh kul’tur” i shliakhy rozv’iazannia natsional’noho pytannia v Ukraini (berezen’–kviten’ 1923 r.) [“Theory of the struggle of two cultures” and ways to solve the national question in Ukraine (March–April 1923)]. *Problemy istorii Ukrainy: Fakty, sudzhennia, poshuky*, 3, pp. 84–90.
- Malakhov, S.N., Nemchenko, S.G., 2014. *Sokhranenie pamiaty. Kraevedcheskaia deiatel'nost' Petra Mitrofanovicha Galushko* [Saving memory. The study of local lore by Pyotr Mitrofanovich Galushko]. Armavir-Otradnaia: izdatel' Shurygin V.E.
- Martin, T., 2011. *Imperiia “polozhitel'noi deiatel'nosti”*. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN.
- Serhiichuk, V., 2014. *Pivnichnyi Kavkaz: ukrains'ki aspekty zaselennia, rozvytku hospodarstva ta natsional'noi svidomosti* [North Caucasus: Ukrainian aspects of settlement, economic development and national consciousness]. Kiev: Instytut mystetstvoznavstva, fol'klorystyky ta etnologii im. M.T. Ryl's'koho NAN Ukrainy.
- Shapoval, Iu.Y., 2001. *Ukraina XX stolittia: osoby ta podii v konteksti vazhkoi istorii* [Ukraine of the twentieth century: persons and events in the context of difficult history]. Kiev: Heneza.
- Smolii, V.A., ed., 2003. *“Ukrainizatsiia” 1920–30-kh rokiv: peredumovy, zdobutky, uroky* [“Ukrainization” of 1920–30th: preconditions, achievements, lessons]. Kiev: Instytut istorii Ukrainy.
- Vasil'ev, I.Iu., 2014. *Ukrainskii natsionalizm, ukrainizatsiia i ukrainskoe kul'turnoe dvizhenie na Kubani (vtoraia polovyna XIX — nachalo XXI veka)* [Ukrainian nationalism, Ukrainization and the Ukrainian cultural movement in the Kuban (second half of the XIX — beginning of the XXI centuries)]. Moscow: Traditsiia.

АРЕСТ И СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД КАРДИНАЛОМ ЙОЖЕФОМ МИНДСЕНТИ В 1948–1949 ГГ. ЧАСТЬ 2. «САМЫЙ ЖАЛКИЙ УЗНИК СТРАНЫ»*

Маргит Балог —

доктор Венгерской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт истории
Центра гуманитарных исследований
Почтовый адрес: Тот Калман у., 4,
Будапешт, 1097, Венгрия
Электронный адрес: balogh.margit@btk.mta.hu

Аннотация

В результате политической борьбы, развернувшейся в Венгрии после Второй мировой войны, единственным независимым институтом в стране оставалась Римско-католическая церковь во главе с Эстергомским архиепископом кардиналом Йожефом Миндсенти. В первой части статьи было реконструировано следствие по делу примаса, арестованного по обвинению в государственной измене, подготовке переворота, направленного на свержение республиканского строя, шпионаже и валютных спекуляциях. Во второй части статьи речь идет о политическом процессе и показательном суде над Миндсенти. Заседания начались 3 февраля 1949 г. в Будапештском народном суде, а 8 февраля был оглашен обвинительный приговор. Факты в нем были подтасованы так, что надежды на изменение политического строя в стране квалифицировались как политический заговор. Йожефа Миндсенти приговорили к пожизненному заключению, лишению гражданских прав и полной конфискации имущества. Готовясь к суду второй инстанции, Миндсенти выдвигал всё новые проекты, направленные на примирение государства и Церкви. Полные глубокого разочарования письма он подписывал «осужденный», «узник», «осужденный архиепископ». Показательный процесс и долгое тюремное заточение только укрепили кардинала в вере. Статья основана на документах из фондов Венгерского национального архива, Исторического архива венгерских спецслужб, Архива примаса (Эстергом), Архива внешней политики Российской Федерации, Национального управления архивов и документации (США) и др.

Ключевые слова

Арест венгерского кардинала, заговор, мученичество, народный суд, политические партии в Венгрии, политическая полиция, Римско-католическая церковь в Венгрии, показательный процесс, кардинал Йожеф Миндсенти, Святой престол

Статья поступила в редакцию 10 октября 2020 г.

Цитирование: *Балог М.* Арест и судебный процесс над кардиналом Йожефом Миндсенти в 1948–1949 гг. Часть 2. «Самый жалкий узник страны» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 53–68.

* Часть 1 см.: *Балог М.* Арест и судебный процесс над кардиналом Йожефом Миндсенти в 1948–1949 гг. Часть 1. «Он хочет стать мучеником, но я не окажу ему этой любезности» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 73–88.

ARREST AND CONVICTION OF CARDINAL JÓZSEF MINDSZENTY 1948–1949. PART 2. “MOST PITIFUL PRISONER OF THE COUNTRY”

Margit Balogh,

Doctor of the HAS,
Chief Leading Researcher,
Institute of History,
Centre for the Humanities
Postal address: Tóth Kálmán u., 4,
Budapest 1097 Hungary
E-mail: balogh.margit@btk.mta.hu

Abstract

As a result of the political struggle that unfolded in Hungary after the Second World War, the only independent institution remaining in the country was the Catholic Church headed by the Archbishop of Esztergom, Cardinal József Mindszenty. Part One of the article reconstructs the investigation and political process against the primate, who was arrested on charges of high treason, preparing a coup aimed at overthrowing the republican system, espionage, and currency speculation. Part Two deals with the political process and show trial of Mindszenty. The hearings began on 3 February 1949 at the Budapest People’s Court, and, on 8 February 1949, the guilty verdict was announced. The facts were so cleverly manipulated that Mindszenty’s hopes for a change in the political system in the country were qualified as a political conspiracy. The cardinal was sentenced to life imprisonment, deprivation of civil rights, and complete confiscation of property. While preparing for the court of second instance, Mindszenty put forward new projects aimed at reconciling the state and the Church. Deeply disappointed, the cardinal signed his letters “condemned”, “prisoner”, and “condemned archbishop”. The show-trial and long prison confinement only strengthened the cardinal’s faith. This article is based on documents held by the Hungarian National Archives, the Historical Archives of the State Security Services, the Esztergom Primate Archives, the Archives of Foreign Policy of the Russian Federation, the National Archives and Records Administration (USA), and others.

Keywords

Arrest of a Hungarian Cardinal, conspiracy, martyrdom, people’s court, political parties in Hungary, political police, Roman Catholic Church in Hungary, show trial, Cardinal József Mindszenty, judgment, Holy See

Received 10 October 2020.

How to cite: Balogh, M., 2020. Arest i sudebnyi protsess nad kardinalom Iozhefom Mindsenti v 1948–1949 gg. Chast’ 2. “Samyi zhalkii uznik strany” [Arrest and Conviction of Cardinal József Mindszenty 1948–1949. Part 2. “Most pitiful prisoner of the country”]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 53–68.

ПРОЦЕСС (3–8 ФЕВРАЛЯ 1949 Г.)

Решение о начале и окончании открытых слушаний приняла Венгерская партия трудящихся: «8-го ф[еврал]я оглашается приговор суда по делу Миндсенти. После приговора мы попросим отозвать Чапина. Одновременно через Министерство культов необходимо установить, кто станет во главе Католической церкви Венгрии»¹. То, что верхушка политической партии келейно решала вопросы, относящиеся к ходу судебного процесса, само по себе противоречит беспристрастности правосудия, но не менее показательна сама постановка вопроса: они не знали, что вплоть до нового решения папы (которое последовало только 5 февраля 1974 г.) с точки зрения канонического права Йозеф Миндсенти — независимо от того, осудит его светский суд или нет, — оставался Эстергомским архиепископом и главой епископской конференции Венгрии. С 26 декабря 1948 г. из-за чинимых препятствий он не мог исполнять эти функции (за исключением нескольких дней в 1956 г.). В этот период его обязанности временно исполнял второй в иерархии архиепископ.

Процесс начался 3 февраля 1949 г. в 9 ч. утра перед специальным советом Будапештского народного суда под председательством Вилмоша Олти (1914–2005), сторону обвинения представлял народный прокурор Дюла Алапи (1911–1982)². И тот и другой были многим обязаны режиму, и оба состояли в рядах тайных агентов политической полиции³. Народный суд действовал именно так, как от него ожидали. При выборе судей особое внимание уделялось тому, чтобы среди них не было ни иудеев, ни протестантов, только католики. В разгар подготовки к процессу никому не пришло в голову, что столь тщательно подобранная коллегия судей незаконна. Своих представителей делегировали Венгерская коммунистическая и Социал-демократическая партии, забыв о том, что в июне 1948 г. они объединились в Венгерскую партию трудящихся, которая могла делегировать одного-единственного члена.

Процесс проходил в тюрьме на ул. Марко. Территория вокруг была плотно оцеплена, и, хотя в здании в это время не было других судебных заседаний, порядок обеспечивали силами небольшой «армии»: ночью на постах оставались «только» 70 служащих госбезопасности, в течение дня их число возрастало до 250. Вход в зал преграждали вооруженные пистолетами полицейские. *Magyar Rádió* («Венгерское радио») освещало происходя-

¹ MNL OL. M-KS 276. f. 53/20. ő. e.; РГАСПИ. Центральный комитет ВКП(б). Отдел внешней политики. Ф. 17. Оп. 128. Д. 664. Л. 43. Стенограмма заседания ПК ВПТ 3 февраля 1949 г., п. 1 повестки дня: Устное сообщение М. Ракоши о деле Миндсенти.

² MNL OL. M-KS 276. f. 53/20. ő. e.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 664. Л. 43. Стенограмма заседания ПК ВПТ 3 февраля 1949 г.

³ Материалы, относящиеся к кругу лиц, привлеченных к участию в показательных судебных процессах (ÁVTL. 2.1. IX/62. p. 44).

шее в так называемых аудиозарисовках, первая из которых вышла в эфир 3 февраля в 21 ч. Фото- и киносъемка, а также магнитофонная запись были запрещены, на процессе работал один-единственный, «аккредитованный» Управлением государственной безопасности фотограф. В кабинете М. Ракоши установили динамик, подключенный к микрофону в зале. (В обеденный перерыв первый секретарь слышал жалобы присяжных, что на обед у них только два форинта. В конце концов судьи и прокуроры получили свои тридцать серебряников: им выплатили разовые надбавки в размере 1000 фт.)⁴

Делалось всё, чтобы убедить общественное мнение в стране и за границей в виновности Миндсенти. Началось с «основанной на фактах» «Желтой книги» (с документами судебного процесса) и обязательных пресс-конференций в посольствах, затем прозвучали многообещающие заявления, что иностранных корреспондентов допустят в зал суда и разрешат свободно вести репортажи. С началом процесса обещания скукожились, словно бальзаковская шагреньевая кожа. На формально открытый процесс ни один иностранный журналист не получил обещанную аккредитацию; из сотен желающих в зал допустили 23 тщательно отобранных иностранных корреспондента. Под микроскопом рассматривали их биографии, партийные пристрастия, мировоззрение⁵.

Венгерская пресса направила освещать процесс 12 новостных агентств и 15 газет⁶. Во въезде было отказано представителям многих иностранных СМИ: венскому корреспонденту Би-Би-Си, журналистам американской *The New York Times*, британской *The Times*, влиятельнейшей французской газеты *Le Monde*, югославского новостного агентства *Tanjug* («Телеграфное агентство новой Югославии») и др. Великобритания и США в принципе не могли направить на процесс официальных наблюдателей. 3 февраля в зале заседаний присутствовал только прибывший из Белграда американский корреспондент *United Press* — тот самый Эдвард М. Корри (1922–2003), который в 1960-е гг. был послом в Эфиопии и Чили⁷. Во второй день процесса — после того как радиостанция «Голос Америки» заявила, что

⁴ Стенограмма свидетельских показаний Д. Дечи, 30 января 1990 г. (MNL OL. XX-10-k. Legfőbb Ügyészség Politikai Osztály. 18.300/1989).

⁵ Телеграмма посла С. Чапина в Государственный департамент США, Будапешт, 3 февраля 1949 г. (Входящие телеграммы, № 165). См.: NARA. RG 59. General Records of the Department of State. Central Decimal File 1945–49. Box 6888. 864.404/2–349; Список иностранных журналистов, допущенных на процесс над Миндсенти (рабочий документ, многие имена вычеркнуты): MNL OL. 276. f. 65/356. ó. e. Belügyminisztérium, Tájékoztatási Főosztály. Fol. 25–26.

⁶ A legszélesebb nemzetközi nyilvánosság előtt tárgyalják Mindszenty bűnperét // Szabad Nép. VII. évf. 27. sz. 1949. II 2. 3. old.

⁷ Телеграмма посла С. Чапина в Государственный департамент США, Будапешт, 5 февраля 1949 г. (Входящие телеграммы, № 196). См.: NARA. RG 59. General Records of the Department of State. Central Decimal File 1945–49. Box 6888. 864.404/2–549.

ей отказали в аккредитации, в зал был допущен корреспондент Си-Би-Эс. Неудивительно, что левая пресса осудила кардинала до вынесения судебного решения. За два дня до оглашения приговора официальная коммунистическая газета *Szabad Nép* (венг. «Свободный народ») в передовой статье обрушила на кардинала поток проклятий: «жалкий червь», «трусливый мерзавец», «наглый Тартюф», который перед судом отказывается от принципов только для того, чтобы спасти свою жалкую жизнь. В вечер оглашения приговора *Magyar Rádió* объявило миру, что кардинал — «кровожадное чудовище»⁸. Радиослушатели, однако, услышали в суде не фанатика Савонаролу, но и не политического преступника. В пропаганде он предстал воплощением непримиримого врага венгерской демократии, агента империализма, который вынужден признать вину под тяжестью предъявленных обвинений. В этой атмосфере общественность ставила под сомнение очевидное и, наоборот, легко верила взятым из воздуха утверждениям.

Обвинения против Йозефа Миндсенти не отличались от тех, которые обычно выдвигались в то время в Восточной и Центральной Европе при желании исключить кого-то из публичного пространства⁹. Из-за антифашистского прошлого примасу нельзя было вменить в вину коллаборационизм, как в случае с Галицким митрополитом Иосифом Слипым (1892–1984) или Загребским архиепископом Алоизием Степинацем (1898–1960). На этот раз ключевым элементом был «легитимизм», что в случае Миндсенти означало не поддержку монархической формы правления вообще, но выступление на стороне Габсбургов¹⁰. Кардинал до самой смерти не отрекался от легитимистских убеждений, не отказался от них и на допросах, что позволило без труда использовать это для обвинения в подготовке государственного переворота. Кардинал признавал, что после подписания в Париже мирного договора (10 февраля 1947 г.) он всерьез размышлял о судьбе страны в случае возникновения политического вакуума. Считалось, что не позднее осени Советская армия покинет Венгрию. Поэтому следователи не сомневались, что поворотным моментом в подготовке «заговора» стали переговоры Миндсенти, побывавшего летом 1947 г. за границей, с кронпринцем Отто фон Габсбургом (1912–2011).

⁸ Донесение Г. Прессмана, переданное агентством Си-Би-Эс 11 февраля 1949 г. из Вены. Приложение к донесению № 97 венского представительства, 17 февраля 1949 г. См.: NARA. RG 59. General Records of the Department of State. Central Decimal File 1945-49. Box 6888. 804.404/2-1749.

⁹ *Baráth M. Soviet counsellors at the Hungarian state security organs // NKVD/KGB activities and its cooperation with other secret services in Central and Eastern Europe 1945-1989 / ed. by A. Grůňová. Bratislava: Ústav Pamäti Národa, 2008. P. 87-99.*

¹⁰ О «планах влиятельных американских кругов и Ватикана по реставрации династии Габсбургов и созданию Дунайской монархической конфедерации» сообщил советскому руководству военнопленный генерал-майор венгерской армии Иштван Уйсаси (1894–1948). См.: Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. / редкол. Т.В. Волокитина, Т.М. Исламов, Г.П. Мурашко (отв. ред.) и др. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 2. 1949–1953. С. 14–15.

Однако легитимистскому заговору грош цена без короны и короля. Миндсенти хотел защитить от новой войны и просоветских правительств святую венгерскую корону, считавшуюся источником верховной власти и права, поэтому прилагал все усилия к тому, чтобы регалия, хранившаяся, как американский военный трофей, в тайном месте, была передана Ватикану¹¹. Но следствие так истолковало факты и намерения кардинала, как если бы Миндсенти хотел вывезти ее в Рим, чтобы там короновать Отто Габсбурга. В отличие от следственных органов у нас есть все основания верить, что Миндсенти и в голову не могло прийти коронование наследника в Риме, потому что в венгерском историческом конституционном праве коронация за пределами страны в принципе считалась нелегитимной. Для устранения Миндсенти с лихвой хватило бы обвинений в подготовке заговора и измене родине. На этом основании кардинала можно было бы приговорить к смертной казни. Прочие пункты обвинения — шпионаж и валютные спекуляции — не только не подкрепляли, но и снижали доверие к процессу. Но обывателю гораздо понятнее были известные по приключенческим романам «шпионаж», «валютные операции», «спекуляции», чем запутанная история с организацией заговора. Действительно, благодаря широким связям за границей у Миндсенти была иностранная валюта, часть которой он разделил между епископами для приобретения церковного имущества и благотворительной деятельности, другую же его бухгалтер без ведома кардинала передал арестованным по делу, князю Палу Эстерхази (1901–1989) и др.¹²

Большинство доказательств преступной деятельности было взято из писем Миндсенти. Сам обвиняемый на процессе разделил их на три группы: «В первой есть несколько писем, которые были написаны, но не отправлены адресатам. <...> Большая часть, которая действительно была отправлена, <...> имела целью не сокрытие ошибок, или причинение вреда, или очернение, за ними стояло желание оказать помощь; вышло так, что благое, праведное дело делалось неправильными методами. <...> Теперь я жалею, что написал их. <...> Затем, видите ли, была и третья группа, <...> письма, написанные, собственно говоря, в защиту венгерских военнопленных, а также в интересах венгров, депортированных и преследуемых на чехословацкой территории. <...> Я не мог бездействовать, я должен был их написать, и на них мое раскаяние не распространяется, потому что я следовал

¹¹ С 2000 г. корона хранится в купольном зале венгерского парламента в Будапеште. Также см.: *Палфи Г.* Одиннадцать заграничных путешествий святой венгерской короны (1205-1978) // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2019. Т. 14. № 1-2. С. 23-41.

¹² Информация взята из материалов папки, озаглавленной «Главы, просмотренные Белой Ишпанки» и содержащей материалы, не вошедшие в мемуары Миндсенти (пагинация отсутствует). Хранится в Венгерском архиве Фонда Миндсенти. См.: *Magyarországi Mindszenty Alapítvány Levéltára, Mindszenty Archivum, 34. doboz.* «Is-pánky [sic!] Béla által átnézett fejezetek».

своему пасторскому и человеческому долгу»¹³. Даже перед судом Йозеф Миндсенти не отрекался от своей прежней деятельности по защите прав человека, выступал за правду. Как и раньше в таких случаях, он не думал о себе и даже в безнадежной ситуации не отступал от важнейших для него принципов.

Тому, кто в наши дни слушает оригинальные аудиозаписи процесса или листает манипулятивные пропагандистские издания, ясно, что процесс был скандальным. В задаваемых вопросах уже содержался ответ. В ходе любого другого судебного разбирательства адвокат опротестовал бы неприкрытую тенденциозность при первой же попытке судьи задать подобный вопрос. Здесь же председательствующий в суде то и дело повторял: «Не правда ли?» В ответ он ожидал простого утвердительного ответа. Если ему казалось, что признательные показания даются не так, как следовало, он прерывал обвиняемых на полуслове. С особым раздражением он обрывал Ласло Тота, который даже со слуховым аппаратом слышал очень плохо. Судья не раз попадал впросак, беспомощно путался в доказательствах, которые и без того не были достаточно «убедительными». Адвокат кардинала выглядел не лучше. Из реплик следовало, что он переложил защиту на самих обвиняемых. Он не пригласил ни одного свидетеля, заслушать которого всё равно не успели бы, потому что судебный процесс шел со скоростью, никак не соответствовавшей его историческому значению. Получив слово, он тут же заявил, что подзащитный выбрал его кандидатуру добровольно. Слышать такое от адвоката было более чем странно. Он защищал не столько Миндсенти, сколько себя. Пространно рассуждал о своей верности венгерскому правительству, о предполагаемой же невиновности Миндсенти не сказал и двух слов. Третий участник процесса, прокурор, старался заработать «очки» позерством и высокомерием.

По свидетельствам очевидцев, кардинал Миндсенти на процессе выглядел усталым и измученным, но вел себя здраво. На вопросы отвечал с запинкой, но вежливо, и повторял, что вернется на путь истинный. В целом он говорил ясно и логично. С обреченностью человека, который знает, что судьба его предрешена, но в то же время с готовностью вступить в спор. Он последовательно защищал веру, но отнюдь не боролся как лев за лишнюю собственность и привилегий Церковь. Ошеломленная аудитория слушала истории, зафиксированные в протоколах допросов, из уст самого кардинала. «По сути», — он часто пользовался этим выражением — Миндсенти признал себя виновным. От внимательного слушателя, однако, не могло укрыться, что в ответ на серьезные обвинения он ссылался на доктрины церкви и вместо признания вины вел речь о раскаянии или сожалел о нарушении государственных законов. На провокационный вопрос: «Являетесь

¹³ Цитируется по аудиозаписи из архива *Magyar Rádió*. См.: *Magyar Rádió hangarchívuma*. «Dr. [sic!] Mindszenty József és társai pere». 6. tekercs. (ок. 47-й мин.).

ли вы сторонником республики?» он ответил не только то, что тут же было опубликовано: «Я хочу быть послушным подданным республики, современного государственного строя Венгрии», — но и следующее: «Я плоть от плоти этой венгерской земли, и у меня в сердце нет места другим обязательствам, если они противоречат моей главной привязанности»¹⁴. Даже на скамье подсудимых он ставил верность родине выше декларируемой в политических заявлениях лояльности республиканской форме государства.

Наблюдатели терялись в догадках в поисках объяснений необычному поведению кардинала: Миндсенти мертв, Миндсенти сгубили в Сибири, Миндсенти вкололи «сыворотку правды». Последнее утверждение живо до сих пор, хотя новейшие исследования не подтверждают применения парализующих волю препаратов. Находясь под арестом, кардинал вел себя совершенно «нормально», хотя порой и наивно. Во время бесед «с глазу на глаз», которые, естественно, прослушивались, он мыслил логически и планировал рассказать на суде о насилии и грубом обращении с ним. Не испугался он и народного прокурора, отказавшись признать себя виновным. Миндсенти неоднократно подавал жалобы, изучал процессуальный кодекс и совершенно не думал о себе. Когда замаячила угроза вынесения смертного приговора, он вновь принялся искать пути спасения, не понимая сути сплетаемых вокруг него интриг. На фотографиях, сделанных во время процесса, у кардинала заметно выпучены глаза. Однако это не признак «ломки», а симптом гипертиреоза (базедовой болезни), которая обострилась в связи с тем, что, как сам Миндсенти пишет в мемуарах, он боялся принимать какие-либо лекарства. Первым о применении наркотических средств заговорил один журналист, когда 4 ноября 1956 г. на пресс-конференции в американском посольстве Миндсенти рассказал, что сторонние наблюдатели решили, будто он находился под воздействием лекарств. «Нет, это были не лекарства, — опроверг домыслы сам кардинал, — просто я провел 29 (ошибка, на самом деле 39. — М. Б.) бессонных ночей и в легких образовались сгустки крови. В книге я дам более подробное описание процесса»¹⁵. Обещанные детали раскрыты в мемуарах, которые увидели свет восемнадцать лет спустя, когда уже сам автор не сомневался, что в пищу подмешивали паралитические и наркотические вещества, и не был полностью уверен только относительно использования наркотиков в последние дни процесса¹⁶. Впрочем, во время работы над мемуарами Миндсенти, скорее всего, уже принял на веру чужие слова.

¹⁴ Mindszenty József a népbíróóság előtt. Budapest: Állami Lapkiadó Kiadása, 1949. 113. old. См. также запись допросов Й. Миндсенти в фондах Звукового архива «Венгерского радио»: Magyar Rádió hangarchívuma. Dr. Mindszenty József és társai pere. 8. tekercs.

¹⁵ Look. 1956. 25 XII. Vol. 20. № 26 (специальный рождественский выпуск). Полный текст интервью см.: Balogh M. Egy amerikai újságíró “interjúja” Mindszenty Józseffel 1956 novemberében // Múltunk. 2011. 56. évf. 2. sz. 201. old.

¹⁶ Mindszenty J. Emlékirataim. Budapest: Helikon Kiadó, 1989. 245., 277., 325., 328. old.

Как можно объяснить произошедшее? Физическими и моральными испытаниями, унижениями, психическим давлением со стороны обвинения, полным душевным коллапсом обвиняемого. Период следствия и судебного разбирательства сыграл важную роль в сломе человеческого достоинства, идентичности и самосознания Миндсенти. Следователи оказались более искусны в подавлении человеческой воли и иных механизмах воздействия на психику, чем любой гипнотерапевт или медикаментозное средство. Ведь для них это было обычным делом, и они прекрасно знали и умели то, что не под силу наркотикам: как можно и нужно в зависимости от типа личности лишать сна, изнурять допросами, угрожать, внушать страх смерти, обрушивать град обвинений, лишать пищи, ломать психику, давать надежду на освобождение, чтобы затем бросить в бездну безысходности. Всё это медленно, но верно вело к коллапсу. При таких методах не были нужны никакие наркотики. За 39 дней пребывания в следственном изоляторе сломался даже Миндсенти. Нескончаемый поток вопросов постепенно притупил его, лишил интереса к жизни, он уже сам начинал «верить» в свою виновность, о чем с поразительной откровенностью написал в мемуарах: «По мере того как уменьшается мое сопротивление, в душе поселяются апатия, паралич и равнодушие. Всё безразлично. Правда становится похожей на ложь. Мир вокруг меня меняется: на вещи я уже смотрю не так, как когда попал сюда. Денно и ночью мне без устали твердят о моих “преступлениях”. Усталый, обездвиженный, я начинаю верить, что, возможно, я и впрямь преступник. Эту тему так часто разыгрывали передо мной со всё более возрастающей скоростью вращающейся сцены, что в этой детально описанной, ярко сыгранной и живо расцвеченной драме о заговоре я начал уступать им сначала в одном, затем в другом, наконец, во всем. В полной растерянности я чувствую только одно: отсюда не выбраться — и по парализованной нервной системе, по всему телу моего внутреннего человека, в мозг, в душу проникают новые влияния. Они разрушают структуру сознания, обрывают нити силы сопротивления. Память, разум, воля, понимание великих и священных ценностей слабеют, блекнут, едва мерцают»¹⁷. Миндсенти точно описал процесс, «суггестивное состояние», в котором он пребывал практически непрерывно, находясь под постоянным давлением.

Суд признал Йожефа Миндсенти виновным в подготовке заговора, измене родине и валютных спекуляциях. Приговором суда ему было назначено пожизненное тюремное заключение. Прокурор подал апелляцию, требуя смертной казни. Миндсенти предстояло провести еще полгода в неизвестности: останется ли в силе пожизненное заключение или суд второй инстанции приговорит его к смерти? Духовно он уже давно был готов к мученическому подвигу, но никогда еще он не был так близок к смерти.

¹⁷ *Mindszenty J. Emlékirataim.* Budapest: Helikon Kiadó, 1989. 266. old.

ОТ ПРОЦЕССА ДО ПРОЦЕССА

Осужденных доставили в Будапештскую тюрьму. Миндсенти отделили от «простых» заключенных, для него в одном из помещений тюремного госпиталя обустроили «апартамент». Так назвали довольно просторную, меблированную, с удобствами, но холодную и наводненную клопами камеру¹⁸. В журнале сделали интересную запись: «Особое питание с 11 февраля 1949 г.». Трудно поверить, но врагу общества номер один разрешили получать еду не как у всех. Из воспоминаний товарища по заключению Б. Ишпанки известно, что примаса освободили от уборки. Даже — вот настоящая милость! — он мог ежедневно служить мессу¹⁹. Послабления тем не менее не давали забыть о лишении свободы и ограничениях, налагаемых в повседневной жизни.

После суда первой инстанции Миндсенти, казалось, держался бодро. Первым желанием была встреча с адвокатом, чтобы обсудить порядок подачи иска об отмене приговора во Всевенгерском совете народных судов. Кардинал попросил передать ему книгу о валютном праве, «книгу для чтения на венгерском и немецком языках, большую лампу, потому что, по его словам, в камере по вечерам очень темно, наконец, 8–10 обычных сигар», — докладывала охрана²⁰. 12 февраля кардинал предложил министру юстиции Иштвану Рису (1885–1950) сделку: прокурор отзывает иск об отмене приговора, в обмен он отзывает свой иск²¹.

В тот же день кардинал написал Калочайскому и Эгерскому архиепископам письмо, которое газеты без стеснения перепечатали полностью. «Если мы раньше не выбрали вместо борьбы путь примирения, по крайней мере, сейчас я хотел бы помочь делу мира. Сегодня я вижу, что мы смотрели на проблемы только с одной стороны и не пытались понять проблемы венгерской демократии. <...> Со своей стороны, я хотел бы любым доступным способом помочь примирению государства и Церкви», — в очередной и не последний раз подтвердил Миндсенти необходимость переговоров с государством²².

¹⁸ *Farhas V. Nincs méntség. Az ÁVN alezredese voltam, Budapest: Interart Stúdió, 1990. 129. old.*

¹⁹ «С первого дня я ежедневно совершал таинство причастия обычным домашним хлебом и вином». Цит. по: *Mindszenty J. Emlékirataim. 330. old.* Также см.: *Ispánki B. Az évszázad pere. Megszólal a tanú. A Mindszenty-kirakatper ismeretlen adatai. Toronto: Vörösváry, 1987. 251 old.*

²⁰ Донесение о надзоре над Й. Миндсенти, Будапешт, 12 февраля 1949 г. (ÁBTL 3.1.9. V-700/49. Fol. 203).

²¹ Й. Миндсенти — министру юстиции И. Рису, Будапешт, 12 февраля 1949 г. (PL. Processus, 12. d. V-700/33. Fol. 146).

²² Собственноручное письмо Й. Миндсенти — Й. Грёсу, Будапешт, 12 февраля 1949 г. (Karlocsai Főegyházmegeyei Levéltár, I.1.c. Grósz József perszonális iratai: a Grósz-per visszaszolgáltatótt dokumentumai. 6. dosszié).

Калочайский архиепископ Йозеф Грёс (1887–1961) получил письмо по почте, Эгерскому архиепископу Дюле Цапику (1887–1956) его принесли два детектива, попросившие тут же дать устный ответ, что передать Миндсенти. Что мог на это ответить Цапик? Лишь то, что подобное прошение примас должен подать Святому престолу. Он хотел выиграть время, чтобы проконсультироваться с епископами. Епископская конференция ознакомилась с письмом 18 февраля 1949 г. По мнению Грёса, примас написал письмо потому, что с 26 декабря находился в информационном вакууме и не знал, что последовательная позиция Святого престола заключалась в словах «никаких переговоров». Епископы оказались в ловушке: государство предлагало вступить в переговоры, Миндсенти хотел компромисса, Рим же настаивал на отказе.

25 февраля 1949 г. примаса посетил Бела Виц (1889–1962), будапештский архиепископский викарий. Беседа их, естественно, прослушивалась, поэтому известно, что после исповеди Миндсенти предложил, чтобы побывавшая у него в декабре 1948 г. делегация в составе журналиста Йозефа Кавалльера (1891–1970), композитора Золтана Кодая (1882–1967) и историка Дюлы Секфю (1883–1955) обратилась к правительству с прошением о действиях в «духе примирения»²³, но вместе с тем речь должна была идти обо всех обвиняемых, чтобы «их письмо не выглядело бы односторонним спасением примаса»²⁴. Наедине с собой Миндсенти продумал все возможные стратегии. И предложил простой путь на переговорах с государством: «Во-первых, [нужно] вести переговоры по моему делу», — сказал он и добавил: «Иными словами, вести переговоры можно, только нельзя завершать без согласия Святого престола. <...> Речь о том, что епископская конференция займет мою сторону и заявит, что я не абы кто и епископская конференция считает меня своим членом. Сначала нужно помочь мне, как только я окажусь на свободе, мне будет легче вести переговоры, чем пока я в заключении»²⁵. Кардинал не исключал, что при наличии определенных гарантий отправится в Рим для инициирования переговоров²⁶.

В процессе подготовки к суду второй инстанции Миндсенти предлагал всё новые решения — на этот раз исключительно решения вопроса о соглашении между государством и Католической церковью. Но напрасно он писал, просил, умолял, чтобы его держали в курсе событий, ответа не было. В заточении, не имея информации о том, что происходит на воле, он наблюдал, как епископская конференция уклоняется от переговоров и проявляет

²³ *Csapody M., Szabó R. Két levél Mindszenty Józsefhez 1948-ból // Múltunk. 2013. 58. évf. 2. sz. 224–244. old.*

²⁴ Визит будапештского архиепископского викария Б. Вица в тюрьму к Й. Миндсенти, 25 февраля 1949 г. (ÁBTL 3.1.9. V-700/5. Fol. 159).

²⁵ *Ibid.* Fol. 161–162.

²⁶ *Balogh M. Kardinal József Mindszenty. Ein Leben zwischen kommunistischer Diktatur und Kaltem Krieg. Berlin: Osteuropa-Zentrum Berlin Verlag, 2014.*

нерешительность. Миндсенти был теперь не особенным, а отверженным. Атмосфера вокруг него разрядилась. В ожидании нового суда примас оказался сломлен не в ходе предварительного следствия, но в эти полгода неопределенности и праздного ожидания. Его то охватывал страх смерти, то наступало полное равнодушие к ней, у кардинала началась депрессия, случались нервные срывы. В период между двумя приговорами он написал без малого сто писем разным политикам. В одном, полном глубокого разочарования письме он просил у главы правительства, чтобы тот срочно вынес на рассмотрение Совета министров проект примирения государства и Церкви, и вместо подписи написал: «Тот, кто просит о понимании и сострадании, сегодня не кто иной, как самый жалкий узник страны»²⁷. Он был не только болен душевно, но и ослаб телесно: просил и получил врача, едва мог ходить, постоянно мерз, страдал от ревматизма. На условия содержания Миндсенти пожаловался лишь однажды — когда даже начальник тюрьмы назвал затхлый воздух его камеры «ужасным». Жажда жизни вновь и вновь толкала его на необдуманные поступки: 7 апреля он решил, что подходящим человеком для тайной передачи на волю письма может стать тюремный уборщик, а тот оказался специально внедренным в окружение примаса дознавателем... В письме Миндсенти вновь призывал епископов к решительным действиям в свою защиту.

6 июля кардинала неожиданно навестил руководитель Управления государственной безопасности Габор Петер (1906–1993). От него Миндсенти узнал, что в тот день начался суд второй инстанции. Пришло отрезвление. Он понял, что любые миролюбивые жесты или предложения компромиссов бессмысленны. У него нет шансов на защиту, адвоката к нему не пустили. Подтверждалась его прежняя точка зрения, что вступать в переговоры с диктатурами бессмысленно и преступно. На другой день он написал суду письмо, в котором отказался от всех прежде сделанных признаний: «26 декабря, в день взятия под стражу, я решил, что воспользуюсь правом не свидетельствовать. Я отступил от этого решения. Не по субъективным, но по внешним причинам. Теперь заявляю, что признания и заявления, полученные от меня начиная с 26 декабря, я объявляю не имевшими места»²⁸.

Приговор суда второй инстанции был оглашен 9 июля 1949 г. Из Миндсенти не сделали мученика, не приговорили к смерти, но и о великодушии речи не было: наказание примасу осталось прежним, только другим оно было смягчено. Примечательно, что приговор был подготовлен в двух вариантах с небольшими стилистическими расхождениями. В преамбуле говорилось, что смягчение приговоров стало возможным, поскольку «Дело

²⁷ «Личное» письмо Й. Миндсенти — председателю правительства И. Доби, Будапешт, 14 марта 1949 г., машинопись, без подписи (ÁBTL 3.1.9. V-700/33. Fol. 161).

²⁸ Собственноручное письмо Й. Миндсенти в адрес Всевенгерского совета народных судов, Будапешт, 7 июля 1949 г.: Ibid. Fol. 244. Опубликовано в: A Mindszenty-per / szerk. J. Gergely, L. Izsák. Budapest: Reform Rt., 1989, p. 488 (прим. 415).

Миндсенти потеряло изначальное значение». Это решение, лежащее вне правового поля, весьма красноречиво: у преступления может истечь срок давности, но оно не может потерять значения. Уже исходя из этого, можно сказать, что речь шла не о преступлении, в том числе и по мнению судей. С вступлением приговора в законную силу развеялись надежды на восстановление порядка церковного правления²⁹.

* * *

Миндсенти мог отречься и покинуть страну, но не сделал этого. Потому что только так он мог привлечь внимание мировой общественности к конфликту Церкви и государства в Венгрии, к безнаказанности режима. Ради этого он был готов дать пример нового, длительного мученичества: без славы и без признания. Его патриотизм, верность народу и Церкви не подлежат сомнению. Тем более что за мифом о святом мы видим слабого и колеблющегося человека. Такого, как мы все, совершающие множество ошибок и в исторические моменты, и в повседневной жизни.

От суда зависело очень многое. Прежде всего то, как сложатся после 8 февраля 1949 г. отношения венгерского государства и Католической церкви, как долго сможет удерживать оборонительные позиции Церковь, лишенная своего пастыря, насколько удастся достичь политической цели отстранения католиков от общественной жизни и их изоляции. Суд над Миндсенти дал импульс антицерковной политике режима, которую объясняли тем, что Католическая церковь заигрывает то с фашизмом, то с американским империализмом. Не в последнюю очередь процесс над кардиналом был призван показать, что никакой церковный институт или лицо не в состоянии защитить верующих, клир или самого себя от коммунистической власти, и послужил примером и устрашением для духовенства Венгрии и иных центрально- и восточноевропейских стран. Не менее показательно и частое утверждение, что обвинительный приговор был вынесен не Церкви, но конкретному, «преступному» иерарху. В этом со всей очевидностью проявилась тактика церковной политики коммунистических государств после 1948 г. — стремление расколоть Церковь изнутри, что привело от показательных арестов к организации так называемых движений священников за мир, становившихся орудием кремлевской пропаганды. В дни после суда, 11–12 февраля 1949 г., в Карловых Варах в Чехословакии заседало высшее руководство Коминформа, которое высказалось по процессу над Миндсенти, объявив, что *первая глава борьбы против Церкви закрыта*. Для искоренения остатков влияния Ватикана члены совещания предложили создать независимую от Рима «восточную (т. е. национальную. — М. Б.) Церковь»³⁰. Обвинительный приговор

²⁹ Kähler F. A főcsapás iránya: Esztergom. Mindszenty bíboros pere. Budapest: Magyarországi Mindszenty Alapítvány, 1998.

³⁰ Der Spiegel. 1949. VI 23. Jg. 3. № 7. S. 14–16. Цит. по: Spannenberger N. Hogyan láttak minket Nyugatról? A kelet-közép-európai egyházak a német nyelvű sajtóban // Felekezetek,

кардиналу стал для венгерской многопартийной системы, образно говоря, ударом милосердия. Но в то же время процесс вбил первый гвоздь в гроб коммунизма: те, кто испытывал симпатию к большевизму или склонялся к диалогу с ним, уже не согласились бы идти по этому пути добровольно. Дело Миндсенти подорвало авторитет Венгерской партии трудящихся, а суд над Ласло Райком (1909–1949) окончательно поставил на нем крест. И это при том, что замысел был прямо противоположным³¹.

Казалось, пункты обвинения подтверждали те взгляды на мировую политику, которые повсюду высказывала левая пресса: Ватикан и американские империалисты выступили единым фронтом против коммунизма. На самом же деле Святой престол в полной мере сохранил политическую независимость и свободу действий, в основе его политики лежала оборонительная стратегия противодействия распространению коммунизма, в чем он, естественно, рассчитывал на поддержку Соединенных Штатов. Эта оборонительная политика объяснялась не только влиянием СССР в Европе, но и, едва ли не в той же мере, событиями в Китае, где в конце 1948 г. коммунистические войска Мао Цзэдуна заняли всю Маньчжурию и Восточный Китай, уничтожив китайский католицизм. Рим своевременно встал на сторону Атлантического союза, чтобы защитить христианство, оказавшееся в Европе под угрозой, пусть даже ценой того, что во враждебном лагере его записали в авангард американского империализма.

Наконец, что немаловажно, итогом судебного процесса стало моральное поражение США и Запада, потому что люди, жившие по эту сторону железного занавеса, понимали: никакие декларации прав человека и массовые протесты не помешают властям и далее безнаказанно нарушать свободу вероисповедания, они и далее будут игнорировать общественное мнение, попирают гражданские права и свободы. Миндсенти верил в Америку как в бастион демократии, хотя роль политического оппозиционера он взял не по указке из Вашингтона или Ватикана, как бы ни старался доказать это государственный обвинитель. Венгерское радио передавало не только голоса обвинителей и обвиняемых, кардинал мог слышать бурные, продолжительные аплодисменты венгерского народа, звучавшие на торжественном собрании по случаю завершения процесса. Тоталитарный режим одержал победу, страна надолго, до смерти Сталина весной 1953 г., оцепенела в смертельном страхе.

Перевод с венгерского О.В. Хавановой

egyházpolitika, identitás = Konfesie, cirkevna politika, identita / szerk. M. Balogh. Budapest: Kossuth, 2008. 243. old. О роли Коминформа на основании чешских архивных источников одним из первых написал К. Каплан. См.: *Kaplan K. Stát a církev v Československu v letech 1948–1953*. Brno: Doplněk, 1993. S. 23.

³¹ *Стыкалин А.С. Кардинал Миндсенти // Вопросы истории. 2013. № 7. С. 38–58.*

Список сокращений

- ВПТ — Венгерская партия трудящихся
 ПК — Политический комитет
 РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, Москва
 ÁBTL — Állambiztonsági Szolgálatok Történeti Levéltára, Budapest
 MNL OL — Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest
 NARA — National Archives and Records Administration, College Park, Maryland
 PL — Prímási Levéltár, Esztergom

Литература

- Палфи Г.* Одиннадцать заграничных путешествий святой венгерской короны (1205–1978) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Т. 14. № 1–2. С. 23–41.
- Стькалин А. С.* Кардинал Миндсенти // Вопросы истории. 2013. № 7. С. 38–58.
- A Mindszenty-per / szerk. J. Gergely, L. Izsák.* Budapest: Reform Rt., 1989.
- Balogh M.* Egy amerikai újságíró “interjúja” Mindszenty Józseffel 1956 novemberében // *Múltunk*. 2011. LVI. évf. 2. sz. 176–204. old.
- Balogh M.* Kardinal József Mindszenty. Ein Leben zwischen kommunistischer Diktatur und Kaltem Krieg. Berlin: Osteuropa-Zentrum Berlin Verlag, 2014.
- Baráth M.* Soviet counsellors at the Hungarian state security organs // NKVD/KGB activities and its cooperation with other secret services in Central and Eastern Europe 1945–1989 / ed. by A. Grůňová. Bratislava: Ústav Pamäti Národa, 2008. P. 87–99.
- Csapody M., Szabó R.* Két levél Mindszenty Józsefhez 1948-ból // *Múltunk*. 2013. 58. évf. 2. sz. 224–244. old.
- Kahler F.* A főcsapás iránya: Esztergom. Mindszenty bíboros pere. Budapest: Magyarországi Mindszenty Alapítvány, 1998.
- Kaplan K.* Stát a cirkve v Československu v letech 1948–1953. Brno: Doplněk, 1993.
- Spannenberger N.* Hogyan láttak minket Nyugatról? A kelet-közép-európai katolikus egyházak a német nyelvű sajtóban // *Felekezetek, egyházpolitika, identitás = Konfessie, cirkveva politika, identita / szerk. M. Balogh.* Budapest: Kossuth Kiadó, 2008. 239–249. old.

References

- Balogh, M., 2011. Egy amerikai újságíró “interjúja” Mindszenty Józseffel 1956 novemberében. *Múltunk*, LVI, 2, pp. 176–204.
- Balogh, M., 2014. *Kardinal József Mindszenty. Ein Leben zwischen kommunistischer Diktatur und Kaltem Krieg.* Berlin: Osteuropa-Zentrum Berlin Verlag, 2014.

- Baráth, M., 2008. Soviet counsellors at the Hungarian state security organs. In: Grúňová, A., ed., 2008. *NKVD/KGB activities and its cooperation with other secret services in Central and Eastern Europe 1945–1989*. Bratislava: Ústav Pamäti Národa, pp. 87–99.
- Csapody, M., Szabó, R., 2013. Két levél Mindszenty Józsefhez 1948-ból. *Múltunk*, vol. 58, 2, pp. 224–244.
- Gergely, J., Izsák, L., 1989. *A Mindszenty-per*. Budapest: Reform Rt.
- Kahler, F., 1998. *A főcsapás iránya: Esztergom. Mindszenty bíboros pere*. Budapest: Magyarországi Mindszenty Alapítvány.
- Kaplan, K., 1993. *Stát a církev v Československu v letech 1948–1953*. Brno: Doplněk.
- Pálffy, G., 2019. Odinnadtsat' zagranichnykh puteshestvii sviatoi vengerskoi korony (1205–1978) [Eleven travels abroad of the Holy Crown of Hungary (1205–1978)]. *Slavic World in the Third Millennium*, 14, 1–2, pp. 23–41.
- Spannenberger, N., 2008. Hogyan láttak minket Nyugatról? A kelet-közép-európai katolikus egyházak a német nyelvű sajtóban. In: Balogh, M., ed., 2008. *Felekezetek, egyházpolitika, identitás / Konfessie, cirkevna politika, identita*. Budapest: Kossuth Kiadó, pp. 239–249.
- Stykalin, A.S., 2013. Kardinal Mindsenti [Cardinal Mindszenty]. *Voprosy istorii*, 7, pp. 38–58.

КРЕМЛЬ И ПОЛИТИКА ЮГОСЛАВИИ В ГОДЫ СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКОГО КОНФЛИКТА. 1948–1953 ГГ.

Анатолий Семёнович Аникеев —

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: tolya.anikeeff@gmail.com

Аннотация

В статье на обширном материале российских архивов анализируется проблема восприятия советским руководством внутренней и внешней политики Югославии в годы советско-югославского конфликта, возникшего в 1948 г. Показано, как складывались отношения между странами в первые послевоенные годы, какие требования предъявлялись к Коммунистической партии Югославии (КПЮ) со стороны Кремля: верность марксистской теории, идее интернационализма, всесторонняя поддержка лозунга единства всех стран «народной демократии» во главе с СССР. Проанализированы процесс постепенной переориентации руководства КПЮ в сторону приоритета национальных интересов и реакция Москвы, обвинившей югославскую компартию в ревизионизме и национализме. Исследуется характер противоречий между двумя коммунистическими партиями в контексте геополитической стратегии СССР того времени и региональной политики Югославии. Отказ Тито и его соратников признать обвинения Кремля заложил основу для поиска собственной «аутентичной» модели социализма, основанной на «истинной» марксистской теории, свободной от искажений сталинизма. Постепенное формирование и эволюция югославской модели, введение рабочего самоуправления, реформы в экономике и социальной сфере, произошедшие в начале 1950-х гг., стали объектом пристального внимания и тотальной критики со стороны советского руководства. Москва внимательно следила и за внешней политикой Югославии, главным приоритетом которой в то время было сохранение любыми способами независимости страны. Сближение Югославии с США и другими странами Запада вызывало особую обеспокоенность и раздражение Кремля, считавшего, что это будет способствовать укреплению НАТО в регионе и ослаблению позиций советского блока. Советский опыт строительства социализма стал рассматриваться югославским руководством как государственно-бюрократический капитализм.

Ключевые слова:

СССР, Югославия, советский блок, Тито, Сталин, советско-югославский конфликт, политика неприсоединения, рабочие советы

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2020 г.

Цитирование: *Аникеев А.С.* Кремль и политика Югославии в годы советско-югославского конфликта. 1948–1953 гг. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 69–84.

THE KREMLIN AND THE POLITICS OF YUGOSLAVIA DURING THE YEARS OF THE SOVIET-YUGOSLAV CONFLICT, 1948–1953

Anatoly S. Anikeev,

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail address: tolya.anikeeff@gmail.com

Abstract

Using extensive material from Russian archives, this article analyzes the problem of the Soviet leadership's perception of the domestic and foreign policy of Yugoslavia during the years of the Soviet-Yugoslav conflict that arose in 1948. The article shows how relations developed between the two countries in the first post-war years, and what requirements were made of the Communist Party of Yugoslavia (CPY) in the Kremlin: loyalty to Marxist theory, the idea of internationalism, and comprehensive support for the slogan of unity of all countries of "people's democracy" led by the USSR. The article examines the process of gradual orientation towards the priority of national interests that the CPY leadership undertook and the subsequent reaction of Moscow, which accused the CPY of revisionism and nationalism. The nature of the contradictions between the two communist parties is investigated in the context of the geopolitical strategy of the USSR at that time and the regional policy of Yugoslavia. The refusal of Tito and his associates to admit the Kremlin's accusations laid the foundation for the search for their own "authentic" model of socialism, based on "true" Marxist theory, free from the distortions of Stalinism, which was defined in Belgrade as state-bureaucratic capitalism. The gradual formation and evolution of the Yugoslav model, reforms in the economy and social sphere, and the introduction of worker's self-government, which took place in the early 1950s, became the object of close attention and total criticism from the Soviet leadership. Moscow closely followed the foreign policy of Yugoslavia, whose main priority at that time was to preserve the country's independence by any means. The rapprochement of Yugoslavia with the United States and other Western countries caused particular concern and irritation to the Kremlin, which believed that this would help strengthen NATO in the region and weaken the position of the Soviet bloc.

Keywords

USSR, Yugoslavia, Soviet bloc, Tito, Stalin, Soviet-Yugoslav conflict, non-aligned politics, work councils

Received 12 September 2020.

How to cite: Anikeev, A.S., 2020. Kreml' i politika Iugoslavii v gody sovetско-иugoslavского konflikta. 1948–1953 [The Kremlin and the Politics of Yugoslavia during the Years of the Soviet-Yugoslav Conflict, 1948–1953]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 69–84.

Коммунистическая партия Югославии в годы Второй мировой войны возглавила основное крыло освободительной борьбы в стране. Особенностью политики ее руководства в тот период было стремление придать антифашистской борьбе уже на начальном этапе коммунистическую ориентацию, ввести в ее практику элементы классового, радикально-революционного характера, обозначенные позднее в литературе как «левый уклон». В Москве считали, что реализация этой коммунистически артикулированной политики не только осложнит отношения СССР с западными союзниками, но в конечном счете может привести к сужению социальной базы Сопротивления как в самой стране, так и в Европе. Вместе с тем в Кремле понимали, что югославские коммунисты реализуют главную задачу, стоящую перед всеми компартиями в Европе и мире, ранее обозначенную Коминтерном, — завоевание власти — и делают это довольно успешно. Отношения Кремля с КПЮ и ее руководством на завершающем этапе войны строились в соответствии с этой установкой. Основные союзники СССР по антигитлеровской коалиции, США и Великобритания, под влиянием информации о реальных успехах югославских партизан вынуждены были идти на уступки и признание влияния коммунистов в Югославии¹.

До возникновения в 1948 г. конфликта между Коминформом и КПЮ в советских оценках политики югославской компартии уже появились элементы критики. В конце августа 1947 г., незадолго до создания Информбюро, в аналитической записке, подготовленной в Отделе внешней политики (ОВП) ЦК ВКП(б) и посвященной состоянию дел в компартиях восточно-европейских стран, в адрес югославской компартии, получившей большое число лестных характеристик, были вместе с тем высказаны некоторые замечания: говорилось об отсутствии внутрипартийной демократии, отмечалась «национальная узость» при принятии решений в области внешней политики (речь шла о неправильной позиции, занятой весной 1945 г. по вопросу о Триесте), указывалось на «существование определенных тенденций у руководителей компартии в переоценке своих достижений и стремление поставить югославскую компартию в положение своеобразной “руководящей” партии на Балканах»². «Вопрос о Триесте» относился к ситуации, возникшей в мае — июне 1945 г., когда войска югославской армии предприняли попытку, без договоренности с союзниками по коалиции, освободить этот город и его окрестности, что вызвало противостояние с британским командованием в регионе и последовавшую затем переписку между советским, британским и югославским руководством³.

¹ *Dimić L., Životić A. Napukli monolit. Jugoslavija i svet 1942-1948. Beograd: Arhipelag, 2012. S. 71-72.*

² *Восточная Европа в документах российских архивов. 1944-1953 гг.: в 2 т. / отв. ред. Г.П. Мурашко. Т. 1. 1944-1948 гг. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С. 708.*

³ *См.: Milkić M. Tršćanska kriza u vojno-političkim odnosima Jugoslavije sa velikim silama 1943-1947. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2012. S. 65-80.*

Весной 1945 г. Й. Броза Тито, выступая в Любляне, сказал, очевидно зная от англичан о тайном советско-британском договоре октября 1944 г. о разделе сфер влияния на Балканах, что югославская компартия всегда была против такого разделения послевоенной Европы. Реакция Кремля на выступление Тито, посвященное освобождению югославской народной армией (НОАЮ) Словенского Приморья, была стремительной. Спустя три дня, 31 мая 1945 г., заместитель министра иностранных дел А.Я. Вышинский направил советскому послу в Белграде И.В. Садчикову письмо с просьбой выяснить, что имел в виду Тито, когда говорил об «оплате чужих счетов», «разменной монете» и «политике сфер влияния»⁴. 4 июня посол посетил заместителя председателя правительства Э. Карделя (Тито в это время находился в Загребе) для того, чтобы услышать официальные объяснения. Кардель заявил, что Тито имел в виду «англо-американцев и итальянцев», а под политикой сфер влияния — «политику англичан в Югославии». Он подчеркнул, что фраза о сферах влияния не относится к Советскому Союзу, но, напротив, добавил он, «формулой нашей независимости было и остается союз и опора на Советский Союз». Через несколько дней после возвращения Тито в Белград ему пришлось уже самому отчитываться перед советским дипломатом и объяснять возникшее недоумение неверной трактовкой его слов, содержащей, по его мнению, даже «нотки недоверия» к нему. Тито отметил, что не допускает мысли об отношении его высказываний к Советскому Союзу и просит передать В.М. Молотову, что он имел в виду «исключительно империалистическую политику англо-американцев»⁵. Таким образом, этот эпизод в отношениях между СССР и Югославией, когда Москва предприняла попытку «отчитать» Тито за формулировки, имеющие, с точки зрения советского руководства, некорректный и даже антисоветский характер, стал одним из первых, свидетельствующих о сохранении и продолжении коминтерновской практики в отношении между компартиями и, в новых условиях, о распространении ее на межгосударственную сферу. Всего за месяц до этого события между двумя странами был заключен Договор о дружбе и взаимопомощи, что давало Кремлю, как там, по-видимому, считали, дополнительное право на авторитарный подход к двусторонним отношениям.

О теоретических отклонениях в КПЮ, критике его руководством советского опыта и отношения ВКП(б) к восточноевропейским компартиям передавали советским дипломатам также и их доверенные лица из ближайшего окружения Тито, такие как С. Жуйович. Всё это указывало, как полагали в Кремле, на постепенную трансформацию взглядов югославского руководства в сторону приоритета национальных интересов в ущерб общим интересам социалистического лагеря, заключавшимся в необходимости консо-

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1343. Л. 131.

⁵ Там же. Л. 134, 139–140.

лидации перед лицом западного империализма. Национализм неизбежно должен был, по мысли советских теоретиков, привести Тито и его партию к отказу от единой скоординированной политики, проводимой странами советского блока во главе с СССР, и сблизить Югославию с капиталистическим миром. В резолюции Коминформа, принятой в Бухаресте в июне 1948 г., утверждалось, что югославское руководство считает, что «путем ряда уступок империалистическим государствам» оно сможет приобрести их расположение, «договориться с ними о независимости Югославии и постепенно привить югославским народам ориентацию на капитализм». В документе констатировалось, что причины подобных надежд заключались в следовании «известному буржуазно-капиталистическому тезису», согласно которому «капиталистические государства представляют меньшую опасность для независимости Югославии, чем СССР»⁶.

Приведенная выдержка из резолюции Информбюро 1948 г., в которой говорится об ориентации руководства Югославии на сближение с капиталистическими странами, свидетельствует о том, что в аппарате ЦК к этому времени на основе ряда фактов и наблюдений сложилось именно такое представление о политике руководства КПЮ, что противоречило установкам Кремля на укрепление единого социалистического фронта в борьбе против империализма. Если верить отчету посла Англии в Белграде Ч. Пика, в Москве таким образом могли, в частности, интерпретировать югославско-британские отношения, которые в 1947 г. получили определенное развитие. Летом этого года британское посольство организовало книжную выставку, на ее открытии присутствовал Й. Броз Тито, который устроил по этому случаю прием и, как писал посол, произнес, к удивлению иностранцев, речь на английском языке. В том же году Тито пытался согласовать с британцами вопрос об освобождении югославских военнопленных из английских (британских) лагерей на австрийской территории. Ч. Пик (английский посол) сообщал также и о визите в Белград архиепископа Йорка Сирила Гарбетта (Cyril Garbett), примаса Англии, т. е. второго лица в англиканской церкви. Югославский министр иностранных дел Э. Кардель устроил в его честь официальный прием, а затем он был приглашен и на встречу с Тито, который, как отмечал посол, радушно его встретил. Не исключено, что контакты такого рода и на таком уровне с англичанами действительно могли стать дополнительным фактором, способствовавшим возникновению конфликта 1948 г. Как сообщил Ч. Пику регулярно с ним общавшийся югославский заместитель министра иностранных дел Владимир Велебит, которого Сталин после начала конфликта с Югославией неоднократно называл «английским шпионом», перечисленные эпизоды в югославско-британских отношениях 1947 г. вызвали «сильное недовольство советского правительства»⁷. В этой

⁶ Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 1998. С. 460.

⁷ The National Archives (далее — TNA). Kew. Foreign Office (F.O.). 371/95489.

связи можно предположить, что югославское руководство стремилось еще до конфликта выстраивать свои политические отношения в соответствии с известным процентным соглашением октября 1944 г. между Сталиным и Черчиллем (50 на 50 политического влияния в стране), что в новых условиях вряд ли могло устраивать Кремль.

Вместе с тем отношения Югославии с Западом в первые послевоенные годы нельзя было назвать позитивными. США и союзники резко критиковали процесс свертывания демократических институтов в Югославии, непропорциональное усиление влияния коммунистов в политической и общественной жизни страны. Контакты с Западом во всех сферах заметно сократились, а отношения с США в 1946 г., после того как югославы сбили два нарушивших границу американских самолета, даже обострились. Но, как мы видим, отношения с Великобританией, по крайней мере отчасти, были исключением.

В Москве оценки югославской внутренней политики и внешнеполитических шагов начиная с весны 1948 г. варьировались в рамках нескольких последовательно возникавших и распространявшихся пропагандистских шаблонов. 18 марта 1948 г. в Отделе внешней политики (ОВП) ЦК ВКП(б) появилась справка о КПЮ, отметившая начало нового антиюгославского курса, — «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики». В справке, состоящей из пяти обвинительных пунктов, говорилось о пренебрежении КПЮ марксистской теорией, переоценке достижений в развитии Югославии по пути к социализму и, главное, об игнорировании Советского Союза как решающей силы «лагеря демократии и социализма». В справке констатировалось, что лидеры югославской компартии не являются марксистами, «допускают серьезные политические ошибки, выражающиеся в недоброжелательном отношении к Советскому Союзу и братским компартиям. Эти ошибки превращают их в подголосков буржуазии в проведении внутренней и внешней политики страны, что таит в себе большие опасности для дальнейшего развития и построения социализма в Югославии»⁸.

Позиция югославского лидера и его ближайшего окружения в отношении СССР и советского руководства формировалась под влиянием различных факторов на протяжении длительного периода начиная со времени работы самого Тито в 1930-е гг. в Коминтерне. В целом она вполне укладывалась в традиционную схему принятого в коммунистических партиях безусловного иерархического подчинения младшего старшему. Мнение ЦК ВКП(б) и лично Сталина о действиях югославских коммунистов выслушивалось и принималось к сведению. Так было перед войной, а затем и в годы войны и первый послевоенный период, вплоть до конфликта 1948 г., от эскалации которого югославский лидер пытался на начальном этапе мак-

⁸ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 787-800.

симально уклониться. Вместе с тем следует отметить, что огромные успехи югославской компартии и Тито по консолидации усилий в борьбе против оккупантов и квислинговских сил, а также противников в гражданской войне создали условия для формирования у югославского руководства специфического морально-психологического комплекса превосходства в рамках движения Сопротивления на Балканах, а также представления об особой роли югославской компартии в системе европейских коммунистических партий: югославы рассматривали свою партию в качестве второй после ВКП(б) и в чем-то не уступавшей ей. Это обстоятельство не могло не оказать влияния и на восприятие и переоценку югославским руководством характера отношений с Москвой, что отчетливо проявилось в 1948 г. как реакция на несправедливые обвинения советской стороны.

Конфликт, возникший в начале 1948 г. после отзыва советских специалистов из Югославии и последующей переписки между советским и югославским руководством, к концу года стал приобретать необратимый характер. Условие, которое Кремль поставил Тито: согласиться со всеми предъявленными обвинениями и приехать с покаянием в Москву, было отвергнуто югославами. Тито, зная, как опасно играть с Кремлем по его правилам, приглашал советскую сторону в Белград для того, чтобы здесь на месте разрешить возникшие разногласия. Но Сталин решил идти дальше в расчете «сломать» Тито и ликвидировать вирус инакомыслия в социалистическом блоке. Была избрана многовекторная тактика в борьбе с югославской схизмой.

На новом витке конфликта советская сторона пыталась критиковать любые действия Югославии на международной арене и перестала поддерживать ее требования на конференциях по мирному урегулированию. Эта позиция советского правительства касалась, в частности, территориальных требований Югославии в отношении Каринтии, а также репараций, которые она рассчитывала получить от Австрии. В Москве заявили, что эти вопросы находятся целиком в компетенции югославского правительства⁹. В одной из советских нот говорилось, что «проблема Словенской Каринтии искусственно нагнетается югославским правительством в угоду наиболее агрессивным империалистическим кругам Англии, США, Франции, заинтересованным в поддержании враждебных Советскому Союзу настроений и военной истерии». В этом случае, как подчеркивалось, югославское правительство выступало «как недруг и противник Советского Союза, как агентура иностранных империалистических кругов». Нота завершалась следующей фразой: «Советские люди и советская общественность относят югославское правительство к разряду злостных дезертиров»¹⁰.

⁹ Советско-югославские отношения. 1945–1956. Новосибирск: Альфа-Порте, 2010. С. 391–392.

¹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 144. Оп. 9. Д. 1. П. 19. Л. 40–49.

Повстанческое движение в Греции, развернутое коммунистами в 1946 г. при поддержке Москвы, спустя два года, к концу 1948 г., стало терпеть поражения, повстанцы начали оставлять завоеванные ранее территории на севере страны. Позиция югославского руководства по отношению к греческой компартии (КПГ), поддержавшей резолюцию Информбюро, к весне 1949 г. радикально изменилась. Моральная, а главное, материальная и военная поддержка греческой компартии и ее вооруженных формирований была прекращена, что вызвало протесты как КПГ, так и Кремля. В условиях поражения коммунистов в Греции задачей югославского руководства было спасти ту часть греческих партизан, которые относили себя к этническим славянам, эгейских македонцев, разрешив им эмигрировать на югославскую территорию. Эти меры вызвали гневную реакцию Москвы, которая стремилась представить позицию югославов как предательскую, идущую вразрез с целями и задачами политики СССР¹¹.

Следующим этапом в развитии советско-югославского конфликта стал сфабрикованный советскими спецслужбами процесс над венгерским министром Ласло Райком. На прошедшем в сентябре 1949 г. в Венгрии суде он был обвинен в шпионаже в пользу США и «титовской Югославии» и спустя месяц казнен. 29 сентября Москва заявила о прекращении действия Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве с Югославией. Свое решение советская сторона обосновывала тем, что в ходе процесса над Райком «вскрылось, что югославское правительство уже длительное время ведет глубоко враждебную подрывную деятельность против Советского Союза», в том числе не только по собственной инициативе, но и по «прямым заданиям иностранных империалистических кругов»¹².

Тито, озабоченный ситуацией усиливающегося противостояния с Москвой и ее сателлитами, в телеграмме от 25 сентября находящемуся в США на сессии ООН Э. Карделю оценивал процесс в Будапеште как неприятельский удар против Югославии и указывал на необходимость принять меры, чтобы дать отпор этому «самому большому обману русских». Он также сообщал, что лично передал венгерскому послу ноту с резким протестом против действий венгерских властей¹³. В августе и сентябре в политбюро ЦК КПЮ обсуждался вопрос о возможном выступлении югославской делегации в ООН с критикой советской политики по отношению к Югославии¹⁴.

После появления 29 ноября 1949 г. третьей резолюции Информбюро, объявившей, что югославская компартия находится «во власти убийц и шпионов», югославское руководство вынуждено было окончательно сделать выбор между дальнейшей ориентацией на СССР и страны «народной

¹¹ Записка первого секретаря советского посольства в Греции А. Зубова. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 37. Д. 10. П. 143. Л. 6.

¹² Советско-югославские отношения... С. 461–462.

¹³ Arhiv Jugoslavije (далее — AJ). F. 507. CK SKJ. IID/23. L. 3.

¹⁴ AJ. F. 507. CK SKJ. III. 43. L. 38.

демократии», которые фактически изгнали Югославию из своего «лагеря», и постепенной нормализацией всего комплекса отношений с западными державами, в первую очередь с США. Сближение с Западом было необходимо, прежде всего, по экономическим причинам, но также и как эвентуальная гарантия от агрессии с востока, что не исключалось Белградом вплоть до марта 1953 г.

25 октября Москва, ссылаясь на материалы процесса по делу Л. Райка, объявила персоной нон грата югославского посла в СССР К. Мразовича¹⁵. В начале октября министр внутренних дел Югославии А. Ранкович писал Э. Карделю в Нью-Йорк о передвижениях войск сателлитов на восточной границе, военном психозе в Болгарии, перебежчиках оттуда, особой активности венгров в заброске шпионов и пропагандистской литературы в Югославию. Еще через несколько дней Ранкович отправил очередную телеграмму Карделю, в которой передавал указание Тито об осторожном лавировании в ООН и рассказывал о развитии ситуации в странах «народной демократии» после процесса по делу Райка. Он сообщал, что в Албании усиливаются слухи о скором присоединении к ней Косова, что Э. Ходжа даже заявляет об этом на митингах. В телеграмме также говорилось о закрытых партсобраниях в Венгрии, Болгарии и Румынии, на которых шла речь о скором «расчете» с Югославией и исправлении границ. Ранкович отмечал, что в стороне стоит Чехословакия, сопротивляющаяся нажиму Москвы¹⁶.

Одним из инструментов борьбы с югославским руководством должен был стать центр югославской политической эмиграции, который планировалось организовать в Москве, объединив на первом этапе «советскую» часть эмиграции. Было принято решение приступить к изданию в СССР эмигрантской газеты, вокруг которой объединилась бы вся югославская политэмиграция. Работа по реализации проекта велась в ЦК и согласовывалась со Сталиным. Строились также планы создания альтернативной компартии и подготовки для нее руководящих кадров¹⁷.

Ситуация начала меняться после смерти Сталина. Со второй половины 1953 г. в СССР снизилась интенсивность антиюгославской пропаганды, а в сентябре — октябре 1954 г. в странах «народной демократии» было прекращено вещание эмигрантских радиостанций и выпуск газет, из продажи изымалась направленная против Югославии литература¹⁸. Координационный центр югославской политической эмиграции в Москве создавался как один из инструментов борьбы советского руководства с «ревизионистским режимом Тито — Ранковича», однако в итоге сталинский проект, несмотря

¹⁵ Советско-югославские отношения... С. 471.

¹⁶ AJ/ F/507. СК SKJ. IID/209. L. 1-2.

¹⁷ См. подробнее: *Аникеев А.С.* Югославская политэмиграция в советских планах свержения Й. Броза Тито (1948–1952 гг.) // *Славяноведение*. 2016. № 5. С. 41–53.

¹⁸ *Митровић М., Селинић С.* Југословенска информбировска емиграција у источно-европским земљама, 1948–1964 // *Токови историје*. 2009. 1–2. S. 45

на значительные усилия Кремля, в том числе финансовые, оказался не осуществленным.

Как уже отмечалось, внутренняя и внешняя политика Югославии в годы конфликта находилась под постоянным наблюдением ЦК ВКП(б), получавшего информацию из разных источников, в первую очередь из дипломатических. От внимания советских дипломатов не ускользали и события, относящиеся к сфере идеологии. Весной 1951 г. советское посольство в Белграде отмечало факт «массированных атак» югославских СМИ на «Краткий курс истории ВКП(б)» и лично на Сталина. Атташе посольства А.А. Ханов, сообщая в своих донесениях о ситуации в Югославии, указывал на «наглое и циничное умаление заслуг товарища И.В. Сталина в области теории марксизма». Рассуждая о внутренней политике Белграда, в частности о решениях правительства в сфере так называемой «деэтизации» экономики, советский дипломат отмечал, что «титовцы не скрывают лозунги и принципы, характерные для буржуазных теоретиков (свободу частной собственности и т.д.)». Справку посольства о торговых отношениях Югославии с западными странами в 1950 г. ее автор начинал с того, что Будапештская резолюция Информбюро 1949 г. правильно определяла положение Югославии как страны, «превращенной кликой Тито в фашистское полицейское государство, потерявшей свою государственную независимость и ставшей добычей англо-американского империализма»¹⁹.

Внешнеполитический отдел ЦК в годы конфликта продолжал постоянный мониторинг политики КПЮ. В апреле 1952 г. В. Григорьян подготовил записку, в которой попытался проанализировать экономические и военно-политические связи «клики Тито» с США и Англией. Он отмечал, что США в обмен на поставки вооружений потребовали от Белграда координации военных планов в регионе и установления тесного сотрудничества, по образцу того, которое существовало в НАТО. Известно, что югославское руководство действительно подвергалось в этот период серьезному давлению со стороны США, но в итоге сумело использовать это обстоятельство в интересах внешней политики Югославии, в частности для решения проблемы Триеста. Кремлевский «эксперт» несколько раз подчеркивал, что экономика, внутренняя и внешняя политика, армия Югославии находятся «под непосредственным контролем американцев и подчинены подготовке к новой войне»²⁰.

В первые месяцы после смерти Сталина оценка югославской внешней политики в МИД практически не изменилась. В докладной записке (с грифом «совершенно секретно») «О положении дел в Югославии и ее внешней политике», направленной 27 мая 1953 г. заведующим IV Европейским отделом МИД М.В. Зимяниным В.М. Молотову, констатировалось, что Юго-

¹⁹ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 35. П. 144. Д. 12. Л. 43.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 149–150.

славия во внешней политике ориентируется прежде всего на США и Англию и использует предоставляемую этими государствами значительную экономическую помощь для развития «своих оборонных возможностей» и, таким образом, «основательно подчиняет всю экономику страны военным целям США»²¹. Автор считал, что заключенные между США и Югославией соглашения имели агрессивную направленность, поскольку в их основе лежал американский «Закон о взаимном обеспечении безопасности». Всё это официально включало Югославию в «американо-английский агрессивный блок» и завершало «окончательное подчинение югославских вооруженных сил контролю американской военщины», отдавая «экономику Югославии в распоряжение США, а югославское правительство на службу политическим целям американского империализма»²². Дальнейшие рассуждения Зимянина содержали идею полной военно-политической зависимости Югославии от США и Великобритании. Дополнительным свидетельством этого явилось, по его мнению, создание «югославо-греко-турецкого блока, оформленного соглашением от 28 февраля 1953 года», вскоре ставшего известным как Балканский пакт. В записке его образование связывалось с политикой «англо-американцев», которые стремились «создать и укрепить агрессивный антисоветский плацдарм на Балканах». Югославская реакция на политику СССР по отношению к Югославии после 1948 г. описывалась как череда злонамеренных действий. Подчеркивалось, что югославское правительство делало всё возможное для ухудшения отношений с СССР «и развило бешеную антисоветскую пропаганду, выставляя СССР в роли империалистической агрессивной страны, пытавшейся, якобы, “проглотить” Югославию»²³. Советский дипломат констатировал, что указанные особенности югославской политики ярко проявились в речах Й. Броза Тито, Э. Карделя, М. Джиласа и М. Пьяде на VI съезде КПЮ в ноябре 1952 г. по вопросам международной политики, а также в выступлениях югославских представителей в ООН. Для политики Югославии по отношению к странам «народной демократии», как считал Зимянин, были характерны «методы провокации и шантажа», попытки создать «в этих странах шпионскую агентуру, использовать контрреволюционные элементы всех мастей для борьбы против народно-демократического строя»²⁴. В этой записке, подготовленной в конце мая, спустя несколько месяцев после смерти Сталина, между тем отмечалось, что, «сохраняя в принципе антисоветский курс, югославское правительство в последние месяцы несколько умерило свой пыл, а выступления руководящих деятелей Югославии, включая Тито, приняли более сдержанный характер». Основной задачей советской политики

²¹ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 37. П. 153. Д. 40. Л. 10–11.

²² Там же. Л. 12.

²³ Там же. Л. 13–15.

²⁴ Там же. Л. 15.

Зимянин считал использование «всех возможностей для проникновения в Югославию правдивой информации об СССР, проведение мероприятий, могущих ослабить американское влияние в Югославии и предотвратить создание антисоветского стратегического плацдарма на Балканах»²⁵.

Внутренняя политика Югославии также была важной темой аналитической работы советской дипломатии. Особое внимание уделялось начавшимся в 1950 г. экономическим реформам, введению на ряде предприятий рабочих советов, частичным изменениям в системе управления. Советские дипломаты, следуя принятым в отношении Югославии стереотипам, сформированным в предыдущий период, продолжали смотреть на происходившие в стране процессы крайне предвзято и исключительно негативно оценивали югославский эксперимент.

Югославское руководство, принимая решение о реформах в экономике, исходило из марксистской теории о необходимости передачи в процессе социалистической революции управления предприятиями рабочим (под лозунгом «фабрики рабочим»), что должно было, по его представлениям, ограничить влияние бюрократии в сфере производства, а затем и в государстве, обозначив начало «деэтизации» в стране. Выбор югославского руководства в пользу этой концепции, сделанный в конце 1949 г., был вызовом советской практике социалистического строительства. Направляемая ЦК КПЮ пропаганда, отстаивавшая позицию, занятую руководством, была последовательна в критике резолюции Информбюро; в этом контексте возникает и мотив деформации социализма в СССР. Вскоре дискуссия о необходимости преимущественного учета национальных особенностей при определении социалистической перспективы страны, начатая в осторожной форме в узком кругу югославского руководства еще до конфликта, стала приобретать всё более отчетливое звучание. В политбюро ЦК КПЮ открыто заговорили о необходимости пересмотра сталинской концепции строительства социализма и поиске собственных подходов. Введение рабочих советов происходило в самый острый период конфликта, в 1950–1951 гг., когда югославское руководство искало любую возможность, отвергая предъявляемые обвинения, противопоставить советскому опыту, трактуемому как сталинский бюрократический социализм, свою теоретическую и практическую альтернативу²⁶. Главные теоретики этой реформы экономист Б. Кидрич и партийный деятель Э. Кардель ссылались при ее разработке на положение К. Маркса о передаче капиталистических фабрик и заводов в руки производителей при переходе к новой общественной формации²⁷.

²⁵ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 37. П. 153. Д. 40. Л. 16.

²⁶ *Kardelj Ed. Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije. 1944–1957. Sečanja. Ljubljana; Beograd: Radnička stampa, 1980. S. 133.*

²⁷ *Modić L. Skica za studiju o revolucionarnoj borbi Borisa Kidriča // Kidrič B. Sabrana dela. Beograd: Kommunist, 1985. T. 1. S. 64; Кузнецовский В.Д. Эволюция югославской концепции социализма. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1990. С. 17–25.*

Тито поддерживал и направлял идеи реформаторов. К 1951 г. эти идеи получили практическое воплощение: на ряде югославских предприятий были организованы рабочие советы, на первом этапе с совещательными функциями. Тито в своем выступлении на VI съезде КПЮ (СКЮ) в ноябре 1952 г., говоря о соображениях руководства в вопросе о реформах, подчеркивал, что учреждение советов не только не было преждевременным, как считали некоторые, но даже запоздало, поскольку до принятия «чудовищной резолюции» (резолюции Информбюро от 28 июня 1948 г. — А. А.) югославская компартия питала иллюзии относительно советского опыта, некритично воспринимала всё происходящее в Советском Союзе. Объясняя свое высказывание, он заявлял, что теперь, когда нет больше внешних авторитетов, кроме верного учения Маркса, Энгельса и Ленина, югославское руководство, исходя из собственных интересов, опыта и специфических условий страны, сможет пойти дальше своим путем. Тито отмечал, что использование заимствованных шаблонов нанесло стране много вреда, что последствия этого она и до настоящего времени с трудом преодолевает²⁸.

В октябре 1953 г. в Москву из посольства в Белграде была направлена обширная справка с анализом предпринятых в стране реформ в сфере управления экономикой, реорганизации местных органов власти и вводимых на предприятиях рабочих советов. Трактровка вторым секретарем советского посольства в Белграде А.А. Хановым югославских реформ была предельно тенденциозной, полной необъективных и характерных для советской пропаганды оскорбительных высказываний в адрес югославского руководства, решившего представить введение «рабочих советов» (в записке они упоминаются только в кавычках) как «новое достижение в области теории и дальнейшее развитие марксизма». По мнению дипломата, в действительности это было «одним из звеньев в цепи мероприятий, направленных на полную реставрацию капиталистических отношений в стране»²⁹. Этот пассаж в записке был подчеркнут красным карандашом, очевидно, заведующим Балканским отделом МИД, а возможно, и самим В.М. Молотовым, питавшим особую «симпатию» к Й. Брозю Тито. Последующий анализ рабочих советов автор документа дает, исходя из кремлевских представлений о политике югославского руководства как заведомо антинародной. Он пишет о демагогии «титовцев», пытающихся отравить сознание рабочих, рисуя перед ними «ложную перспективу возможности улучшения жизненных условий в рамках существующих в стране капиталистических отношений». Предусмотренную принятым 2 июля 1950 г. Законом об управлении государственными хозяйственными предприятиями частичную передачу прав управления рабочим Ханов называет фикцией, рассчитанной на обман рабочих³⁰.

²⁸ *Tito J.B. Borba za socijalističku demokratiju*. Zagreb: Kultura, 1953. S. 9–11.

²⁹ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 37. П. 153. Д. 40. Л. 72.

³⁰ Там же. Л. 75.

Проводимую в стране в тот период реорганизацию местных органов власти, создание общинных комитетов (одборов) и особой палаты — «веча производителей» — автор описывал как пропагандистскую кампанию титовцев, стремящихся представить эти мероприятия как «вклад в марксизм и как опровержение советской практики». Он отмечал, что именно то, что «нещадно бичевал В.И. Ленин в Рабочей оппозиции Шляпникова как синдикалистский уклон, титовцы восхваляют с особой настойчивостью»³¹. Далее Ханов указывал, что деятельность органов «рабочего самоуправления» проходит в условиях «пресловутой новой экономической системы, т. е. в условиях господства капиталистических форм хозяйствования и в условиях режима фашистского типа». «Провозгласив “свободу инициативы, свободу конкуренции и другие буржуазные свободы”, клика Тито узаконила капиталистическую анархию в хозяйственной жизни страны», — заявлял дипломат³². По его мнению, рабочие советы в существующей на тот момент форме «оказывают самое разлагающее влияние на рабочих, прививая им и культивируя в их среде буржуазные и частнособственнические чувства и интересь». Завершая свой анализ, Ханов отмечал, что «более чем 3-х летнее существование рабочих советов показало, что они не имеют ничего общего с интересами трудящихся». Он подчеркивал, что «они были созданы как один из инструментов наступления на жизненный уровень рабочих», в то время как «власть директора увеличилась и стала непререкаемой, а в его руки попали мощные средства воздействия, такие как угроза увольнения, определение размеров дополнительных выплат и т.п.»³³. Автор документа приходит к выводу, что «рабочие советы являются той социалистической ширмой, за которой титовцы закрепляют реставрацию капиталистических отношений в стране», а их, по его словам, «откровенно антирабочий характер убеждает рабочий класс Югославии в лживости титовской пропаганды о якобы социалистическом рабочем характере этих советов»³⁴.

Разработка югославским руководством особой внешнеполитической линии являлась частью так называемой «новой модели» социализма в Югославии наряду с концепцией рабочего самоуправления. Импульс к началу разработки политики, позднее получившей название «неприсоединения», был дан в конце 1949 — начале 1950 г., что, с одной стороны, было связано с возникновением угрозы агрессии против Югославии, а с другой — с попытками югославского руководства избежать нарастающего давления США и их союзников с целью включения страны в западный блок. Тито и

³¹ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 37. П. 153. Д. 40. Л. 76. «Рабочая оппозиция» — группа, организовавшаяся в РКП(б) в конце 1919 — начале 1920 гг. и выступавшая за передачу управления народным хозяйством профессиональным союзам. Во главе группы стояли А.Г. Шляпников, С.П. Медведев, А.М. Коллонтай, Ю.Х. Лутовинов.

³² Там же. Л. 77.

³³ Там же. Л. 81.

³⁴ Там же. Л. 82–83.

его соратники на первых порах выбирают тактику опоры на ООН, в которой, как им казалось, они могли рассчитывать на широкую международную поддержку в своей борьбе с агрессивными замыслами восточных соседей. В годы конфликта с Москвой по политическим и экономическим причинам произошло сближение Югославии с Западом, прежде всего с США, которые рассчитывали в условиях холодной войны получить еще одного союзника в Восточном Средиземноморье, объединив в один блок Грецию, Турцию и Югославию. Созданный в 1953–1954 гг. Балканский пакт рассматривался американцами как промежуточный для Югославии этап, за которым должно было последовать ее присоединение к НАТО. Югославское руководство, строго придерживаясь выбранной идеологической доктрины, вынуждено было в этих условиях маневрировать и сумело использовать участие в пакте для частичного решения триестской проблемы в свою пользу. В такой обстановке постепенно происходило оформление будущей югославской внешнеполитической концепции внеблоковой политики, состоявшей, по существу, в уходе от давления и расчетов обоих блоков и использовании их намерений в собственных политических и экономических интересах. Контакты со странами, освобождавшимися от колониальной зависимости, такими как Индия, Индонезия, Бирма, Эфиопия и другими, позволили Белграду начать поиск альтернативного курса внешней политики, отвечавшего его идеологическим предпочтениям. В годы правления Тито политика «неприсоединения» подняла престиж Югославии на высоту, во многом превышавшую ее европейский масштаб. Благодаря усилиям Тито она стала для страны окном в мировую политику, а также позволила ему реализовать личные амбиции, которых он никогда не был лишен.

Восприятие советским руководством внутренней и внешней политики Югославии в годы конфликта определялось, в первую очередь, лежащими на поверхности идеологическими мотивами. Обвинения в национализме, отходе от марксистской теории, ее ревизии, сближении с Западом составляли инструментальную базу советской политики давления на Белград, а также маскировали ряд существенных моментов, а именно серьезные опасения, что югославский пример станет притягательным для руководства других компартий, а это, в свою очередь, сорвет исполнение главной задачи Кремля по консолидации стран «народной демократии» вокруг СССР и приведет к ослаблению и, возможно, к развалу советского блока. Для Сталина в тот период проблема противостояния враждебному «империалистическому Западу» была основной. С точки зрения угрозы единству социалистического лагеря, которую представляла Югославия, рассматривался весь комплекс ее внутренней и внешней политики.

Литература

- Аникеев А.С.* Югославская политэмиграция в советских планах свержения Й. Броза Тито (1948–1952 гг.) // Славяноведение. 2016. № 5. С. 41–53.
- Кузнецhevский В.Д.* Эволюция югославской концепции социализма. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1990.
- Митровић М., Селинић С.* Југословенска информбирoвска емиграција у источно-европским земљама, 1948–1964 // Токови историје. 2009. № 1–2. С. 31–54.
- Dimić L., Životić A.* Napukli monolit. Jugoslavija i svet, 1942–1948. Beograd: Arhipelag, 2012.
- Milkić M.* Tršćanska kriza u vojno-političkim odnosima Jugoslavije sa velikim silama 1943–1947. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2012.
- Modić L.* Skica za studiju o revolucionarnoj borbi Borisa Kidriča // *Kidrič B.* Sabrana dela. Beograd: Kommunist, 1985. T. 1. S. 5–87.

References

- Anikeev, A.S., 2016. Iugoslavskaiia politemigratsiia v sovetskikh planakh sverzheniia I. Broza Tito (1948–1952 gg.) [Yugoslav political emigration in the Soviet plans to overthrow Josip Broz Tito (1948–1952)]. *Slavianovedenie*, 5, pp. 41–53.
- Dimić, L., Životić, A., 2012. *Napukli monolit. Jugoslavija i svet, 1942–1948*. Belgrade: Arhipelag.
- Kuznechevskii, V.D., 1990. *Evoliutsiia iugoslavskoi kontseptsii sotsializma* [Evolution of the Yugoslavian concept of socialism]. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN.
- Milkić, M., 2012. *Tršćanska kriza u vojno-političkim odnosima Jugoslavije sa velikim silama 1943–1947*. Belgrade: Institut za noviju istoriju Srbije.
- Mitrović, M., Selinić, S., 2009. Jugoslovenska informbirovska emigracija u istočno-evropskim zemljama, 1948–1964. *Tokovi istorije*, 1–2, pp. 31–54.
- Modić, L., 1985. Skica za studiju o revolucionarnoj borbi Borisa Kidriča. In: Kidrič, B., 1985. *Sabrana dela*. Belgrade: Kommunist, vol. 1., pp. 5–87.

ДОМ ЦВЕТОВ: АНАЛИЗ ОБРАЗА ЮГОСЛАВИИ В ВИДЕОИГРАХ

Евгений Андреевич Колосков —

кандидат исторических наук,
доцент, факультет международных отношений,
Санкт-Петербургский государственный университет
Почтовый адрес: ул. Смольного, 1/3, подъезд № 8,
Санкт-Петербург, 191060, Россия
Электронный адрес: eakoloskov@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена изучению образа Югославии в современных видеоиграх. В рамках исследования рассмотрены игры различных жанров (экшены, стратегические игры, симуляторы и т.д.), вышедшие на различных игровых платформах (ПК, Sony PlayStation и др.) за период 1990–2010-х гг. Нами исследованы такие аспекты, как визуализация, информативная и сюжетная составляющая и популярность среди игроков. Определены и проанализированы термины, использующимся для обозначения различных элементов видеоигр, и их значение для восприятия образа интересующей нас страны. Отдельное внимание было уделено персонажам, ассоциируемым с югославским регионом. Два из них — изобретатель Никола Тесла и герой одноименных комиксов Ларго Винч, — в силу их потенциальной значимости для образа Югославии представлены более подробно. Статья сопровождается четырьмя иллюстрациями, демонстрирующими значимые аспекты визуализации персоналий и структуры игровых моментов. В результате исследования сделаны выводы об основных сюжетах, связанных с образом Югославии, преобладающих в современных видеоиграх. Во-первых, выявлена очевидная периферийность югославских сюжетов и их в целом негативные коннотации. В большинстве рассмотренных видеоигр, в которых присутствует интересующая нас страна или выходцы из нее, в качестве сеттинга выступает криминальный мир, Югославские войны 1990-х гг. и проблема международного терроризма. Во-вторых, образы персонажей югославского происхождения весьма неоднородны, и говорить об их исключительно положительном или отрицательном характере нельзя. В-третьих, большинство игр не дают возможности играть за Югославию: лишь небольшое число стратегических игр и весьма скромный набор экшенов позволяют управлять государством, его войсками или персонажами югославского происхождения.

Ключевые слова

Компьютерные игры, видеоигры, Югославия, историческая политика, историческая память

Статья поступила в редакцию 6 октября 2020 г.

Цитирование: *Колосков Е.А.* Дом цветов: анализ образа Югославии в видеоиграх // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 85–101.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-0900163.

HOUSE OF FLOWERS: AN ANALYSIS OF THE IMAGE OF YUGOSLAVIA IN VIDEO GAMES

Evgenii A. Koloskov,

Ph.D., Associate Professor,
School of International Relations,
Saint Petersburg State University
Postal address: Smolny street, 1/3, entrance VIII,
Saint Petersburg, 191060 Russia
E-mail: eakoloskov@gmail.com

Abstract

This article examines the image of Yugoslavia in contemporary video games. I researched games of various genres (action games, strategy games, military simulators, etc.) that were released on various gaming platforms (PC, Sony PlayStation, etc.) between 1990 and the present day. I researched such aspects as visualization, information, plot components, and popularity among players. I consider and provide definitions of the terms used to designate various elements of video games and their meaning for the perception of the image of the country. I paid special attention to the characters associated with the Yugoslav region. Two of them — the inventor Nikola Tesla and the main character of the comics of the same name, Largo Winch — owing to their potential significance for the image of Yugoslavia, were considered in detail. The article is accompanied by four illustrations showing important moments of the visualization of personalities and the structure of game moments. As a result of this research, I draw some conclusions about the main plots associated with the image of Yugoslavia that prevails in modern video games. Firstly, there is the obvious peripherality of Yugoslav plots and their generally negative connotation. In most of the video games reviewed, the settings involved the criminal world, the Yugoslav war of the 1990s, or the problem of international terrorism. Secondly, the portrayal of Yugoslav characters is not very homogeneous and it is therefore impossible to talk about their exclusively positive or negative character. Thirdly, in general, Yugoslavia is mostly unplayable: only a very limited set of strategy games and a very small set of action games allow you to control the country, its troops, or characters of Yugoslavian origin.

Keywords

Computer games, video games, Yugoslavia, historical politics, historical memory

Received 6 October 2020.

How to cite: Koloskov, E.A., 2020. Dom tsvetov: analiz obraza Jugoslavii v videoigrakh [House of Flowers: An Analysis of the Image of Yugoslavia in Video Games]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 85–101.

На сегодняшний день видеоигры (ВИ) занимают всё более важное место в культуре. Помимо того что они имеют огромное влияние на молодое поколение, они проникают в литературу, живопись, скульптуру, музыку и кинематограф. ВИ становятся предметом обсуждения политиков, центром шовинистических скандалов и даже могут подпадать под государственный запрет. Оценки процента людей играющих довольно сильно разнятся, но тем не менее трудно спорить с фактом значительного воздействия ВИ на образование, культуру и науку, а также на формирование гендерных,

национальных, исторических и политических стереотипов. Достаточно давно известно, что компьютерные игры, особенно использующие в качестве сценария или фона некоторые исторические сюжеты, способствуют распространению и закреплению массовых стереотипов¹. Учитывая исторические образы в ВИ, мы можем говорить об определенной роли исторической памяти в создании игр и восприятии их игроками, с одной стороны, и о попытках контроля исторического содержания со стороны государства, т. е. исторической политике, — с другой.

Игры в целом и ВИ как частное их проявление являются важным элементом социализации. Различные типы игр могут предложить эффективные способы для расшифровки культурных кодов и смыслов, создавая параллельно иные способы и типы коммуникации, оказывающие влияние на формирование горизонтальных связей (между игроками) и вертикальных (между игровым сообществом и производителями ВИ). Таким образом задаются и трансформируются различные элементы содержания игры и, следовательно, различные социокультурные установки, вложенные в игры, в виде, например, исторических данных. Важно, что информационное содержимое может значительно меняться, реагируя на запросы потребителя и социокультурные тренды.

В рамках исследования мы постараемся ответить на вопрос, каким предстает образ Югославии в ВИ. Под Югославией мы будем понимать все три государства под данным наименованием на протяжении всей их истории: Королевство Югославия (существовало с 1918 по 1941 г., до 1929 г. — Королевство сербов, хорватов и словенцев), Социалистическая Федеративная Республика Югославия (1945–1992 гг., до 1963 г. — Федеративная Народная Республика Югославия) и Союзная Республика Югославия (1992–2003 гг.). Таким образом, сюжеты, попадающие в спектр видеоигровой индустрии и, соответственно, нашего внимания, будут датироваться XX — началом XXI в. Мы рассмотрим наиболее успешные ВИ, затрагивающие те или иные аспекты югославской истории или использующие персоналии, связанные с этой страной. Сразу стоит отметить, что народы Югославии в целом оказались на периферии основного массива ВИ «по мотивам» исторических событий, как, впрочем, и большинства игр, разрабатывающих «альтернативные варианты» истории человечества. Тем не менее некоторые аспекты, связанные с Югославией, уже определенно вошли в мейн-стримные сюжеты, можно даже сказать, стали клише.

Мы можем выделить три хронологических этапа истории Югославии, представленных в ВИ: период до 1991 г., Югославский конфликт 1991–1999 гг. и постконфликтное время. Тематически к Югославии относятся следующие сюжеты: криминальный мир, война и международный терроризм. Также

¹ Яблоков К.В. Компьютерные исторические игры 1990–2000-х гг. (проблемы интерпретации исторической информации): автореферат дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2005. С. 12.

весьма популярны образы, связанные с Югославией, которые присутствуют в жанре альтернативной истории. Кроме того, личность Николы Теслы, пожалуй самого популярного персонажа, связанного с югославской тематикой, фигурирует практически во всех вышеприведенных сюжетах. Важно оговориться, что под личностью Н. Теслы мы понимаем не реально существовавшего гениального изобретателя, а его образ в популярной культуре.

В контексте исторических сюжетов до 1991 г. Югославия, как правило, появляется в шутерах (Shooter games), военных симуляторах (Combat simulation games), в стратегических играх (Strategy games) либо в играх военной направленности (Wargames), где игроку предстоит командовать войсками различных эпох и стран, а также в играх глобального характера (Grand strategy wargame), где помимо военной составляющей существенную или даже ключевую роль могут играть экономика и дипломатия, а управлять придется уже не армией, а целым государством. При этом по очевидной причине — низкой популярности данной страны — Югославия весьма редко встречается в качестве стороны, за которую можно играть (playable), т. е. возможность игроку стать югославским военным или героем, возглавить Югославию или ее войска предоставляют не так много игр. Но рассмотрим все доступные варианты.

Шутеры как вариант экшен-игр (Action games) включают в себя множество поджанров, в которых основное внимание уделяется действиям аватара игрока, участвующего в боях, как правило, с огнестрельным оружием, как против (или за) NPC², так и против (или за) иных аватаров, контролируемых другими игроками. Военные симуляторы, соответственно, позволяют аватару игрока управлять военной техникой. Исторический сюжет, наиболее характерный для этого жанра, — Вторая мировая война, с момента появления индустрии компьютерных игр твердо удерживающая первое место по популярности. В таких шутерах, как, например, *Hidden & Dangerous* 1999 г., *Call of Duty: United Offensive* (расширение для игры *Call of Duty* 2003 г.) или симулятор *Air Conflicts: Secret Wars* 2011 г., появляются возможности поучаствовать в боевых действиях на территории Югославии, а в вышедшей в 2020 г. и находящейся в стадии раннего доступа (на стадии разработки) многопользовательской (multiplayer video game) *End of war 1945* — даже сражаться в рядах югославских партизан³. В целом игровой сеттинг можно охарактеризовать как классический: разделение «свои/чужие» очевидно и не нуждается в пояснении. Значимых исторических данных в ходе игры, за исключением данных об оружии и технике, а также общей канве событий, игрок получить, как правило, не может.

² Неигровой персонаж, или Non-Player Character (далее — NPC), — это «персонаж, управляемый не игроком». В компьютерных играх поведение таких персонажей определяется программой — заложенным алгоритмом.

³ *End of War 1945* // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/1191590/End_of_War_1945/ (дата обращения 30.09.2020).

В стратегических играх ситуация несколько иная. В ряде игр Югославия выступает местом действия, как, например, в *Commandos: Behind Enemy Lines* 1998 г. или *Hidden & Dangerous* 1999 г. В данных играх описание страны и исторической ситуации дается весьма кратко. В случае, когда предполагается богатый выбор возможных фракций для игры, также далеко не всегда можно выбрать Югославию. Подобная ситуация характерна для одной из самых успешных глобальных стратегий *Sid Meier's Civilization V*, где игроку предлагается «построить империю и выдержать испытание временем» начиная с 4000 г. до н.э. и заканчивая 2100 г. н.э. За всю серию из шести игр (и одной версии для мобильных устройств) Югославия или ее отдельные народы ни разу не были представлены в виде игровой фракции, однако начиная с пятой серии в игре стали появляться так называемые «города-государства», управляемые компьютером. Они различаются названиями, бонусами, которые получают игроки в зависимости от типа выбранного ими города-государства, кратким описанием не только города, но и страны, если это столица, и музыкальной темой (для Киева, например, это «Богатырские ворота» М.П. Мусоргского). Среди них представлены два югославских города: Белград (военный) и Рагуза — «современный хорватский Дубровник»⁴ (морской).

На данный момент лишь три серии известных стратегических игр предлагают игроку возможность возглавить Югославию или ее армию. Первая из них — игра *Wargame: Red Dragon* от французского разработчика *Eugen Systems* 2014 г. — стратегия в реальном времени (real-time strategy game), где игрок «участвует в крупномасштабном конфликте, в котором силы Запада сталкиваются с коммунистическим блоком», в качестве командующего «военными ресурсами всех 17 участвующих стран»⁵. Отметим, что непосредственно Югославская народная армия появляется только в последнем, седьмом дополнении, вышедшем в декабре 2016 г. Дополнение *Double Nation Pack: REDS* позволяет играть за две «красные» фракции (т. е. на одной стороне с СССР, КНР, КНДР и странами ОВД) в игре — вооруженные силы Югославии и Финляндии. ЮНА описывается следующим образом:

Югославская народная армия — это высокомеханизированная боевая сила с мощными танками и БМП, поддерживаемыми универсальными системами ЗРК/ЗСУ, широкий выбор которых предлагается в игре, а также множеством штурмовых самолетов югославского производства. Югославия также предлагает множество вариантов колесных бронированных машин <...>. Югославские ВВС представляют не менее четырех самолетов югославского производства (Jastreb, Super Galeb, Orao & Novi), смоделированных в игре в семи вариантах. За Югославию можно играть в коалиции с Чехословакией [в игре коалиция называется «Entente»]⁶.

⁴ Sid Meier's Civilization V // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/8930/Sid_Meiers_Civilization_V/ (дата обращения: 30.09.2020).

⁵ Wargame Red Dragon // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/251060/Wargame_Red_Dragon/ (дата обращения: 30.09.2020).

⁶ Wargame Red Dragon — Double Nation Pack: REDS // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/561470/Wargame_Red_Dragon_Double_Nation_Pack_REDS/ (дата обращения: 30.09.2020).

Серия игр шведской фирмы *Paradox Interactive* в жанре глобальной стратегии, получившие общее наименование *Europa Universalis* по одноименной первой игре, увидевшей свет в 2000 г., и посвященные истории Европы периода XV–XVIII вв., развивается достаточно быстро, так что на данный момент существуют игры, действие в которых происходит во все основные периоды истории человечества. Особенность серии позволяет игроку возглавить в любой момент отмеренного конкретной игрой времени (буквально в любой день) любое государство или иное политическое образование на карте мира. Нам интересны две серии игр, которые породила *Europa Universalis*: *Victoria* (представлена играми *Victoria: An Empire Under the Sun* 2003 г. и *Victoria II* 2010 г.), посвященная периоду 1830–1930 гг., и *Hearts of Iron* (четыре игры серии 2002, 2005, 2009 и 2016 гг.), время действия которой связано с периодом Второй мировой войны, а также созданное на ее основе своеобразное продолжение игры *Arsenal of Democracy: A Hearts of Iron Game* 2010 г., посвященное концу Второй мировой войны — начальному периоду холодной войны. Здесь же следует упомянуть своего рода объединение этих двух серий игр *Darkest Hour: A Hearts of Iron Game* 2011 г.

В рамках данной серии игр Югославия не фигурирует в качестве основной стороны, за которую игроку предлагается играть, однако такая опция доступна. В расширениях игры *Victoria II* югославам также не нашлось места: дополнения включают набор 12 стран — игровых фракций (Австрии, Великобритании, Китая, Франции, Германии, Италии, Японии, России, Испании, Швеции, Турции и США) или Гражданскую войну в США⁷. Совсем по-другому дело обстоит в играх *Hearts of Iron*, где в последней, четвертой, версии игры Югославия фигурирует в дополнении *Death or Dishonor* 2017 г. (наряду с Венгрией, Румынией, Чехословакией, «зажатыми между Советским Союзом и нацистской Германией в ходе Второй мировой войны и столкнувшимися с трудным выбором: вступить ли в конфликт с мировой сверхдержавой или пойти на компромисс со своими идеалами ради выживания»)⁸. Дополнение обещает игрокам «национальные фокусы [своего рода задания, связанные с реальными историческими событиями или амбициями, выполнение которых дает существенный бонус игроку] для Венгрии, Румынии, Чехословакии и Югославии, <...> новые уникальные события, графику и музыку с национальной спецификой и многое другое, предоставляя <...> новые способы пережить и изменить ход истории»⁹. 30 сентября 2020 г. в дневнике разработчиков было анонсировано обновление 1.10 *Collie* для игроков, при-

⁷ *Victoria II* // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/42960/Victoria_II/?l=russian (дата обращения: 30.09.2020).

⁸ *Hearts of Iron IV: Death or Dishonor* // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/584140/Expansion_Hearts_of_Iron_IV_Death_or_Dishonor/ (дата обращения: 30.09.2020).

⁹ *Hearts of Iron IV: Death or Dishonor* // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/584140/Expansion_Hearts_of_Iron_IV_Death_or_Dishonor/ (дата обращения: 30.09.2020).

обретших *Death or Dishonor*, где были представлены серьезные расширения для Югославии и Румынии. Оно имело целью «дать игрокам больше исторических и альтернативно-исторических путей»¹⁰. Отметим, что «расширенные исторические события», как и «древо национальных фокусов», представленное на рис. 1, дают определенные знания о реалиях югославской истории соответствующего периода, а в одном из вариантов игра позволяет воплотить мечту Тито о создании Балканского и даже Панбалканского союза¹¹.

Рис. 1. Древо «национальных фокусов» Югославии из игры *Hearts of Iron IV*. 2020 г. (скриншот из официального дневника разработчиков игры*)

¹⁰ Dev Diary: Yugoslavia and Romania // Steam [сайт]. URL: <https://store.steampowered.com/newshub/app/394360/view/2877195252804567424> (дата обращения: 30.09.2020).

¹¹ Ibid.

* Developer diary for the 1.10 Collie patch // Paradox Forum. URL: <https://forum.paradoxplaza.com/forum/threads/hoi4-dev-diary-yugoslavia-and-romania.1428578/#lg=attachment633791&slide=0> (дата обращения: 5 октября 2020).

Серия игр американской фирмы «Muzzy Lane Software» *Making History* (англ. «Создавая историю»), выпущенная в 2007 г. и включающая в себя две игры (*Making History: The Calm & The Storm* и сиквел *Making History II: The War of the World* 2010 г.), вскоре после появления первой была объявлена «уже входящей в учебную программу [по истории] Второй мировой войны в более чем 150 школах [США]»¹². Более того, в 2016 г. фирма *Muzzy Lane Software* опубликовала исследование «Возможности игрового обучения для улучшения успеваемости нетрадиционных студентов»¹³. В том же году компания продала права на бренд *Making History* и сосредоточилась на образовательных технологиях¹⁴. Основные кампании игры связаны с историческим периодом 1936–1945 гг., и разработчики предоставляют возможность играть за все «международно-признанные нации», существовавшие в это время. В последней версии игры *Making History: The Second World War*, выпущенной в 2018 г. уже фирмой *Factus Games* (ранее — издатель игр данной серии), предусмотрены «280 различных национальностей» и возможность «играть за любую нацию»¹⁵.

Как мы видим, Югославии уделяется внимание, но она явно не претендует на то, чтобы стать самой популярной игровой фракцией периода мировых войн и холодной войны. Так, анализ достижений, получаемых за различные успехи или курьезы при прохождении игры от одного из наиболее популярных игровых сообществ *Steam*, показывает низкий игровой интерес и отсутствие внимания разработчиков к этой стране. Среди достижений, получаемых при прохождении *Making History: The Second World War*, нет ничего, связанного с прохождением игры за Югославию, хотя есть достижения, например, при игре за Турцию (*Rebirth of the Ottoman Empire* — за захват всех территорий бывшей Порты и *Pan-Turkic Empire* — за контроль всех территорий с тюркской культурой) и Грецию (*Megali Idea* — за захват Стамбула, Анатолийского берега, Додеканеса, Валоны и Кипра)¹⁶. В случае *Hearts of Iron IV* представлено два достижения (из 132) «за» Югославию: *The Balkan Powder Keg* (за развязывание Второй мировой войны) и *Huge-oslavia* (за оккупацию Австрии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании, Италии и Греции)¹⁷. Интересно, что игровая статистика показывает низкий процент

¹² Philips M. Why WWII Videogames Are Hot // Newsweek. 12/27/07. URL: <https://www.newsweek.com/why-wwii-videogames-are-hot-94465> (дата обращения: 30.09.2020).

¹³ Snow B. The Potential for Game-based Learning to Improve Outcomes for Nontraditional Students // Muzzy lane [сайт]. URL: <http://www.muzzylane.com/wp-content/uploads/MuzzyLaneResearchReport.1.20.2016.pdf> (дата обращения: 30.09.2020).

¹⁴ About Us // Muzzy lane [сайт]. URL: <https://muzzylane.com/about-us/> (дата обращения: 30.09.2020).

¹⁵ Making History: The Second World War // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/462940/Making_History_The_Second_World_War/ (дата обращения: 30.09.2020).

¹⁶ Общая игровая статистика Making History: The Second World War // Steam [сайт]. URL: <https://steamcommunity.com/stats/462940/achievements> (дата обращения: 30.09.2020).

¹⁷ Общая игровая статистика Hearts of Iron IV // Steam [сайт]. URL: <https://steamcommunity.com/stats/394360/achievements> (дата обращения: 30.09.2020).

выполнения подобных действий: 1,7% и 0,8% среди игроков, обладающих лицензионной версией игры. Для сравнения: оккупировали Великобританию, играя за Германию (Operation Sea Lion), 8,5% игроков, добились объединения Нидерландов с Бельгией и Люксембургом (United Netherlands) 4%, отправили Польшу в космос (Poland can into space) 2,5%, оккупировали Мюнхен, играя за Чехословакию (The Munich Disagreement), 2%, построили, играя за Венгрию, Хорти линкор (Better than the Szent István) 1,9%, возродили Византию, играя за Грецию (I Swear I'm Not a Byzantophile), 1,2% и т. д.¹⁸

Период Югославских войн 1991–1999 гг. представлен в индустрии ВИ гораздо более разнообразно. Война в Югославии, в особенности Боснийская война, стала первой европейской войной «в реальном времени». Огромный политический резонанс, вовлеченность международных сил, наличие социально активных свидетелей конфликта оставили огромный след в массовой культуре, и, конечно, видеоигры, особенно военной направленности, не могли остаться в стороне. Югославская война становится полем боя в шутерах, военных симуляторах и стратегических играх значительно чаще, чем предшествующие исторические периоды. Стоит упомянуть, что в появившихся в 2010-е гг. многочисленных симуляторах выживания (survival games)¹⁹ также была затронута тема трагических событий в Югославии. Причем важно отметить, что речь идет именно о флагманах индустрии, оказавших серьезное влияние на развитие ВИ в целом.

Первой игрой, касавшейся событий Боснийской войны, была *Command & Conquer* 1995 г., ставшая родоначальницей целой серии игр и каноничной для жанра стратегий в реальном времени. И хотя американская *Westwood Studios* творила альтернативную историю, щедро перемежая ее фантастикой, влияние событий 1991–1995 гг. очевидно: антагонист со штабом в Сараево (его и придется штурмовать протагонисту в конце игры) начинает захват Европы, одна из ключевых групп антагонистов («древнего ордена») называется «Черная рука» (Black Hand) — по мысли разработчиков игры, именно она ответственна за начало Первой мировой войны и т. д.²⁰ Отметим, что и во второй игре серии *Command & Conquer: Tiberian Sun* 1999 г. обнаруживаются отзвуки Югославской войны, несмотря на то что в игре действие происходит после 2030 г. По-прежнему существует «Черная рука», главным антагонистом или протагонистом становится Антон Славик (Anton Slavik) в исполнении Фрэнка Энтони Загарино (рис. 2), происхождение и мотивация поступков которого описывается следующим образом:

¹⁸ Общая игровая статистика Hearts of Iron IV // Steam [сайт]. URL: <https://steamcommunity.com/stats/394360/achievements> (дата обращения: 30.09.2020).

¹⁹ Smith G. Survival Games Are Important // Rock, Paper, Shotgun. 20th October 2014. URL: <https://www.rockpapershotgun.com/2014/10/20/survival-games-are-important/> (дата обращения: 30.09.2020).

²⁰ Selinske J. Command & Conquer Bible: A Definitive Guide To The Command & Conquer Universe. Las Vegas, Nevada: Westwood Studios, 1999. URL: <https://www.gamereplays.org/commandandconquer3/portals.php?show=page&name=commandandconquer-tiberian-sun-lore-bible> (дата обращения: 30.09.2020).

Славик рос сиротой во время гражданской войны на Балканах. Боснийский серб по происхождению, он наблюдал, как западные державы объединяются для демонстрации силы против его народа. Поскольку сербские войска попали под гусеницы танков ООН [имеются в виду события мира игры], Славик питал глубокую ненависть к Западу. Свою сербскую идеологию «мы против всего мира» он подчинил служению Братству НОД [сторона антагонистов игры]. Поскольку он никогда не знал мира в детстве, он предпочитает не верить в него, будучи взрослым²¹.

Рис. 2. Антон Славик
из игры *Command & Conquer: Tiberian Sun*. 1999 г.*

Отметим, что и дальнейшие игры серии (*Command & Conquer 3: Tiberium Wars*²², *Command & Conquer 3: Kane's Wrath*²³, *Command & Conquer 4: Tiberian Twilight*²⁴ и др.) так или иначе затрагивают эту тематику или имеют отсылки к Югославским войнам: постоянно фигурирующее в различных миссиях Сараево, республики бывшей СФРЮ как арены боевых действий,

²¹ Selinske J. *Command & Conquer Bible: A Definitive Guide To The Command & Conquer Universe*. Las Vegas, Nevada: Westwood Studios, 1999. URL: <https://www.gamereplays.org/commandandconquer3/portals.php?show=page&name=commandandconquer-tiberian-sun-lore-bible> (дата обращения: 30.09.2020).

* *Command & Conquer Remastered Collection* // Платформа Steam. URL: https://store.steampowered.com/app/1213210/Command_Conquer_Remastered_Collection/ (дата обращения: 5 октября 2020).

²² *Command & Conquer 3: Tiberium Wars* // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/24790/Command_Conquer_3_Tiberium_Wars/ (дата обращения: 30.09.2020).

²³ *Command & Conquer 3: Kane's Wrath* // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/24810/Command_Conquer_3_Kanes_Wrath/c (дата обращения: 30.09.2020).

²⁴ *Command & Conquer 4: Tiberian Twilight* // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/47700/Command_Conquer_4_Tiberian_Twilight/ (дата обращения: 30.09.2020).

зоны безопасности и т. п. создают своего рода отрицательный образ альтернативного прошлого распавшейся страны.

Ближе к реальности события Югославских войн представлены в шутерах серии *Syphon Filter* (выпущена в 1999 г.), в *Spec Ops: Rangers Lead The Way* 1998 г., в сериях военных симуляторов *Thunderhawk*, *Comanche* (выпущены в 1992 г.), в *F-16 Multirole Fighter* (1998 г.), *Falcon 4.0: Allied Force* (2005 г.) и др. В ряде современных игр Югославская война становится ключевым сюжетным элементом, среди них: *Sniper: Ghost Warrior 2* 2013 г., в которой протагонист вспоминает свой опыт боевых действий в Сараеве в 1993 г., *This War of Mine* 2014 г., наделавший много шума²⁵ симулятор выживания в осажденном городе, явно ассоциируемом с Сараевым, *A Trip to Yugoslavia: Director's Cut* 2017 г., симулятор в ретро-стиле *Full Motion Video*, где игроку приходится действовать в условиях гражданской войны. Также необходимо отметить до сих пор не вышедшую игру, давшую тем не менее название нашей статье: в 2016 г. проживающий в Швеции молодой сербский программист Иван Нотарош придумал игру *House of Flowers*²⁶. Автор, бывший свидетелем войны, так описал мотивы, заставившие его заняться разработкой игры:

Я думаю, что всегда хотел рассказать историю о 90-х годах и о распаде Югославии. <...> Каждый раз, когда я путешествовал, меня просили пересказать, что на самом деле произошло во время войны, и я устал повторять одну и ту же историю. Я имею в виду, что я всегда объяснял войну как что-то, в чем виноваты все, где именно базовые человеческие ценности являются главным фактором того, как всё [обернулось], а не политические структуры, офицер или влиятельный человек. <...> Эта история — не историческая реконструкция, скорее это история того, что привело к тому обществу, в котором я живу сегодня²⁷.

Отметим, что появление игры вызвало интерес и за пределами сообщества геймеров, в том числе и в странах бывшей Югославии²⁸. Сербской

²⁵ Noach R. This war video game is not about the shooters. It's about the victims // The Washington Post. 2014. 21 XI. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/world-views/wp/2014/11/21/this-war-video-game-is-not-about-the-shooters-its-about-the-victims/> (дата обращения: 30.09.2020).

²⁶ Priestman C. A videogame tribute to growing up around the Yugoslav Wars // Kill Screen. 08.02.2016. URL: <https://killscreen.com/previously/articles/house-of-flowers/> (дата обращения: 30.09.2020); Najavljena igra o raspadu Jugoslavije House of Flowers // IGN Adria. 10.08.2016. URL: <https://adria.ign.com/house-of-flowers/7105/news/najavljena-igra-o-raspadu-jugoslavije-house-of-flowers> (дата обращения: 30.09.2020).

²⁷ Priestman C. A videogame tribute to growing up around the Yugoslav Wars // Kill Screen. 08.02.2016. URL: <https://killscreen.com/previously/articles/house-of-flowers/> (дата обращения: 30.09.2020).

²⁸ Najavljena video igra o raspadu Jugoslavije — Nećete verovati kom ŽANRU pripada! // Srbija Danas 12.08.2016. URL: <https://www.srbijadanas.com/it/video-igre/najavljena-video-igra-o-raspadu-jugoslavije-necete-verovati-kom-zanru-pripada-video> (дата обращения: 30.09.2020); «КУЋА ЦВЕЋА» Pravi se video igra o raspadu Jugoslavije // BLIC.

прессе Нотарош объяснял причины, побудившие его к созданию игры, следующим образом:

Мне всегда хотелось сделать игру о моей стране, Сербии, Балканах. В моей игре о распаде Югославии на самом деле войны не будет, она будет происходить в тех частях страны, которые не были напрямую охвачены войной, но где последствия были очень ощутимы. Игрок сталкивается с кризисом, эмбарго, распадом коммунистических ценностей и ростом национализма, коррупции <...>. Поскольку я приехал из страны, в которой происходит действие игры, она практически говорит обо мне и моих родителях, когда я был ребенком. Я помню музыку, людей, запахи и многое другое из того времени. В каком-то смысле это будет любовное письмо моей родине²⁹.

Основная задача в игре — выжить. Протагонист работает на низкооплачиваемой работе с промышленным оборудованием, которое причиняет всё больше и больше вреда экологии и обществу по мере усугубления экономического кризиса. Это происходит на фоне других событий и явлений, свидетелем которых Нотарош был в детстве, среди них можно отметить утрату обществом коммунистических идеалов, рост национализма, рост преступности и коррупции, а также введение воинской повинности.

Трагические события распада Югославии создали в популярной культуре определенный образ страны, который в дальнейшем был перенесен на ее жителей, а также на выходцев из всего балканского региона. Государства, получившие независимость в результате распада Югославии, прочно закрепили за собой место в военных шутерах, показывающих не только условную современность (*Tom Clancy's Splinter Cell: Essentials* 2006 г., *007: Quantum of Solace* 2008 г., *Battlefield 3* 2011 г., *Medal of Honor: Warfighter* 2012 г. и др.), но и далекое будущее (например, *Battlefield 2142* 2006 г.). Персонажи югославского происхождения, причем как жители постюгославских стран, так и мигранты, появляются практически во всех известных сериях игр, связанных с локальными войнами (*Far Cry 2* 2008 г.) или миром криминала (*Grand Theft Auto IV* 2008 г., *Payday 2* 2013 г., *Hitman Absolution* 2014 г. и др.).

Классическим и наиболее известным персонажем, которого можно отождествлять с Югославией, стал Нико Белич (Niko Bellic), протагонист вышедшей в 2008 г. *Grand Theft Auto IV*. И хотя о стране происхождения персонажа намеренно умалчивается в игре и в выступлениях разработчиков, которые, как, например, исполнительный продюсер Сэм Хаузер, го-

10.08.2016. URL: <https://www.blic.rs/it/kuca-cveca-pravi-se-video-igra-o-raspadu-jugoslavije/yk9yrsy> (дата обращения: 30.09.2020); Pravi se video igra o raspadu // Jugoslavije Radio.15.08.2016. URL: <http://radio.rs/sr/vesti/lifestyle/tehnologija/pravi-se-video-igra-o-raspadu-jugoslavije-3951.html> (дата обращения: 30.09.2020).

²⁹ Najavljena video igra o raspadu jugoslavije — Nećete verovati kom ŽANRU pripada! // Srbija Danas 12.08.2016. URL: <https://www.srbijadanas.com/it/video-igre/najavljena-video-igra-o-raspadu-jugoslavije-necete-verovati-kom-zanru-pripada-video> (дата обращения: 30.09.2020).

ворят, что Нико «из той серой части разрушенной Восточной Европы»³⁰, всё же фамилия, история (упоминается участие в войне за 15 лет до событий игры) и мнение актера, озвучившего героя³¹, не оставляют сомнений в его югославском происхождении. Нико — типичный персонаж-эмигрант «с темным прошлым», «непростой судьбой» и набором определенных принципов. Однако именно от действий героя зависит его дальнейшая судьба в рамках предложенного криминального сеттинга.

Стоит отметить, что вопреки расхожему мнению, будто выходцы из бывшей Югославии всегда являются отрицательными героями, беглый анализ мейнстримных ВИ показывает гораздо более пеструю картину: от ключевых антагонистов, как, например, Зоран Лазаревич в *Uncharted 2: Among Thieves* 2009 г., до безальтернативно положительных протагонистов, как Йосип Идромено (Josip Idromeno) в *Far Cry 2*. Очевидно, что именно персонажи, ассоциируемые с боснийскими сербами, чаще оказываются злодеями, что опять же отсылает к реалиям мейнстримного дискурса Боснийской войны. Достаточно сложно представить в современной игровой индустрии шутер, дающий возможность воевать за боснийских сербов или бойцов ЮНА против солдат стран НАТО. Разработчики стратегических игр также в ближайшее время вряд ли заинтересуются распадом Югославии, учитывая опасность критики и обвинений в отрицании / поощрении преступлений против человечества.

В целом мы можем констатировать преобладание негативного образа Югославии и ее жителей в киберпространстве. Почти все игры связаны либо с военной, либо с криминальной тематикой. Редкие исключения в виде симуляторов гонок (*Colin McRae: Dirt 2* 2009 г.) или квестов (*Jalopy* 2016 г.) принципиально ничего не меняют и не оказывают влияния на общие представления о стране. Даже игры, производимые разработчиками из бывшей Югославии, не создают альтернативного образа для массовой культуры, рисуя картины социального протеста, как, например, в *Civil Revolt* 2015 г., на создание которой авторов вдохновили массовые выступления в Нише того же года³², или войны — в пока не вышедшей *House of Flowers*. Единственной принципиальной альтернативой ходульному облику выходцев из Югославии в ВИ можно считать двух персонажей, не ассоциируемых с криминальным миром или войной: героя комиксов Ларго Винча (Largo Winch) — в меньшей степени и уже упомянутого нами изобретателя Н. Тес-

³⁰ Boyer C. Sweet Land of Liberty // Electronic Gaming Monthly: 44–56. 27 April 2008. URL: <http://www.1up.com/features/sweet-land-liberty?pager.offset=3> (дата обращения: 22.10.2020).

³¹ Schiesel S. A Video Game Star and His Less-Than-Stellar Pay // The New York Times. May 21, 2008. URL: <https://www.nytimes.com/2008/05/21/arts/television/21gta.html> (дата обращения: 22.10.2020).

³² Jovanovic I. Revolting Video Game Becomes Viral Hit in Serbia // Balkan Insight. July 6, 2015. URL: <https://balkaninsight.com/2015/07/06/video-game-civil-revolt-becomes-viral-hit-in-serbia/> (дата обращения: 30.09.2020).

лу — в большей степени. Впрочем, считать ли их югославами, — вопрос, на который мы постараемся ответить.

Ларго Винч — персонаж одноименной серии франкоязычных графических романов, популярных в 1990-е гг. — первое десятилетие XXI в., имеющий югославское происхождение. В ВИ данный герой представлен лишь в *Largo Winch: Empire Under Threat* 2002 г., приключенческом боевике (action-adventure games), построенном на сюжете серии комиксов. И хотя в исходном произведении югославские корни персонажа играют определенную роль в истории и раскрытии его личности, в ВИ знание, например, сербского языка большого значения не имеет. Также в игре отсутствуют локации, связанные с Югославией. Н. Тесла, наоборот, представлен многообразно и широко, чему, очевидно, способствует его значимость в популярной культуре. Разумеется, медийный Тесла сильно отличается от своего исторического прообраза и зачастую является персонажем игр с фантастическим сеттингом, как правило паропанком (иначе — стимпанком, от англ. *steampunk*).

Интерпретации образа великого ученого весьма разнообразны, и в первую очередь отличия касаются его влияния на сеттинг игры. Однако визуальный облик персонажа остается узнаваемым и в основном неизменным (см. рис. 3), а его изобретения почти всегда визуализируются посредством вспышек молний. Стоит упомянуть сравнительно редкую ситуацию, когда Тесла является протагонистом, как, например, в экшенах *Tesla vs Lovecraft* 2018 г.³³, *Tesla Force* 2020 г.³⁴ финской *10tons Ltd*, в которых известный изобретатель старается победить «безумие древних богов с помощью науки»³⁵. В большинстве же случаев Тесла выступает в качестве NPC, помогающего игроку своими изобретениями: в серии *Assassin's Creed*, шутере *Dark Void* 2010 г.³⁶ или приключенческом боевике *The Order: 1886* 2015 г.³⁷ Несколько реже изобретения Теслы становятся сеттингом или его ключевой частью: в головоломке (puzzle-platform game) *Teslagrad* 2013 г.³⁸ или в квестах *Tesla Effect: A Tex Murphy Adventure* 2014 г.³⁹ и *Close to the Sun* 2019 г.⁴⁰ Зачастую

³³ *Tesla vs Lovecraft* // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/636100/Tesla_vs_Lovecraft/ (дата обращения: 30.09.2020).

³⁴ *Tesla Force* // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/1149710/Tesla_Force/ (дата обращения: 30.09.2020).

³⁵ *Tesla vs Lovecraft* // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/636100/Tesla_vs_Lovecraft/ (дата обращения: 30.09.2020).

³⁶ *Dark Void* // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/45710/Dark_Void/ (дата обращения: 30.09.2020).

³⁷ *Орден 1886* // PlayStation.Store. URL: https://store.playstation.com/ru-ru/product/EP9000-CUSA00076_00-TO1886GAME000000 (дата обращения: 30.09.2020).

³⁸ *Teslagrad* // Steam [сайт]. URL: <https://store.steampowered.com/app/249590/Teslagrad/> (дата обращения: 30.09.2020).

³⁹ *Tesla Effect: A Tex Murphy Adventure* // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/261510/Tesla_Effect_A_Tex_Murphy_Adventure/ (дата обращения: 30.09.2020).

⁴⁰ *Close to the Sun* // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/968870/Close_to_the_Sun/ (дата обращения: 30.09.2020).

Рис. 3. Никола Тесла и его команда из игры *Tesla Force*. 2020 г.
(Обои игры с официального сайта*)

Тесла появляется не под своим именем: он может быть Николаем Тасловым в стратегии *ParaWorld* 2006 г. или Марко Драганичем в приключенческом боевике *Red Dead Redemption 2* 2019 г.⁴¹

В стратегических играх имя Теслы упоминается, как правило, вскользь — основную роль играют его изобретения. Кроме игры *ParaWorld*, лишь в градостроительной (city-building game) *Frostpunk* 2018 г.⁴² Тесла фигурирует в качестве персонажа — он является правителем города Теслограда. В серии *Command & Conquer*, в ее своеобразных приквелах (или спин-оффах) *Red Alert*, посвященных противостоянию СССР и США в альтернативной вселенной Второй, а впоследствии и Третьей мировых войн, Тесла появляется в качестве исследователя, работающего на Советский Союз, чьи именные разработки становятся оружием: Tesla coin и Tesla tank в первой и третьей частях игры⁴³, они же и Tesla trooper во второй; наконец, в *Red Alert iPhone* появляется промышленное здание Tesla reactor⁴⁴. В игре *Iron*

* Tesla Force [Official]. URL: <http://www.teslaforcegame.com/> (дата обращения: 5 октября 2020).

⁴¹ Red Dead Redemption 2 // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/1174180/Red_Dead_Redemption_2/ (дата обращения: 30.09.2020).

⁴² Frostpunk // Steam [сайт]. URL: <https://store.steampowered.com/app/323190/Frostpunk/> (дата обращения: 30.09.2020).

⁴³ Command & Conquer: Red Alert 3 // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/17480/Command_Conquer_Red_Alert_3/ (дата обращения: 30.09.2020).

⁴⁴ Tesla reactor (Red Alert iPhone) // Steam [сайт]. URL: [https://cnc.fandom.com/wiki/Tesla_reactor_\(Red_Alert_iPhone\)](https://cnc.fandom.com/wiki/Tesla_reactor_(Red_Alert_iPhone)) (дата обращения: 30.09.2020).

Harvest 2020 г.⁴⁵, основанной на сеттинге популярной польской настольной игры *Scythe*, о Тесле говорится как о создателе боевых машин (mech), являющихся визитной карточкой этой альтернативной межвоенной реальности.

И хотя связь Теслы с Югославией очевидна в большинстве ВИ — он воспринимается как серб (или хорват), выходец из балканского региона, шире — Восточной Европы, вряд ли можно говорить о том, что его образ в значительной степени напрямую влияет на восприятие исторической Югославии. Он явно визуально не похож на традиционно «плохих» югославо́в, таких как Антон Славик (см. рис. 2 и 3), а стилистика начала XX в. отличается от общей тенденции изображения персоналий и картин югославской истории в ВИ (см. рис. 4).

Рис. 4. Интерьер научного корабля-колосса «Гелиос», построенного Николой Теслой, из игры *Close to the Sun*. 2019 г. (Скриншот с официальной страницы игры*)

На основании проделанного анализа мы пришли к следующим выводам об образе Югославии, преобладающем в современных ВИ. Во-первых, нами выявлена очевидная периферийность югославских сюжетов: Югославия в качестве места действия рассматривается как один из возможных вариантов и крайне редко становится ключевым локусом исторических событий. Во-вторых, можно говорить в целом о негативной коннотации

⁴⁵ Iron Harvest // Steam [сайт]. URL: https://store.steampowered.com/app/826630/Iron_Harvest/ (дата обращения: 30.09.2020).

* Close to the Sun [Official]. URL: https://steamcdn-a.akamaihd.net/steam/apps/968870/ss_0855cd3a2281ceb70e4b60f1ae7118df21883264.jpg?t=1604612549 (дата обращения: 5 октября 2020).

образов, связанных с Югославией. В большинстве рассмотренных видеоигр, в которых присутствует интересующая нас страна или выходцы из нее, в качестве сеттинга выступает криминальный мир, Югославская война 1990-х гг. и проблема международного терроризма. Югославия и постюгославское пространство рассматриваются как неблагополучное и беспокойное место. В-третьих, изображение персонажей югославского происхождения весьма неоднородно и говорить об их исключительно положительном или отрицательном характере нельзя. Образ сербского военного, как правило, отрицателен, а изобретатель Никола Тесла почти всегда — положительный персонаж. В-четвертых, в целом Югославия и выходцы из нее в большинстве случаев не являются игровой фракцией. Лишь очень ограниченное число стратегических игр и весьма небольшой набор экшенов позволяют управлять государством, его войсками или персонажами югославского происхождения.

Литература

Яблоков К.В. Компьютерные исторические игры 1990–2000-х гг. (проблемы интерпретации исторической информации): автореферат дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2005. 24 с.

Snow B. The Potential for Game-based Learning to Improve Outcomes for Nontraditional Students. January 14, 2016 // Muzzy lane [сайт]. URL: <http://www.muzzylane.com/wp-content/uploads/MuzzyLaneResearchReport.1.20.2016.pdf> (дата обращения: 30.09.2020).

References

Iablokov, K.V., 2005. *Komp'uternye istoricheskie igry 1990–2000-kh gg. (problemy interpretatsii istoricheskoi informatsii)* [Historical computer games of the 1990–2000s (Interpretation of historical information issue)]. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Moscow: RGGU.

Snow, B., 2016. *The Potential for Game-based Learning to Improve Outcomes for Non-traditional Students* [online]. URL: <http://www.muzzylane.com/wp-content/uploads/MuzzyLaneResearchReport.1.20.2016.pdf> (accessed: 30.09.2020).

К ЭТИМОЛОГИИ ПРАСЛАВ. *TĚLO ‘ТЕЛО’

Михаил Николаевич Саенко —

кандидат филологических наук,
научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: veraetatis@yandex.ru

Аннотация

В статье выдвигается новая версия происхождения праславянского слова *tĕlo ‘тело’, которое до сих пор не имеет общепринятой этимологии. Автором оно связывается с глаголом *tĕlĕti ‘тлеть’. В качестве семантической параллели приводится *trupь ‘труп; туловище’, образованное от глагольного корня *trup- ‘трухляветь’. В случае этого слова значение ‘туловище’, по-видимому, развилось из ‘труп’. Предполагается, что *tĕlo также могло первоначально обозначать мертвое, тлеющее тело. Автор отвергает фигурирующее в некоторых работах предположение о связи *tĕlĕti и *tĕlo ‘пол, основание’ и возвращается к версии, согласно которой *tĕlĕti родственно литовским глаголам *tilti* ‘замолкать, утихать’ и *tylėti* ‘молчать’. Предполагается, что вместе со своими балтийскими когнатами *tĕlĕti восходит к корневому глаголу *tĕ-, от которого были образованы дуративные формы на -ĕ-, позднее вытеснившие исходный корневой вариант. Исчезновение слоговых плавных изменило структуру аблаута для корней, подобных *tĕ-: чередование вида CeR / CoR / Cŕ сменилось чередованием CeR / CoR / CiR ~ CuR. Это привело к включению этих корней в аблаутные схемы, характерные для корней со старым *i и чередованием CiC- // CejC- // CojC-. В частности, от *derti (*dĕrĕ) / *dĕrati (*dĕrĕ) ‘драть’ было образовано существительное *dĕra ‘дыра’. Вокализм корня *tĕlo объясняется как результат действия аналогичного вторичного аблаута. Как менее вероятная рассматривается возможность выведения *tĕlo из старого корневого существительного с характерным долгим вокализмом.

Ключевые слова

Праславянский язык, этимология, соматическая лексика

Статья поступила в редакцию 2 сентября 2020 г.

Цитирование: Саенко М.Н. К этимологии праслав. *tĕlo ‘тело’ // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 102–112.

ON THE ETYMOLOGY OF THE PROTO-SLAVIC *TĚLO “BODY”

Mikhail N. Saenko,

Ph.D., Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: veraetatis@yandex.ru

Abstract

The author puts forward a new hypothesis on the origin of the Proto-Slavic word *tĕlo “body”, which, to date, does not have a commonly accepted etymology. The researcher draws a connection with the verb *tĕlĕti “putrefy”. The word *trupъ “corpse; torso”, derived from the verb *trup- “decay”, is presented as a semantic parallel. The meaning “torso” in this case has most likely developed from “corpse”. Thus, it is believed that *tĕlo might have originally meant a dead, putrefying body. The author rejects a supposition about a connection between *tĕlĕti and *tĕlo “floor, foundation”, which can be found in several studies, and goes back to a hypothesis, according to which *tĕlĕti is related to the Lithuanian verbs *tīlti* “go silent, quieten” and *tylėti* “keep silent”. It is suggested that *tĕlĕti with its Baltic cognates originated from the root verb *tĕ-, from which *-ē-durative forms were formed. The latter replaced the original root variant over time. The disappearance of syllabic liquids changed the structure of ablaut in roots similar to *tĕ-: the alternation type CeR / CoR / Cŕ was changed to CeR / CoR / CiR ~ CuR. As a result, these roots were included in the ablative schemes typical of the roots with the old *i and the alternation CiC- // *CejC- // *CojC-. As a particular example, the word *dĕra “hole” was formed from *derti (*dĕrĕ) / *dĕrati (*dĕrĕ) “to tear”. The vocalism of the root of *tĕlo is seen as a result of a similar secondary ablaut. Additionally, the author looks at the possible derivation of *tĕlo from the old root noun with its characteristic long vocalism, which is believed to be less probable.

Keywords

Proto-Slavic language, etymology, body part terms

Received 2 September 2020.

How to cite: Saenko, M.N., 2020. K etimologii praslav. *tĕlo “telo” [On the Etymology of the Proto-Slavic *tĕlo “body”]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 102–112.

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Праславянское название тела достоверно реконструируется как *tĕlo, gen.sg. *tĕlese. Его континуанты почти повсеместно сохраняются в современных славянских идиомах. В то же время это слово до сих пор не имеет надежной этимологии¹.

С формальной точки зрения корректному этимологизированию *tĕlo мешают две проблемы:

¹ См. краткий обзор имеющихся версий в: *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Brno: Tribun EU, 2012. Sešit 16. S. 958–959.

а) фонетическая — восстанавливать *toĭlo или *tĕlo?

б) словообразовательная — является ли *-l-* частью корня или же суффиксом (как в *dĕlo)?

Соответственно, мы имеем четыре гипотетических реконструкции корня интересующего нас слова — *toĭ-, *toĭl-, *tĕ-, *tĕl². Ни один из этих вариантов не восстанавливается ни для праславянского, ни для праиндоевропейского. Наиболее близки к требуемой структуре слова *tĕlo ‘пол, земля’ и *tĕlĕti ‘тлеть’. И если о возможной связи *tĕlo и *tĕlo уже писали раньше, то сопоставление *tĕlo и *tĕlĕti, на первый взгляд, невозможно ни формально, ни семантически. Далее мы постараемся показать, что такая этимология вполне может иметь право на существование.

2. СЕМАНТИКА

Существует пример, показывающий возможность семантического дрейфа ‘мертвое тело, труп’ > ‘туловище’. Речь идет об истории семантики праславянского слова *trupь. В современных языках его континуанты имеют следующие основные значения:

- ст.-сл. *troupъ* ‘труп’³;
- болг. *trup* ‘туловище; труп; ствол (срубленного дерева)’⁴;
- мак. *trup* ‘туловище; труп’, *trupeц* ‘бревно, полено’⁵;
- схр. *trûp* ‘туловище; тело; корпус; труп; пень’⁶;
- слвн. *trûp* ‘туловище; корпус’⁷, засвидетельствовано также значение ‘чурбак’⁸ (в значении ‘труп’ в современном литературном словенском употребляется слово *truplo*);
- др.-чеш. *trûp* ‘чурбак’ (?)⁹;

² Реконструировать *teHl- проблематично, поскольку в этом случае большинство исследователей ожидало бы действия закона Хирта, в то время как для *tĕlo восстанавливается акцентуационная парадигма *c*, см.: *Скляренко В.Г.* Праслов’янська акцентологія. Київ: Українська книга, 1998. С. 131. В то же время существует ряд примеров, когда, несмотря на наличие ларингала в исходном корне, праславянское слово относится к парадигме *c*: *sŭpъ, *dāgъ, *kālъ и другие.

³ *Slovník jazyka staroslověnského*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1983. Díl 4. S. 496.

⁴ *Бернштейн С.Б.* Болгарско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 666.

⁵ *Толовски Д., Иллич-Свитыч В.М.* Македонско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. С. 502-503.

⁶ *Речник српскохрватскога књижевног језика*. Нови Сад: Матица српска, 1976. Књ. 6. С. 318.

⁷ *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. URL: <http://www.fran.si> (дата обращения: 28.08.2020).

⁸ *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Ljubljana: Knezoškofijstvo, 1895. Del 2. S. 699-700.

⁹ В «Древнечешском текстовом банке» (чеш. *Staročeská textová banka*) обнаруживается лишь один контекст, на основании которого можно постулировать такое значение: др.-чеш. «*ande všudy ludi hlúpi leže ssěceni vňuž trúpi*» («там везде люди глупые лежат, порубленные, словно чурбаки») (Alexandreida, сер. XIV в.). См.: *Vokabulář webový*. URL: <https://vokabular.ujc.cas.cz> (дата обращения: 28.08.2020). При этом современное

- словц. (с XVIII в.) *trup* ‘туловище; труп; ствол’¹⁰;
- др.-пол. и пол. *trup* ‘труп’¹¹;
- каш. *trup* ‘труп’; *trěpa* ‘сухая ветка; трухлявое дерево, особенно на торфянике; медлительный человек, флегматик; часть дерева вокруг трухлявой части, колода, лежащая в болоте; труха; палка’¹²;
- др.-рус. *трупъ* ‘труп; туловище; ствол, обрубок дерева’^{13,14};
- рус. диал. *труп* ‘туловище’¹⁵;
- бел. *труп* ‘труп’, в диалектах также ‘туловище’¹⁶;
- укр. *труп* ‘труп’.

Таблица 1

Основные значения континуантов **trupь* в славянских языках

	труп	туловище	часть дерева
ст.-сл.	+		
болг.	+	+	+
мак.	+	+	+
схр.	+	+	+
слвн.		+	+
др.-чеш.			+
словц.	+	+	+
др.-пол.	+		
пол.	+		
каш.	+		+
др.-рус.	+	+	
рус.	+	+	
бел.	+	+	
укр.	+		

чешское и словацкое *trup* ‘туловище’ — позднее заимствование из южнославянских языков. См.: *Rejzek J. Český etymologický slovník*. Brno: Leda, 2001. S. 678.

¹⁰ *Historický slovník slovenského jazyka*. Bratislava: Veda, 2005. Diel 6. S. 114.

¹¹ *Słownik staropolski*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1982-1987. T. 9. S. 194.

¹² *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2006. T. 5. S. 166.

¹³ Это значение встречается только в памятниках, имеющих южнославянские протографы.

¹⁴ *Словарь русского языка XI-XVII вв.* М.; СПб.: Нестор-История, 2015. Вып. 30. С. 206-207.

¹⁵ *Словарь русских народных говоров*. СПб.: Наука, 2012. Вып. 45. С. 165.

¹⁶ *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Мінск: Беларуская навука, 2017. Т. 14. С. 124.

Слово *trupъ родственно литовскому глаголу *trūpti* ‘крошиться’. Семантический дрейф здесь, вероятно, шел по одному из двух сценариев:

трухляветь —> труп > туловище
 ↘ трухлявый ствол

трухляветь —> трухлявый ствол > труп > туловище

В любом случае значение ‘туловище’ развилось из ‘труп’. Этому соответствует тот факт, что значение ‘труп’ у континуантов *trupъ представлено почти повсеместно в славянских языках, сохранивших это слово, а вот ‘туловище’ распространено значительно меньше.

Еще одним примером, демонстрирующим интересующий нас дрейф значения, является французское *cadavre* ‘труп’, заимствованное из латинского *cadaver* ‘труп’. При этом если латинское слово по отношению к телу живого человека могло употребляться только пейоративно¹⁷, то в некоторых французских диалектах *cadavre* (с фонетическими вариантами) приобрело значения ‘тело (живого) человека’, ‘тело’, ‘толстяк’ и т. д.¹⁸

Таким образом, мы имеем основания считать семантическую связь между *tělĕti ‘тлеть’ и *tělo ‘тело’ потенциально возможной. При такой этимологии *tělo должно было бы первоначально обозначать мертвое, тлеющее тело¹⁹.

3. ФОРМА

Согласно традиционной этимологии, *tělĕti вместе с лит. *tilti* (*tỹla*²⁰, *tilo*) ‘замолкать, утихать’, *tylėti* (*tỹli*, *tylėjo*) ‘молчать’ и др.-ирл. *tuilid* ‘он спит’ восходят к корню *telH- ‘still werden’²¹.

Существительное *tělo обычно сопоставляют с лит. *tilės* (f. pl.) ‘доски в дне лодки или в пролете моста’, прус. *talus* ‘пол в комнате’, лат. *tellūs* ‘земля, суша, почва, участок, область’, санскр. *talam* ‘равнина, долина; дно, глубина; подошва ноги; ладонь; поверхность, плоскость’ и др.²²

¹⁷ Oxford Latin Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1968. P. 247.

¹⁸ Französisches etymologisches Wörterbuch: eine Darstellung des galloromanischen Sprachschatzes. Leipzig; Berlin: B.G. Teubner, 1946. Bd. 2/2. S. 22–23. Автор благодарит анонимного рецензента статьи за указание на данный пример.

¹⁹ Менее надежным примером интересующей нас схемы семантического дрейфа является русское слово *туша*, производимое частью этимологов от *tǫxnoṭi ‘тухнуть’, но другими — от *tyti ‘толстеть’. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. С. 129.

²⁰ Этимологически — *tĭla с носовым инфиксом. См.: Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego. Preprint. 2020. URL: <https://rromanes.org/pub/alii/Smoczyński%20W.%20Słownik%20etymologiczny%20języka%20litewskiego.pdf> (дата обращения: 28.08.2020).

²¹ Lexikon der indogermanischen Verben / Rix H. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001. S. 621; Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Brno: Tribun EU, 2014. Seš. 17. S. 1009.

²² Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Brno: Tribun EU, 2014. Seš. 17. S. 1010.

Есть и альтернативные гипотезы, связывающие *тъю и *тълѣти и помещающие их в рамки терминологии подсечно-огневого земледелия. Чтобы обосновать это решение, подчеркивается значение ‘пепел, прах, тлен’ в белорусских и русских смоленских говорах, а также русское *сгореть дотла* (при рус. диал. *сгореть на пепел*)²³.

Однако, как показывает семантика континуантов *тъю, основным значением этого праславянского слова было вовсе не ‘почва’, а ‘пол, основание’, что прекрасно согласуется с его традиционной этимологией.

В старославянских памятниках мы находим тьла (pl.) только в составе конструкции на тьлѣхъ стоати²⁴. В сербохорватском и словенском *tlo* и *tla* (pl.) соответственно — это в первую очередь ‘пол’, ‘основание’ и лишь вторично ‘почва’²⁵. В чешских диалектах *tlo* — это ‘дощатый потолок’²⁶. В древнепольском *tlo* — ‘пол’²⁷. В современном польском — ‘фон, основание’²⁸. Древнерусское тьло / тьла (pl.) означало ‘земля, пол’ (очень часто употреблялось с глаголами положения в пространстве)²⁹. В русских диалектах *tlo* значит ‘низ, основание, дно; пол’³⁰. Лишь в белорусском и примыкающих к белорусскому ареалу смоленских говорах *tlo* имеет значение ‘прах, тлен’. В территориально близких псковских и тверских говорах зафиксировано также значение ‘перегной’³¹. Однако это явно локальная инновация, возможно вызванная вторичной ассоциацией с глаголом *тлеть*.

Отметим, что слово *пол* в русских диалектах также пережило дрейф ‘пол’ > ‘земля’³².

Выражение *сгореть дотла*, к которому апеллирует Л.В. Куркина, само по себе не может служить доказательством старой семантики ‘прах’ у *тъю. Во-первых, в русских говорах *до тла* имеет более широкую сочетаемость, чем в литературном языке: «его обокрали до тла», «хлеб до тла погнил» и скорее означает ‘до основания’³³. Во-вторых, следует указать на чеш-

²³ Мартынов В.В. Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. М.: УРСС, 2004. С. 29–31; Куркина Л.В. Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М.: Азбуковник, 2011. С. 183–188.

²⁴ Slovník jazyka staroslověnského. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1983. Díl 4. S. 544.

²⁵ Slovar slovenskega knjižnega jezika. URL: <http://www.fran.si> (дата обращения: 28.08.2020); Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад: Матица српска, 1976. Књ. 6. С. 225.

²⁶ Slovník spisovného jazyka českého. URL: <https://ssjc.ujc.cas.cz> (дата обращения: 28.08.2020).

²⁷ Słownik staropolski. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1982–1987. T. 9. S. 160.

²⁸ Słownik języka polskiego PWN. URL: <https://sjp.pwn.pl> (дата обращения: 28.08.2020).

²⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Азбуковник, 2011. Вып. 29. С. 372.

³⁰ Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2011. Вып. 44. С. 156.

³¹ Там же.

³² Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 1995. Вып. 29. С. 28–29.

³³ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., СПб.: Товарищество М.О. Вольфа, 1909. Т. 4. С. 772.

ское выражение *shořet do základů* ‘сгореть до основания’, которое, на наш взгляд, полностью соответствует русскому *сгореть дотла* в отношении внутренней формы.

Соответствие *tělěti и литовских *tilti, tylėti* важно тем, что позволяет постулировать для прабалтославянской эпохи корневой глагол *t̥l- > *til-, от которого были образованы дуративные формы на -ē-, позднее вытеснившие исходный корневой вариант. В связи с тем, что в литовском мы находим -ē-/i- глагол, а в праславянском — -ě-/ěj-, вероятно, эта инновация возникла независимо в балтийской и славянской ветвях.

Случаи деривации -ē- глаголов от корневых можно обнаружить в литовском: *kęsti (keñčia, keñtė)* ‘страдать; терпеть’ > *kentėti (keñčia, kentėjo)* ‘то же’; *skaūsti (skaūdzia, skaūdė)* ‘заболеть’ > *skaudėti (skaūda, skaudėjo)* ‘болеть’; *tirti (tiria, tyrė)* ‘исследовать’ > *tyrėti (tyrėja, tyrėjo)* ‘то же’ (М. Дакша)³⁴.

Для праславянского можно назвать *bęgti > *běžati; *gęsti > *gędėti; *sęsti > *sędėti и др.³⁵ На первый взгляд, *tělěti, относящийся к типу -ě-/ěj-, выпадает из этой обоймы: от корневых образованы -ě-/i- глаголы, иногда с сохранением части старых форм (например, рус. *бегу, бегут*). Более того, преобладание среди глаголов типа -ě-/ěj- деноминативных и deadъективных форм (*bolěti, *bělěti и др.) как будто даже говорит в пользу этимологии, выводящей *tělěti от *tělo. Тем не менее в типе на -ě-/ěj- есть и глаголы праславянской древности, не являющиеся производными от имен, например *zgrěti ‘созревать’.

Кроме того, примером образования глагола на -ě-/ěj- от корневого является случай *ęti ‘взять’ > *jьměti ‘иметь’. Оговорим, что, по мнению некоторых ученых, уже в праславянском он имел формы *jьměti : *jьmать³⁶. И действительно, такое соотношение мы находим как будто бы в большинстве славянских языков: ст.-сл. имѣти : имамь; слвн. *imeti : imat*; чеш. *mít : mám*; в.-луж. *měć : mat*; н.-луж. *měś : mat*; пол. *mieć : mat*; бел. *мець : маю*. Однако помимо русского *иметь : имею* и старославянского имѣти : имѣкъ (пусть и более редкого, чем имѣти : имамь³⁷) стоит указать также на то, что формы императива (а императив должен образовываться от основы настоящего времени) в словенском, чешском и польском имеют следующий вид: *imej, měj* и *miej* соответственно. Мы полагаем, что более обоснован-

³⁴ *Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego. Preprint. 2020. S. 1395-1396. URL: <https://tromanes.org/pub/alii/Smoczyński%20W.%20Słownik%20etymologiczny%20języka%20litewskiego.pdf> (дата обращения: 30.08.2020).*

³⁵ *Толстая С.М. Праславянские типы глагольных основ и их лексическое распределение // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20-27 августа 2018 г. Доклады российской делегации / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 107. DOI 10.31168/0417-6.1.6.*

³⁶ *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. С. 128.*

³⁷ *Slovník jazyka staroslověnského. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1958. Díl 1. S. 767.*

ной является точка зрения, согласно которой атематические формы типа *jьmать проникли в парадигму *jьmēti вторично³⁸. В постпраславянский период в отдельных языках на это наложились также формы параллельного производного от *ęti — *jьmati.

Связать (*telH- >) *tělēti и *tělo можно двумя способами. Первый из них — это рассмотрение *tělo как случая тематизации старого корневого существительного.

Нам известны примеры праславянских существительных с неаккутированным долгим гласным в корне. Ф. Кортландт трактует их как бывшие корневые имена³⁹. К наиболее надежным из названных им случаев, по нашему мнению, относятся следующие: *čāgь, *mēlь / *mēlь, *gěсь, *žālь, *žāgь⁴⁰. Долгие гласные в них Кортландт объясняет вслед за Вакернагелем как результат удлинения в односложных существительных⁴¹. Конечно, нельзя не предположить альтернативный сценарий — удлинение корневого гласного в nom.sg. в результате действия закона Семереньи с последующим выравниванием вокализма по всей парадигме. В пользу этого может говорить то, что основа большинства из этих существительных оканчивается на *r* или *l*, выбивается только *gěсь. Такой сценарий для *tělo не является невозможным, однако предполагает смену рода с мужского на средний.

Второй способ — это произведение *tojlo от *til- ‘тлеть’ со вторичным аблаутом. Исчезновение слоговых плавных изменило структуру аблаута для ряда корней: чередование вида CeR / CoR / CṘ сменилось чередованием CeR / CoR / CiR ~ CuR. Впоследствии такие корни стали включаться в новые аблаутные отношения.

В литовском у ряда глаголов мы находим вторичное *ī* в формах прошедшего времени: *ginti, gina, gynė* ‘защищать’; *minti, mina, mynė* ‘мять’; *pinti, pina, pynė* ‘плести’; *tinti, tina, tynė* ‘колотить’. Во многих производных глаголах обнаруживается и вторичное *-ai-*, достроенное к *-i-* производящего глагола по образцу чередований глаголов с унаследованным *-i-*: *giinti* ‘гнать’ > *gáinioti* ‘гонять’; *pinti* ‘плести’ > *páinioti* ‘путать, мешать’; *skinti* ‘рвать’ > *skáinioti* ‘обрывать’; *trinti* ‘тереть’ > *tráinioti* ‘истирать’; *dilti* ‘истираться’ > *dáilinti* ‘шлифовать’⁴².

³⁸ Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1981. Вып. 8. С. 227.

³⁹ Kortlandt F. Long vowels in Balto-Slavic // Baltistica. 1985. Т. 21. № 2. Р. 118.

⁴⁰ Критику гипотезы Кортландта см. в статье М. Виллануэвы-Свенссона, который для *žalь постулирует акутовую интонацию, *čagь и *žagь объясняет как девербативы от интенсивов со степенью удлинения в корне, а в случае *mēlь настаивает на наличии альтернативной этимологии: Villanueva Svensson M. Indo-European long vowels in Balto-Slavic // Baltistica. 2011. Т. 46. № 1. Р. 13–14.

⁴¹ Kortlandt F. Long vowels in Balto-Slavic. P. 112.

⁴² Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego. Preprint. 2020. URL: <https://gromanes.org/pub/alii/Smoczyński%20W.%20Słownik%20etymologiczny%20języka%20litewskiego.pdf> (дата обращения: 28.08.2020).

В праславянском вторичный аблаут проявляется в первую очередь как -i- в корнях производных дуративных глаголов: *bьrati (*berǫ) — *-birati; *пащѣти (*пащьно) — *пащinati; *žęti (*žьmǫ) — *žimati и др.

Если говорить об образовании отглагольных существительных, то глаголы с бывшими слоговыми плавными в праславянском преимущественно следуют старой модели: в корне существительного мы находим -o-: *bьrati — *-borь; *pьrati — *-porь; *sьrati — *sorь; *stьlati — *stolь; *zwnęti — *zwonь⁴³. У существительных от глаголов с исконным (eĭ / i >) i / ь в корне ожидаемо присутствует ě: *blьščati — *blěskъ; *lьpęti — *lěpъ; *kwisti (*kwьtǫ) — *kwětъ; *čistiti — *čęsta.

Однако существует и случай, когда от корня структуры СьR- образован дериват вида СĕR-. Это *derti (*dьrǫ) / *dьrati (*derǫ) ‘драть’ и *dęra ‘дыра’. В целом приставочные дериваты от *dьrati обычно имеют o-вокализм: рус. *вздор*, *задор*, чеш. *nádor* ‘опухоль’, слвн. *predor* ‘туннель’, *prodor* ‘проникновение’, *razdor* ‘раздор’, *udor* ‘обвал’ и т. д. На их фоне *dęra является ярким новообразованием.

Известно, что вокализм славянских названий дыры крайне широко варьируется, можно найти варианты с -i-, -y-, -u-, -e- и -o-, однако именно форма *dęra имеет полное право считаться праславянской, поскольку ее континуанты распространены наиболее широко, они представлены в словенском, чешском, словацком, лужицких, словинском и украинском языках⁴⁴. Именно *dęra является хорошей формальной параллелью для *tělo в свете предлагаемой нами этимологии.

Аналогический ě > ie возникал в древнечешских вторичных имперфективах от корней структуры CR (даже продолжающих праславянское СьR, а не СьR): *sebrati* ‘собрать’ — *sbierati* ‘собирать’; *vybrati* ‘выбрать’ — *vybierati* ‘выбирать’; *střieti* ‘стереть’ — *stierati* ‘стирать’; *vytřieti* ‘вытереть’ — *vytierati* ‘вытирать’; *opřieti sě* ‘воспротивиться’ — *opierati sě* ‘сопротивляться’; *zadržieti* ‘забрать (силой)’ — *zadierati* ‘забирать (силой)’; *poslati* ‘послать’ — *posielati* ‘посылать’; *nazvati* ‘назвать’ — *nazievati* ‘называть’⁴⁵.

Отметим, что Ф. Кортландт называет чешские отглагольные существительные на *-běr*, *-děr*, *-dęra*, *-pěr*, *-pęra*, *-stęra*, *-věr*, *-vęra*, *-těr*, *-tęra* среди потенциальных кандидатов на роль континуантов праславянских корневых имен с долгим вокализмом⁴⁶. Однако это, конечно, не так. Такие существительные являются дериватами от вторичных имперфективов типа *sbierati* >

⁴³ Здесь и далее в праславянской реконструкции вместо более распространенного *v мы предпочитаем использовать *w как символ, лучше отражающий качество праславянского звука.

⁴⁴ Słownik prasłowiański. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1979. Т. 3. S. 159-160; Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1978. Вып. 5. С. 12.

⁴⁵ Vokabulář webový. URL: <https://vokabular.ujc.cas.cz> (дата обращения: 28.08.2020).

⁴⁶ Kortlandt F. Long vowels in Balto-Slavic // Baltistica. 1985. Т. 21. № 2. P. 118.

sbírat, в то время как от глаголов совершенного вида образуются существительные с *o*-вокализмом: *odebrat / odebírat* > *odbor* ‘отдел’, *odběr* ‘взятие, получение’; *sebrat / sbírat* > *sbor* ‘коллектив; хор’, *sběr* ‘сбор’; *vybrat / vybírat* > *výbor* ‘комитет’, *výběr* ‘выбор, ассортимент’; *zabrat / zabírat* > *zábor* ‘конфискация’, *záběr* ‘захват; кадр’.

Существуют также примеры вторичного аблаута *ě* // *ь* от корней, где *ě* восходит к **ē*, а не **oi*. Так, по модели соотношения **morkъ* ‘мрак’ — **mьrknŏti* ‘меркнуть’, **morzъ* ‘мороз’ — **mьrznŏti* ‘мерзнуть’, **suxъ* ‘сухой’ — **sьxnŏti* ‘сохнуть’, **gluxъ* ‘глухой’ — **glьxnŏti* ‘глохнуть’ от прилагательных **xromъ* ‘хромой’ и **slěpъ* ‘слепой’⁴⁷ были построены глаголы **oxhьmnŏti* ‘охрометь’⁴⁸ и **slьpnŏti* ‘слепнуть’⁴⁹.

Уже в постпраславянскую эпоху в польском от *rzezać* ‘резать’ < **rězati* (< **rĕh₁ĕ-*) образовался глагол *rźnąc* (диал. *rznąc*) < **rĕznŏti*⁵⁰, а в сербохорватских диалектах от *krijescuti* ‘вспыхивать’ (< **krěsiti*) — форма *krсnuti* ‘развиваться’ < **krĕsnŏti*⁵¹.

4. ВЫВОДЫ

Мы полагаем, что праславянское **tĕlo* ‘тело’ допустимо этимологически связывать с **tьlĕti* ‘тлеть’. Данный глагол образован от праиндоевропейского корня **telH-* на нулевой ступени аблаута (**tĭH-*). После распада слоговых плавных корни вида *SR-* стали выглядеть как *SiR-*, а их схема аблаута приобрела вид *SiR- // SeR- // CoR-*, что дало основания для ассоциирования их с корнями со старым **i* и схемой *SiC- // SejC- // CojC-*. Результатом возникновения вторичных моделей аблаута являются такие отглагольные дериваты, как **dĕra* ‘дыра’ и, по нашему предположению, **tĕlo* ‘тело’.

В качестве семантической параллели в данном случае можно привлечь случай **trup-* ‘трухляветь’ > (**troϋpos* >) **trupъ* ‘труп; туловище; трухлявый ствол’.

Литература

- Куркина Л.В. Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М.: Азбуковник, 2011.
- Мартынов В.В. Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. М.: УРСС, 2004.
- Скляренко В.Г. Праслов’янська акцентологія. Київ: Українська книга, 1998.

⁴⁷ Мы принимаем этимологию, связывающую это слово с лит. *slėpti* (*slėpia*, *slėpė*) ‘прятать’, но есть и другие версии, исходящие из огласовки *-oi-*.

⁴⁸ Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 2000. Вып. 27. С. 83–84.

⁴⁹ Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 2002. Вып. 29. С. 217–218.

⁵⁰ *Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2005. S. 536.

⁵¹ Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1987. Вып. 13. С. 75.

- Толстая С.М. Праславянские типы глагольных основ и их лексическое распределение // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 98–118. DOI 10.31168/0417-6.1.6.
- Kortlandt F. Long vowels in Balto-Slavic // *Baltistica*. 1985. Т. 21. № 2. P. 112–124.
- Villanueva Svensson M. Indo-European long vowels in Balto-Slavic // *Baltistica*. 2011. Т. 46. № 1. P. 5–38.

References

- Kortlandt, F., 1985. Long vowels in Balto-Slavic. *Baltistica*, XXI(2), pp. 112–124.
- Kurkina, L.V., 2011. *Kul'tura podsechno-ogneвого zemledel'ia v zerkale iazyka* [Slash and burn culture mirrored in language]. Moscow: Azbukovnik.
- Martynov, V.V., 2004. *Iazyk v prostranstve i vremeni. K probleme glottogeneza slavian* [Language in space and time. To the problem of glottogenesis of the Slavs]. Moscow: URSS.
- Skliarenko, V.H., 1998. *Praslov'ians'ka aktsentologhiia* [Proto-Slavic accentology]. Kiev: Ukrain's'ka knyha.
- Tolstaya, S.M., 2018. Praslavianskie tipy glagol'nykh osnov i ikh leksicheskoe raspredelenie [Proto-Slavic types of verbal stems and their lexical distribution]. In: Tolstaia, S.M., ed., 2018. *Slavianskoe iazykoznanie. XVI Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov. Belgrad, 20–27 avgusta 2018 g. Doklady rossiiskoi delegatsii*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 98–118. DOI 10.31168/0417-6.1.6.
- Villanueva Svensson, M., 2011. Indo-European long vowels in Balto-Slavic. *Baltistica*, 46 (1), pp. 5–38.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ПЕРЕВОДАХ НОВОГО ЗАВЕТА НА МАКЕДОНСКИЙ И АЛБАНСКИЙ ЯЗЫКИ

Александра Игоревна Чиварзина —
аспирант,
младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: mss-vah@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается лексика цвета в Новом Завете на материале македонского и албанского языков. Особенности перевода обусловлены как культурной общностью носителей балканских языков, так и возможностями лексических систем македонского и албанского. Переводы сравнительно редко встречающихся цветообозначений в Новом Завете в большинстве обследованных текстов совпадают (как при переводе на один конкретный язык, так и — с точностью до тривиальных переводных эквивалентов — при переводе на разные языки). Это можно объяснить как объективными причинами (естественным цветом объектов), так и общими коннотациями, приписываемыми основным цветам спектра. В данном исследовании внимание уделено преимущественно тем местам текста, в которых отражаются разные переводческие решения. Нельзя не упомянуть также и наиболее характерные общие особенности употребления лексики цветообозначений в текстах христианского Священного Писания на македонском и албанском языках. Проведенное исследование свидетельствует о тщательности работы, проделанной переводчиками, стремившимися, исходя из особенностей системы цветообозначений своего языка, максимально использовать возможности лексики, чтобы наиболее точно и доступно передать смыслы священных текстов. Интересно наблюдать синонимичные замены в пределах одного повторяющегося сюжета или в похожих местах Нового Завета. Найденные совпадения и расхождения в переводах на македонский и албанский языки помогают оценить, как носители разных, но близких балканских культур видят священный текст и что выделяют как наиболее значимое в нем.

Ключевые слова

Балканистика, славянские языки, македонский язык, албанский язык, балканские языки, переводы Библии, система цветообозначений

Статья поступила в редакцию 21 июля 2020 г.

Цитирование: *Чиварзина А.И.* Сопоставительное исследование цветообозначений в переводах Нового Завета на македонский и албанский языки // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2020. Т. 15. № 3–4. С. 113–126.

A COMPARATIVE STUDY OF COLOUR TERMS IN TRANSLATIONS OF THE NEW TESTAMENT INTO MACEDONIAN AND ALBANIAN

Alexandra I. Chivarzina,

Ph.D. student,
Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: mss-vah@yandex.ru

Abstract

The article considers the colour terms present in the New Testament in the Macedonian and Albanian languages. The characteristic features of the translation are determined by both the cultural unity and the lexical systems of the Balkan languages under consideration. Among the few contexts using colour terms, most are translated equally. This can be explained by both objective reasons (natural colour of objects) and general connotations attributed to the main colours of the spectrum. The attention of this study is focused primarily on the places in the text where different translation decisions have been made. However, it is impossible not to mention the most characteristic general features of colour term use in the New Testament in the Macedonian and Albanian languages. The study indicates the thoroughness of the work done by translators, who, considering the peculiarities of the colour term vocabulary of their language, sought to maximize the use of the lexical system in order to extremely accurately and easily convey the meaning of the original text. The connotations of the colour terms found in the text are mostly the same in the cultures and target languages under discussion. However, there are cases of using different lexemes in the same context in different places in the book. The similarities and differences in translations into Macedonian and Albanian help to understand how similar Balkan cultures see the New Testament and what they highlight as the most significant.

Keywords

Balkan studies, Slavic languages, Macedonian language, Albanian language, Balkan languages, Bible translations, basic color terms

Received 21 July 2020.

How to cite: Chivarzina, A.I., 2020. Sopotavitel'noe issledovanie tsvetooboznachenii v perevodakh Novogo Zaveta na makedonskii i albanskii iazyki [A Comparative Study of the Colour Terms in Translations of the New Testament into Macedonian and Albanian]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 113–126.

Перевод священных книг требует особого внимания и искусства, ведь от точно подобранного слова может зависеть, какое воздействие оно окажет на читающего и слушающего Писание. Принято считать, что Коран перевести невозможно, все его переложения рассматриваются как толкования смыслов (арабский оригинал можно толковать с разных позиций, слова меняют свое значение в зависимости от контекста)¹. В какой-то степени это

¹ Коран / пер., комм. Э. Кулиева. М.: Умма, 2010. С. 19.

можно отнести и к переводу Библии. Переводы Священного Писания всегда сопровождала дискуссия о соотношении в переводах верности форме и верности содержанию. Один из отцов Церкви блж. Иероним Стридонский в письме «К Паммахию о наилучшем способе перевода» обосновал неприемлемость дословного перевода². Эта мысль была утривована у Лютера, который стремился получить максимально доступный текст на простонародном языке³. В XX в. Ю. Найдой были введены понятия формальной и динамической эквивалентности, которые отражают два основных подхода к переводу, в том числе переводу священных текстов. Формальный подход подразумевает четкое следование лексической и грамматической структуре оригинала. Целью перевода, основанного на динамической эквивалентности, становится достижение исходных смыслов текста на языке-оригинале⁴.

Переводы отдельных частей Библии на македонские диалекты предпринимались еще в XVI в. (Пчиньская и Лесновская Библии), в XIX в. появились так называемые Бобоштицкое Евангелие, Трлисское Евангелие, Кониновское Евангелие, Кулакийское Евангелие и др. В XX в. в связи с кодификацией македонского языка возникла необходимость в переводе Священного Писания на новый литературный язык. В 1967 г. под руководством профессора Гёрги Милошева, в дальнейшем архиепископа неканонической Македонской православной церкви о. Гавриила, была сформирована богословская комиссия по редактированию нового перевода. Как отдельное издание Библия на македонском языке была опубликована впервые в 1990 г., а в 2006 г. вышло ее последнее переиздание⁵. Помимо того что существовали официальные переводческие проекты Церкви, переводы также осуществлялись библейскими международными сообществами (например, ассоциацией «Гедеоновы братья» / «Гедeon»), в 1999 г. и в 2007 г. вышли переводы Нового Завета Душана Константинова и Ивана Грозданова. В данном исследовании использовался перевод Гёрги Милошева 1990 г.

Попытки перевода Библии на албанский язык предпринимались с конца XV в. Первым, кто перевел миссал на гегский диалект, был католический священник Гён Бузуку. Этот текст, по словам Э. Чабея, ознаменовал начало литературной традиции на албанском языке⁶. Рукопись Евангелия Эльбасана XVIII в. авторства Григория Дурресского принято считать старейшим произведением православной литературы на албанском языке. В последу-

² *Гарбовский Н.К., Костикова О.И.* Исповедь великого переводчика, или Первый европейский трактат о переводе // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2009. № 3. С. 3–36.

³ *Самарин Д.А.* Мартин Лютер и его роль в теории перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69). Ч. 3. С. 154–157.

⁴ *Nida E.A., Taber Ch.R.* The theory and practice of translation. Leiden: E.J. Brill, 1982. (Helps for translators; vol. 8). P. 200.

⁵ *Гиревски А.А.* Историјата на македонската Библија. Скопје: Менора, 2013.

⁶ *Çabej E.* «Meshari» i Gjon Buzukut (1555): Botim kritik. Tiranë: Instituti i Historisë dhe i Gjuhësisë, 1968.

ющие века переводы Библии осуществлялись при поддержке Британского и иностранного Библейского общества. Так, к 1821 г. Вангел Мекси закончил первый полный перевод Нового Завета. А во второй половине XIX в. Константин Кристофориди перевел Новый Завет сначала на гегский диалект (в издании 1872 г. использовалась латиница), а затем и на тоскский (для издания 1879 г. был адаптирован греческий алфавит)⁷. Новые переводы относятся к 1990-м гг. и началу XXI в. В данном исследовании использовался текст перевода 2002 г. Албанского Библейского общества.

Проблематика библейской символики цвета отражена в значительном количестве работ, в том числе посвященных особенностям перевода Библии на разные языки⁸. Слова и выражения, относящиеся к цвету, в текстах Священного Писания встречаются редко: во всем тексте Нового Завета в переводе на рассматриваемые балканские языки имеется меньше ста упоминаний цветовых нюансов. В библейском тексте больше внимания уделяется свету, веществу, качеству предмета, нежели окраске. Если же цветовая характеристика и присутствует, то это чаще всего метафоры и сравнения, призванные пробудить определенные ассоциации⁹. Помимо этого следует учитывать, что лексика цветообозначений менялась со временем: в древнееврейском тексте, в его переводах на арамейский и греческий она была еще скудной, обозначала скорее ощущения от цвета, чем его физическое восприятие глазом. Но уже в первых латинских переводах и в Вульгате цветовая лексика становится значительно богаче и точнее¹⁰.

Анализируя лексику цветообозначений в священных текстах на материале балканских языков, можно проследить особенности перевода одного текста, обусловленные как культурной общностью, так и возможностями лексических систем конкретных языков. Ниже в примерах, полученных методом сплошной выборки, первым приводится русский Синодальный перевод, чтобы читателю легче было воспринимать аналогичные тексты на рассматриваемых балканских языках.

⁷ *Elsie R. Albanian literature in Greek script: the eighteenth and early nineteenth-century orthodox tradition in Albanian writing // Byzantine and Modern Greek Studies. Birmingham, 15 (1991). P. 20-34.*

⁸ *International Standard Bible Encyclopedia (ISBE) / ed. by J. Orr, J.L. Nuelsen, E.Y. Mullins, M.O. Evans. Chicago: Howard-Severance Company, 1915; Ринекер Ф., Майер Г. Библейская энциклопедия Брокгауза. Кременчуг: Христианская Заря, 2009; Никифор (Бажанов А.М.). Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия. М.: Эксмо, 2016 (1891). Исследованию символизма цвета на материале болгарского языка посвящены работы М. Алмалеха, например: *Алмалех М. Цветът во Петокнижието: Езикова картина на света. София: УИ «Св. Климент Охридски», 2006.* Также существует множество интернет-страниц на разных языках, посвященных теме цвета и цветообозначений, используемых в Священном Писании.*

⁹ *Буруккина О.А. Цвета библейских фразеологизмов: истоки цветового символизма // Die slawische Phraseologie und die Bibel = Славянская фразеология и Библия = Slovanská frazeológia a Biblia. Kollektivmonographie / red. H. Walter, V.M. Mokienko, D. Baláková. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2013. С. 59-68.*

¹⁰ *Пастуро М. Зеленый. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 29.*

Ожидаемо, что переводы цветообозначений в большинстве контекстов совпадают. Это объясняется как объективными причинами (например, тем, что одежда, снег, шерсть имеют белый цвет), так и общими коннотациями, приписываемыми основным цветам спектра. Поэтому в настоящем исследовании мы главным образом будем обращаться к тем местам в тексте, которые отражают разные переводческие решения на разных языках, и лишь вскользь упомянем наиболее характерные общие особенности употребления лексики цветообозначений в тексте Нового Завета на македонском и албанском языках.

Обозначения белого (макед. *бел* / алб. *i, e bardhë*) в значении «цвета молока» фиксируются наиболее часто. Расхождения в переводах обозначений белого минимальны. Белый цвет ассоциируется со светлым временем суток. Это значение особенно ярко выступает в компаративных конструкциях, где объектом сравнения является свет:

(1) *и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет* (Мф. 17: 2).

и лицето Негово светна како сонце, а алиштата Му станаа бели како светлина.

fytyra e tij shkëlqeu si dielli dhe rrobat e tij u bënë të bardha si drita.

В иллюстративных таблицах, приводимых ниже, собраны все случаи, когда конкретный цвет упоминается хотя бы в одном из текстов (греческом оригинале, македонском и албанском переводе).

Таблица 1

Источник	греч. оригинал	макед.	алб.	рус.
Мф. 5:36	λευκός	бел	zbardhoj	белый
Мф. 17:2	λευκός	бел	bardhë, i	белый
Мф. 28:3	λευκός	бел	bardhë, i	белый
Мк. 9:3	λευκός; λευκαίνω	бел; избели	bardhë, i; zbardhoj	белый; выбелить
Мк. 16:5	λευκός	бел	bardhë, i	белый
Лк. 9:29	λευκός	бел	bardhë, i	белый
Ин. 4:35	λευκός (εἰμί)	побели	bardhë, i (jam)	побелеть
Ин. 20:12	λευκός	бел	bardhë, i	белый
Деян. 1:10	λευκός	бел	bardhë, i	белый
Деян. 23:3	κεκονιαμένε	варосан	zbardhur, i	подбеленный
Откр. 2:17	λευκός	бел	bardhë, i	белый
Откр. 3:4	λευκός	бел	bardhë, i	белый
Откр. 3:5	λευκός	бел	bardhë, i	белый

Откр. 3:18	λευκός	бел	bardhë, i	белый
Откр. 6:2	λευκός	бел	bardhë, i	белый
Откр. 7:9	λευκός	бел	bardhë, i	белый
Откр. 7:13	λευκός	бел	bardhë, i	белый
Откр. 7:14	λευκαίνω	избели	zbardhoj	убелить
Откр. 19:11	λευκός	бел	bardhë, i	белый
Откр. 19:14	λευκός; λευκός	бел; бел	bardhë, i; bardhë, i	белый; белый
Откр. 20:11	λευκός	бел	bardhë, i	белый

Как показывает сопоставление с македонским текстом и оригиналом, в албанском переводе преобладают глаголы, обозначающие начало светового дня, которые содержат обозначение белого.

(2) *Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них двенадцать, которых и наименовал Апостолами* (Лк. 6:13).

А кога настана ден, ги повика учениците Свои и од нив избра дванаесет, кои ги нарече и апостоли.

Dhe si zbardhi dita, thirri pranë vetes dishepujt e vet dhe zgjodhi prej tyre dymbëdhjetë, të cilët i quajti apostuj.

Таблица 2

Источник	греч. оригинал	макед.	алб.	рус.
Мф. 23:27	κονίαω	варосан	zbardhur, i	окрашенный
Мф. 28:1	ἐπιφώσκω	осамнување	zbardhoj	рассвет
Лк. 6:13	ἡμέρα, γίγνομαι	ден, настане	zbardhoj	день, настать
Деян. 5:21	ἄρθρος	утрина	zbardhoj	утром
Деян. 12:18	ἡμέρα, γίγνομαι	утредента	zbardhoj	день, наступление
Деян. 23:12	ἡμέρα, γίγνομαι	осамне	zbardhoj	день, наступление

Белому противопоставляется черный цвет, эталоном которого может считаться крошечный мрак ночи¹¹, что также видно на примере перевода на македонский язык: *црн* в сопоставлении с албанским *i zi / e zezë* ‘черный / черная’. Ср.:

(3) *И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь* (Откр. 6:12).

¹¹ Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 231-291.

*И видов, кога се крена шестиот печат. И, ете, настана голем зем-
јотрес, и сонцето стана црно како вреќа од кострет, и месечината
стана како крв.*

*Dhe pashë, kur ai hapi vulën e gjashtë; dhe ja, u bë një tërmet i madh, dhe
dielli u bë i zi si një thes prej leshi, dhe hëna u bë si gjak.*

Другая группа примеров с обозначениями черного связана со специ-
фическими особенностями функционирования цветовой лексики в кон-
кретном языке. Ментальная оппозиция «белый — черный» прочно вошла
в повседневный язык. Для рассматриваемых балканских языков характерно
использование образа щек (макед. *образ* / алб. *faqe*), лица (макед. *лице* /
алб. *fytyrë*) и сердца (макед. *срце* / алб. *zemër*) как элементов, отражающих
характер человека. Так, в переносном значении макед. *образ* и алб. *faqe*
толкуются как «честь». Человек «с белой честью» — порядочный, а черный
цвет может осмысляться как символ моральной нечистоты, нечестности и
плохой судьбы. Слова *негодяй* и *несчастный* в албанском языке передаются
сложными словами с обозначением черного цвета в одном из компонентов:
faqezi ‘негодяй’ и *fatzi* ‘несчастный’, букв. «с черными щеками» и «с черной
судьбой» (прил. *i zi / e zezë* ‘черный / черная’). Понятие ‘зло, горе’ в албан-
ском языке обозначается лексемой, представляющей собой субстантивиро-
ванное прилагательное *i zi* ‘черный’, закрепляя в сознании носителей кон-
нотации, связанные с конкретным цветом: *dimri i zi* ‘голодная зима’ (букв.
«черная зима»), *zia e bukës* ‘голод’ (букв. «хлебная чернота»), албанское
выражение *E pui e zeza* ‘много вытерпел в жизни, пережил трудности’
буквально переводится как «его выпила черная». В албанском языке семан-
тика черного как траурного прослеживается в лексеме *zi / a* ‘траур’, *zeza / t*
‘одежда темного цвета пожилых людей; траурные одежды’ и в выражении
mbaj zi ‘носить траур’.

(4) — *Сколько славилась она и роскошествовала, столько воздайте ей
мучений и горестей. Ибо она говорит в сердце своем: «сизу царицею,
я не вдова и не увижу горести!»* (Откр. 18:7)

*Колку што се прослави и живееше раскошно, толку мака и јад вратете ѝ.
Оти во срцето свое вели: «Седам како царица, вдовица не сум и мака
нема да видам».*

*Aq sa i dha lavdi vetes dhe u dha pas dëfrimeve, po aq i jepni asaj mundim
dhe zi, sepse në zemër të saj thotë: «Unë jam ulur posi mbretëreshë, dhe e ve
nuk jam dhe zi nuk do të shoh aspak».*

(5) — *За то в один день придут на нее казни, смерть и плач и голод,
и будет сожжена огнем, потому что силен Господь Бог, судящий ее*
(Откр. 18:8).

*Зато во еден ден ќе ја сполетаат поразите: смрт, жалост и глад,
и ќе биде изгорена во оган, зашто силен е Господ, Кoj ја суди.*

*Prandaj në një ditë të vetme do të vijnë plagët e saj: vdekja, vaji dhe zia e
bukës; edhe do të digjet krejt në zjarr, sepse i fuqishëm është Zoti Perëndia,
ai që e gjykon atë.*

Таблица 3

Источник	греч. оригинал	макед.	алб.	рус.
Мф. 5:36	μέλας	црн	pxi	черный
Мф. 9:15	πενθέω	нажален	mbaj zi	печалиться
Мф. 24:7	λιμὸς	глад	zi buke	глад
Мф. 24:30	κόπτω	расплаче	mbaj zi	восплакаться
Мк. 13:8	λιμὸς	глад	zi buke	глад
Лк. 15:14	λιμὸς	глад	zi buke	голод
Лк. 21:11	λιμὸς	глад	zi buke	глад
Деян. 7:11	λιμὸς	глад	zi buke	голод
Деян. 11:28	λιμὸς	глад	zi buke	голод
Откр. 6:5	μέλας	вран	zi, i	вороной
Откр. 6:12	μέλας	црн	zi, i	мрачный
Откр. 18:7	πένθος	јад	zi	горесть
Откр. 18:8	πένθος	жалост	zi	плач

Основным обозначением красного в рассматриваемых переводах выступает макед. *црвен* / алб. *i kuq*. Др.-греч. πυρρός ‘огненно-красный, темно-оранжевый; рыжий’ и πύρινος ‘огненный’ обозначают более теплые оттенки (от др.-греч. πῦρ, πυρός ‘огонь, пламя’), чем др.-греч. κόκκινος, которое принято переводить на русский лексемами, обозначающими темные нюансы цвета — *пурпурно-красный, багряный*. Алб. *i kuq* является наиболее универсальным словом, способным обозначать как фокус цвета, так и его всевозможные оттенки, включая цвет волос человека и масть животных. Использование этого слова в переводе позволяет донести основной смысл и не усложнять текст излишними деталями.

Иная стратегия прослеживается в македонском переводе: одно и то же др.-греч. κόκκινος в переводе Нового Завета представлено разными эквивалентами, ср. макед. *црвен, скерлет, багреница*. *Црвен* — наиболее общее слово, которое в узусе покрывает также значения, переданные в переводе его синонимами, относящимися к высокому стилю. Такая усложненность текста может компенсироваться утратой цветообозначения в соседнем (параллельном) отрывке — по словам блж. Иеронима, «ничего не пропало из смысла, хотя пропало кое-что из слов»¹². Ср. мак. *матен* «мутный, мрачный» не является цветообозначением:

¹² См.: *Блаженный Иероним Стридонский. Письмо LVII. К Паммахию о наилучшем способе перевода* // Pravmir.ru. Онлайн-библиотека сайта «Православие и мир», 2011–2020. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/920> (дата обращения: 10.07.2020).

(6) Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите: будет ведро, потому что небо **красно**; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо **багрово** (Мф. 16:2, 3).

Он, одговарајќи им, рече: Навечер, велите: ќе биде ведро, оти небото е **црвено**; а поутру: денес ќе има невреме, зашто небото е **матно**.

Por ai iu përgjigj atyre dhe tha: Kur bëhet mbrëmje thoni: Do të jetë mot i mirë, sepse qielli është **i kuq**; Dhe në mëngjes: Sot do të jetë mot i keq, sepse qielli është **i kuq dhe i vranët**.

Таблица 4

Источник	греч. оригинал	макед.	алб.	рус.
Мф. 16:2	πυρράζω	црвен	kuq, i	красный
Мф. 16:3	πυρράζω; στυγνάζω	матен	kuq, i; vranët, i	багровый
Мф. 27:28	κόκκινος	багреница	kuq, i	багряница
Откр. 6:4	πυρρός	црвен	kuq, i	рыжий
Откр. 9:17	πύρινος	огнен	ngjyrë zjarri	огненный
Откр. 12:3	πυρρός	црвен	kuq, i	красный
Откр. 17:3	κόκκινος	црвен	kuq, i	багряный
Откр. 18:12	κόκκινος	скерлет	kuq, i	багряница
Откр. 18:16	κόκκινος	скерлет	kuq, i	багряница

К оттенкам красного можно отнести цвет, который в оригинале обозначен дериватами от др.-греч. порφύρα. Анализ соответствующих фрагментов показывает, что переводчики текста на литературный македонский ориентировались на уже существующие переводческие решения в тексте Нового Завета на славянских языках, в частности на русском¹³.

Таблица 5

Источник	греч. оригинал	макед.	алб.	рус.
Лк. 16:19	πορφύρα	порфир	purpurt, i	порфира
Ин. 19:2	πορφύρεος	багреница	purpurt, i	багряница
Откр. 18:12	πορφύρα	порфир	purpurt, i	порфира
Откр. 18:16	πορφύρεος	порфир	purpurt, i	порфира

Обозначение зеленого, встречающееся значительно реже уже упомянутых белого и черного, используется главным образом для описания растительного мира. Так, обозначения зеленого фиксируются для описания

¹³ Гиревски А.А. Историјата на македонската Библија. Скопје: Менора, 2013.

свежести молодых побегов и сочной травы, ср. макед. *зелен*. В литературном албанском языке есть несколько равноправных слов для обозначения зеленого: *i, e blertë, i, e gjelbër, jeshil*. Лексема тюркского происхождения *jeshil* 'зеленый' чаще сопровождает обозначения реалий, пришедших в язык и культуру с Востока, и ассоциируется с исламским миром, поэтому не используется в переводах христианских священных текстов. В переводе Нового Завета на албанский язык самыми распространенными лексемами для обозначения зелени становятся дериваты от *i, e njomë* — слова, которое не является полноценным колоративом. Значение цвета не фиксируется в словарях¹⁴, на русский язык *i, e njomë* можно перевести как «свежий, сочный». Зеленый цвет регулярно соотносится с растительным миром в целом, поэтому лексема может не только обозначать цвет, но и отсылать к природной силе, весне, расцвету и воскрешению¹⁵. Кроме того, зеленый цвет устойчиво ассоциируется с юностью, молодостью, что обусловлено сравнением человеческой жизни с жизненным циклом растений¹⁶. Частотность и универсальность использования дериватов от корня *i, e njomë* на месте разных исходных лексем в тексте на языке-оригинале свидетельствует о возможности использования *i, e njomë* также и в качестве колоратива.

(7) *Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела* (Откр. 8:7).

Првиот ангел затрубил, и се појави град и оган, смешани со крв, и паднаа на земјата. И една третина од дрвјата изгореа, и сета трева зелена изгоре.

Engjëlli i parë i ra borisë, dhe u bë breshër e zjarr, i përzier me gjak, dhe u hodhën mbi dhe; dhe e treta e pemëve u dogj tërësisht, dhe çdo bar i njomë u dogj tërësisht.

(8) *Тогда повелел им рассадить всех отделениями на зеленой траве* (Мк. 6:39).

Тогааш Исус им рече на сите да поседнат на купчиња по зелената трева. Атëherë ai i urdhëroi ata që t' i ulin të gjithë, grupe-grupe, mbi barin e njomë.

(9) *От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето* (Мф. 24:32).

Со смоквата направете споредба: итом се подмладат нејзините гранки и пуштат лисја, знаете дека е близу летото.

¹⁴ См.: Fjalori i gjuhës së sotme shquipe. URL: <http://fjalori.shkenca.org> (дата обращения: 15.09.2020).

¹⁵ Цивьян Т.В. К амбивалентности зеленого цвета: Вступительное слово // Троица. Rusalii. Певтѣкоотѣ. Rrëshajët... К мотиву зеленого в балканском спектре: Материалы круглого стола 17 апреля 2012 года. М.: Институт славяноведения РАН, Центр лингвокультурных исследований «Balcanica», 2013. С. 101; Новик А.А. Зеленый цвет — свет — мир в традициях албанцев // Там же. С. 154.

¹⁶ Пастуро М. Зеленый. История цвета... С. 52.

Por mësoni nga fiku këtë shëmbëlltë: kur tashmë degët e tij njomësohen dhe nxjerrin gjethet, ta dini se vera është afër.

Яркий образ персонифицированной смерти на коне создается при помощи использования др.-греч. $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ ‘зеленый, бледно-зеленый’. «Цветовая характеристика, сопровождающая образ коня, является функцией образа всадника, а не наоборот»¹⁷, в европейской литературной традиции эта цветовая характеристика закрепились за образом самой смерти¹⁸. Для македонского языка несвойственно обозначать лексемой *сив* болезненные изменения кожи и оттенок кожи мертвеца, но она может обозначать масть (цвет) коня. Поэтому использование колоратива в данном контексте можно рассматривать как поиск альтернативного перевода общепринятого в других балканских языках (ср. также церковнослав. — конь блѣдъ) определения (подобно макед. *вран* для цветовой характеристики $\imath\pi\lambda\omicron\varsigma$ $\mu\acute{\epsilon}\lambda\alpha\varsigma$ ‘вороной конь’ в Откр. 6:5).

(10) *И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя Смерть; и ад следовал за ним (Откр. 6:8).*

И видов. И ете сив конь, а на него јавач, чие име беше смрт; и адот вреше по него.

Dhe pashë, dhe ja një kalë i zbehtë; dhe ai që ishte ulur mbi të emrin e kishte Vdekja, dhe ferri e ndiqte pas.

Таблица 6

Источник	греч. оригинал	макед.	алб.	рус.
Мф. 24:32	$\acute{\alpha}\pi\alpha\lambda\acute{o}\varsigma$	подмлади	njomësohem	стать мягким
Мк. 6:39	$\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$	зелен	i njomë	зеленый
Мк. 13:28	$\acute{\alpha}\pi\alpha\lambda\acute{o}\varsigma$ ($\gamma\acute{\iota}\gamma\nu\omicron\mu\alpha\iota$)	подмлади	njomësohem	стать мягким
Лк. 23:31	$\acute{\upsilon}\gamma\rho\acute{o}\varsigma$	зелен	i njomë	зеленеющий
Откр. 6:8	$\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$	сив	zbehtë, i	бледный
Откр. 8:7	$\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$	зелен	i njomë	зеленый
Откр. 9:4	$\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$	зеленило	gjelbërim	зелень

Незначительные расхождения находим в передаче оттенка, похожего на цвет гиацинта (греч. $\acute{\upsilon}\alpha\kappa\acute{\iota}\nu\theta\iota\nu\omicron\varsigma$). Фиолетовый цвет в албанском языке может обозначаться лексемами *vjollcë*, *manushaqe* (1. фиалка; 2. цвет цветка фиалки), а также передаваться описательным способом *ngjyrë vjollce* и *ngjyrë manushaqeje* (букв. «цвета фиалки»), иногда слитно *ngjyrëmanushaqe* / *bojëmanushaqe*, *ngjyrëvjollcë*. Описательный способ очень распространен

¹⁷ Рачева М. Еще раз о «зеленом коне» // Этимология, 2000–2002 / под ред. Ж.Ж. Варбот и др. М.: Наука, 2003. С. 87.

¹⁸ Там же. С. 86–87.

из-за совпадения форм существительного (*vjollcë*) и прилагательного (*vjollcë*). Однако в следующем отрывке используется нехарактерная конструкция *ngjyrë hiacinti*¹⁹, выбор которой обусловлен исходным словом — греч. ὑακίνθινος, — в чьей внутренней форме присутствует сравнение с цветком. В македонском же варианте использован дериват от корня *син* ‘синий’ с суффиксом, позволяющим передавать значение ‘более светлый оттенок’, — *синкаст*.

Таблица 7

Источник	греч. оригинал	макед.	алб.	рус.
Откр. 9:17	ὑακίνθινος	синкаст	ngjyrë hiacinti	гиацинтовый

(11) *Так видел я в видении коней и на них всадников, которые имели на себе брони огненные, гиацинтовые и серные; головы у коней — как головы у львов, и изо рта их выходил огонь, дым и сера* (Откр. 9:17).

И така во видение ги видов коњите и оние, кои јаваа на нив, што имаа оклопи огнени и синкасти и сулфурни. Главите на коњите личеа на глави од лавови, а од устата нивна излегуваше оган, дим и сулфур.

Dhe këshu unë pashë në vegim kuajt dhe ata që i kalëronin; ata kishin parzmore ngjyrë zjarri, hiacinti dhe squfuri; dhe kokat e kuajve ishin si koka luanësh dhe nga gojë të tyre dilte zjarr, tym dhe squfur.

Из всех книг Нового Завета колоративы не встречаются только в Посланиях, содержащих конкретные жизненные советы. И наоборот, полна красками последняя книга, Откровение, обладающая наиболее символическим содержанием. Сопоставление переводов этой части Нового Завета на албанский и македонский не дает значительных расхождений, поскольку текст апеллирует в первую очередь к дополнительным коннотациям, закрепленным за тем или иным цветом. В рассматриваемых балканских языках эти коннотации совпадают.

Переводчики стремились максимально использовать возможности лексической системы, чтобы наиболее точно и доступно передать смыслы священных текстов. Найденные совпадения и расхождения в переводах на македонский и албанский языки помогают оценить, как носители разных, но близких балканских культур видят священный текст и что в нем выделяют как наиболее значимое. Так, исследования частоты упоминания цвета свидетельствуют о преобладании белого и красного в Библии²⁰. При этом материал албанского языка говорит о значительном превалировании лексем, образованных от корней, которые используются для обозначения белого

¹⁹ Единичное использование. Ср.: Морозова М.С., Русаков А.Ю., Архангельский Т.А. Албанский национальный корпус. URL: http://albanian.web-corpora.net/albanian_corpus/search (дата обращения: 24.09.2020).

²⁰ Пастуро М. Зеленый. История цвета... С. 29.

и черного цветов, что объясняется как богатыми словообразовательными возможностями языка, так и употреблением лексемы с семантикой черного цвета в значениях ‘беда’, ‘вдовство’, ‘траур’, ‘нужда’ и ‘голод’.

Литература

- Алмалех М. Цветът во Петокнижието: Езикова картина на света. София: УИ «Св. Климент Охридски», 2006.
- Бурукина О.А. Цвета библейских фразеологизмов: истоки цветового символизма // Die slawische Phraseologie und die Bibel = Славянская фразеология и Библия = Slovanská frazeológia a Biblia. Kollektivmonographie. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2013. С. 59–68.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
- Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Исповедь великого переводчика, или первый европейский трактат о переводе // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2009. № 3. С. 3–36.
- Гиревски А.А. Историјата на македонската Библија. Скопје: Менора, 2013.
- Пастуро М. Зеленый. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Рачева М. Еще раз о «зеленом коне» // Этимология, 2000–2002 / под ред. Ж.Ж. Варбот и др. М.: Наука, 2003. С. 80–109.
- Самарин Д.А. Мартин Лютер и его роль в теории перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69). Ч. 3. С. 154–157.
- Троица. Rusalië. Певтѣкоштѣ. Rrëshajët... К мотиву зеленого в балканском спектре: Материалы круглого стола 17 апреля 2012 года / ред. М.М. Макарец, Д.С. Ермолин, И.А. Седакова, Т.В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, Центр лингвокультурных исследований «Balkanica», 2013.
- Çabej E. “Meshari” i Gjon Buzukut (1555): Botim kritik. Tiranë: Instituti i Historisë dhe i Gjuhësisë, 1968.
- Elsie R. Albanian literature in Greek script: the eighteenth and early nineteenth-century orthodox tradition in Albanian writing // Byzantine and Modern Greek Studies. 1991. Vol. 15. P. 20–34.
- Nida E.A., Taber Ch.R. The theory and practice of translation. Leiden: E.J. Brill, 1982. (Helps for translators. Vol. 8).

References

- Almalekh, M., 2006. *Cvetat vo Petoknizhiето: Ezikova kartina na sveta* [The Colours in the Pentateuch: A Linguistic Picture of the World]. Sofia: UI “Sv. Kliment Ohridski”.
- Burukina, O.A., 2013. Tsveta bibleiskikh frazeologizmov: istoki tsvetovogo simvolizma [Colours of biblical phraseological units: the origin of colour symbolism]. In: Walter, H., Mokienko, V.M., Baláková, D., eds, 2013. *Die slawische Phraseologie und die Bibel = Slavianskaia frazeologija i Bibliia = Slovanská frazeológia a Biblia. Kollektivmonographie*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, pp. 59–68.
- Çabej, E., 1968. “Meshari” i Gjon Buzukut (1555): Botim kritik. Tiranë: Instituti i Historisë dhe i Gjuhësisë.

- Elsie, R., 1991. Albanian literature in Greek script: the eighteenth and early nineteenth-century orthodox tradition in Albanian writing. *Byzantine and Modern Greek Studies*, 15, pp. 20–34.
- Garbovskii, N.K., Kostikova, O.I., 2009. Ispoved' velikogo perevodchika, ili pervyi evropeiskii traktat o perevode [Confession of the Great Translator or the First European Treaty on Translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriia perevoda*, 3, pp. 3–36.
- Girevski, A.A., 2013. *Istorijata na makedonskata Biblija* [The history of the Macedonian Bible]. Skopje: Menora.
- Makartsev, M.M., Ermolin, D.S., Sedakova, I.A., Tsiv'ian, T.V., eds, 2013. *Troitsa. Rusalii. Πεντηκοστή. Rrëshajët... K motivu zelenogo v balkanskom spektre (Materialy kruglogo stola 17 aprelija 2012 g.)* [Troica. Rusalii. Πεντηκοστή. Rrëshajët... On the motif of green in Balkan spectrum (collection of papers, represented at the round table 17th of April 2012)]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, Centr lingvokul'turnykh issledovanii "Balcanica".
- Nida, E.A., Taber, Ch.R., 1982. *The theory and practice of translation*. Leiden: E.J. Brill, Helps for translators, vol. 8.
- Pastoureau, M., 2017. *Zelenyi. Istoriiia tsveta* [Green: The History of a Color]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Racheva, M., 2003. Eshche raz o "zelenom kone" [Once again on the "green horse"]. In: Varbot, Zh.Zh., et al., eds, 2003. *Etimologija, 2000–2002*. Moscow: Nauka, pp. 80–109.
- Samarin, D.A., 2017. Martin Liuter i ego rol' v teorii perevoda [Martin Luther and his contribution to the translation theory]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 3 (69), part 3, pp. 154–157.
- Wierzbicka, A., 1996. *Iazyk. Kul'tura. Poznanie* [Semantics, Culture and Cognition]. Moscow: Russkie slovari.

СЛОВАЦКОЕ НАРЕЧИЕ *ZAKRÁTKO* В СВЕТЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

Дарья Юрьевна Ващенко —

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: daranis@mail.ru

Аннотация

В статье на материале Словацкого национального корпуса рассматривается семантика словацкого наречия *zакrátko*, которое относится к группе наречий со значением быстрого следования. Наречие анализируется на фоне остальных наиболее употребительных наречий с соответствующей семантикой, а именно *čoskoro*, *onedlho* и *o chvíľu*. В первой части статьи рассматривается специфика сочетаемости *zакrátko* в соответствии с показателями меры ассоциации, из которых были выбраны три — Minimal Sensitivity, logDice и MI.log.f. Отдельно выделяются коллокации, специфические только для *zакrátko*, к числу которых относятся сочетания с глаголами, обладающими «социальной отмеченностью»; с глаголами, обозначающими распад, разрушение либо, наоборот, прибавление, заполнение пространства; с некоторыми ментальными предикатами; также с отрицательной формой глагола *trvať* ‘длиться’. Затем выявляются корреляции в сочетаемости между данным наречием и *čoskoro*, *onedlho*, *o chvíľu*, причем удается показать, что *zакrátko* имеет практически равное число общих коррелятов с *čoskoro* и *onedlho* и в значительно меньшей степени соотносится с наречием *o chvíľu*. Во второй части статьи попарно анализируются ситуации взаимной сочетаемости *zакrátko* и остальных частотных наречий указанной группы. Отмечается, что даже в сходных контекстах употребление *zакrátko* предполагает быстроту и предопределенность наступления ситуации. Показано, что наречие, с одной стороны, во многом соотносится с *čoskoro* и *onedlho*, с другой стороны, обладает собственной спецификой, которая выражается в том, что *zакrátko* в большей степени ориентировано на конкретные ситуации, осуществимые в заведомо короткий промежуток времени.

Ключевые слова:

Темпоральная лексика, семантика, сочетаемость, меры ассоциации, словацкий язык, корпусная лингвистика, наречия со значением быстрого следования

Статья поступила в редакцию 21 сентября 2020 г.

Цитирование: Ващенко Д.Ю. Словацкое наречие *zакrátko* в свете корпусных данных // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 127–144.

SLOVAK TEMPORAL ADVERB *ZÁKRÁTKO* IN THE LIGHT OF CORPUS DATA

Daria Yu. Vashchenko,

PhD, Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: daranis@mail.ru

Abstract

Using material from the Slovak national corpus, this article examines the semantics of the Slovak adverb *zkrátka*, which belongs to a group of adverbs with the meaning “fast following”. The adverb is analyzed against the background of the other most commonly used adverbs that form a semantic group, which also include *čoskoro*, *onedlho*, and *o chvíľu*. In the first part of the article, the specificity of *zkrátka* compatibility is considered according to association measure indicators, three of which were selected — Minimal Sensitivity, logDice, and MI.log.f. Collocations specific only to *zkrátka* are singled out separately, namely those which include combinations with verbs that have a “social mark”; with verbs that denote disintegration, destruction, or, conversely, addition or filling in space; with some mental predicates; and with the negative form of the verb *trvať* ‘last’. Then, correlations in compatibility between this adverb and *čoskoro*, *onedlho*, and *o chvíľu* are examined. While *zkrátka* has almost equal number of common correlates with *čoskoro* and *onedlho*, it is significantly less correlated with the adverb *o chvíľu*. In the second part of the article, cases of mutual compatibility of *zkrátka* and other frequency adverbs from the group are analyzed in pairs. Even in similar contexts, the use of *zkrátka* implies the speed and predetermination of the situation. It is shown that this adverb on one hand largely correlates with *čoskoro* and *onedlho*, while on the other it has its own specifics, which are expressed in the fact that *zkrátka* is more focused on specific situations that can be implemented in a deliberately short period of time.

Keywords

Temporal vocabulary, semantics, combinability, association measures, Slovak language, corpus linguistics, adverbs with the meaning “fast following”

Received 21 September 2020.

How to cite: Vashchenko, D.Yu., 2020. Slovatskoe narechie *zkrátka* v svete korpusnykh dannyykh [Slovak Temporal Adverb *zkrátka* in the Light of Corpus Data]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 127–144.

Предметом рассмотрения в статье служит словацкое наречие, относящееся к семантической группе с общим значением быстрого следования. Общая семантика наречий, входящих в данную группу, предполагает, что некоторое событие должно наступить через небольшой промежуток времени. К таковым, по данным толковых и синонимических словарей, относятся в словацком языке следующие лексемы: *skoro*, *čoskoro*, *o chvíľu*, *onedlho*, *zkrátka*, *čochvíľa* и *zanedlho*.

Указанные наречия обнаруживают следующую частотность в Национальном корпусе словацкого языка (далее Корпус)¹: *čoskoro* — 69 276 вхождений, *o chvíľu* — 29 521 вхождений, *onedlho* — 26 835, *zакrátko* — 12 259, *čochvíľa* — 3 022 и *zanedlho* — 2 457 вхождений². Как мы видим, частотность *čoskoro* примерно вдвое выше, чем у *onedlho* и *o chvíľu*, которые по частотности сопоставимы между собой, кроме того, достаточно распространенным, по данным Корпуса, оказывается *zакrátko*. Наречия *čochvíľa* и *zanedlho* — оба сравнительно редкие и при этом так же сопоставимы друг с другом по степени распространенности.

В толковых словарях словацкого языка все эти наречия, как правило, трактуются как абсолютные синонимы — ср. для *zакrátko* определение из «Словаря словацкого языка» (словац. *Slovník slovenského jazyka — SSJ*): «*zакrátko нар.* о krátky čas, čochvíľa, čoskoro, o chvíľu, onedlho, zanedlho», из «Краткого словаря словацкого языка» (словац. *Krátky slovník slovenského jazyka — KSSJ*): «*zакrátko нар.* čoskoro, čochvíľa, onedlho, o chvíľu»³. Семантику наречий *čoskoro*, *onedlho* и *o chvíľu* мы проанализировали в предыдущей статье⁴ — здесь же мы сосредоточим свое внимание на лексеме *zакrátko*, которая хотя и не столь распространена, как три указанные выше, однако также заслуживает отдельного рассмотрения. В первую очередь мы постараемся прояснить вопрос, обладает ли данное наречие собственной спецификой лексического значения. Так, в «Синонимическом словаре словацкого языка» (словац. *Synonymický slovník slovenčiny — SSS*) это наречие описано через синонимичное *čoskoro*, а остальные лексемы из семантической группы в толковании не указаны, ср. «*zакrátko, zакратуčko, zакратулинко, zакратунко см. čoskoro*»⁵.

1.0. Анализ проводится прежде всего на основании данных сочетаемости всех указанных наречий в Корпусе. При этом сочетаемостные характеристики наречий рассматриваются в двух различных аспектах. Во-первых, к анализу мы привлекаем показатели так называемых мер ассоциации (association measures)⁶. В отличие от показателей абсолютной частотности

¹ Slovenský národný korpus — prim-9.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav L. Štúra SAV, 2020. URL: <http://korpus.juls.savba.sk> (дата обращения 15.11.2020).

² Частотность *skoro* мы в данном случае во внимание не принимаем ввиду невозможности снять омонимию *skoro-1* ‘скоро’, *skoro-2* ‘рано’ и *skoro-3* ‘почти’.

³ *Slovník slovenského jazyka / ved. red. Š. Peciar. 1 vyd. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1965. Diel V: V — Ž; Krátky slovník slovenského jazyka / red. J. Kačala, M. Pisárčiková, M. Považaj. 4 vúd. Bratislava: Veda, 2003. Данные толкового «Словаря современного словацкого языка» (словац. *Slovník súčasného slovenského jazyka*) мы здесь не приводим, соответствующий том находится в процессе подготовки.*

⁴ Ващенко Д.Ю. Словацкие темпоральные наречия *čoskoro, onedlho, o chvíľu*: к вопросу о квазисинонимии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2. (В печати).

⁵ *Synonymický slovník slovenčiny / red. M. Pisárčiková. 3. nezm. vyd. Bratislava: Veda, 2004.*

⁶ См., например: *Stefanowitsch A. Corpus linguistics. A guide to the methodology. Berlin: Language Science Press, 2020.*

здесь не просто учитывается общее число сочетаний некоторых двух лемм, но и принимается во внимание частотность каждой из них в отдельности и далее по определенной формуле с учетом всех релевантных показателей рассчитывается так называемая мера притяжения между леммами. Соответственно, в зависимости от конкретной формулы расчета различаются и показатели данной меры ассоциации. Мы будем применять сразу целый комплекс таких мер ассоциации, чтобы при анализе показатели различных мер верифицировали и дополняли друг друга⁷. Из всех представленных в рамках программы «SketchEngine» мер ассоциации были выбраны три — это Minimal Sensitivity, $\log\text{Dice}$ ⁸ и $\text{MI}\cdot\log.f$ ⁹. Отсутствие в этом списке остальных мер ассоциации объясняется тем, что мера MI, как правило, наделяет наиболее высоким рангом низкочастотные коллокации, а T-score, MI3 и $\log.\text{likelihood}$ на нашем материале показывают в верхней части вордлиста довольно много «шумовой информации» (знаков препинания и энклитик), что затрудняет выделение коллокаций, наиболее характерных именно для данной леммы. Мы будем рассматривать здесь только глагольные коллокации, правые и левые коллокации в данном случае рассматриваются совместно. В связи с тем, что в словацком языке глагол может располагаться по отношению к наречию дистантно, во всех случаях мы задавали расстояние от -6 до 6 токенов. Наречие *skoro* ввиду уже упомянутой неснятой омонимии здесь рассматриваться не будет. Оговоримся, что в качестве примеров мы будем приводить как материал оригинальных словацких текстов, так и переводы на словацкий, поскольку в самом Корпусе объем оригинальной литературы составляет чуть меньше половины всего объема художественных текстов (93 429 604 словоупотребления из 262 818 945). Подобное допущение, хотя и не исключает влияние фактора интерференции при переводе, всё же позволяет получить общую картину функционирования наречия в письменной речи.

⁷ О необходимости применять меры ассоциации не изолированно, но в комплексе см., например, в работах: Хохлова М.В. Сопоставительный анализ статистических мер на примере частеречных предпочтений сочетаемости существительных // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. 2017. Вып. 1. С. 166–171; Zakharov V.P. Automatic collocation extraction: association measures evaluation and integration // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialogue 2017». Moscow, May 31 — June 3, 2017. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3963/zakharovvp.pdf> (дата обращения 15.09.2020) и др.

⁸ Мера ассоциации вводится: Rychlý P. A lexicographer-friendly association score // Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing, RASLAN 2008 / eds. P. Sojka, A. Horák. Brno: Masaryk University, 2008. P. 6–9. Работа П. Рыхлого, в свою очередь, основывается на раннем исследовании: Dice L. Measures of the Amount of Ecologic Association Between Species // Ecology. 1945. Vol. 26 (3). P. 297–302.

⁹ Данная мера сравнительно редко применяется в корпусных исследованиях, см., например, ее использование в: Ситар Г. Обчислення показника асоціації MI Log Freq як статистичний метод дослідження синтаксичних фразеологізмів // Гуманітарна освіта у технічних вищих навчальних закладах. 2016. № 34. С. 114–125.

Не меньшее значение для нас будут иметь случаи взаимной сочетаемости лемм. Находясь в тексте поблизости друг от друга и употребляясь совместно, лексемы могут фигурировать как в одном высказывании, так и в разных, и при этом обозначаемые ими ситуации могут вступать в определенные отношения; определение характера этих отношений также будет помогать указанию на синонимии / квазисинонимии между наречиями. Здесь при поиске в Корпусе также было задано расстояние от -6 до 6 токенов.

Не имея здесь возможности подробно останавливаться на семантике наречий *čoskoro*, *onedlho* и *o chvíľu*, очертим лишь в общих чертах их специфику по данным мер ассоциации.

Так, для *čoskoro* высокие ранги будут иметь коллокации с ментальными предикатами, в первую очередь с глаголами, обозначающими состояние надежды — *dúfat* ‘надеяться’; обнаружение информации, раскрытие некоторого положения дел — *uvidiet* ‘увидеть, узнать’, *dozvediet sa* ‘узнать’; с глаголами понимания — *pochopit* ‘понять’; аналитического установления причины — *zistiť* ‘установить’, *objavit* ‘открыть’. Наречие, по всей видимости, ориентировано на обозначение ситуаций предсказуемых, которые в той или иной степени могут быть объяснены говорящим.

Только для *onedlho* характерны сочетания с глаголами, обозначающими достижение некоторой цели: *dorazit* ‘дойти до цели’; *nastahovat sa* ‘вселиться, въехать’; также коллокации с глаголом *uplynúť* ‘пройти (о времени)’; сочетания с глаголами *vypuknúť* ‘вспыхнуть, разразиться’; *čakať* ‘ждать’ — это наречие ориентировано на ситуацию в ее непосредственном протекании.

Общими для *onedlho* и *o chvíľu* будут коллокации с глаголами *začut* ‘услышать’ (Minimal sensitivity), *zaspat* ‘заснуть’, *mieriť* ‘направляться; целиться’, *trafiť* ‘попасть’, *zomriet* ‘умереть’, *vyrovnať* ‘сравнять’; при этом у *onedlho* в верхней части списков будут представлены коллокации с глаголами *osláviť* ‘отпраздновать’, *vyrást* ‘вырасти’ и *prestahovať sa* ‘переехать’.

Для *o chvíľu* приоритетными будут коллокации с глаголами *ozvať (sa)* ‘раздаться’, *začut* ‘услышать’ (MI.log_f), *počut* ‘услышать’, а также с глаголами, означающими перемещение в пространстве — *vybehnúť* ‘выбежать’, *vynoriť sa* ‘всплыть, вынырнуть’, *vojsť* ‘войти’, *vyraziť* ‘выбить, вышибить’, *odbehnúť* ‘убежать’; это наречие тяготеет к обозначению ситуаций, которые могут контролироваться говорящим.

1.1. В свою очередь, только у наречия *zакрátko*, которое находится в фокусе нашего внимания, представлены следующие коллокации.

1.1.1. Сочетания с глаголами, обладающими «социальной отмеченностью» и ориентированными на определенный тип ситуации, а также с некоторыми другими глаголами, обозначающими активные действия. Так, к «социально ориентированным» глаголам относятся коллокации с лексемами *vypátrať* ‘проследить, дознаться’, *zadržat* ‘арестовать, задержать’, которые предполагают контекст рассказа о некотором преступлении, ср.:

(1) *Vodič z miesta nehody odišiel, zranenej žene nepomohol, ani neprivolal pomoc. Policajná hliadka ho **zакrátко** vypátrala a doviezla späť na miesto dopravnej nehody, kde ho podrobila dychovej skúške na alkohol.* [Водитель с места аварии скрылся, раненой женщине не помог и даже не звал помощь. Полицейский патруль **вскоре** арестовал его и отвез обратно на место дорожного происшествия, где у него взяли пробу дыхания на алкоголь].

(2) *Policajti podozrivého 31-ročného Lukáša z obce Bánov **zакrátко** zadržali a obvinili z prečinu krádeže a ublíženia na zdraví v štádiu pokusu.* [Полицейские **вскоре** задержали подозреваемого 31-летнего Лукаша из села Банов и обвинили его в покушении на кражу и причинение физического вреда].

Ср. также для глаголов *prepustiť* ‘выпустить, отпустить’ и *dostaviť sa* ‘прибыть, оказаться’ (3, 5) — при этом для сочетаний возможен и принципиально иной контекст ментального действия (4, 6).

(3) *Podrobil sa krvnej skúške a **zакrátко** ho prepustili na slobodu.* [У него взяли кровь на анализ и **вскоре** выпустили на свободу].

(4) *Draco navonok nereaguje na ten náhle tichý, unavený hlas v otázke, ale vo vnútri sa jeho sústredenie znova zvýrazní a díva sa. **Zакrátко** ho prepustí.* [Драцо с виду не реагирует на этот неожиданно тихий, усталый голос, который задает вопросы, но внутри его сосредоточенность снова усиливается, он наблюдает. **Скоро** он его отпустит].

(5) *Zavolala na mestskú políciu. **Zакrátко** sa dostavili dvaja policajti.* [Она позвонила в городскую полицию. **Вскоре** прибыли двое полицейских].

(6) *Nitrania začali stretnutie veľmi dobre a postupne si v úvodnom sete vytvorili päťbodové vedenie. Svidník to však nevyviedlo z rovnováhy, pokračoval vo svojej hre a výsledok sa **zакrátко** dostavil. Hostia začali robiť množstvo chýb, ktorými dostali domácich na koňa a tí už set nepustili zo svojich rúk.* [Игроки из Нитры начали встречу очень хорошо и постепенно в первом сете добились перевеса в пять очков. Свидник это, однако, не вывело из равновесия, клуб продолжал бороться, и результат **вскоре** не заставил себя ждать. Гости начали делать множество ошибок, которыми они сильно помогли хозяевам, и те уже вели до конца сета].

Аналогично ср. для глагола *pohltiť* ‘поглотить’:

(7) *Požiar vznikol v kuchyni hotela Junior uplynulý utorok nadržanom. **Zакrátко** pohltili plamene celú budovu.* [Пожар вспыхнул в кухне отеля «Junior» в прошлый вторник рано утром. **Вскоре** пламя охватило всё здание].

(8) *Pôvodne som si plánoval len vyskúšať, ako vyhládavanie vlastne funguje a čo sa tam dá vidieť — nevedel som si to vôbec predstaviť. **Zакrátко** ma web tak pohltil, že som pri ňom strávil niekoľko hodín.* [Первоначально я хотел только попробовать, как поисковая система, собственно, работает и что можно в ней увидеть, — я вообще этого не представлял. **Вскоре** Интернет так поглотил (захватил) меня, что я провел там несколько часов].

(9) *Nespojil som sa s vami, lebo až do dnešného dňa mi o profesorkе nič nové nepovedala. Práve dnes som sa chystal vám zavolať, ale **zакrátко** ma už pohltili celkom iné starosti.* [Я не связался с вами, поскольку до нынешнего

дня она мне о преподавательнице ничего нового не сообщила. Я как раз сегодня собирался вам позвонить, но **вскоре** я был поглощен абсолютно другими заботами].

1.1.2. Следующая группа «социально ориентированных коллокаций» включает глаголы с семантикой гибели либо распада, ср. глаголы *ochorieť* ‘заболеть’ (10), *uhynúť* ‘погибнуть’ (только logDice) (11), *rozpadnúť* (*sa*) ‘распасться’ (12, 13). К этой же группе мы условно относим коллокации с глаголом *porodiť* ‘родить’, которые опять-таки употребляются главным образом в социально ориентированных контекстах (14):

(10) *Ivan prácu na stavbe zvládal len ťažko. Nemal dost' sil ani dostatočné oblečenie. Zakrátko ochorel, dostal horúčky a zápal obličiek, skončil na ošetrovni.* [Ивану работа на стройке давалась с большим трудом. У него не было ни сил, ни нормальной одежды. **Вскоре** он заболел, подцепил лихорадку и воспаление почек, дело кончилось больничной койкой].

(11) *Práve klasické drevené "lopáríky" sú vo svojej podstate antibakteriálne. Keď schnú, tak s vodou nasávajú do pórov dreva aj baktérie, ktoré tam zakrátko uhynú a zároveň nie sú schopné sa odtiaľ preniesť na iné povrchy alebo na potraviny.* [Именно классические деревянные разделочные доски по сути своей антибактериальные. В процессе высыхания они всасывают вместе с водой в поры дерева также бактерии, которые там **вскоре** погибают, при этом они не могут распространиться отсюда на другие поверхности или продукты].

(12) *O niekoľko rokov neskôr ich priateľstvo vyvrcholilo spoluprácou v Blind Faith, ktorú založili členovia slávnych kapiel Cream, Family a Traffic. Kapela, ktorej obsadenie sľuovalo veľkú budúcnosť, nahrála iba jeden album a zakrátko sa rozpadla. Príliš veľa géniov pohromade.* [Через несколько лет их дружба обернулась сотрудничеством в группе «Blind Faith», которую основали члены известных групп «Cream», «Family» и «Traffic». Группа, состав которой был многообещающим, выпустила всего один альбом и **вскоре** распалась. Слишком много гениев вместе].

(13) *K dobrému jedlu nepochybne patrí aj pohárik vína. Často sa tento vzťah prirovnáva k manželstvu. Aj tu musia platiť určité pravidlá, inak by sa vzťah mohol zakrátko rozpadnúť.* [С хорошей едой неразлучен бокальчик вина. Часто эти отношения сравниваются с супружескими. Но и тут действуют определенные правила, иначе эта связь **вскоре** распадется].

(14) *Neviem, čo všetko Soňa musela prežiť. Vyzerala dost' zle, akoby bola dobitá. Problémy počas tehotenstva sa odrazili aj na zdraví dieťaťa, ktoré zakrátko porodila.* [Не знаю, сколько Соне пришлось пережить. Выглядела она неважно, была словно опустошенная. Проблемы во время беременности отразились и на здоровье ребенка, которого она **вскоре** родила].

1.1.3. Коллокации с глаголами, обозначающими прибавление чего-л. / кого-л. или заполнение пространства чем-л. / кем-л., ср. глаголы *pridať* (*sa*) ‘добавиться, присоединиться’, *zaplniť* ‘заполнить’:

(15) *V 25. min. ale úvodný gól strelil Kujan a **zакrátко** druhý pridal aj R. Turák.* [На 25-й минуте гол забил Куян, и **вскоре** второй добавил Р. Турак].

(16) *Opäť si sadol na stoličku pri kozube. **Zакrátко** sa pridala k nemu aj dievčina. Sedeli ticho a hľadeli do červeného ohňa.* [Он снова сел на стул возле очага. **Вскоре** к нему присоединилась девушка. Они сидели тихо и глядели на красный огонь].

(17) *Reštaurácia, ktorá nám padla do oka, síce nepatrila medzi najlacnejšie, no bola takmer prázdna. **Zакrátко** ju však zaplnili vyhladnutí demonštranti.* [Ресторан, на котором мы остановились, не был из числа дешевых, зато он был почти пустой. **Вскоре** его, однако, заполнили проголодавшиеся демонстранты].

(18) *Vzduchom okolo nich preplachtila poľujúca sova a zašiekala, aby sa vyľakané malé tvory na zemi prezradili náhlym pohybom v tráve. Údolie **zакrátко** zaplnila tma a čierny mrak opäť odplával nad more, akoby mu stačilo, čo videl.* [В воздухе рядом с ними прошелестела сова — она охотилась и громко ухала, чтобы затаившиеся внизу мелкие животные испугались и выдали себя внезапным движением в траве. Долину **вскоре** охватила мгла, а черная туча снова уплыла к морю, словно ей было достаточно того, что она видела].

1.1.4. Коллокации с некоторыми предикатами внутреннего состояния — *oblúbiť si* ‘полюбить’, *upadnúť do depresie / upadnúť do bezvedomia* ‘впасть в депрессию / упасть в обморок’, *spamätať sa* ‘опомниться’:

(19) *Tu sú korene mojej lásky k trhom. **Zакrátко** som si oblúbila trhy prímorské. Na prvých dovolenkách v Chorvátsku a Taliansku, keď sme za rána išli s rodičmi do mestečka, na miesto, kde strašne zapáchali ryby a ženy v zásterách ich chytali holými rukami a nakladali ľuďom do tašiek.* [Здесь корни моей любви к рынкам. Я **вскоре** полюбила приморские рынки. В первые мои отпуска в Хорватии и Италии, когда утром я шла с родителями в городок, в то место, где страшно воняло рыбой и женщины в фартуках брали рыбу голыми руками и клали ее людям в сумки].

(20) *Starý, osamelý bežec Eugen si tiež **zакrátко** oblúbil svoju mladú sesternicu, ktorej nechýbala krása, ba ani pevné odhodlanie.* [Старый одинокий бегун Эуген **вскоре** полюбил свою юную кузину, которая была наделена не только красотой, но и твердым решительным характером].

(21) *Jim potreboval nové pľúca. Taká transplantácia sa robí spolu so srdcom. Kto bol darcom, Jim nevedel. **Zакrátко** po operácii upadol do hlbokkej depresie, hoci nikdy predtým nemal psychické problémy.* [Джиму требовались новые легкие. Такую трансплантацию делают вместе с пересадкой сердца. Кто был донором, Джим не знал. **Вскоре** после операции он погрузился в глубокую депрессию, хотя никогда прежде не испытывал проблем с психикой].

(22) *Povedali mu, že ak bude spolupracovať, do večera môže byť doma. Keďže M. Kováč ml. nesúhlasil, nasadili mu putá, dostal elektrické šoky <...>. Potom do M. Kováča ml. násilím naliali dve fľašky alkoholu. **Zакrátко** nato upadol do bezvedomia a prebral sa až v podvečer v nemocnici v rakúskom Hainburgu.*

[Ему сказали, что если он будет сотрудничать, к вечеру может оказаться дома. Поскольку М. Ковач-младший отказался, они надели на него наручники и применили электрошок <...>. Потом в М. Ковача-младшего насильно влили две бутылки алкоголя. **Вскоре** после этого он потерял сознание и очнулся только ближе к вечеру в больнице в австрийском Хайнбурге].

(23) *Podobne tí, ktorých by sme mohli v dnešnom svete označiť za spoločenskú elitu, sa **zkrátka** spamätajú, keď sa dostanú do rozporu so súčasnou vládnucou politicko-straníckou líniou.* [Точно так же те, кого мы в современном мире могли бы считать элитой общества, **вскоре** опомнятся, как только вступят в конфликт с политической линией нынешней правящей партии].

(24) *Potom ho položil Adamovi na kolená... Ten sa zapozeral na obrazovku a jeho výraz tváre sa úžasne rýchlo menil. Bol maximálne prekvapený a chvíľu zostal sedieť úplne bez slov. **Zkrátka** sa spamätal a prehovoril: “Ved’ on je presne ako ja... Teda... Vlastne ja vyzerám úplne ako on.”* [Потом он положил его Адаму на колени... Тот уставился на экран, выражение его лица невероятно быстро менялось. Он был чрезвычайно удивлен, какое-то время он сидел, не говоря ни слова. **Вскоре** он опомнился и проговорил: «Ведь он точь-в-точь как я... Ничего себе... Собственно, я выгляжу в точности как он»].

1.1.5. Наконец, особую группу, немаловажную, на наш взгляд, для прояснения семантики наречия *zkrátka*, составляют левосторонние колокации с глаголом *trvať* ‘длиться’ в отрицательной форме, т. е. *netrvať* ‘не длиться’. Общий контекст при этом имеет вид *X netrvalo dlho, pretože zkrátka Y* ‘X продолжалось недолго, поскольку вскоре произошло Y’ — речь идет о причине, обуславливающей краткость некоторого события. Ср. следующие примеры:

(25) *Spokojnosť pani Edity však netrvala dlho. **Zkrátka** si všimla, že šperkovička, v ktorej mala svoje prstene, retiazky, obrúčky a náramky je preč.* [Спокойствие госпожи Эдиты, однако, продолжалось недолго. **Вскоре** она заметила, что шкатулка, в которой она держала все свои кольца, цепочки и браслеты, исчезла].

(26) *Bol to jeden z tých prudkých dažďov, čo prichádzajú od juhozápadu a šibú človeku do tváre. Netrval dlho. **Zkrátka** vyšlo slnko a na každom stebelku trávy sa v jeho líčoch zatrblietali slzičky vody sťa drahokamy.* [Это был один из тех быстрых дождей, что приходят с юго-запада и хлещут прямо в лицо. Он длился недолго. **Вскоре** вышло солнце, на каждом стебельке травы в его лучах заискрились капельки воды, словно драгоценные камни].

(27) *Ich spojené ruky boli čoraz horúcejšie a spotenejšie. Ale tá rýchla skladba netrvala dlho. **Zkrátka**, takmer bez prestávky, kapela spustila čosi pomalšie a... romantické.* [Их сплетенные руки становились всё более горячими и потными. Но эта быстрая композиция продолжалась недолго. **Вскоре**, практически без перерыва, группа запела что-то более плавное и... романтическое].

1.2. Следующая группа глагольных сочетаний объединяет *zакrátko* с другими рассматриваемыми наречиями — в целом число коллокатов, равно характерных для *zакrátko* и тех или иных его синонимов, составляет примерно половину общего количества глагольных коллокаций слова *zакrátko*.

1.2.1. Так, для всех четырех наречий в верхние 40 строк из списков (по частоте совместной встречаемости) будут входить следующие глаголы: *vrátiť (sa)* ‘вернуть(ся)’; *objaviť* ‘открыть, узнать’ (logDice и MI.log.f); *stat’ sa* ‘стать’ (только MI.log.f); *zачať (sa)* ‘начать(ся)’ (только MI.log.f).

1.2.2. Для *zакrátko*, *čoskoro* и *onedlho* характерны сочетания с глаголами, обозначающими: а) прекращение, исчезновение чего-либо: *zmižnúť* ‘исчезнуть’ — общее для *zакrátko*, *onedlho* и *čoskoro* по Minimal Sensitivity; *zomrieť* ‘умереть’ — общее для *zакrátko*, *onedlho* и *čoskoro* по Minimal Sensitivity; *umrieť* ‘умереть, скончаться’ — общее для *zакrátko*, *onedlho* и *čoskoro* по logDice, также для *zакrátko* и *onedlho* по Minimal Sensitivity — сюда же условно можно отнести сочетание с *zaspáť* ‘уснуть’, общее для *zакrátko* и *o chvíľu* по logDice, а также общие для *zакrátko*, *onedlho* и *o chvíľu* по MI.log.f и Minimal Sensitivity; б) смену обстоятельств либо появление новых: *vystriedať (sa)* ‘сменить / смениться’ — общее для *zакrátko*, *onedlho* и *čoskoro* по logDice, также для *zакrátko* и *onedlho* по MI.log.f, для *zакrátko* и *čoskoro* по Minimal Sensitivity; *odišť* ‘уйти’ — общее для *zакrátko* и *čoskoro* по logDice и для всех четырех наречий по MI.log.f; *ocitnúť sa* ‘оказаться, очутиться’ — общее для *zакrátko* и *čoskoro* по logDice, для *zакrátko*, *onedlho* и *čoskoro* по MI.log.f и Minimal Sensitivity.

1.2.3. Только с *čoskoro* наречие *zакrátko* объединяет группа глагольных коллокаций, обозначающих: а) протекание во времени, развитие событий: *pominúť* ‘истечь, пройти’ — общее для *zакrátko* и *čoskoro* по logDice и Minimal Sensitivity, при этом ранги коллоката у наречий сопоставимы; *nasledovať* ‘последовать’, общее для *zакrátko* и *čoskoro* по logDice; б) ментальные процессы: *zistiť* ‘понять, установить’, общее для *zакrátko* и *čoskoro* по logDice и MI.log.f, причем для *zакrátko* коллокат находится в нижней части списка, в то время как для *čoskoro* — в верхней; *prísť* ‘прийти’, также ‘понять’, общее для *zакrátko* и *čoskoro* по MI.log.f; *vysvitnúť* ‘оказаться, проясниться’, общее для *zакrátko* и *čoskoro* по logDice, у *čoskoro* при этом его ранг существенно ниже.

1.2.4. Только наречиям *onedlho* и *zакrátko* свойственны коллокации с глаголами, обозначающими: а) появление: *zjaviť (sa)* ‘явиться’, общее для *zакrátko* и *onedlho* по logDice, также для *zакrátko*, *onedlho* и *o chvíľu* по MI.log.f и Minimal Sensitivity; *dostať* ‘получить’, общее для *zакrátko* и *onedlho* по MI.log.f; б) перемещение в пространстве: *odbočiť* ‘отклониться, удалиться’, общее для *zакrátko* и *onedlho* по logDice; *prestáňovať sa* ‘переехать, переселиться’, общее для *zакrátko* и *onedlho* по logDice; *doraziť* ‘достичь цели’; в) некоторые другие действия: *oženiť sa* ‘жениться’, общее

для *zакрátko* и *onedlho* по MI.log.f; *vyrovnať* ‘выправить, сгладить’, общее для *zакрátko* и *onedlho* (для *o chvíľu* этот глагол входит в нижние строки 40 коллокаций по параметру MI.log.f).

1.2.5. Наконец, для *zакрátko* и *o chvíľu* общими являются следующие сочетания: *ozvať sa* ‘откликнуться, отозваться’, при этом для *zакрátko* сочетание находится в нижней части списка, в то время как для *o chvíľu* — в верхней; *hlavičkovať* ‘напечатать логотип’, ранги коллоката у наречий сопоставимы; *netrafiť* ‘промахнуться’, общее для *zакрátko* и *o chvíľu* по Minimal Sensitivity; *vynoriť* ‘всплыть, вынырнуть’, общее для *zакрátko* и *o chvíľu* по Minimal Sensitivity.

Таким образом, пересечения между наречиями распределяются следующим образом: *zакрátko* — *čoskoro* — 14 корреляций, *zакрátko* — *onedlho* — 13 корреляций и *zакрátko* — *o chvíľu* — 6 корреляций.

2. Во второй части статьи попарно будут рассмотрены случаи совместного употребления *zакрátko* с *čoskoro*, *onedlho* и *o chvíľu*.

2.1. Čoskoro vs zакрátko

Наречия совместно встречаются в корпусе 19 раз, при этом большая часть примеров представляет собой случаи, когда высказывания связаны причинно-следственными отношениями, так что высказывание с *zакрátko* является прямым следствием высказывания с *čoskoro*. Ср. подобные случаи для прошедшего времени в режиме нарратива с препозицией *čoskoro* (28), а также с постпозицией (29):

(28) *Po roku v škole začal Matt ako dvanásťročný pracovať. Začínal ako poslíček u obchodníka s vínom a čoskoro začal skúšať vzorky výrobkov. Zакрátko žil len pre alkohol. <...> Nasledovných šestnásť rokov všetko, čo zarobil, utratil za alkohol.* [Отучившись год в школе, Мэтт в двенадцать лет начал работать. Он начинал курьером у торговца вином и **вскоре** стал пробовать продукцию. **Скоро** он жил уже только ради выпивки. <...> Следующие шестнадцать лет всё, что он зарабатывал, он тратил на алкоголь].

(29) *Nemohol som sa zmieriť s tým, že človek, ktorý ešte stále sedí v kresle ministra spravodlivosti, zároveň kandiduje na šéfa Súdnej rady a do čela NS. To bola aj podstata našej ústavnej sťažnosti. Pomsta prišla zакрátko, čoskoro vás preradili na inú agendu.* [Я не мог смириться с тем, что человек, который продолжает занимать кресло министра юстиции, одновременно выдвигается на должность главы Судебного совета и в руководство Верховного суда. В этом и заключалась суть нашей конституционной жалобы. Расплата настала **скоро**, **ведь вскоре** вас перенаправили в другую инстанцию].

Более распространены, однако, подобные случаи при употреблении наречий с глаголами совершенного вида, стоящими в простом будущем времени, ср.:

(30) *Oboch chlapov oviol chladný osamelý večerný závan s pachom prachu. Slnko, bledé vo svetle presakujúcom z oblohy, čoskoro zapadne. Zакрátko všetkých zamknú na noc.* [Обоих мужчин окутал печальный вечерний ветерок, пахнущий пылью. Солнце, бледное в свете, падающем с небосвода, **скоро** зайдет. **Скоро** всех закроют на ночь].

(31) *Edgar Derby v mysli písal listy domov, oznamoval manželke, že je živý a zdravý, aby sa netrápila, že vojna sa čoskoro skončí a zаkrátko sa vráti domov.* [Эдгар Дерби в мыслях писал письма домой, сообщал жене, что он жив и здоров, чтобы она не беспокоилась, что война **скоро** закончится и **совсем скоро** он вернется домой].

(32) *Možno prídu o niečo skôr, lebo Claire sa nevie dočkať, kedy vás uvidí. Pierre a Myrrha sa po vašom zmiznutí utiahli na vidiek, do sídla baróna de Barsempierre, avšak predpokladám, že sa tu tiež čoskoro ukážu. Takže, zаkrátko vás obklopie všetci, ktorých milujete. Pevne verím, že v ich spoločnosti zaženieťe chmúrne spomienky.* [Возможно, они придут немного раньше, поскольку Клэр не может дождаться, когда вас увидит. Пьер и Мирра после того, как вы исчезли, уехали за город, в поместье барона де Барсемпьер, но я предполагаю, что они тоже **скоро** явятся сюда. Так что **скоро** вас будут окружать все, кого вы любите. И я твердо верю, что их общество прогонит ваши черные мысли].

(33) *Vchodové dvere sú bezpochyby zamknuté a zabezpečené retiazkami, pomyslela si zlostne. Podaktorí z majiteľov domov majú iste nabité zbrane, lebo toto nie je veru bezpečná štvrť. Ľudia v tomto bloku však budú mať už zаkrátko po starostiach. Čoskoro všetci zomrú. Zomrú zradcovia a s nimi aj zopár nevinných. Ale Eva ich vôbec neľutovala. Boh je už raz taký.* [Входные двери, несомненно, закрыты и заперты на цепочку, подумала она со злостью. Некоторые домовладельцы держат наготове заряженное оружие, поскольку этот квартал действительно не безопасен. Однако у людей в этом районе **скоро** не будет никаких забот. **Скоро** все умрут. Умрут предатели и вместе с ними несколько невинных. Но Еве их совершенно не было жаль. Бог таков, каков он есть].

В двух случаях речь идет об экспрессивном использовании *zакrátko*, когда, употребляясь либо после *čoskoro* с усилительной частицей *už* ‘уже’, либо изолированно, оно подчеркивает, что обозначенное событие произойдет в максимально короткие сроки, ср. (34–35):

(34) *“Ešte nie je koniec,” — zahundral. — “Ale čoskoro sa všetko skončí. Zаkrátko. Ak o ôsmej mojich priateľov prepustia, o jednej, najneskôr o druhej už budú v Tel Avive. Hodinu potrvá, kým sa potvrdí ich totožnosť a kým sa to oznámi v rozhlase. O tretej — o štvrtej by sme už mali mať o ich prepustení istotu. Po zotmení vás živých a zdravých opustíme.”* [«Еще не конец», — пробормотал он. — «Но **скоро** всё будет кончено. **Очень скоро**. Если в восемь моих друзей выпустят, в час, самое позднее в два они будут в Тель-Авиве. Час пройдет, пока удостоверят их личности и объявят об этом по радио. В три — в четыре мы уже будем точно знать, что их выпустили. Когда стемнеет, мы вас оставим, живых и здоровых»].

(35) *Jedlo bolo také isté, nebo také isté, horúčava také istá, choroba také istá, muchy také isté, chradnutie také isté. Grey ešte vždy čakal a striehol. Spicel’ mu oznámil, že diamant čoskoro zmení majiteľa. Už zаkrátko. Peter Marlowe*

a Kráľ očakávali tú chvíľu práve tak dychtivo. [Еда была точно такой же, небо точно таким же, жара точно такой же, болезнь точно та же, мухи точно те же, мучение точно такое же. Грей всё еще ждал, подстерегал. Шпицель сообщил ему, что бриллиант **скоро** сменит хозяина. Уже **совсем скоро**. Питер Марлоу и Король ожидали именно этой минуты так страстно].

Подобная ориентированность *zакrátко* на подчеркнутую краткость временного интервала объясняет его использование при указании быстро следующих друг за другом состояний и в случаях, когда быстрая смена состояния является контекстуально значимой, в то время как для *čoskoro* подобное употребление не так характерно. Ср. (36–37), где *zакrátко* в режиме нарратива больше связано с непосредственным временем события и употребляется с прошедшим временем, в то время как *čoskoro* маркирует общую перспективу событий и употребляется с будущим:

(36) *Štefan Thököly odrazu ochorel a zакrátко zациtil, že čoskoro pride jeho koniec. Vtedy tajným vchodom vypustil zo zámku svojho syna Imricha a poslal ho preoblečeného za sedliackeho mládenca na Likavu.* [Штефан Тёкёли внезапно заболел и **вскоре** почувствовал, что **скоро** придет его конец. Тогда он через тайный вход выпустил из замка своего сына Имриха и отправил его, переодетого в крестьянского парня, в Ликаву].

(37) *Spočiatku Kuzma obdivoval Kamila Rendeka prezývaného Ruža. Vyžarovala z neho ironická istota, Kuzma si pomyslel: nadutá agónia, prázdna vystatovačnosť, parte bez textu. Vlastne — bez mena. Meno čoskoro dopíšu. Obdiv sa zакrátко zmenil na hnus.* [Сперва Кузма восхищался Камиллом Рендеком по прозвищу Роза. Он так и лучился ироничной уверенностью, а Кузма думал: надутая агония, пустая кичливость, эпитафия без текста. И, собственно, без имени. Имя **скоро** допишут. Восхищение **вскоре** сменилось омерзением].

В следующем примере соотношение времен прямо противоположное: *zакrátко* сочетается здесь с будущим временем, а *čoskoro* — с прошедшим, при этом, однако, *zакrátко* маркирует конкретный намеченный срок (важно, что огонь зажгут быстро), в то время как *čoskoro* обозначает срок неопределенный, нефиксированный с точки зрения длительности и предсказуемости, ср.:

(38) *Každú noc naznášal dobrý duch so svojimi služobníkmi suchého raždia na veľikánsku hŕbu. A keď už bola vatra skoro prihotovená, vyslal zorničku, ktorou oznamoval ľuďom na zemi, že zакrátко zapáli aj oheň. Čoskoro si však všimol, že toto znamenie nestačí, lebo ľudia, ktorí spali, ho nezazreli.* [Каждую ночь добрый дух со своими приспешниками складывали сухие ветви в огромную кучу. А когда костер был почти готов, он посылал зарю, которой предвещал людям на земле, что **скоро** зажжет огонь. **Вскоре**, однако, он понял, что этого знамения недостаточно, потому что те люди, что спали, его не видели].

В (39) оба наречия маркируют конкретные, но неизвестные даты (день рождения игрока и дату его перехода в другой клуб), при этом контекстуально более значимой является ситуация с *zакrátко*:

(39) *Od leta 2006 oblieka komárňanský rodák Szilárd Németh žltó-čierny dres nemeckého Aachenu. V Alemannii, ktorá v minulej sezóne zvädzala márnú boj o postup medzi bundesligovú elitu, má ešte rok platnú zmluvu. Čoskoro tridsaťdvaročný útočník **zакrátko** naskočí so spoluhráčmi do prípravy na novú sezónu.* [С лета 2006 г. уроженец Комарно Силард Немет надевает желто-черную форму немецкого Аахена. В «Алемании», которая в прошлом сезоне безуспешно пыталась пробиться в элиту Бундеслиги, у него контракт еще на один год. Нападающий, которому **скоро** исполнится тридцать два года, **вскоре** начнет вместе с товарищами по команде подготовку к новому сезону].

Наконец, в (40) наречия обозначают однотипные события (мужчина бросил женщину, которая потом нашла себе другого), причинно-следственная связь между которыми является достаточно условной, при этом *zакrátko* маркирует ситуацию, которая не соответствует ожидаемой и является неприемлемой, в то время как в случае с *čoskoro* речь идет только об обозначении неопределенно-краткого срока:

(40) – *Áno, Giulia, — potvrdila Beata. — Prečo spomínate práve ju? — Lebo ste mladej žene navraveli kadejaké hlúposti a pobláznili ste jej hlavu. A **zакrátko** ste ju opustili. — Čoskoro si našla iného. — A ten jej vravel ešte krajšie slová než vy. Bola to jej jediná útecha v manželstve s mužom, ktorého z celej duše nenávidela.* [– Да, Джулия, — подтвердила Беата. — Почему вы упоминаете именно о ней? Потому что вы наговорили молодой женщине всяких глупостей и вскружили ей голову. И **вскоре** бросили ее. **Скоро** она нашла себе другого. Тот ей говорил еще более прекрасные слова, чем вы. Это было для нее единственным утешением в браке с женщиной, которого она от всей души ненавидела].

2.2. Наречия *onedlho* и *zакrátko* совместно употребляются, по данным корпуса, десять раз, значительная часть случаев представляет собой указание последовательности однотипных событий, не имеющих прямой причинно-следственной связи, при этом события, обозначенные лексемой *onedlho*, предшествуют тем, что обозначены словом *zакrátko*. Ср. (41–43), где представлены именно последовательно совершающиеся события.

(41) *Domáci sa ujali vedenia hneď z prvého rohu, **onedlho** zvyšoval z úniku Zsebi. **Zакrátko** zvýšil na 3:0 Habán, ktorý predtým ešte trafil tyč.* [Хозяева захватили преимущество сразу после первого углового, **вскоре** атаку реализовал Жеби. **Скоро** счет вырос до 3:0 благодаря Габану, который до того попал в штангу].

(42) *Ich sebauvedomovanie a hľadanie koreňov je o to bolestnejšie, že obaja vyrastali bez otca: obaja ho stratili vo veku, keď sa naňho nemohli pamätať (Camusov otec zahynul v prvej svetovej vojne a Sabatierov **onedlho** po nej a **zакrátko** mu zomrela aj matka).* [Их самоосознание и поиск корней тем более болезненны, что оба росли без отца: оба потеряли его в возрасте, когда еще не могли его помнить (отец Камю погиб в Первой мировой войне, а отец Сабатье **вскоре** после нее, а **еще через некоторое время** у него также умерла мать)].

(43) *Johnny sa uprene díval cez predné sklo. Už sa vzdal'ovali z centra mesta. Výbuchy vyzerali teraz ako neškodné prašivky... alebo chumáče špinavej vaty. Už **onedlho** budú na sýrskej hranici a **zакrátко** i v Damasku.* [Джонни неподвижно смотрел через переднее стекло. Они уже покинули центр города. Взрывы выглядели теперь как невинные одуванчики... или как клочья грязной ваты. **Вскоре** они будут на сирийской границе, а **еще через некоторое время** и в Дамаске].

В (44–45) *zакrátко* относится к «ситуации постфактум», противоположной той, что обозначена словом *onedlho*, и возможной только после полного завершения первой.

(44) *Možno ste si krátко po pôrode všimli, že vaše bábo vyzeralo akosi pokrčene a pokriveno. Podľa fyzioterapeutky Anny Boháčsekovej sú tieto deformácie prirodzenými dôsledkami pôrodu a **onedlho** zmiznú. **Zакrátко** má takmer každé dieťa pekne vytvarovanú a symetrickú lebku, lebo mäkké kosti sa postupne posívajú tam, kde majú byť. Ak je však pôrod ťažký, môžu deformácie pretrvávajú niekoľko týždňov.* [Возможно, сразу после родов вы заметите, что ваш ребенок выглядит как-ким-то смятым и искривленным. По словам физиотерапевта Анны Богачековой, эти деформации представляют собой естественное последствие родов и **быстро** исчезают. **Через некоторое время** почти каждый ребенок уже имеет хорошо сформированный симметричный череп, поскольку мягкие кости постепенно перемещаются туда, где они должны быть. Однако, если роды были тяжелыми, деформации могут сохраняться несколько недель].

(45) *V kaviarni, obklopený presilou bujarej mládeže, som sa cítil nesvoj. Plný smútku z vedomia svojho veku uvažoval som. Už nepatrím medzi nich, nerozumiem im. Od Eminej smrti len vegetujem. Možno **onedlho** aj ja zomriem a **zакrátко** si na mňa nikto nespomenie. Tento svet už nepatrí mne, patrí týmto mladým.* [В кафе, окруженный численно преобладающей цветущей молодежью, я чувствовал себя чужим. Полный печали от осознания своего возраста, я задумался. Я уже не принадлежу к ним, не понимаю их. С тех пор как умерла Эми, я просто существую. Возможно, **вскоре** и я умру, и **через некоторое время** уже никто обо мне не вспомнит. Этот мир уже принадлежит не мне, он принадлежит этой молодежи].

В (46) события, обозначенные наречием *onedlho*, по факту предшествуют тем, что обозначены с помощью *zакrátко*, — раздача наград повлечет за собой окончание серии. В (47) употребление *zакrátко* перед *onedlho* можно объяснить тем, что *zакrátко* подчеркивает здесь быструю и принципиальную смену ситуаций (стали жить вместе), а *onedlho* — неопределенную по длительности и формальную (зарегистрировали брак). В (48) речь идет о трех сменяющих друг друга ситуациях, при этом ситуация с *onedlho*, хотя и следует после ситуации с *zакrátко*, обозначает возврат к первой, исходной ситуации.

(46) *Tento tieňový box a preteky formuly 1 vo vlastenectve sa však **zакrátко** skončia. **Onedlho** bude rozhodnuté o tom, kto v tieňovom boxe získa zlato a kto ďalší bude ešte stáť na stupni víťazov.* [Этот бой с тенью и домашние сорев-

нования «Формулы-1», однако, *скоро* закончатся. *Скоро* будет решено, кто в этом бою получит золото и кто еще займет место на пьедестале].

(47) *Slobodný život sa pre sestričku Martinu a študenta herectva Andreja zакrátко zmenil na spoločný manželský a onedlho aj rodinný stav. Stalo sa tak po príchode do Martina, odkiaľ prišla herecká ponuka z vtedajšieho Divadla SNP. Sem prišiel Andrej Hrnčiar do svojho prvého angažmán ako herec.* [Свободная жизнь для медсестры Мартины и студента театрального училища Андрея *вскоре* превратилась в общий супружеский, а *еще через некоторое время* и семейный быт. Это произошло после переезда Мартины в город, откуда пришло приглашение из тогдашнего театра SNP. Андрей Грнчяр получил здесь свой первый ангажемент как актер].

(48) *Ležím hneď vedľa hrobu starého Billa Piersola, ktorý zbohatol obchodom s Indiánmi, zакrátко nato zbankrotoval a onedlho sa zase pozbieral na nohy ešte bohatší.* [Я лежу совсем рядом с могилой старого Билла Пирсола, который разбогател на торговле с индейцами, *вскоре* после этого разорился, но *через некоторое время* вновь поднялся и стал еще богаче, чем был].

2.3. *O chvíľu vs zакrátко*

Обнаруживается девять примеров совместного употребления. В данном случае нельзя выделить наиболее распространенную группу, хотя некоторые закономерности всё же прослеживаются. Так, в ряде случаев *o chvíľu* обозначает появление первого из ряда лиц (49) либо первое действие значимого лица (50), в то время как *zакrátко* — уже последующие действия:

(49) *Izmael sa tackal pod ťarchou pekného tučného jeleňa; sprevádzali ho dvaja synovia. O chvíľu sa zjavil Abiram a zакrátко tu boli skoro všetci poľovníci; každý niesol voľačo.* [Измаил с трудом передвигался под тяжестью прекрасного жирного оленя, его сопровождали двое сыновей. *Через минуту* появился Абиром, и *вскоре* тут уже были все охотники; каждый что-то нес].

(50) *“Namiesto záverečného tanca plánujem vziať manželku na tichú prechádzku po terase,” odvetil. “Hoci vám tam asi bude chladno.” “Pošlem niekoho po plášte,” povedala a zmizla. O chvíľu už bola naspäť a zакrátко mrmlavo komusi poďakovala, potom mu podala večerný plášť. Počul, ako na parket nastupujú dvojice.* [«Вместо заключительного танца я планирую взять супругу на тихую прогулку по террасе», — ответил он. — «Вам же там будет холодно». — «Пошлю кого-нибудь за плащом», — сказала она и исчезла. *Через минуту* она вернулась и *вскоре* ворчливо кого-то благодарила, потом подавала ему вечерний плащ. Он слышал, как на паркет выходят пары].

В других случаях *o chvíľu* употребляется при обещании быстро выполнить некоторое действие, а *zакrátко* — при его последующем реальном выполнении, ср. (51–52):

(51) *“Potrebujeme len presne zistiť, prečo sa ešte neprebral. Je to normálny medicínsky postup a netreba sa preto vôbec znepokojovať.” O chvíľu ho prevezieme dole.” Zакrátко vošli do izby dvaja ošetrovatelia s vozíkom. Boli to*

čiernovlasí muži s tmavými tvármi v bielych zdravotníckych uniformách, a ako odpájali chlapca z infúzie a prekladali ho z postele na vozík, vymenili si niekoľko slov v akomsi cudzom jazyku. [«Только нам необходимо точно установить, почему он еще не очнулся. Это стандартная медицинская процедура, поэтому совершенно не нужно беспокоиться. **Через минуту** мы перевезем его вниз». **Вскоре** в комнату вошли два санитары с каталкой. Это были темно-волосые мужчины со смуглыми лицами в белых медицинских униформах, и пока они отсоединяли мальчика от капельницы и перекладывали его с кровати на каталку, они обменялись несколькими словами на каком-то незнакомом языке].

(52) – *Joono!* — *skríkla Disa, vrhla sa k nemu a pritom zhodila zo stola svoj pohár. Zosunula sa k nemu na dlážku, objala ho a šepkala, že o chvíľu ho to prejde. Zakrátko sa Joonova tvár začala meniť, výraz bolesti sa pomaly, postupne strácal.* [– Ио-о-на! — закричала Диса и бросилась с нему, случайно скинув со стола свой бокал. Она сползла к нему на пол, обняла его и шептала, что это у него **скоро** пройдет. **Вскоре** лицо Ионы начало меняться, выражение боли на нем медленно, постепенно исчезало].

Всё вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. Согласно корпусным показателям меры ассоциации, значение наречия *zакrátko* во многом соотносится со значением наречий *čoskoro* и *onedlho* — это подтверждает как сопоставимый объем общих корреляций с каждым из них, так и определенное тяготение наречия к предикатам внутреннего состояния, которые имеют высокие показатели меры ассоциации у *čoskoro*, и к экзистенциальным предикатам, которые входят в верхние строки списков коллокаций с *onedlho*. Вместе с тем в данном аспекте *zакrátko* обнаруживает определенную специфику. Во-первых, это ассоциации с «социально отмеченными» предикатами, что может объясняться как определенной стилистической маркированностью наречия, так и его ориентированностью на динамичные ситуации. Во-вторых, высокая степень ассоциации наречия с предикатом *netrvat'* 'не длиться' предполагает подчеркнутую краткость обозначаемого временного интервала. Наши наблюдения подтверждаются также контекстами совместного употребления наречий быстрого следования, где употребление *zакrátko* предполагает конкретные события, реально осуществимые в гарантированно коротком интервале. Данные выводы носят предварительный характер и нуждаются в последующей верификации, в том числе на материале непереводаемых текстов, а также в развернутом стилистическом комментарии, что в целом составляет перспективу исследования.

Литература

Ващенко Д.Ю. Словацкие темпоральные наречия *čoskoro*, *onedlho*, *o chvíľu*: к вопросу о квазисинонимии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2. (В печати).

- Ситар Г. Обчислення показника асоціації MI Log Freq як статистичний метод дослідження синтаксичних фразеологізмів // Гуманітарна освіта у технічних вищих навчальних закладах. 2016. № 34. С. 114–125.
- Хохлова М.В. Сопоставительный анализ статистических мер на примере частеречных предпочтений сочетаемости существительных // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. 2017. Вып. 1. С. 166–171.
- Dice L. Measures of the Amount of Ecologic Association Between Species // *Ecology*. 1945. Vol. 26 (3). P. 297–302.
- Rychlý P. A lexicographer-friendly association score // *Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing, RASLAN 2008* / eds.: P. Sojka, A. Horák. Brno: Masaryk University, 2008. P. 6–9.
- Stefanowitsch A. *Corpus linguistics. A guide to the methodology*. Berlin: Language Science Press, 2020.
- Zakharov V.P. Automatic collocation extraction: association measures evaluation and integration // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialogue 2017»*. Moscow, May 31 — June 3, 2017. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3963/zakharovvp.pdf> (дата обращения: 15.09.2020).

References

- Dice, L., 1945. Measures of the Amount of Ecologic Association Between Species. *Ecology*, 26 (3), pp. 297–302.
- Khokhlova, M.V., 2017. Sopostavitel'nyi analiz statisticheskikh mer na primere chasterечnykh preferentsii sochetaemosti sushchestvitel'nykh [A comparative analysis of the association measures based on the analysis of part-of-speech collocational preferences of the Russian nouns]. *Komp'yuternaia lingvistika i vychislitel'nye ontologii*, 1, pp. 166–171.
- Rychlý, P., 2008. A lexicographer-friendly association score. In: Sojka, P., Horák, A., eds, 2008. *Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing, RASLAN 2008*. Brno: Masaryk University, pp. 6–9.
- Stefanowitsch, A., 2020. *Corpus linguistics. A guide to the methodology*. Berlin: Language Science Press.
- Sytar, H., 2016. Obchyslennia pokaznyka asotsiatsii MI Log Freq iak statystychnyi metod doslidzhennia syntaksychnykh frazeolohizmiv [Computation of MI Log Freq association measure as a statistical method of syntactic idioms research]. *Humani tar na osvita u tekhnichnykh vyshchykh navchal'nykh zakladakh*, 34, pp. 114–125.
- Vashchenko, D.Iu., 2021. Slovatskie temporal'nye narechiia čoskoro, onedlho, o chvil'u: k voprosu o kvazisinonimii [Slovak temporal adverbs čoskoro, onedlho, o chvil'u: to the case of quasi synonyms]. *Vestnik RGGU. Seriiia "Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia"*, 2. (In print).
- Zakharov, V.P., 2017. Automatic collocation extraction: association measures evaluation and integration. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2017"*. Moscow, May 31 — June 3, 2017. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3963/zakharovvp.pdf> (accessed: 15.09.2020).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛАВЯНСКИХ ТРАДИЦИЙ В ВОСТОЧНЫХ КАРПАТАХ (НА ПРИМЕРЕ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ)*

Марина Михайловна Валенцова —

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: mvalent@mail.ru

Аннотация

Славяно-неславянские контакты в карпатском регионе давно привлекали внимание исследователей. Взаимодействию же славянских традиций уделялось меньше внимания. Трудности исследования близкородственных традиций очевидны. Вместе с тем понимание конвергентных процессов между ними, направления культурных заимствований и т. п. могут предоставить дополнительные сведения по истории исследуемых народов и развитию их языков. Анализ демонимов позволяет сделать предварительные заключения о процессах интерференции и культурного обмена в широкой полосе пограничья Польши и Словакии в Восточных Карпатах, куда с XIV в. продвигалось восточнославянское население (русины, или лемки). Подробный анализ некоторых демонимов с учетом их формы и семантики, ареалов, этимологии показал, что, например, термин *boginka* 'лесная женщина, похищающая детей' следует отличать от *bohňa* 'знахарка, ведунья' и что существует другая возможность этимологизации слова *boginka*, перенесенного с польской языковой территории и распространившегося в этом регионе. Общеславянский термин с корнем **jeg-* (*баба Яга, ježibaba* и др.) демонстрирует формальные и семантические различия в восточно-, западно- и южнославянской группах языков. Карпатские русины со временем восприняли западнославянский вид и значение слова (*hindžibaba* 'ведьма, дикая женщина'). Из польской демонологии попал к словакам и русинам персонаж с названием *tatuna*. Удивительным образом русины практически не восприняли западнославянский образ *моры / мары*; последний остался в целом в рамках восточнославянских рефлексий и огласовок корня (*мара*). Анализировались и другие термины. В целом можно констатировать, что, несмотря на общий карпатский слой, национальные славянские демонологии в Восточных Карпатах отчетливо различаются, они мало смешиваются и редко заимствуют друг у друга имена и образы.

Ключевые слова

Этнолингвистика, славянская демонология, Восточные Карпаты, культурная интерференция, заимствования, словаки, поляки, русины

Статья поступила в редакцию 27 октября 2020 г.

Цитирование: Валенцова М.М. Взаимодействие славянских традиций в Восточных Карпатах (на примере демонологической лексики) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 145–159.

* Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистический аспект».

THE INTERACTION OF SLAVIC TRADITIONS IN THE EASTERN CARPATHIANS (ON THE MATERIAL OF DEMONOLOGICAL VOCABULARY)

Marina M. Valentsova,

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: mvalent@mail.ru

Abstract

Slavic-non-Slavic contacts in the Carpathian region have long attracted the attention of researchers. Less attention has been paid to the interaction between different Slavic traditions. The difficulties of studying closely related traditions are obvious. At the same time, understanding of the convergent processes between them, the direction of cultural borrowing, etc., can provide additional information on the history of the studied peoples and the development of their languages. The analysis of demonyms allows us to draw preliminary conclusions about the processes of interference and cultural exchange over a wide area of the borderlands of Poland and Slovakia in the Eastern Carpathians, where in the 14th century the East Slavic population (Rusyns, Lemkos) developed. A detailed analysis of some demonyms, taking into account their form and semantics, distribution areas, and etymology, showed that, for example, the term *boginka* ‘forest woman abducting children’ should be distinguished from *bohina* ‘healer, sorceress’, and that there is another etymological possibility for the word *boginka*; that it spread in the region from the Polish-speaking areas. A common Slavic term with the root **jeg-* (*baba Yaga, ježibaba*, etc.) demonstrates formal and semantic differences in the East, West, and South Slavic language groups. The Carpathian Rusyns eventually adopted the West Slavic look and meaning of the word (*hindžibaba* ‘witch, wild woman’). From Polish demonology, a character called *mamuna* came to the Slovaks and Rusyns. Surprisingly, the Rusyns were practically unaffected by the West Slavic image of the *mora / mara*; the latter remained generally within the framework of East Slavic reflections and root vowels. Other terms were also analysed. In general, it can be stated that despite the common Carpathian layer, the national Slavic demonologies in the Eastern Carpathians are distinctly different; they do not mix much and do not easily borrow names and images from each other.

Keywords

Ethnolinguistics, Slavic demonology, Eastern Carpathians, cultural interference, borrowings, Slovaks, Poles, Rusyns

Received 27 October 2020.

How to cite: Valentsova, M.M., 2020. Vzaimodeistvie slavianskikh traditsii v Vostochnykh Karpatakh (na primere demonologicheskoi leksiki) [The Interaction of Slavic Traditions in the Eastern Carpathians (On the Material of Demonological Vocabulary)]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 145–159.

Карпаты — регион уникальный, в том числе в этнолингвистическом и этнокультурном отношении. В данной работе нас будет интересовать северо-восточная часть Карпатской дуги, та область словацко-польского пограничья, где с начала XIV в. проходила валашская колонизация и восточнославянская экспансия с образованием широкой полосы древнерусского населения, получившего название русин, руснаков или, позже, лемков.

Речь пойдет о демонологической лексике и верованиях в этом регионе контакта сформировавшихся славянских этносов — польского, словацкого, карпатоукраинского, русинского. К анализу привлекается материал по демонологии русин Восточной Словакии (словац. *rusini, rusnaki*), компактно проживающих в округах Снина, Михаловце, Медзилаборце, Свидник, Стара Любовня и некоторых других, и лемков (пол., словац. *lemki*)¹, проживавших в юго-восточных областях Польши — в повятах сондецком, горлицком, ясельском, кросненском, саноцком и отчасти лесковском² (после войны, в 1945–1946 гг., массово выселенных на Украину или переселенных в северные, в том числе приморские, части Польши). Русинские черты заметны также у гуралей (пол. *górali*, словац. *gorali*), проживающих в горных областях Западных Карпат по обе стороны словацко-польской границы.

Хотя русины Польши и Словакии в статье рассматриваются как единое целое, но, поскольку важным оказывается их восточнославянский генезис в противоположность западнославянскому, а также их отличие от западноукраинских групп (бойков, гуцулов, галичан), надо всё же отметить, что эти субэтноты русин различаются. В первую очередь в связи с тем, что территории их проживания заселялись в разное время разными восточнославянскими группами; кроме того, русинские территории внутренней и внешней стороны Карпат имеют, по словам М.Ю. Дронова, «принципиально разные исторические судьбы», а главное — у русин Пряшевщины в Словакии отсутствует лемковское самосознание³. С одной стороны, Казимеж Мошиньский отмечал определенную культурно-языковую общность горского населения Карпат⁴. С другой стороны, для лемковского населения исследователи отмечали значительную изолированность: «Своеобразные черты материальной и духовной культуры придают лемкам характер особой, индивидуальной группы, отличая их от соседей», они «привязаны к традиционным формам жизни», не воспринимают внешние влияния, нелегко

¹ В статье восточнославянское население Польши и Словакии называется общим термином *русины*.

² *Smoleński J. Łemkowie i Łemkowszczyzna // O Łemkowszczyźnie / pod red. W. Goetla. Odbitka z XIII rocznika "Wierchów". Kraków: Towarzystwo Tatrzańkie w Krakowie, 1935. S. 7.*

³ *Дронов М.Ю. Лемки и Лемковщина. Страницы истории и культуры самой западной Руси // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1. С. 93.*

⁴ *Moszyński K. Niektóre przyczyny różnicowania kultury ludowej w Polsce // Lud słowiański. 1938. T. 4. S. 65B. Здесь и далее перевод на русский автора статьи.*

ассимилируются с соседями. Сёла чисто лемковские соседствуют с чисто польскими, смешанные поселения отсутствуют. Но на востоке на основе общего этноязыкового фона есть переходный пояс между Лемковщиной и Бойковщиной⁵.

Что касается языка, то «карпаторусинские диалекты относятся к восточной группе славянских языков и представляют собой продолжение западной части украинского диалектного континуума». Многие свойственные им специфические черты «обязаны польско-восточнословацко-русинским (и, шире, западноукраинским) контактам. В наибольшей степени эти контакты сказались на лемковских диалектах... Широко представленная в карпаторусинских диалектах ареальная лексика часто имеет западнославянское происхождение»⁶. В северных (лемковских) говорах меньше венгерских заимствований, чем в русинских говорах южнее Карпат, зато больше немецких слов; на оба идиома не воздействовали нивелирующие тенденции украинского литературного языка, зато значительно воздействуют польский и словацкий⁷.

Анализируя демонологическую лексику с точки зрения ее сохранности, интерференции, направления заимствований, необходимо учитывать эти и другие общие (исторические, социально-политические, этнографические, лингвистические) и специальные сведения, такие как диалектные различия самой праславянской демонологии, формирование и распространение общекарпатских элементов в сфере верований и в лексике. Безусловно, необходимы хорошее знание привлекаемых традиций, включая их ареальные варианты; ареальная и диалектная оценка исследуемых компонентов; оценка частотности исследуемых элементов в каждой из традиций; оценка уникальности или системности каждого элемента народной демонологии; учет разного поведения в ситуации контакта (например, скорости заимствования) слова (термина) и мотива, обычая или поверья.

Ниже представлены результаты анализа некоторых русинско-западнославянских взаимовлияний в мифологической лексике и связанных с ней верованиях.

1. **Богиня, богинка.** Лексема *богиня* является общеславянской, это производное с аффиксом *-yni* от **bogъ* со значением ‘богиня’ (только для словацкого дается второе значение ‘колдунья’)⁸. Имя *богиня* и *богинка* для

⁵ *Smoleński J.* Łemkowie i Łemkowszczyzna... S. 8.

⁶ *Скорвид С.С.* Русинский язык // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/3520873> (дата обращения: 16.10.2020).

⁷ *Kyrály P.* Maďarské a nemecké slová vo východoslovenských a ukrajinských nárečiach Východného Slovenska // *Studia Russica XXIII* / red. L. Jászay, A. Zoltán. Budapest: ELTE, 2009. S. 73–74.

⁸ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 2. М.: Наука, 1975. С. 163.

обозначения мифологического персонажа (далее — МП) характерно лишь для южнопольского и севернословацкого ареала: пол. *boginka, bogunka, bogenka, bogina, bogiña, bohynia, bogna*⁹, словац. *bohíňa, bohuňa, bohynka, bohinka, boginka*¹⁰, хотя спорадически встречается и в других зонах Малопольши, а также в южной Мазовии¹¹.

По рассказам из карпатского региона, богинки подменивали детей, а на их место подбрасывали своих — плаксивых и прожорливых (спишские гуралы)¹², в Татрах они сбивали людей с пути, вытворяли с ними шутки, хотя могли и помогать; по описанию из Закопане, жившие в глухих лесах богинки — красивые и сильные девицы с большими грудями, которыми они хлопали по воде и завлекали молодых парней, и парни, попав к ним, должны были до изнеможения целовать и миловать богинок¹³. Нередко богинам (*boginy*) в рассказах из разных мест Малопольши приписывается функция давить во сне и сосать у спящих грудь, высасывать кровь. Диал. малопол. *boginy, boginki* — это МП, живущие у рек, уродливые, маленькие, с большими грудями, подменивающие младенцев. Как демонические существа, живущие в лесах, болотах, у рек, известны на Ораве и в регионах, прилегающих к северному Спишу¹⁴.

Словацкие богинки также известны в поверьях Оравы, Спиша и особенно Замагурья; описываются как злые уродливые существа высокого роста, иногда поросшие шерстью, с телесными уродствами, с большими грудями, которые они забрасывают за спину; живут в скалах, на болотах, крадут и подменивают здоровых человеческих детей своими уродливыми¹⁵. Учитывая распространение в Словакии этих МП с характерным набором признаков и именем лишь в северных горных регионах, пограничных с Польшей, в то время как в самой Польше они известны и в более северных областях вплоть до Мазовии, можно считать словацкие представления о богинках обусловленными польским влиянием.

У русин это особый персонаж, имеющий и черты польских и словацких богинок, и черты, им не свойственные, но отмечаемые, например, у южных славян (возможный реликт валашской миграции с Балкан): русин. *богыня* — старая косматая женщина, живущая в лесах или скалах; после захода

⁹ *Dźwigoł R. Polskie ludowe słownictwo mitologiczne. Kraków: Wydawnictwo naukowe Akademii pedagogicznej, 2004. S. 171.*

¹⁰ *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska / ved. red. J. Botík, P. Slavkovský. T. 1. [Bratislava]: Veda, 1995. S. 44.*

¹¹ *Санникова О.В., Усачева В.В. Богинка // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 215.*

¹² *Kolanowska K. Demonologia // Kultura ludowa Górali Spiskich / pod red. U. Janickiej-Krzywdy. Kraków: Centralny Ośrodek Turystyki Górskiej PTTK, 2012. S. 305.*

¹³ *Pełka L.J. Polska demonologia ludowa. Warszawa: Iskry, 1987. S. 93.*

¹⁴ *Budziszewska W. Polskie nazwy zmór i niektóre wierzenia z nimi związane // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. T. 27. 1991. S. 20.*

¹⁵ *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. T. 1. S. 44.*

солнца богини стирали на реках, стуча пральниками (окр. Стара Любовня); маленькая лохматая девочка с мягким телом, потому что у нее нет костей (*же ані кості немає*). Когда она летела над лесом, поднимался сильный ветер¹⁶. Отсутствие костей у одной из ипостасей богини сопоставимо с образом болгарского вампира, которого представляли в виде мешка с кровью и без костей.

У гуцулов и бойков термина не обнаружено¹⁷, а укр. *богиня* — демоническое существо в виде безобразной старой бабы с нечеловеческой величины грудями, которыми она укрывается во время сна и использует их как валец для стирки; живет в ярах, лесных чащах, на берегах рек; крадет новорожденных, вместо которых подкидывает своих гадких и непослушных, — известна лишь на украинско-польском пограничье (Холмщина и Подляшье)¹⁸ и, очевидно, заимствована из польской традиции.

Названия демона *богинка* в польско-словацком карпатском поясе включают формы *bogińa* / *bohîńa* / *bohyńa*, а также *boginka* / *bohinka* / *bohyńka*. Термин *богинка* осознается как диминутив от *богиня* — видимо, в связи с понижением статуса персонажа до демонического. Формы употребляются как синонимичные. Лешек Мошиньский считал *bogyńi* кирилло-мефодиевским неосемантизмом, использовавшимся для обозначения языческих божеств и позже вошедшим в отдельные славянские языки; также Казимеж Мошиньский допускал, что пол. *bogina*, *boginka* следует переводить как ‘ведьма’¹⁹.

При этом в чешско-словацком и карпатоукраинском ареалах (но не в польском) термины с корнем *boh-* (а также *bog-*) задействованы при номинации знахарей и предсказателей, т. е. языческих ведунов и провидцев: чеш., морав. *bohyně*, чеш. *bohynnik*, морав. *boh*, *bûh*, *bohoň*, *bohyňář*, словац. *bohyňa*, *boh*, *zemský boh*, *bogiňa*, карп.-укр. *бог*, *біг*, *земний бог*. Среди них не встречаются названия с суффиксом *-k-*, т. е. термин *boginka* / *bohinka* обозначает только МП.

Поэтому есть основания развести формы типа *bogińa* и *boginka*, различные как формально, так и семантически²⁰. Диминутивность термина *boginka* может оказаться обманчивой, следствием простого совпадения континуантов этимологически разных корней, если для *богинки*, которая хватает детей и убегает с ними в лес, в качестве этимона предложить индоевропейский корень *b^heg^u-* ‘бежать’, продолжениями которого являются ст.-сл. *bězati* ‘бежать’, лит. *bėgti* ‘убегать’, *bėgas*, *bėgis* ‘бег, побегание’,

¹⁶ Вархол Н. Жінка-демон в народному повір'ї українців Східної Словаччини // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. 1982. Т. 10. С. 276.

¹⁷ Хобзей Н. Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2002; Войтович Н. Народна демонологія Бойківщини. Львів: Сполом, 2015.

¹⁸ Конєва Я. Хтонічний світ холмщаків та підляшуків // Холмщина і Підляшшя. Історико-етнографічне дослідження. Київ: Родовід, 1997. С. 315.

¹⁹ *Dźwigoł* R. *Polskie ludowe słownictwo...* S. 171.

²⁰ Так сделано и в: *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska*. Т. 1. S. 44.

а с продленной ступенью — каузатив *boginù, boginti* ‘тащить что-то, волочить’²¹. Именно этот глагол — *boginti* — мог стать производящим на балто-славянской территории для названия существа, утаскивающего детей. Кроме того, Вацлав Блажек приводит древнегреческие континуанты этого индоевропейского корня, в семантике которых заложены потенциальные мифологические значения, всегда сопряженные со сферой страшного: *φόβος* ‘страх, ужас; (паническое) бегство’, *φοβέω* ‘пугать, устрашать; в страхе бежать’. Такой же корень — *bog-* — имело и название реки Южный Буг: др.-рус. *Богъ*, у Константина Багрянородного *Βογοῦ*, этимологически из **b^heg^{u-}/*b^hog^{u-}* ‘бежать’²². Использование индоевропейского корня со значением ‘бежать’ для номинации водных объектов не противоречит и даже поддерживает возможность использования его в названиях демонических существ, живущих у реки, стирающих по ночам, шлепая по воде вальками-грудами. Эта версия происхождения термина *богинка* также предполагает, что в Карпатах термин распространился, попав туда с польской языковой территории. О древнем происхождении демониума свидетельствует наличие множества фонетических вариантов наименования, в том числе формы с префиксом *u-*: *ubogini, ubogenka, ubyhyuna*, еще раз подтверждающие версию названия богинки как «хватающей и убегающей».

2. *Гуслярка*. Производное от общеславянского **gǫslb, *gǫsli*, мифологическое значение которого известно лишь в севернокарпатском регионе, а также в северной Польше и в Лужице: словац. горал. *gušlorka* ‘ведьма, колдунья’ (окр. Наместово)²³; *gušlarka* ‘ведьма’ (Остурня)²⁴; а также: *gušlit* ‘гадать, предсказывать будущее’ (Бобров, окр. Наместово)²⁵, *gusto* ‘магия’ (Остурня)²⁶. Пол. *guślarz, guślarka, guślorka, guślorz, guś(l)nica*, кашуб. *guslãr, guslãrka, guslin, guslinka, guselńik, guselńica*²⁷, келец. *guślica*²⁸ и другие слова с тем же корнем: *guślic* ‘чаровать, колдовать’, *gusla* ‘чары, заклинания и связанные с ними обряды’, кашуб. коцев. *gusla, gusva* ‘колдовство, чары’²⁹ и др. Н.-луж. *guslowař* ‘колдун’, *guslowaś* ‘колдун, заговаривающий болезни, напускающий чары’³⁰, *guslowaś* ‘чаровать, заговаривать болезни; играть на скрипке’³¹.

²¹ Blažek V. K pramenům řek indoevropských // *Vesper Slavicus: Sborník k nedožitým devadesátinám prof. Radoslava Večerky* / ed. P. Malčík. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2018. S. 70.

²² Ibid.

²³ Grigel M. Goralské nářečie. Slovník. Námestovo: Štúdio F, František Teťák, 2004. S. 162, 404.

²⁴ Blagojeva-Neumanová T. Ľudová démonológia na Zamagurí v kontexte a koreláciách s demonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov. Rigorózná práca. Bratislava, 1976. S. 137.

²⁵ Slovník slovenských nářečí / ved. red. I. Ripka. Bratislava: Veda, 1994. T. 1. S. 525.

²⁶ Полевые материалы автора статьи.

²⁷ Dźwigoł R. Polskie ludowe słownictwo... S. 76.

²⁸ Ibid. S. 47.

²⁹ Ibid. S. 5.

³⁰ Ibid. S. 76.

³¹ Ibid. S. 48.

В этом ряду русин. *гушлярка* ‘ведьма’ (Остурня)³² при отсутствии в других восточнославянских традициях выглядит западнославянским заимствованием.

Этимологически эти термины восходят к праслав. **gṛsti* ‘играть на музыкальном инструменте’, в дальнейшем — ‘очаровывать музыкой’, ‘ворожить, чаровать’, т. е. играть при заговаривании болезней, вводить с помощью музыки в состояние экстаза³³.

3. **Баба-Яга.** Персонаж и его имя демонстрируют четкое диалектное членение славянской территории на западно- и восточнославянскую (оставляем в стороне южнославянские языки, в которых соответствующая лексика отличается по семантике).

Так, в русской и белорусской традиции термин имеет корневое -г- при чередовании в анлайте *а-я/-е/-о/-и/-ю-*. Значение — ‘баба Яга’, реже ‘ведьма’ или ‘дочь ведьмы’: рус. *Яга, Ягая баба, Ягабиха, Ягабова, Ягиха, Ягишна*³⁴; *Ага-гнишна, баба-ягиба, ягастая, баба-ига, баба-ога, огабова, баба-ляга*³⁵; *Ега-баба, ёгабовна, егй-баба, егйбиха, егйбоба*³⁶, рус. смолен. *Баба-юга*³⁷ и др.; бел. *Баба Яга, Ягiня, Юга*³⁸, *ягá, ба́ба игá*.

В западнославянских языках представлены только корневые *z, dz, ž*, с назальными или неназальными гласными (формы с компонентом *jaga* считаются русскими культурными заимствованиями), значение — ‘колдунья, ведьма’, ‘злая, сварливая, неопрятная женщина’: словац. *ježibaba, jeňdžibaba, endžibaba, hendžibaba*³⁹, *jindžibaba* (Замагурье)⁴⁰; др.-чеш. *jěžě, jěžěňka*, чеш. *jezinka*, ляхск. *jaza* ‘о злой женщине’, *ježibaba, jedi*⁴¹; пол. *baba jędza, jedza, idza, jędzona (baba), jędzybaba*⁴², *indžibaba, jindza*⁴³, кашуб. *jaža, jąža, jiza, jažëbaba, babojędza* и др.⁴⁴

³² Вархол Н. Жінка-демон... С. 290.

³³ *Dźwiгоł R. Polskie ludowe słownictwo...* S. 48.

³⁴ Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб.: Северо-Запад, 1995. С. 369.

³⁵ Новичкова Т.А. Русский демонологический словарь. СПб.: Петербургский писатель, 1995. С. 28.

³⁶ Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 8. Л.: Наука, 1972. С. 315-316.

³⁷ Добровольскій В.Н. Смоленскій областной словарь. Смоленск: Типография П.А. Силина, 1914. С. 18.

³⁸ Беларуская міфалогія: энцыклапедычны слоўнік / склад. І. Клімковіч. Мінск: Беларусь, 2004. С. 34.

³⁹ *Slovník slovenských nářečí...* T. 1. S. 726-727.

⁴⁰ *Blagoeva-Neumanová T. Ludová démonológia...* S. 137.

⁴¹ *Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Fotoreprint podle 3. vydání z roku 1971. Praha: Lidové noviny, 2010. S. 225.*

⁴² Санникова О.В. Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении: дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. С. 91, 100.

⁴³ *Kąś J. Ilustrowany leksykon gwary i kultury podhalańskiej. T. 4. Kraków: Astraia, 2017. S. 146, 310.*

⁴⁴ *Dźwiгоł R. Polskie ludowe słownictwo...* S. 80.

Переходный пояс представляют украинские говоры — и с корневым *-z-*, и с *-z-*: *ягá*, *язібаба*⁴⁵, *язя*, *язі-ба́ба*⁴⁶, галицко-рус. *язя*⁴⁷; гуцул. *язя*⁴⁸.

У русин Словакии регулярно корневое *-ж-* (*-ž-*): русин. *гінжіба́ба* ‘баба Яга’⁴⁹, чаще в значениях, близких к западнославянским — ‘ведьма, дикая баба’: *єжибаба*, (*h*)*indžibaba*, *єжибаби* — страшные носатые бабы, живущие в скалах, по функции аналогичные *дикой бабе*; как и богинки, крали на полях горох, их ловили в единственный сапог; они могли научить людей пользоваться полезными свойствами растений (Тихий Поток, окр. Прешов)⁵⁰. Используют тайную речь (с добавлением перед каждым слогом частицы *не-* или заимствованных формантов); крадут здоровых человеческих детей, подкидывая своих, уродливых⁵¹. Гинджибабой пугали детей: *Гинджибабу са діти пуджали, в лісі має хижу, а прийде — має метлу, приде на метлі а тя возьме* (Убля)⁵².

И лишь изредка в русинских и лемковских островных ареалах встречается термин в «русской» огласовке — *Baba Jaga*: «Давно, давно это было, так говорили, или так назывались или Бабы Яги (*Babe Jagi*), или, скорее, это была ведьма (*strzyga*), или дикая женщина (*dziwozona*), или босорка (*bosiorka*). Они жили на горах, около того леса» (Недзица, польский Спиш)⁵³. Термин *baba jaga*⁵⁴ зафиксирован также в Подгалье, где проходила валашская колонизация и заметно восточнославянское влияние.

4. Русинская *мамона* — «женский МП, заимствованный из польской традиции»⁵⁵, с чем нельзя не согласиться.

Мамуна, *мамона* — МП, вредящий беременным женщинам, роженицам и новорожденным младенцам; известен преимущественно в польской народной демонологии (частично — в карпатоукраинских и восточнословацких верованиях); по ряду признаков сближается с богинкой⁵⁶.

В Малопольше богинки назывались *тамона*, *тамуна*, *тамџна* и т. п. В Ленчицком повете *тамуна* — это злой дух, показывающийся только в полдень и похищающий детей с поля⁵⁷.

⁴⁵ Гринченко Б. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина». Т. 4. Киев, 1909. С. 535, 537.

⁴⁶ Этимологический словарь... Вып. 6. 1979. С. 68.

⁴⁷ Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. С. 161, прим. 4.

⁴⁸ Хобзей Н. Гуцульська міфологія... С. 199.

⁴⁹ Керча И. Словник русинсько-руський. Ужгород: ПолиПринт, 2007. Т. 1, 2. С. 163.

⁵⁰ Вархол Н. Жінка-демон... С. 277.

⁵¹ Там же. С. 278.

⁵² Полевые материалы автора статьи.

⁵³ Kolanowska K. Demonologia... S. 305.

⁵⁴ Kąś J. Ilustrowany leksykon... Т. 1. S. 144.

⁵⁵ Вархол Н. Жінка-демон... С. 276.

⁵⁶ Виноградова Л.Н. Мамуна, мамона // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общей ред. Н.И. Толстого: в 5 т. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 176–177.

⁵⁷ Dźwigoł R. Polskie ludowe słownictwo... S. 164.

Словацкий термин имеет другие значения: *tatuna* ‘страшилище’⁵⁸, *tatuna* (вост.-словац.) ‘привидение, страшилище’⁵⁹; *tatuna* — злой дух, покаянная душа (*duša na rokišie*), которая не имеет покоя и блуждает по свету (Замагурье)⁶⁰. Кроме того, в рассматриваемом регионе словацкая *tatuna* — ночной дух, который давит на человека во сне, человек как будто кричит, но его не слышно; никто не знает, что это такое (Велька Лесна, окр. Стара Любовня)⁶¹. *Мамунами* становились женщины, умершие без очищения; они вредили роженицам (Вост. Словакия)⁶².

В русинских быличках мамуной (какой-то нечистой силой) называли выведенного из яйца демона-обогаителя: *То мамуна якаси, то не же зо шьватого было зробене, але то была якасы мамуна наробена* (Страняны, окр. Стара Любовня)⁶³. Производный глагол имеет значение ‘водить, заставлять плутать’: *ze ked dakto v lese ze mamunilo, ze sla ta Jendraskova, ze zabludila, ze mamunilo* [что когда кто-нибудь в лесу, то может мамунить, и шла та Ендраскова, и заблудилась, мамунило ее] (Остурня)⁶⁴. В лемковских говорах зафиксированы: *мамуна* ‘закрытая, замаскированная фигура’, *мамунка* ‘кукла’⁶⁵. Налицо размытость, большая вариативность образа мамуны у русин, аналогичная неопределенности мамуны у словаков.

5. Персонаж *mara / mora* чрезвычайно популярен в словацкой мифологии. Широко распространена *mora (zmora, mara)* и на польской территории. В обеих западнославянских традициях МП обозначает душу живого человека, выходящую по ночам и вредящую обидчику; душу умершего человека (в том числе ведьмы), обрабатывающего на земле свои грехи. Мара / мора / змора душит спящих, давит, садясь на грудь, сосет у них кровь или молоко из груди⁶⁶.

У русин персонажа с таким именем и набором функций нет. Основную функцию моры — давить, душить во сне — взяли на себя ведьма (*sotona*), домовый черт (демон-обогачитель), упырь. Сам физиологический феномен ночного удушья известен: *Было такой — же ай мені са стало — же наприклад ня в ночи дусить, неможете са ані обернути, ані гнути... але то у спанню так ся прийде, же то чоловік не може ані ся пробудити, а то ці дух, ці шо... Не знаву, ці то справді прийде такі дух мертвий, же ту сяде,*

⁵⁸ Kálal K., Kálal M. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Slovensko-český diferenciálny. V Banskej Bystrici: Tlačou Slovenskej Grafie, 1923. S. 322.

⁵⁹ Slovník slovenských nárečí... T. 2. 2006. S. 119.

⁶⁰ Blagojeva-Neumanová T. Ludová démonológia... S. 114.

⁶¹ Archív textov Ústavu Etnológie SAV, Bratislava, inv. č. 700.

⁶² Slovensko. Ľud / ved. red. B. Filová, J. Mjartan. Bratislava: Obzor, 1975. Časť 2. S. 1029.

⁶³ Вархол Н. Народна демонологія українців Словаччини. Svidník: Tlačiareň svidnicka, s.r.o., 2017. С. 377.

⁶⁴ Полевые материалы автора статьи.

⁶⁵ Хобзей Н. Гуцульська міфологія... С. 124.

⁶⁶ Dźwigoł R. Polskie ludowe słownictwo... S. 56-57.

то не можете сами гнути ані ся пробудити, а чути, же дусит, же... то так мі є. Бог зна, шо то (Руский Грабовец)⁶⁷. Однако это состояние не связывают с деятельностью моры как демона. На прямой вопрос, что же давило ночью во сне, отвечали: *Прилягло ня дащо, прилягать го дащо в ночи. Або: якась мара́ на ня пришла. Шось нечистой ня прилягать* (Убля)⁶⁸; *Но таке трапить... ходитъ, же ночну мору має* (Руский Поток)⁶⁹. Но значение это обезличенное, близкое к значению в лемковском: *Кажут: «Бодай те мара взяла», — але не знают, що то є? Слабість яка, чи що?* (пов. Рава Русская, ныне Львовская обл)⁷⁰.

Лексема *мара* известна и в составе проклятия: *То є така лайка: «Мара бы тя взяла!»* (Руский Грабовец)⁷¹, и в других фразеологических сочетаниях: *Яка мара тя ту принесла? Або кедь ішов такі чоловік: «То шо за мара іде?»* (Убля)⁷².

У словацких русин сохранилось понимание *мары* как привидения, того, что давит, морочит, кажется, является, свойственное украинской и другим восточнославянским традициям, ср.: укр. *мара* ‘привидение, дух’, бел. *мара* ‘привидение, тяжелый сон, кошмар; тень, душа мертвеца’, рус. *мара* ‘морок, искушение, наваждение’⁷³ — в соответствии с о.-слав. **mara* ‘призрак, привидение, наваждение, обман чувств, морок, болезнь’.

В западноукраинских говорах выкристаллизовываются значения ‘нечистая сила вообще’, ‘черт’, ‘ведьма’, у галицких лемков *марник* ‘бес’ и далее у лемков *мара* ‘черт’⁷⁴.

Но ни таких ярких словацких или польских мотивов, как посещение *марой* ночью людей, проникновение в дом через замочную скважину, выворачивание своих внутренностей перед дверью, ни многочисленных способов защиты от *мары*⁷⁵ у русин не отмечено. Только в Остурне, которая считается самым западным русинским селом, *mara* похожа на словацкий персонаж: [Мара, ну когда-то говорили, что мара какая-то ходила и наваливалась на людей ночью. — [А что это, мара?] — Откуда мне знать? Я не знаю. И на меня наваливалась. — И крестик такой сделала тут, на рубашке... — Да, потом крестик сделала эта мара, так говорили, я не знаю. [А какого цвета крестик?] — Черный, такой черный. Старые женщины так рассказывали. Раз так ходила и всё наваливалась. А потом то ли ей священник дал, или как это было... купила замок, такой, не закрытый. А потом, когда

⁶⁷ Полевые материалы автора статьи.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Санникова О.В. Польская мифологическая лексика... С. 149.

⁷¹ Полевые материалы автора.

⁷² Там же.

⁷³ Хобзей Н. Гуцульська міфологія... С. 126–127.

⁷⁴ Там же. С. 126.

⁷⁵ См.: Archív textov ÚEt SAV... inv.č. 168, 763, 803.

мара на нее навалилась, этот замок надо было замкнуть, и она туда попала, в этот замок, и потом уже больше не ходила] (Остурня)⁷⁶.

6. Русинская **яскыня** — красивая девушка со светлыми длинными волосами, жила в пещере, показывалась в солнечный день, вреда не причиняла (окр. Снины, Бардеёва)⁷⁷. Является, по-видимому, собственно русинским персонажем, имя которого образовано от русин. *яскыня* ‘пещера’ < словац. *jaskyňa* ‘то же’, «опознанного» в духе народной этимологии как название МП с суффиксом *-ŷňa* и сближенного со словами: *яскравый* ‘яркий’, *яскритися* ‘искриться, сверкать, блестеть’. Само словац. *jaskyňa*, чеш. *jeskyně*, пол. *jaskinia*, укр. диал. *яскиня* ‘пещера’ — праслав. **askyni* — типичный западнославянский элемент лексики с древним суффиксом *-yni*; зап.-укр. диал. *яскіня*, по-видимому, является заимствованием из словацкого или польского)⁷⁸.

Примеров взаимных влияний между тремя традициями рассматриваемого региона, конечно, гораздо больше. Без подробного разбора упомяну хотя бы русинскую *дику бабу*, которая при восточнославянском оформлении адъектива обозначает в целом западнославянского персонажа типа словац. *diva ženka*. Образ и имя русалки — русинский экспорт в восточные регионы Польши и Словакии. Вост.-словац. *veternica*, хоть и с другой семантикой (это одно из названий ведьмы), заимствована у русин, ср.: *ветерница*, *вітерница*. Восточнославянским влиянием обусловлено появление в восточнословацких микроареалах персонифицированных календарных праздников *Савы* и *Варвары* (иногда одного — *Савы-Варвары*), обрастающих поверьями и быличками. Подгальянское название ведьмы *matôha*, *matocha*, *matôga* — заимствование из словацкого *mátoha* ‘страшилище’⁷⁹ и др.

В целом можно сказать, что, несмотря на наличие яркой и специфической собственно карпатской демонологии, в карпатском регионе отчетливо различаются национальные демонологии — польская, словацкая и русинская. И они не сильно смешиваются, не часто заимствуют друг у друга имена и МП. Влияние русин распространяется в Польше и Словакии преимущественно в областях непосредственного контакта, где жили или до сих пор живут русины и гуралы, т. е. в горных карпатских регионах. Словацкое и польское влияние на русинскую демонологию более заметно, поскольку реализуется прежде всего на уровне лексики.

Как писал Н.И. Толстой, «лингвистическая непрерывность, т.е. зоны переходных говоров, наблюдаются в современной Славии лишь в пределах отдельных славянских языковых групп: восточнославянской, южнославянской, западнославянской. <...> Характерно, однако, что переходных гово-

⁷⁶ Полевые материалы автора статьи.

⁷⁷ Вархол Н. Жінка-демон... С. 282; Она же. Народна демонологія... С. 54.

⁷⁸ Этимологический словарь... Вып. 1. 1974. С. 81–82.

⁷⁹ *Dźwigoł R. Polskie ludowe słownictwo... С. 84.*

ров между отдельными группами славянских языков — южно-, западно- и восточнославянских — нет»⁸⁰. То же можно сказать и о демонологии. Действительно, даже многовековое проживание русин на западнославянской территории, бок о бок с поляками и словаками, не нарушило собственно восточнославянской основы языка и традиционной культуры. Несмотря на заимствование отдельных терминов, элементов поверий, нарративов, русины не потеряли яркой самобытности и в свою очередь экспортировали соседям ряд своих культурных особенностей. Не создав переходного пояса в этнолингвистическом отношении, русины конституировались как отдельный народ, сохранив свои диалекты как в языке, так и в культуре.

Литература

- Вархол Н.* Жінка-демон в народному повір'ї українців Східної Словаччини // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. Т. 10. 1982. С. 275–302.
- Вархол Н.* Народна демонологія українців Словаччини. Svidník: Tlačiareň svidnícka, s.r.o., 2017.
- Виноградова Л.Н.* Мамуна, мамона // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 176–178.
- Власова М.* Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб.: Северо-Запад, 1995.
- Войтович Н.* Народна демонологія Бойківщини. Львів: Сполом, 2015.
- Дронов М.Ю.* Лемки и Лемковщина. Страницы истории и культуры самой западной Руси // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1. С. 91–103.
- Конєва Я.* Хтонічний світ холмшчаків та підляшуків // Холмщина і Підляшшя. Історико-етнографічне дослідження / відп. ред. В. Борисенко. Київ: Родовід, 1997. С. 310–315.
- Потебня А.А.* Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000.
- Санникова О.В.* Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении: дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
- Санникова О.В., Усачева В.В.* Богинка // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 215–217.
- Скорвид С.С.* Русинский язык // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/3520873> (дата обращения: 16.10.2020).
- Толстой Н.И.* О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии // *Толстой Н.И.* Избранные труды. Очерки по славянскому языкознанию. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 10–30.

⁸⁰ *Толстой Н.И.* О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии // *Толстой Н.И.* Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 3: Очерки по славянскому языкознанию. С. 12.

- Blagoeva-Neumanová T.* Ludová démonológia na Zamaguri v kontexte a koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov. Rigorózna práca. Bratislava, 1976.
- Blažek V.* K pramenům řek indoevropských // *Vesper Slavicus: Sborník k nedožitým devadesátinám prof. Radoslava Večerky* / ed. P. Malčík. Praha: Lidové noviny, 2018. S. 59–80.
- Budziszewska W.* Polskie nazwy zmór i niektóre wierzenia z nimi związane // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. T. 27. 1991. S. 17–23.
- Dźwigoł R.* Polskie ludowe słownictwo mitologiczne. Kraków: Wydawnictwo naukowe Akademii pedagogicznej, 2004.
- Kolanowska K.* Demonologia // *Kultura ludowa Górali Spiskich* / pod red. U. Janickiej-Krzywydy. Kraków: Centralny Ośrodek Turystyki Górskiej PTTK, 2012. S. 299–310.
- Kyrály P.* Maďarské a nemecké slová vo východoslovenských a ukrajinských nárečiach Východného Slovenska // *Studia Russica XXIII*. 2009. S. 55–80.
- Moszyński K.* Niektóre przyczyny zróżnicowania kultury ludowej w Polsce // *Lud słowiański. Pismo poświęcone dialektologii i etnografii Słowian*. T. 4. 1938. S. 65B–117B.
- Pelka L.J.* Polska demonologia ludowa. Warszawa: Iskry, 1987.
- Slovensko. Lud / ved. red. B. Filová, J. Mjartan. Bratislava: Obzor, 1975. Časť 2.
- Smoleński J.* Łemkowie i Łemkowszczyzna // *O Łemkowszczyźnie* / pod red. W. Gotetla. Odbitka z XIII rocznika “Wierchów”. Kraków: Towarzystwo Tatrzańskie w Krakowie, 1935. S. 6–13.

References

- Blagoeva-Neumanová, T., 1976. *Ludová démonológia na Zamaguri v kontexte a koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov*. Rigorózna práca. Bratislava.
- Blažek, V., 2018. K pramenům řek indoevropských. In: Malčík, P., ed., 2018. *Vesper Slavicus: Sborník k nedožitým devadesátinám prof. Radoslava Večerky*. Praha: Lidové noviny, pp. 59–80.
- Budziszewska, W., 1991. Polskie nazwy zmór i niektóre wierzenia z nimi związane. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, XXVII, pp. 17–23.
- Dronov, M.Iu., 2006. Lemki i Lemkovshchina. Stranitsy istorii i kul'tury samoi zapadnoi Rusi [Lemkos and Lemkoland. Pages of history and culture of the most Western Rus']. *Vestnik Iugo-Zapadnoi Rusi*, 1, pp. 91–103.
- Dźwigoł, R., 2004. *Polskie ludowe słownictwo mitologiczne*. Kraków: Wydawnictwo naukowe Akademii pedagogicznej.
- Filová, B., Mjartan, J., eds, 1975. *Slovensko. Lud*. Bratislava: Obzor, part II.
- Kolanowska, K., 2012. Demonologia. In: Janicka-Krzywda, U., ed., 2012. *Kultura ludowa Górali Spiskich*. Kraków: Centralny Ośrodek Turystyki Górskiej PTTK, pp. 299–310.
- Konieva, Ia., 1997. Khtonichniy svit kholmshchakiv ta pidliashukiv. In: Borisenko, V., ed., 1997. *Kholmshchyna i Pidliashshia. Istoryko-etnografichne doslidzhennia*

- [Kholmshchyna and Pidliashshia. Historical and ethnographic research]. Kiev: Rodovid, pp. 310–315.
- Kyrály, P., 2009. Maďarské a nemecké slová vo východoslovenských a ukrajinských nárečiach Východného Slovenska. In: Jászay, L., Zoltán, A., eds, 2009. *Studia Russica XXIII*. Budapest: ELTE, pp. 55–80.
- Moszyński, K., 1938. Niektóre przyczyny zróżnicowania kultury ludowej w Polsce. *Lud słowiański. Pismo poświęcone dialektologii i etnografii Słowian*, 4, pp. 65B–117B.
- Pełka, L.J., 1987. *Polska demonologia ludowa*. Warszawa: Iskry.
- Potebnia, A.A., 2000. *Simvol i mif v narodnoi kul'ture* [Simbol and myth in the folk culture]. Moscow: Labirint.
- Sannikova, O.V., 1990. *Pol'skaia mifologicheskaja leksika v etnolingvisticheskom i sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [Polish mythological lexics in ethno-linguistic and comparative historical aspect]. Dis... kand. filol. nauk. Moscow: Institute of Slavic and Balcanic Studies.
- Sannikova, O.V., Usacheva, V.V., 1995. Boginka [Boginka]. In: Tolstoj, N.I., ed., 1995. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'. V 5-ti tomakh* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary. 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, vol. 1, pp. 215–217.
- Skorvid, S.S., 2017. Rusinskii iazyk. In: *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia. Elektronnaia versiia* [Big Russian Encyclopedia. Electronic version]. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/3520873> (accessed: 16.10.2020).
- Smoleński, J., 1935. Łemkowie i Łemkowszczyzna. In: Goetl, W., 1935. *O Łemkowszczyźnie. Odbitka z XIII rocznika "Wierchów"*. Kraków: Towarzystwo Tatrzańskie w Krakowie, pp. 6–13.
- Tolstoj, N.I., 1999. O sootnoshenii tsentral'nogo i marginal'nykh arealov v sovremennoi Slavii [On the ratio of the central and marginal areals in modern Slavia]. In: Tolstoj, N.I., 1999. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. Vol. 3: *Ocherki po slavianskomu iazykoznaniiu* [Essays on Slavic linguistics], pp. 10–30.
- Varkhol, N., 1982. Zhinka-demon v narodnomu povir'í ukraintsiv Skhidnoi Slovačchyny [The woman-demon in the folk beliefs of the Ukrainians of Eastern Slovakia]. *Naukovyi zbirnyk Muzeiu ukrains'koi kul'tury u Svydnyku*, 10, pp. 275–302.
- Varkhol, N., 2017. *Narodna demonolohiia ukraintsiv Slovačchyny* [Folk demonology of the Ukrainians of Slovakia]. Svidník: Tlačiareň svidnícka, s.r.o.
- Vinogradova, L.N., 2004. Mamuna, mamona. In: Tolstoj, N.I., ed., 2004. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti tomakh* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary. 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, vol. 3, pp. 176–178.
- Vlasova, M., 1995. *Novaia ABEVEGA russkikh sueverii* [New ALFABET of Russian beliefs]. Saint Petersburg: Severo-Zapad.
- Voitovych, N., 2015. *Narodna demonolohiia Boikivshchyny* [Folk demonology in Boykovshina]. Lviv: Spolom.

БОЛГАРСКАЯ НАРОДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ: КРАТКИЙ ОБЗОР*

Ольга Владимировна Трефилова —

младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: trefolium@gmail.com

Аннотация

В статье предпринимается попытка представить болгарскую демонологию целостно и структурно в соответствии со схемой описания мифологических персонажей, предложенной представителями Московской этнолингвистической школы: номинации, генезис, функции, ареал. Болгарская народная духовная культура характеризуется определенной целостностью, но этнокультурные различия могут делить традицию на восток и запад или север и юг; выделяется болгарско-сербско-македонское пограничье как особый ареал, где мифологические представления и этнокультурная лексика представлены более полно по сравнению с другими регионами Болгарии. При описании болгарской традиции важно иметь в виду, что многие номинации болгарских демонов являются семантическими балканизмами — этнокультурными терминами, распространенными в балканском ареале и семантически различающимися в локальных традициях. Демонологические персонажи в статье объединены в четыре группы: 1) духи домашнего и природного пространства, куда включаются духи — хозяева локусов, самодивы, «дикие люди»; 2) мифологизированные природные явления и человеческие состояния (с подгруппами — атмосферные демоны; демоны судьбы; персонифицированные болезни, состояния человека, сглаз; персонажи-устрашители); 3) духи умерших людей (ходячие покойники, духи умерших некрещеных детей); 4) люди со сверхъестественными свойствами. Дополнительно демонологические персонажи разделены на календарных и некалендарных демонов. Границы между группами проницаемы; кроме того, для некалендарных демонов в ряде случаев также можно говорить об их сезонной активности. Статья разделена на две части. В первой части предлагается краткий обзор литературы, в которой предпринимались попытки системного описания болгарской демонологии.

Ключевые слова

Этнолингвистика, болгарская мифология, демонология, мифологический персонаж, традиционная культура, ареальный метод в этнолингвистике

Статья поступила в редакцию 10 декабря 2020 г.

Цитирование: *Трефилова О.В.* Болгарская народная демонология: краткий обзор // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 160–181.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Низшая мифология славян: новые подходы и методы исследования», № 20-012-00300А.

BULGARIAN FOLK DEMONOLOGY: A BRIEF OVERVIEW

Olga V. Trefilova,

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: trefolium@gmail.com

Abstract

This paper attempts to present Bulgarian demonology holistically and structurally in accordance with the scheme proposed by representatives of the Moscow Ethnolinguistic School to describe mythological characters: their nominations, genesis, functions, and areal characteristics. Bulgarian folk spiritual culture is characterized by a certain integrity, but ethno-cultural differences can divide the tradition into Eastern and Western or Northern and Southern; the Bulgarian-Serbian-Macedonian border area is distinguished as a special area where mythological beliefs and ethno-cultural vocabulary are more fully represented compared to other regions of Bulgaria. When describing the Bulgarian tradition, it is important to keep in mind that many categories of Bulgarian demons are semantic Balkanisms — ethno-cultural terms common in the Balkan area and semantically different in local traditions. In this paper, mythological characters are grouped into four sections: 1) spirits of home and natural space, which includes such spirits as owners of loci, *samodivi* (fairies), “wild people”; 2) mythologized natural phenomena and human states (with such subgroups as atmospheric demons; demons of fate; personalized diseases, human states, jinxes; spirits-intimidators); 3) spirits of dead people (wandering dead, spirits of dead unbaptized children); 4) people with supernatural properties. Additionally, demonological characters are divided into calendar and non-calendar demons. The boundaries between groups are permeable; in addition, for non-calendar demons, in some cases, it is also possible to talk about their seasonal activity. The article is divided into two parts. In the first part of the article we offer a brief overview of the literature which attempts to systematically study Bulgarian demonology.

Keywords

Ethnolinguistics, Bulgarian mythology, demonology, mythological character, traditional culture, areal method in ethnolinguistics

Received 10 December 2020.

How to cite: Trefilova, O.V., 2020. Bolgarskaia narodnaia demonologija: kratkii obzor [Bulgarian Folk Demonology: A Brief Overview]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no 3–4, pp. 160–181.

1. ОПЫТЫ СТРУКТУРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ БОЛГАРСКИХ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ И ПОДХОДЫ К ИХ ОПИСАНИЮ

С конца XIX в. с развитием академической этнографии в Болгарии начинают активно публиковаться полевые записи из разных частей Болгарии и Македонии, в которых фиксируются верования и обряды болгарского народа. В этих материалах демонические существа рассматриваются в контексте общих мифологических верований, отчего они скорее связываются с различными мировоззренческими концептами, нежели анализируются последовательно с точки зрения системы персонажей, их свойств, генезиса, функций, фольклорных мотивов и др.

В одной из первых обобщающих работ, написанной болгарским этнографом конца XIX — начала XX в. Димитром Мариновым и посвященной болгарским народным верованиям и народной мифологии¹, все демонологические персонажи, кроме демонов судьбы, рассматриваются в аксиологической перспективе (как «плохие», вредоносные духи): духи-хозяева локусов, духи-обогагатели, демоны, восходящие к покойникам, хтонические существа, люди с магическими способностями и сверхъестественными свойствами. Классификация мифологических персонажей впоследствии была переработана автором в книге «Народная вера и религиозные народные обычаи», где демоны объединены в четыре пронумерованные группы, но только одна из них, «вторая группа», включающая демонов болезней, представляет собой нечто целостное с точки зрения персонажных типов². Ценность работ Д. Маринова заключается в первую очередь в том, что автор тщательно обследовал архаический северо-западный ареал Болгарии и его материал до сих пор можно использовать в ареальных и сопоставительных исследованиях.

За более чем сто лет, прошедших с момента публикаций Д. Маринова, появилось не так много исследований, ставивших своей целью структурно обобщить сведения по демонологии. Преимущественно это были обобщения в рамках региональной или локальной традиции. Так, с 1974 по 2002 г. болгарскими этнографами было опубликовано несколько монографий в серии «Этнографические исследования Болгарии», основанных во многом на полевых материалах и посвященных той или иной области или этногра-

¹ Маринов Д. Жива старина: этнографическо (фолклорно) изучение на Видинско, Кулско, Белоградчишко, Ломско, Берковско, Оряховско и Вратчанско. Кн. 1: Вярванията или суеверията на народа. Руссе: Печатница «Св. Кирил и Методий», 1891. С. I-XIV, 1-189.

² Маринов Д. Народна вяра и религиозни народни обичаи // Сборник за народни умотворения и народопис / издава Българската академия на науките. Кн. 28. София: Печатница на д[ружество] «Балкан», 1914.

фической группе: «Добруджа» (1974)³, «Пиринский край» (1980)⁴, «Капанцы» (1985)⁵, «Пловдивский край» (1986)⁶, «Кариоты» (1989)⁷, «Софийский край» (1993)⁸, «Родопы» (1994)⁹, «Странджа» (1996)¹⁰, «Ловечский край» (1999)¹¹ и «Сакар» (2002)¹². Несмотря на отсутствие унифицированной рубрикации во всех томах этой серии, в каждой из монографий описанию традиционной духовной культуры региона, в том числе народной мифологии, посвящен самостоятельный раздел. Демонология в этих изданиях представлена в разном объеме, она редко выделяется в особый подраздел. Ценность этих сборников в том, что в научный оборот были введены новые полевые материалы, показывающие диалектные различия в области народной мифологии.

³ Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания / Българска академия на науките, Етнографски институт с музей; [ред. колегия: Д. Тодоров (отг. ред.), С. Генчев, Г. Кръстева]. София: Издателство на Българската академия на науките, 1974. (Етнографски проучвания на България).

⁴ Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания / Българска академия на науките, Етнографски институт с музей; [ред. колегия: В. Хаджиниколов (отг. ред.), М. Велева, Г. Георгиев, Д. Тодоров]. София: Издателство на Българската академия на науките, 1980. (Етнографски проучвания на България).

⁵ Капанци. Бит и култура на старото българско население в Североизточна България. Етнографски и езикови проучвания / Българска академия на науките, Етнографски институт с музей; [ред. кол.: Д. Тодоров (отг. ред.), Г. Михайлова, М. Василева, М. Младенов]. София: Издателство на Българската академия на науките, 1985. (Етнографски проучвания на България).

⁶ Пловдивски край. Етнографски и езикови проучвания / Българска академия на науките, Етнографски институт с музей; [ред. колегия: Г. Михайлова (отг. ред.), М. Василева, М. Велева]. София, 1986. (Етнографски проучвания на България).

⁷ Даскалова-Желязкова Н. Кариоти: етническа принадлежност и културно-битови черти в края на XIX и началото на XX в. София: Издателство на Българската академия на науките, 1989. (Етнографски проучвания на България).

⁸ Софийски край. Етнографски и езикови проучвания / Българска академия на науките, Етнографски институт с музей; [ред. колегия: С. Генчев (отг. ред.), Б. Георгиева]. София: Издателство на Българската академия на науките, 1993. (Етнографски проучвания на България).

⁹ Родопи. Традиционна народна духовна и социално-нормативна култура / [ред. колегия: Р. Попов (отг. ред.), С. Гребенарова]. София: Етнографски институт с музей при БАН, 1994. (Етнографски проучвания на България).

¹⁰ Странджа. Материална и духовна култура / Българска академия на науките, Етнографски институт с музей; ред. колегия: М. Черкезова (отг. ред.), Р. Попов, С. Райчевски. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1996. (Етнографски проучвания на България).

¹¹ Ловешки край. Материална и духовна култура / Българска академия на науките, Етнографски институт с музей; ред. колегия: Г. Михайлова (отг. ред.), Р. Попов. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1999. (Етнографски проучвания на България).

¹² Сакар. Етнографско, фолклорно и езиково изследване / Българска академия на науките; ред. колегия: Р. Попов (отг. ред.), С. Гребенарова. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2002. (Етнографски проучвания на България).

Попытку структурно представить мифологические верования болгар предприняла в 1983 г. Иваничка Георгиева в монографии «Болгарская народная мифология»¹³. Автор рассматривает болгарскую мифологическую традицию сквозь призму мифологических архетипов; в работе заметно влияние идей структуралистов и московско-тартуской семиотической школы.

Отчасти структуралистский подход использует и Рачко Попов в диссертации «Болгарские демонологические и мифологические верования (конец XIX — начало XX в.)»¹⁴. Внешне «семиотическое» разделение демонов находим в написанной на основе одной ареальной (родопской) традиции книге Евгении Троевой-Григоровой, посвященной непосредственно демонологическим персонажам¹⁵; при этом автор анализирует демонологических персонажей скорее в этнолингвистической перспективе, придерживаясь схемы описания мифологических персонажей, разработанной Московской этнолингвистической школой¹⁶.

Среди обобщающих работ по болгарской мифологии следует отметить энциклопедический словарь «Болгарская мифология» (1994) и «Энциклопедию болгарской народной медицины» (1999)¹⁷, однако исследователи не придерживаются единых принципов при описании разных персонажей.

В 1983–1985 гг. в нескольких номерах «Балканского языкознания» было опубликовано на немецком языке исследование немецкого болгариста Уте Дуковой, посвященное наименованиям болгарских демонологических персонажей; в 1997 г. оно вышло отдельной книгой на немецком же языке, а в 2015 г. было переведено на русский¹⁸. В этой этимологической работе

¹³ Георгиева И. *Българска народна митология*. София: Наука и изкуство 1983; 2-ро работено и допълнено изд. София: Наука и изкуство, 1993.

¹⁴ Попов Р. *Български демонологични и митологични вярвания (края на XIX — средата на XX в.)*; дис. София, 1983.

¹⁵ Троева-Григорова Е. *Демоните на Родопите / под редакция на Г. Лозанова*. София: Международен център по проблемите на малцинствата и културните взаимодействия, 2003.

¹⁶ Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // *Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал / отв. ред. Н.И. Толстой*. М.: Наука, 1994. С. 16–44. Эта схема, хотя и с оговорками, была использована в применении к балканским традициям также в диссертации К.А. Климовой: *Климова К.А. Новогреческая мифологическая лексика в сопоставлении с балканославянской*; дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

¹⁷ *Българска митология: енциклопедичен речник / съставител А. Стойнев*. София: Издателска група «ТМ + Логис», 1994; *Енциклопедия Българска народна медицина / Етнографски институт и музей при Българската академия на науките; съставителство и обща редакция М. Георгиев*. София: Издателска къща «Петър Берон», 1999.

¹⁸ Dukova U. Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen // *Балканско езикознание = Linguistique balkanique*. София, 1983. № 26 (4). С. 5–46; *Eadem*. Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen. III. Entlehnungen // *Балканско езикознание = Linguistique balkanique*. София, 1985. № 28 (2). С. 5–62; *Eadem*. Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen. München: Otto Sagner, 1997. (Specimina philologiae slavicae / begründet von O. Horbatsch und G. Freidhof; hrsg. von G. Freidhof et al.; Bd. 115);

наименования демонов представлены в алфавитном порядке и сгруппированы по генетическому принципу (термины индоевропейского происхождения; праславянские, диалектные южнославянские и собственно болгарские; заимствования). Как показало исследование, поиск этимологии часто невозможен без детального описания характеристик, функций и указания ареала того или иного персонажа.

Представлениям о демонах в болгарских фольклорных текстах, к которым обращался еще в начале XX в. Михаил Арнаудов в циклах очерков «Магические обряды и мифические верования у болгар» и «Мифические песни. Происхождение и основные мотивы»¹⁹, была посвящена диссертация Евгении Мицевой «Демонические представления и персонажи в болгарском фольклоре» (1984)²⁰ и подготовленная ею подборка фольклорных текстов — публикация экспедиционных материалов конца XX в. «Невидимые ночные гости» (1994)²¹.

С середины 1990-х гг. в Болгарии материалы по болгарской демонологии активно собирают не только болгарские этнографы, но и представители Московской этнолингвистической школы. Болгарский материал (полевой и опубликованный) из различных регионов страны вошел в книгу А.А. Плотниковой «Этнолингвистическая география Южной Славии» (2004)²², в которой представлена типология балканских демонов, рассмотрены номинации, черты, функции, частично генезис демонических существ, а особую ценность представляют этнолингвистические карты²³.

Московская этнолингвистическая школа использует ареальный метод наряду с методом системного описания персонажных типов (см. схему описания мифологических персонажей на основе их мифологических признаков, предложенную Л.Н. Виноградовой и С.М. Толстой²⁴).

Дукова У. Наименования демонов в болгарском языке / [пер. с нем К. Задои; отв. ред. И.А. Седакова]. М.: Индрик, 2015.

¹⁹ Арнаудов М. Очерци по българския фолклор. 3-то фототип. изд. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1996. Т. 2. С. 532–687.

²⁰ Мицева Е. Демонични представи и персонажи в българския фолклор: дис. София, 1984.

²¹ Невидими ношни гости / подбор и научен коментар: Е. Мицева. София: Наука и изкуство, 1994.

²² Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004.

²³ В данном обзоре я опираюсь на сделанные А.А. Плотниковой обобщения, касающиеся ареального распределения болгарских данных.

²⁴ Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1994. С. 16–44; Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Материалы к сравнительной характеристике женских мифологических персонажей // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы, София, 30.VIII.1989 г. — 6.IX.1989 г. Проблемы культуры. М.: [Институт славяноведения и балканистики АН СССР], 1989. С. 86–114.

2. БОЛГАРСКИЕ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

В данном обзоре предпринимается попытка представить болгарскую демонологию целостно и системно в соответствии со схемой описания мифологических персонажей: их номинации, генезис, функции, ареал. При систематизации материала была использована классификация мифологических персонажей, предложенная Л.Н. Виноградовой и Е.Е. Левкиевской в публикации полесских мифологических текстов²⁵. Болгарских демонических существ удобно разделить на 1) некалендарных демонов и 2) связанных с календарным циклом²⁶. Безусловно, границы между группами проницаемы; для некалендарных демонов в ряде случаев также можно говорить об их сезонной активности.

Важными, как уже отмечалось, являются ареальные отличия внутри мифологической традиции. Несмотря на то что болгарская народная духовная культура характеризуется определенной целостностью, этнокультурные различия могут делить традицию на восток и запад или север и юг; выделяется болгарско-сербско-македонское пограничье как особый ареал²⁷, где мифологические представления и соответствующая им этнокультурная лексика представлены более полно по сравнению с другими регионами Болгарии.

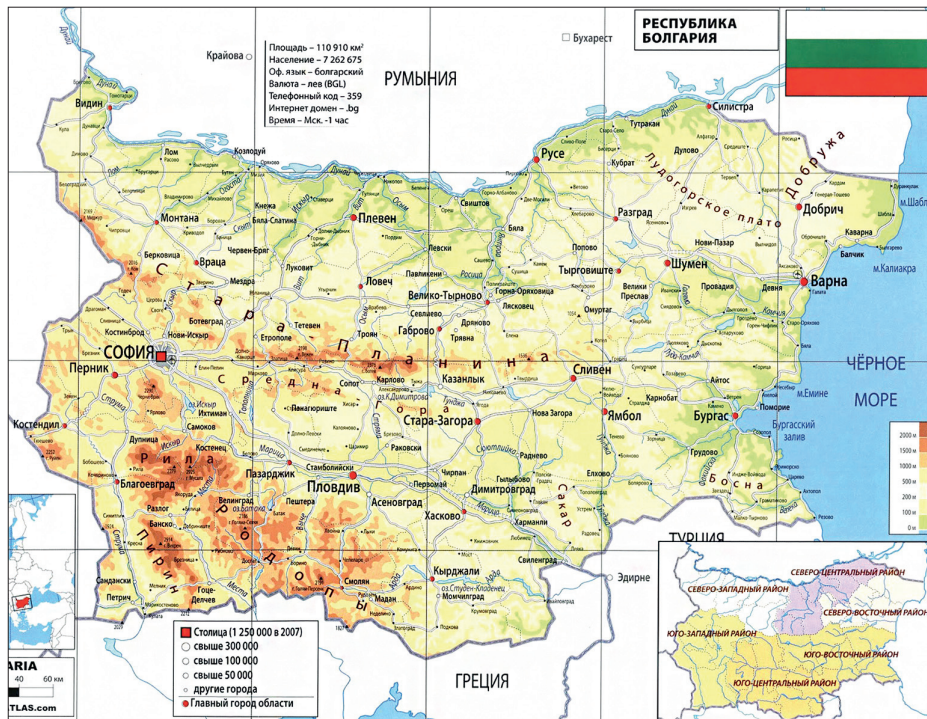
При описании болгарской традиции важно иметь в виду, что многие номинации болгарских демонов являются семантическими балканизмами — этнокультурными терминами, распространенными в балканском ареале и семантически различающимися в локальных традициях²⁸. Болгарская демонологическая терминология имеет различное происхождение — славянское (*вила, змей*), греческое (*караконджул, тартор, орисници*), персидское (болг.-мусульм. *пери, аждер*), арабское (*сайбия*), романское (*фъртуна*) и т. д.; часть терминов была заимствована в болгарский из других языков посредством турецкого. Отмечается также полисемия демонимов (например, *стопан(ин), таласъм*), что обуславливает помещение одной и той же номинации в разные группы.

²⁵ Народная демонология Полесья. (Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века) / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами. М.: Языки славянских культур, 2010; Т. 2: Демонологизация умерших людей. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012; Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний. М.: Изд. дом ЯСК, 2016; Т. 4: Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи. М.: Изд. дом ЯСК, 2019.

²⁶ В частности, календарных демонов в отдельную группу выделяет Рачко Попов: Попов Р. Светци и демони на Балканите: сравнително етноложко изследване. София: ИК «Свят. Наука», 2002. С. 14–15.

²⁷ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик 2004. С. 252–308.

²⁸ Плотникова А.А. Семантические и культурные балканизмы в этнолингвистическом аспекте // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 12: Ареальные аспекты изучения славянской лексики / отв. ред. выпуска Г.П. Клепикова, А.А. Плотникова. М.: [Ин-т славяноведения РАН], 2006. С. 7–19.

Карта Болгарии*

Установление этимологии некоторых номинаций демонов, например *стопанин*, *юда*, *(х)ала*²⁹, представляет серьезные затруднения и нередко дискуссионно, поэтому далее в статье не обсуждается происхождение демонологических терминов и не приводятся этимологические пометы. Не даются также библиографические ссылки на источники — использован материал из основополагающих работ, названных выше.

2.1. НЕКАЛЕНДАРНЫЕ ДЕМОНЫ

2.1.1. Духи домашнего и природного пространства

Духи — хозяева локусов

Повсеместно в Болгарии распространены представления о том, что домашнее и природное пространства защищают их «хозяева», демоны мес-

* URL: http://msofliosgeografia.blogspot.com/2017/04/blog-post_34.html?m=0 (дата обращения: 8 декабря 2020).

²⁹ Български етимологичен речник. Т. 7: Слово — Терявам / отг. ред. Т.А. Тодоров. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2013. С. 477–479; Дукова У. Наименования демонов в болгарском языке. М.: Индрик, 2015. С. 202–205, 69–74, 209.

та. Однако классификация духов на хозяев определенных локусов (леса, поля, воды, воздуха) для балканских традиций нерелевантна, так как часто разные пространства оберегают духи, имеющие одинаковые номинации и функции. Деление на духов природного и домашнего пространства также достаточно условно: например, в южной и центральной Болгарии наблюдается нерасчлененность представлений о таких духах. К демонам — хозяевам локусов могут быть причислены и духи — хранители кладов, защитники села и поля, которых трудно разделить по признаку «демоны окультуренного / неокультуренного пространства»: например, на болгарско-сербско-македонском пограничье бытуют представления о воздушном демоне — защитнике сельскохозяйственных угодий. Генезис духов — хозяев места нередко отсылает к демонам, происходящим от умерших людей, что подтверждают и некоторые номинации типа *таласъм* ‘хранитель локуса’, и ‘ходячий покойник (вампир)’.

Основные номинации демонов — хозяев локусов в болгарской традиции имеют семантику ‘хозяин, собственник’: *стопан(ин)*³⁰, *наместник*, *сайбия*. Лексема *стопан(ин)* в значении ‘дух — хозяин домашнего или природного локуса’ распространена почти повсеместно на территории Болгарии³¹, *сайбия* (иногда и параллельно с лексемой *стопанин*) частотна в том же значении в подбалканском регионе, но встречается и в Средней Северной и Средней Западной Болгарии; лексема *наместник* известна только в южноболгарском регионе, причем представления о духе места в верованиях и фольклорных текстах могут контаминироваться с представлениями о святом — покровителе рода или села, которого приглашают на ужин в Рождественский сочельник (Странджа). В Родобах также известна лексема *джин* (*жин*).

Практически повсеместно хозяина природного и домашнего пространства представляют в виде змеи, что отражается и в номинациях хозяина локуса типа *смок* ‘уж’ (сев.-зап.-болг.) или *смок-синурлия* (юго-вост.-болг.) ‘уж межи (уж-межевик)’, *синурник* (подбалканская Болгария). В родопских селах духи — хранители дома и села могут представляться в других зооморфных обликах, например в виде барана, двух дерущихся баранов, мула и т. п. Духа — хозяина домашнего (окультуренного) пространства задабривали, устраивая чествование, которое называли *стопанова гозба* ‘угощение хозяина’; этот обычай первоначально, видимо, охватывал фракийскую зону (южную часть Болгарии).

³⁰ Ударения в болгарских словах (обычно при первом употреблении) приводятся в том случае, если они есть в источнике или если ударение в болгарском слове одинаково во всех ареалах, где это слово встречается (например, *сайбия*, *самодива*, *юда*).

³¹ В болгарском языке это слово повсеместно употребляется и в немифологическом значении ‘хозяин’. *Сайбия* сосуществует со *стопанином*, но является устаревшим, маркированным словом и поэтому, вероятно, имеет тенденцию сохраняться как демонологический термин.

С фольклорными представлениями о проклятых кладах, встречающимися у всех славян и у болгар в том числе, связана вера в охраняющего их хозяина, обычно именуемого *таласъм*, но также и *стопан*, *сайбия*, в Родопях *саип*, *джин*, *бумбарек*, *дявол*. Внешний облик «таласыма» неясен: его могут представлять не только в облике змеи, как любого хозяина локуса, но и в виде некоего чудовища. В Родопях считают, что всё, закопанное в землю, попадает под власть «хозяина» (*остопанява се*).

Для болгарской (и балканской в целом) картины мира характерны представления о духе постройки. Как правило, это дух человека, часто молодой женщины, который следует замуровать в постройку на этапе ее строительства, чтобы объект крепко стоял и не разрушался. Такие поверья связаны с постройкой церкви, мостов, иногда — каменных сооружений при выведенных источниках воды (*чешма*)³². В фольклорных текстах повествуется о том, что молодая женщина, дух которой замуровывают в основание постройки, заболевает и в течение 40 дней умирает. Духи «замурованных» (*вградени*) людей обычно называются *сѣнка*, *сѣнк'а*, *сѣнчице* — букв. 'тень', также *таласъм*. Верования, связанные со строительными жертвами, в Болгарии ограничены юго-западным ареалом, встречаются и на сербско-болгарском пограничье (в его южной части).

Термины *стопан*, *сайбия*, родоп. *джин* используются также для обозначения духа водного источника, изредка встречается и номинация *тартор*. В южной Болгарии отмечаются поверья о водном духе *топък*, *топик*, происходящем от утопленника.

Самодивы

В болгарской мифологии отсутствуют духи — хозяева леса; самые известные и широко распространенные природные духи — «самодивы» (*самодиви*), местом обитания которых считаются лес, горы, деревья, места вблизи водных источников, пещеры, ямы, ветер. Практически повсеместно на территории Болгарии эти персонажи называются *самодиви*, в подбалканских и южных регионах фиксируется также термин *юда*. Связь самодив с движением воздуха, вера в то, что они обитают в вихре, отражается в обозначении сильного ветра *юда* (например, в подбалканском регионе). На периферии Родоп встречаются термины *вила*, *самовила*, у болгар-мусульман — *пѣри*, *перия*³³.

Эти персонажи всегда появляются группой и представляются как прекрасные девушки в белых одеждах, с распущенными волосами (редко как безобразные женщины, женщины с большими грудями, закинутыми за плечи, — родоп.), они поют и водят хороводы, могут устраивать невидимую

³² Ср., например, Кадин (Невестин) мост через р. Струму около с. Невестино (окрестности Кюстендила) и связанную с его строительством легенду о замурованной невесте.

³³ Ср. у гагаузского населения Болгарии *пѣри къзлар* 'девушки *пери*'.

трапезу. Отмечается и невидимость этих персонажей, их слияние с природой; важными представляются акустические проявления, характеризующие самодив: звуки природы связывают с их пением. Генезис самодив не вполне понятен, но вероятна их связь с «нечистыми» покойниками — незамужними девушками. Время их активности — преимущественно ночь, поэтому повсеместно распространены запреты вывешивать для просушивания на улице детское белье после захода солнца.

Самодивы в болгарской культуре, как и в целом на Балканах, — амбивалентно воспринимаемый образ. Так, считается, что встреча с самодивами обычно опасна для людей: человек, случайно увидевший их или услышавший их смех, онемевает, заболевает и т. д. Известен концепт «самодивское место»³⁴, ступив на которое человек может заболеть неизлечимой болезнью, например эпилепсией, и где, с другой стороны, осуществлялись лечебные практики. Опасное место, где танцевали самодивы и где кругообразно примята трава, называется *самодивско (х)орó*, букв. ‘самодивский танец типа хоровода’, *самодивско игрище* ‘место танца самодив’; место, где они устраивали трапезу, — *самодивска трпéза*, *самодивска трапéза*; *юдинска трапéза* (пирин.), *самодивска софрá* (Странджа), *дявулска суврá* (Провадия), *шейтанска софра* (Родопы), *синия* (Ловеч. край) и т. п. Опасными считались «самодивская дорога» и некоторые деревья — места обитания самодив (большой дуб, груша, грецкий орех), под которыми нельзя спать или отдохнуть³⁵. Для лечебных ритуалов использовалось *самодивско кладенче* ‘самодивский колодец’ — источник, окруженный дубами; места, где корни старых вязов торчали из-под земли, формируя дугу. Полагали, что под ними самодивы пролезали «для здоровья», там же с оздоровительными целями проникают детей. Связь самодив с лесным пространством отражена в именовании некоторых растений самодивскими, это растения, которые произрастали на «самодивских» лугах и полянах и использовались в народной медицине. Считается, что самодивы смертны, как человек.

В Родобах известны фольклорные нарративы о «*диких людях*» (*диви хора*), которые частично смешиваются с самодивами и поэтому могут называться также *самодиви хора*. Это мужчины и женщины, редко дети, которых отличает повышенная волосатость, даже косматость. Женщины обычно с закинутыми за плечи грудями, в руках у них люлька с младенцем. *Диви хора* не опасны для людей, их считают мифическими существами, населявшими горы до прихода туда человека³⁶.

³⁴ Энциклопедия Българска народна медицина / Етнографски институт и музей при Българската академия на науките; съставителство и обща редакция М. Георгиев. София: Издателска къща «Петър Берон», 1999. С. 368.

³⁵ Эти верования на уровне бытового поведения сохраняются в Болгарии по сей день.

³⁶ *Троева-Григорова Е.* Демоните на Родопите / под редакция на Г. Лозанова. София: Международен център по проблемите на малцинствата и културните взаимодействия, 2003. С. 108-112.

2.1.2. Мифологизированные природные явления и человеческие состояния

Атмосферные демоны

Мифологизация необычных небесных (затмений, прохождения комет, падающих звезд, радуги) и атмосферных (бури, грома, молнии) явлений известна всем славянам. В болгарской мифологии отмечается персонификация движений воздуха: (*х*)*áла*, *ламя́*, *юда*, *фъртуна*, *вихрушка*. Сильный ветер, вихрь, ветер с дождем, приносящий вред людям и сельскохозяйственным угодьям, отождествляется с полетом нечистой силы, с такими отрицательными мифологическими персонажами, как (*х*)*áла*, *ламя́*, центр- и зап.-родоп. *аждраха*, *еждер*, которые представляются как зооморфные существа, драконы. По болгарским поверьям, сильный ветер возникает, когда рассерженная *хала* или *ламя* дует в воздух³⁷. Во фракийской части Болгарии известны персонификации вихря *юда*, в чем можно усмотреть его отождествление с персонажами типа самодив, одним из мест пребывания которых считается ветер (см. выше). На болгарско-сербско-македонском пограничье распространен мотив небесного противоборства *халы* и (духа) культурного героя — человека с демоническими свойствами (*змея*), покровителя села и земельных угодий, который защищает их от непогоды.

Демоны судьбы

В Болгарии, как и повсеместно на Балканах, верят в неизбежность судьбы, «написанной» для родившегося ребенка демонами судьбы. Это персонажи многочисленных быличек, легенд и сказок. Номинации демонов судьбы четко распределены в болгарском ареале и противопоставлены по признаку «север — юг» и частично «восток — запад»³⁸: в восточной и северной зоне, а также на северо-западе это дериваты от корня (*о/у*)*рис-* с семантикой ‘определять, устанавливать’ (*орисници*, *урисници*, *одурисници*, *хурисници*, *одурисници*, *уресници*, *вресници*), в южной зоне это дериваты от корня *рек-* с семантикой ‘говорить, нарекать’, иногда контаминирующегося с *рѣк-* (*нарѣчници*, *речници*, *уричняци*, *нарѣчници*, *уришници* и др.)³⁹. Спорадически на западе и юго-западе отмечаются дериваты от корня *суд-* с семантикой ‘присуждать’ (*суденици*, *суг’еници*), характерные для сербской традиции. В южных периферийных областях Болгарии эпизодически встречается один демон судьбы мужского рода *наречник*, в общем нехарактерный для болгарской традиции.

³⁷ Плотникова А.А. Мифология атмосферных и небесных явлений у балканских славян // Плотникова А.А. Южные славяне в балканском и южнославянском контексте: этнолингвистические очерки. М.: [Институт славяноведения РАН], 2013. С. 193–208.

³⁸ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. С. 243–249; 694: Карта № II-3-7 «Демоны, определяющие судьбу».

³⁹ Седакова И.А. Демоны судьбы // Седакова И.А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М.: Индрик, 2007. С. 192.

Чаще всего демонов судьбы представляют как трех красивых женщин, но им могут приписываться и такие черты, как взлохмаченные волосы, длинные зубы, пламя, которое вырывается изо рта; хтонические признаки: тело, покрытое перьями, крылья, змеиные движения.

Обычно орисницы являются на третий день после рождения ребенка и нарекают, «пишут» ему судьбу; истинное предсказание произносит третья орисница. Считается, что, если демоны судьбы не найдут ребенка, он умирает или, наоборот, если человек не может умереть, значит, еще не пришло то время, которое ему предопределила орисница. Ср. болгарские фразеологизмы: *Taká mi e orisíyata* [Такая у меня судьба]; *Taká orisníca mi e naorisála* [Так мне на роду написано]. Неизбежность «написанного», судьбы отражается в паремиях: *Kakvoto orisnicíte orisvat i Gospod ne ŷe karaŷisva* [В то, что предсказывают орисницы, не может вмешаться и Господь]; *ŷto napiŷe orisnicáta, i Gospod ne otpiŷva* [Что напишет орисница, то Господь не перепишет]⁴⁰. О несчастливом человеке говорят: *Za teb nito Bog e zapisal, nito orisnica e doŷla* [Тебе Бог ничего не написал и орисница не приходила]⁴¹.

Иногда орисницы смешиваются с самодивами из-за близости черт внешнего облика, которыми их наделяют носители традиции, поэтому в некоторых селах способность предсказывать судьбу приписывается самодивам. Время и обстоятельства прихода орисниц сближают их с демонами, вредящими роженицам и новорожденным (*лехуси, нави, навки*), происходящими от умерших рожениц и некрещеных младенцев. Способы задабривания орисниц схожи со способами задабривания болезней (в ожидании орисниц полагалось поставить на стол что-то сладкое). Несмотря на то что верят в необходимость предсказания орисницами судьбы новорожденному, их, как и большинство демонических существ, считают опасными, поэтому могут совершать обряды ритуального обмана орисниц, прятать ребенка; иногда сразу после рождения (перед посещением ребенка демонами судьбы) его лечили магическими способами, так как считали, что орисницы могут наградить ребенка эпилепсией (окрестности Пазарджика).

Персонифицированные болезни, состояния человека, глаза

Болезни представляются как невидимые существа, которые описываются с помощью предикатов, характерных для живого существа: они могут есть (в том числе человека), пить, говорить, раздражаться, их можно умиловить и подкупить. В болгарском диалектном континууме, особенно в южной и западной его части, известно табуизированное именование

⁴⁰ *Седакова И.А. Демоны судьбы // Седакова И.А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М.: Индрик, 2007. С. 196–197.*

⁴¹ Там же. С. 195.

болезней субстантивированными прилагательными: *мѣдени*, *слáдки*, *блáги* ‘сладкие’, *здравичките* ‘здоровые’; терминами родства: *лѣлички*, *тѣтки* ‘тетеньки (тетки по отцу)’, *мáйки* ‘мамочки’ и др.

В болгарской культуре, в обрядах (исполняемых в *Чуминден* — день св. Харлампия, 10 февраля, или день св. Власия, 11 февраля) и языке (фразаологии, паремиях, проклятиях) оставили глубокий след эпидемии чумы (*чúма*, *черна мория*, *панукла*, *карън* и др.), которую представляли женщиной, часто безобразной, нечесаной, одетой в черное, с тетрадкой для записи в нее жертв, иногда с ребенком (*чумниче*).

Повсеместно в Болгарии известна персонификация оспы (в настоящее время ветрянки) *бáба Шáрка*. Чтобы ребенок излечился от ветрянки, очистился, родители придерживались ряда предписаний: переодевали ребенка во всё чистое, соблюдали запрет на половой контакт во время болезни ребенка.

Персонификации детских болезней или болезней роженицы отражены в многочисленных их номинациях: *бáбици/е*, *клíни/е* (*клíнове*), *уплах*, *песци*, *мламози* и др.

Среди причин болезней, в которые верил народ, можно указать грех, порчу (случайный сглаз и преднамеренную порчу), контакт человека с демонами в определенном месте, например в месте сбора, обитания самодив (см. выше), или в определенное время (*потáйна дóба*, *глú(х)а дóба* ‘неурочное время’) — время активности нечистой силы. Человека, заболевшего вследствие контакта с нечистой силой (*вънкашната бóлест*), называли *урадíсал*, *уградíсал*.

Известен всем славянам, в том числе болгарам, демон *мóра*, которого представляют как девушку, по ночам наваливающуюся человеку на грудь и душащую его, или как вампира. В последнем случае *мора* (*морава*, *мура*, *марен*, *марой*, *умарина*) — это душа «нечистого» покойника в облике птицы или черной бабочки, она пьет кровь спящих, которые от этого слабеют, теряют силы. О таких больных говорят: *Бозала* (*близала*) *го морава* [Сосала (лизала) его мора]⁴². Избавиться от *моры*, как и от болезни демонического происхождения, можно при помощи растений-апотропеев, ритуальной ругани, отгонных действий (например, нужно съесть кусок хлеба во время отправления большой нужды) и др.

Повсеместно в Болгарии фиксируется вера в сглаз, называемый *уруки*, *ураки*, *урóци*; *злú óчи* (з.-болг); *почúди*, *почúдица*, *омáйване*, *зáрек* (юго-зап.-болг.) и др., представляющий собой непреднамеренную и преднамеренную порчу, следствием которой является неопределенное болезненное состояние. Для предохранения от сглаза используют разнообразные предметы-апотропеи; лечат сглаз, как правило, при помощи заговоров.

⁴² Энциклопедия Българска народна медицина / Етнографски институт и музей при Българската академия на науките; съставителство и обща редакция М. Георгиев. София: Издателска къща «Петър Берон», 1999. С. 260.

Персонажи-устрашители

Демоны запугивания — это часто персонажи, перешедшие в сферу детского фольклора при угасании традиции, или сказочные персонажи (*ла́мья, та́ртор, таласъ́м, караконджул; Баба-Яга*). В качестве устрашителей могут выступать инородцы, например *ци́ганка*.

2.1.3. Духи умерших людей

Ходячие покойники

Повсеместно в Болгарии распространены верования о ходячем покойнике, который встает ночью из гроба и возвращается в свой дом, беспокоя домочадцев, нанося вред скоту и хозяйству. Это может быть ходячий покойник, бесчинствующий в течение 40 дней после смерти или, наоборот, не уничтоженный в течение этих 40 дней. Как правило, эти демоны — так называемые нечистые покойники: умершие насильственной смертью, самоубийцы, погребенные с нарушением обряда (покойника перед похоронами перепрыгнуло животное, на похоронах кто-либо переступил через его могилу и др.). Для обозначения такого демона почти на всей территории Болгарии используется лексема *вампи́р* и ее фонетические варианты: *липи́р, липи́рин* (ловеч.), *лапир* (родоп.), *лампи́р* (пирин., пловд.), *лимпи́р* (капанци) и др. На территории распространения этой лексемы фиксируются компактные микроареалы специфических наименований вампира: на болгарско-сербском пограничье — наименования от **tǣn'-*: *тенъ́ц, тенéц, тенчомо́рац* с внутренней формой 'тенеподобный, невидимый'; в северо-западной Болгарии — наименования от **plǣt-*: *плъ́теник, плътня́к, пълтъ́ник, упълти́л се* и др. с внутренней формой 'воплотившийся', часто в значении 'окаменевший вампир, приобретший плоть и кровь по истечении 40 дней после смерти, которого нельзя уничтожить'. В зоне распространения лексем с корнем **plǣt-* термин *вампир* встречается редко и только как параллельное название ходячего покойника. В разных районах Болгарии, вероятно, в результате слияния образов вампира и духа — хранителя локуса (строения) употребляются лексемы типа *таласъ́м* в значении 'вампир, ходячий покойник', часто параллельно с другими лексемами, обозначающими вампира: *вампи́ри, таласъ́ми* (сев.-вост.-болг.); *таласъ́м, таласо́м* наряду с *дракус, жин, лампир* (юго-зап.-болг.). Лексема *дракус* наряду с *вампир, джин, жидиа, стопаник* характерна для родопско-фракийского микроареала.

Известны локальные названия вампира: *въркола́к, вракула́к, уркула́к, вътрокола́к* (Софийск. край, Ловеч. край, Странджа), но в некоторых регионах этот персонаж может пониматься как человек-оборотень, волколак (Странджа).

Духи умерших некрещеных детей

Поверья о духах умерших некрещеными детей, которые представляются в виде птиц, поющих, свистящих, беспокоящих, рожениц и новорожденных

детей и опасных для них, в Болгарии распространены в западной, южной и северо-восточной зоне. На западе Болгарии наименования этих демонов связаны с семантическим полем смерти — это термины с корнем **nav-*: *návi*, *návie*, *návяци*, *návляци*, *náвои*; в подбалканской, южной и северо-восточной Болгарии в номинациях этих демонов актуализируется семантика ‘инородец’ (*евре́йче* ‘ребенок еврей’, *помáче* ‘ребенок болгарин-мусульманин’, *ци́ганче* ‘цыган-ребенок’), на западе, на юге Софийского края, — их акустическая характеристика (*сви́рци* ‘свистуны’), там они образуют компактный ареал, включающий также пограничные районы Македонии и Сербии.

Вероятно, от умерших рожениц происходят демоны *лахуси* букв. ‘роженицы’, которые вредят роженицам и новорожденным детям.

2.1.4. Люди со сверхъестественными свойствами

Людей, которым приписываются сверхъестественные свойства, можно считать полудемонами. Среди них есть опасные для людей и помогающие им. Среди полудемонов-помощников можно выделить культурного героя (*зме́й*), защищающего земельные угодья в битве с атмосферными демонами (см. выше раздел 2.1.2, «Атмосферные демоны»), а также человека, рожденного в субботу и обладающего способностью видеть и уничтожать вампиров (*сѣботник*, *вампира́р*, *вампирдѣсия*, также *дждаджия* ‘ведьма’). Верят, что такой человек является сыном вампира.

Злокозненным персонажем, которому приписываются сверхъестественные свойства, является ведьма; она отбирает урожай у односельчан, молоко у чужих коров и овец, насылает болезни, порчу; «сваливает» месяц с неба и доит его. Отличительные признаки ведьмы легли в основу ее номинаций в разных регионах Болгарии, часто в зависимости от актуальности тех или иных верований. На всей территории Болгарии известны номинации ведьмы *вѣщица* и *магьóсница*; последняя представляет собой балканскую инновацию. В западной Болгарии наряду с номинацией *магьóсница* функционирует термин *бродни́ца*, *бродня́ча*, изначально служивший для именованья демонического существа типа водяной русалки⁴³. В южном поясе Болгарии, где особенно распространены верования об отбирании урожая, молока, о том, что ведьма доит месяц, в номинациях ведьмы актуализируется семантика ‘отнимать, переманивать’: *ма́мница*, *мамя́чка* (ю.-болг.), *превзема́чка* (ю.-в.-болг.). На востоке и юге Болгарии отмечается компактная зона, где наряду с терминами типа *магьóсница* и *вѣщица* фиксируются номинации типа *джедѣя* (*дждадѣ*, *жедѣя*, *джелѣя*).

В южных областях распространены поверья о чудесном помощнике ведьмы (это может быть цыпленок, бабочка), которого она посылает отнимать у односельчан «спор», названия такого существа образованы от номи-

⁴³ Дукова У. Наименования демонов в болгарском языке. М.: Индрик, 2015. С. 81–82. Персонаж типа русалки с тем же наименованием также sporadически фиксируется в болгарском диалектном континууме, см. там же.

наций ведьмы: *мамяк*, *мамяк* ‘цыпленок — помощник ведьмы’, *мамяци*, *мамяци* ‘бабочки ведьмы’, ср. сев.-вост.-болг. *джиди́я* ‘бабочка — помощница ведьмы’.

2.2. КАЛЕНДАРНЫЕ ДЕМОНЫ

К демонологическим персонажам, которые, согласно народным верованиям, активизируются в течение определенных календарных периодов, относятся *карако́нджули*, появляющиеся в период Святков (*мръ́сни дни*, *некръ́стени дни*, *пога́ни но́щи*, *карако́нджови дни*)⁴⁴; *тудурчета* (*тодорци*) — демоны, время появления которых — первая неделя Великого поста (*Тодорова неделя*) и которые известны в компактном ареале, включающем северо-восточную Сербию и Румынию, причем болгарская зона оказывается на периферии этого ареала. Будучи календарными демонами, *карако́нджули* могут смешиваться с *тодорцами* и заменять их в болгарской зоне. Календарными демонами являются и *русалки* — персонажи, напоминающие самодив, но время активности которых ограничивается *Русальной* (Троицкой) неделей. Верования, связанные с русалками, фиксируются в Болгарии повсеместно.

К календарным можно также отнести персонификации дней недели или праздников, о которых имеются фольклорные нарративы (*баба Марта*, *баба Тудурица* и др.), однако здесь ввиду ограниченности объема статьи они не рассматриваются.

Литература

- Арnaudов М.* Очерци по българския фолклор. 3-то фототип. изд. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1996. Т. 2.
- Българска митология: енциклопедичен речник / съставител А. Стойнев. София: Издателска група «7М + Логис», 1994.
- Български етимологичен речник. Т. 1–8—. София: Издателство на Българската академия на науките; Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1971–2017—.
- Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал / отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1994. С. 16–44.
- Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Материалы к сравнительной характеристике женских мифологических персонажей // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы, София, 30.VIII.1989 г. — 6.IX.1989 г. Проблемы культуры. М.: [Институт славяноведения и балканистики АН СССР], 1989. С. 86–114.

⁴⁴ Подробнее см.: *Седакова И.А.* К проблеме заимствований в балканославянских языковых и этнокультурных системах // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 483–510.

- Георгиева И.* Българска народна митология. 2-ро преработено и допълнено изд. София: Наука и изкуство, 1993.
- Даскалова-Желязкова Н.* Кариоти: етническа принадлежност и културно-битови черти в края на XIX и началото на XX в. София: Издателство на Българската академия на науките, 1989. (Етнографски проучвания на България).
- Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания / Българска академия на науките, Етнографски институт с музей; [ред. колегия: Д. Тодоров (отг. ред.), С. Генчев, Г. Кръстева]. София: Издателство на Българската академия на науките, 1974. (Етнографски проучвания на България).
- Дукова У.* Наименования демонов в българском языке / [пер. с нем К. Задои; отв. ред. И.А. Седакова]. М.: Индрик, 2015. (Традиционная духовная культура славян. Зарубежная славистика).
- Енциклопедия Българска народна медицина / Етнографски институт и музей при Българската академия на науките; съставителство и обща редакция М. Георгиев. София: Издателска къща «Петър Берон», 1999.
- Капанци. Бит и култура на старото българско население в Североизточна България. Етнографски и езикови проучвания / Българска академия на науките, Етнографски институт с музей; [ред. колегия: Д. Тодоров (отг. ред.), Г. Михайлова, М. Василева, М. Младенов]. София: Издателство на Българската академия на науките, 1985. (Етнографски проучвания на България).
- Климова К.А.* Новогреческая мифологическая лексика в сопоставлении с балканославянской: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Ловешки край. Материална и духовна култура / Българска академия на науките, Етнографски институт с музей; ред. колегия: Г. Михайлова (отг. ред.), Р. Попов. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1999. (Етнографски проучвания на България).
- Маринов Д.* Жива старина: етнографическо (фолклорно) изучаване на Видинско, Кулско, Белоградчишко, Ломско, Берковско, Оряховско и Вратчанско. Кн. 1: Вярванията или суеверията на народа. Руссе: Печатница «Св. Кирил и Методий», 1891. С. I–XIV, 1–189.
- Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи // Сборник за народни умотворения и народопис / издава Българската академия на науките. Кн. 28. София: Печатница на д-[ружест]во «Балкан», 1914.
- Мицева Е.* Демонични представи и персонажи в българския фолклор: дис. София, 1984.
- Народная демонология Полесья. (Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века) / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами. М.: Языки славянских культур, 2010; Т. 2: Демонологизация умерших людей. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012; Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний. М.: Изд. дом ЯСК, 2016; Т. 4: Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи. М.: Изд. дом ЯСК, 2019.
- Невидими нощни гости / подбор и научен коментар: Е. Мицева. София: Наука и изкуство, 1994.
- Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания / Българска академия на науките, Етнографски институт с музей; [ред. колегия: В. Хад-

- жиниколов (отг. ред.), М. Велева, Г. Георгиев, Д. Тодоров]. София: Издательство на Българската академия на науките, 1980. (Етнографски проучвания на България).
- Пловдивски край. Етнографски и езикови проучвания / Българска академия на науките, Етнографски институт с музей; [ред. колегия: Г. Михайлова (отг. ред.), М. Василева, М. Велева]. София, 1986. (Етнографски проучвания на България).
- Плотникова А.А.* Мифология атмосферных и небесных явлений у балканских славян // *Плотникова А.А.* Южные славяне в балканском и южнославянском контексте: этнолингвистические очерки. М.: [Институт славяноведения РАН], 2013. С. 193–208.
- Плотникова А.А.* Семантические и культурные балканизмы в этнолингвистическом аспекте // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 12: Ареальные аспекты изучения славянской лексики / отв. ред. выпуска Г.П. Клепикова, А.А. Плотникова. М.: [Ин-т славяноведения РАН], 2006. С. 7–19.
- Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик 2004. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).
- Попов Р.* Български демонологични и митологични вярвания (края на XIX — средата на XX в.): дис. София, 1983.
- Попов Р.* Светци и демони на Балканите: сравнително етнологско изследване. София: ИК «Свят. Наука», 2002.
- Родопи. Традиционна народна духовна и социалнонормативна култура / [ред. колегия: Р. Попов (отг. ред.), С. Гребенарова]. София: Етнографски институт с музей при БАН, 1994. (Етнографски проучвания на България).
- Сакар. Етнографско, фолклорно и езиково изследване / Българска академия на науките; ред. колегия: Р. Попов (отг. ред.), С. Гребенарова. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2002. (Етнографски проучвания на България).
- Седакова И.А.* Демони судьбы // *Седакова И.А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М.: Индрик, 2007. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования). С. 188–224.
- Седакова И.А.* К проблеме заимствований в балканославянских языковых и этнокультурных системах // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 483–510.
- Софийски край. Етнографски и езикови проучвания / Българска академия на науките, Етнографски институт с музей; [ред. колегия: С. Генчев (отг. ред.), Б. Георгиева]. София: Издательство на Българската академия на науките, 1993. (Етнографски проучвания на България).
- Странджа. Материална и духовна култура / Българска академия на науките, Етнографски институт с музей; ред. колегия: М. Черкезова (отг. ред.), Р. Попов, С. Райчевски. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1996. (Етнографски проучвания на България).
- Троева-Григорова Е.* Демоните на Родопите / под редакция на Г. Лозанова. София: Международен център по проблемите на малцинствата и културните взаимодействия, 2003.

- Dukova U. Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen // Балканско езикознание = Linguistique balkanique. София, 1983. № 26 (4). С. 5–46.
- Dukova U. Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen. III. Entlehnungen // Балканско езикознание = Linguistique balkanique. София, 1985. № 28 (2). С. 5–62.
- Dukova U. Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen. München: Otto Sagner, 1997. (Specimina philologiae slavicae / begründet von O. Horbatsch und G. Freidhof; hrsg. von G. Freidhof et al.; Bd. 115).

References

- 1971–2017–. *Bulgarski etimologichen rechnik. T. 1–8* [Bulgarian etymological dictionary Vol. 1–8–]. Sofia: Izdatelstvo na Bulgarskata akademiia na naukite; Akademichno izdatelstvo “Prof. Marin Drinov”.
- Cherkezova, M., et al., eds, 1996. *Strandzha. Materialna i dukhovna kultura. (Etnografski prouchvaniia na Bulgariia)* [Strandja: material and spiritual culture. (Ethnographic studies of Bulgaria)]. Sofia: Akademichno izdatelstvo “Prof. Marin Drinov”.
- Daskalova-Zheliazkova, N., 1989. *Karioti: etnicheska prinadlezhnost i kulturno-bitovi cherti v kraia na XIX i nachaloto na XX v. (Etnografski prouchvaniia na Bulgariia)* [The Karyotes: their ethnicity and cultural and everyday features in the late 19th and early 20th century. (Ethnographic studies of Bulgaria)]. Sofia: Izdatelstvo na Bulgarskata akademiia na naukite.
- Dukova, U., 1983. Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen. *Linguistique balkanique*, 26 (4), pp. 6–46.
- Dukova, U., 1985. Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen. III. Entlehnungen. *Linguistique balkanique*, 28 (2), pp. 5–62.
- Dukova, U., 1997. *Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen*. München: Otto Sagner.
- Dukova, U., 2015. *Naimenovaniia demonov v bolgarskom iazyke* [Names of demons in the Bulgarian language]. Moscow: Indrik.
- Genchev, S., et al., eds, 1993. *Sofiiski krai. Etnografski i ezikovi prouchvaniia. (Etnografski prouchvaniia na Bulgariia)* [Sofia region. Ethnographic and linguistic studies. (Ethnographic studies of Bulgaria)]. Sofia: Izdatelstvo na Bulgarskata akademiia na naukite.
- Georgiev, M., 1999. *Entsiklopediia Bulgarska narodna meditsina* [Encyclopedia of Bulgarian folk medicine]. Sofia: Petur Beron.
- Georgieva, I., 1993. *Bulgarska narodna mitologiia. 2-ro preraboteno i dopulneno izd.* [Bulgarian folk mythology. 2nd revised ed.]. Sofia: Nauka i izkustvo.
- Khadzhinikolov, V., et al., eds, 1980. *Pirinski krai. Etnografski, folklorni i ezikovi prouchvaniia. (Etnografski prouchvaniia na Bulgariia)* [Pirin region: ethnographic, folklore and linguistic studies. (Ethnographic studies of Bulgaria)]. Sofia: Izdatelstvo na Bulgarskata akademiia na naukite.
- Klimova, K.A., 2008. *Novogrecheskaia mifologicheskaia leksika v sopostavlenii s balkanoslavianskoi: PhD thesis* [Modern Greek mythological vocabulary in comparison with the Balkan-Slavic one. PhD thesis]. Moscow: Institute of Slavic studies RAS.

- Mikhaylova, G., et al., eds, 1986. *Plovdivski krai. Etnografski i ezikovi prouchvaniia. (Etnografski prouchvaniia na Bulgariia)* [Plovdiv region: ethnographic and linguistic studies. (Ethnographic studies of Bulgaria)]. Sofia: Izdatelstvo na Bulgarskata akademiia na naukite.
- Mikhaylova, G., et al., eds, 1999. *Loveshki krai. Materialna i dukhovna kultura. (Etnografski prouchvaniia na Bulgariia)* [Lovech region: material and spiritual culture. (Ethnographic studies of Bulgaria)]. Sofia: Akademichno izdatelstvo "Prof. Marin Drinov".
- Mitseva, E., 1984. *Demonichni predstavi i personazhi v bulgarskiia folklor: PhD thesis* [Mythological beliefs and demonological characters in Bulgarian folklore. PhD thesis]. Sofia.
- Mitseva, E., ed., 1994. *Nevidimi noshtni gosti* [Invisible night guests]. Sofia: Nauka i izkustvo.
- Plotnikova, A.A., 2004. *Etnolingvistichekaia geografiia Iuzhnoi Slavii* [Ethnolinguistic geography of Southern Slavia]. Moscow: Indrik.
- Plotnikova, A.A., 2006. Semanticheskie i kul'turnye balkanizmy v etnolingvisticeskom aspekte [Semantic and cultural balkanisms in the ethnolinguistic aspect]. In: Klepikova, G.P., Plotnikova, A.A., eds, 2006. *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii. [Vyp.] 12: Areal'nye aspekty izucheniia slavianskoi leksiki* [Studies on Slavic dialectology. Vol. 12: Areal aspects of the study of Slavic vocabulary]. Moscow: Institute of Slavic studies RAS.
- Plotnikova, A.A., 2013. Mifologiya atmosfernykh i nebesnykh yavlenii u balkanskikh slavian [Mythology of atmospheric phenomena of the Balkan Slavs]. In: Plotnikova, A.A., 2013. *Iuzhnye slaviane v balkanskom i iuzhnoslavianskom kontekste: etnolingvistichekie ocherki* [South Slavs in the Balkan and South Slavic context: ethnolinguistic essays]. Moscow: Institute of Slavic studies RAS, pp. 193–208.
- Popov, R., 1983. *Bulgarski demonologichni i mitologichni viarvaniia (kraia na XIX — sredata na XX v.): PhD thesis* [Bulgarian demonological and mythological beliefs (late 19th — early 20th century)]. Sofia.
- Popov, R., et al., eds, 1994. *Rodopi. Traditsionna narodna dukhovna i sotsialnonormativna kultura. (Etnografski prouchvaniia na Bulgariia)* [Rhodopes: traditional spiritual and social standards culture. (Ethnographic studies of Bulgaria)]. Sofia: Etnografski institut s muzei pri BAN.
- Popov, R., et al., eds, 2002. *Sakar. Etnografsko, folklorno i ezikovo izsledvane. (Etnografski prouchvaniia na Bulgariia)* [Sakar: ethnographic, folklore and linguistic study. (Ethnographic studies of Bulgaria)]. Sofia: Akademichno izdatelstvo "Prof. Marin Drinov".
- Popov, R., 2002. *Svettsi i demoni na Balkanite: sravnitelno etnologhko izsledvane* [Saints and demons in the Balkans: a comparative ethnological study]. Sofia: IK "Sviat. Nauka".
- Sedakova, I.A., 2007. Demony sud'by [Demons of fate]. In: Sedakova, I.A., 2007. *Balkanskie motivy v iazyke i kulture bolgar. Rodinnyi tekst* [Balkan motifs in the Bulgarian language and culture. Birthlore]. Moscow: Indrik, pp. 188–224.
- Sedakova, I.A., 2002. K probleme zaimstvovaniia v balkanoslavianskikh iazykovykh i etnokul'turnykh sistemakh [On the problem of borrowings in the Balkan-Slavic languages and ethno-cultural systems]. In: Nikolaeva, T.M., ed., 2002. *Slavianskaia*

- iazykovaia i etnoiazykovaia sistemy v kontakte s neslavianskim okruzeniem* [Slavic language and ethnolinguistic systems in contact with non-Slavic environment]. Moscow: LRC Publ. house, pp. 483–510.
- Stoinev, A., ed., 1994. *Bulgarska mitologiia: entsiklopedichen rechnik* [Bulgarian mythology: an encyclopedic dictionary]. Sofia: Izdatelska grupa “7M + Logis”.
- Todorov, D., et al., eds, 1974. *Dobrudzha. Etnografski, folklorni i ezikovi prouchvaniia. (Etnografski prouchvaniia na Bulgariia)* [Dobrudzha: ethnographic, folklore and linguistic studies. (Ethnographic studies of Bulgaria)]. Sofia: Izdatelstvo na Bŭlgarskata akademiia na naukite.
- Todorov, D., et al., eds, 1985. *Kapantsi. Bit i kultura na staroto bulgarsko naselenie v Severoiztochna Bulgariia. Etnografski i ezikovi prouchvaniia. (Etnografski prouchvaniia na Bulgariia)* [The Kapantses: ethnographic and linguistic studies. (Ethnographic studies of Bulgaria)]. Sofia: Izdatelstvo na Bŭlgarskata akademiia na naukite.
- Troeva-Grigorova, E., 2003. *Demonite na Rodopite* [Demons of the Rhodopes]. Sofia: Mezhdunaroden tsentur po problemite na maltsinstvata i kulturnite vzaimodeistviia.
- Vinogradova, L.N., Levkievskaya, E.E., eds, 2010–2019. *Narodnaia demonologiia Poles'ia. (Publikatsii tekstov v zapisiakh 80–90-kh godov XX veka). T. 1–4* [Folk demonology of Polesie. (Publication of texts in records of the 80-90s of the XX century). Vol. 1–4]. Moscow: LRC Publ. house.
- Vinogradova, L.N., Tolstaya, S.M., 1989. Materialy k sravnitel'noi kharakteristike zhenskikh mifologicheskikh personazhei [Materials for the comparative characteristics of female mythological characters]. In: *Materialy k VI Mezhdunarodnomu kongressu po izucheniiu stran Iugo-Vostochnoi Evropy. Sofia 30.VIII.1989 g. — 6.IX.1989 g. Problemy kul'tury* [Materials for the VI International Congress on the study of South-Eastern Europe. Sofia 30.08.1989 — 6.09.1989. Problem of culture]. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki AN SSSR, pp. 86–114.
- Vinogradova, L.N., Tolstaya, S.M., 1994. K probleme identifikatsii i sravneniia personazhei slavianskoi mifologii [On the problem of identification and comparison of characters in Slavic mythology]. In: Tolstoi, N.I., ed., 1994. *Slavianskii i balkanskii fol'klor: Verovaniia. Tekst. Ritual* [Slavic and Balkan folklore: Beliefs. Text. Ritual]. Moscow: Nauka, pp. 16–44.

КОНЦЕПТ *ОЖИРЕНИЕ* В ПОЛЬСКОМ РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ. ПРОЕКТ БАЗЫ ДАННЫХ*

Дорота Пазио-Влазловская —

кандидат гуманитарных наук,
научный сотрудник,
Институт славистики
Польской академии наук
Почтовый адрес: ул. Юлиана Бартошевича, 16/17,
Варшава, 00-337, Польша
Электронный адрес: d.pazio@ispan.waw.pl

Аннотация

Статья представляет собой обзор проекта, цель которого — исследование лексики, используемой в разговорном польском языке для характеристики ожирения и людей, страдающих ожирением. Новизной проекта является объективное изучение концепта *ОЖИРЕНИЕ*, попытка всестороннего исследования проблемы путем учета не только доминирующей в публичном дискурсе точки зрения худых, но также и взгляда людей с избыточным весом. Проблема ожирения социально актуальна, она вызывает эмоциональный отклик, так как значительный прогресс в понимании причин и последствий ожирения, который был достигнут медициной в последние 20 лет, не привел к изменению восприятия полноты в повседневном языке. Люди с лишним весом в сознании носителей польского языка нарушают закрепившееся в культуре чувство эстетики тела, воспринимаются как «чужие», «уродливые», «ленивые». О них говорят прежде всего стройные, которые задают условия дискурса, применяют к людям с избыточным весом символическое насилие и навязывают определенный способ вербализации проблемы ожирения. Проект предполагает изменить эту ситуацию путем исследования, в частности, текстов, авторами которых являются люди с избыточным весом. Предусматривается отбор лексем и метафор из лексикографических трудов, художественной литературы, публичного дискурса (периодики, телевизионных программ), а также интервью с людьми, страдающими ожирением. Итогом работы станет база данных лексических единиц, простых метафор и метафорических высказываний с указанием в каждом случае аксиологической пометы и аспектной характеристики, представленной в виде кода тематической категории. Теоретической базой проекта служат когнитивная теория метафоры Дж. Лакоффа, теория снятия метафор Б. Фатыги и П. Зелиньского, теория когнитивной дефиниции Е. Бартминьского и метод исследования индивидуального языка ценностей Я. Пузынины.

Ключевые слова

Польский язык, разговорная речь, ожирение, лексика, метафора, база данных

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2020 г.

Цитирование: Пазио-Влазловская Д. Концепт *ОЖИРЕНИЕ* в польском разговорном языке. Проект базы данных // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 182–196.

* Статья является представлением будущего исследовательского проекта.

OBESITY IN COLLOQUIAL POLISH. INVENTORY RESEARCH PROJECT

Dorota Pazio-Wlazłowska,

PhD, Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Polish Academy of Sciences
Postal address: Juliana Bartoszewicza ul., 1b/17,
Warsaw, 00-337 Poland
E-mail: d.pazio@ispan.waw.pl

Abstract

This article is an overview of a project that aims to study the way in which colloquial Polish is used to verbalise the state of being obese. The innovation of this project is the attempt to comprehensively study the problem by including both how being obese is evaluated from the perspective of slim people and the individual experience of people who are obese. Rather than speaking, the obese are usually spoken of (by slim people). There is a dominant group of slim people that draws up the conditions of discourse, enacts symbolic violence against obese people, and imposes a particular way of verbalising the state of being obese. This project is intended to overcome this dominance, aiming to not only study texts that are authored by slim people, but also give the floor to obese people, with the aim of objectivising the phenomenon. The problem of verbalising obesity is contemporaneous and emotionally biased. The significant progress in elucidating the causes and consequences of obesity that has taken place over the last two decades has not led to a change in the perception of obesity in colloquial language. In the common consciousness of Polish speakers, an obese person disturbs the culturally established sense of aesthetics of a human body. Obese people are perceived as alien, worse, uglier, lazy, less intelligent, and incongruous when compared with the ideal image of people who are healthy, lean, and successful. The project envisions excerpting lexemes and metaphors used to describe obesity from dictionaries, fiction, public discourse (periodicals, TV programmes), and interviews with obese people. The result of the work will be an inventory — a database with a specific template for describing a unit. An important part of each unit will be information on the axiological and semantic features of the lexemes and metaphors presented in the form of a thematic category code. The project is based on the cognitive theory of metaphor of G. Lakoff, the method of removal of metaphors from text of B. Fatyga and P. Zieliński, the theory of cognitive definition of J. Bartmiński, and the method of studying the personal language of values of J. Puzynina.

Keywords:

Polish, spoken language, obesity, vocabulary, metaphor, inventory

Received 15 September 2020.

How to cite: Pazio-Wlazłowska, D., 2020. Kontsept *OZHIRENIE* v pol'skom razgovornom iazyke. Proekt bazy dannykh [*OBESITY* in Colloquial Polish. Inventory Research Project]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 182–196.

Grubas, spaślak, pigi, pącz, pulpet, pasztet, słoń, kulka, puszysty, korpulentny, pulchny, o obfitych kształtach — эти номинации часто употребляются в разговорном польском языке для обозначения полных людей. Человек, страдающий ожирением, в сознании носителей польского языка нарушает закрепленное в культуре чувство эстетики тела¹. Быть стройным не просто модно, быть стройным — это ценность. Полные воспринимаются как чужие, уродливые, не соответствующие идеальному образу здоровых, привлекательных внешне, успешных людей². О людях с избыточным весом высказываются прежде всего худощавые, сами тучные редко берут слово. Именно доминирующая в обществе группа худых задает условия дискурса, применяет к полным символическое насилие, навязывает определенный способ вербализации проблемы ожирения. Настоящий проект предполагает изменение такого положения вещей путем исследования текстов и высказываний, авторами которых являются не только худые, но также те, кто страдает ожирением. Таким образом мы будем стремиться к объективному и всестороннему представлению проблемы.

Хотя ожирение было внесено Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в международный список заболеваний и проблем со здоровьем более 20 лет назад, немногие отдают себе отчет в том, что это сложная хроническая болезнь, вызываемая многими факторами, требующая помощи высококвалифицированных специалистов. Лечение ожирения на отдельных его этапах (избыточный вес, ожирение I и II степени, ожирение III степени, т. е. ожирение, близкое к критическому) требует применения различных видов терапии, адаптированных индивидуально для каждого пациента. Ожирение приводит более чем к 50 другим тяжелым заболеваниям, инвалидности, потере самостоятельности и, наконец, к смерти.

Оно связано не только — как часто считается — с перееданием, им болеют те, кто страдает инсулинорезистентностью, диабетом, гипотиреозом, астмой, депрессией, синдромом Дауна, Прадера — Вилли и т. д.

¹ Ср.: *Vigarellò G. Historia otyłości od średniowiecza do XX wieku. Warszawa: Wydawnictwo Aletheia, 2012.*

² См.: *Bykowska-Godłowska B. Nadwaga i otyłość jako czynniki wykluczenia społecznego // Zeszyty Naukowe WSiZiB w Krakowie — Socjologia. 2006. № 4. S. 140–149; Szanecka E., Krajewska-Siuda E., Klimek K., Małecha-Tendera E. Percepcja masy ciała w wieku rozwojowym w ocenie dziewcząt i ich matek // Endokrynologia, Otyłość i Zaburzenia Przemiany Materii. 2010. T. 6. № 3. S. 109–117; Szopa K. Monstrualne demonstracje: kulturowa reprezentacja otyłości // Transgresywne monstrum / red. D. Bastek, M. Fołta. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2013. S. 51–74; Pągowska E. Ludzie za dużo jedzą, bo są chorzy na otyłość // Wysokie Obcasy. 2017. 01.14. URL: <https://www.wysokieobcasy.pl/wysokie-obcasy/7,100961,21232291,ludzie-za-duzo-jedza-bo-sa-chorzy-na-otylosc.html?disableRedirects=true> (доступ: 12.09.2020); *Pehe V. Osoby otyłe niemal wszędzie spotykają się z dyskryminacją // Krytyka Polityczna. 2017.06.16. URL: https://krytykapolityczna.pl/nauka/dyskryminacja-otylosci/* (доступ: 12.09.2020).*

К сожалению, в повседневной жизни, в отличие от больных, страдающих другими заболеваниями, полные люди нередко подвергаются дискриминации, стигматизации, оскорблениям. Проблема вербализации ожирения актуальна, эмоционально насыщена, о чем свидетельствуют, в частности, плакаты «Jedz ostrożnie» («Ешь аккуратно»), «Żyjuj» («Жри»), которые появились на улицах польских городов в начале 2019 г.*

Низкой кажется социальная чувствительность к языковому насилию, применяемому к страдающим ожирением. Ярким примером дискриминации может послужить упомянутый плакат «Żyjuj», представленный в рамках 19 конкурса «Галерея плаката AMS» «Jedz ostrożnie». Сопоставление «żyj — żyj» («жри — живи») соотносит полных людей с животными и способом их кормления. По сути, плакат постулировал дегуманизацию полных людей.

Наш проект, который принадлежит к *fat studies*³, ограничивается лингвистической перспективой. Нас не интересует медиализация ожирения. Значительный прогресс в понимании его причин и последствий, который достигнут за последние 20 лет, получил свое отражение в профессиональной литературе⁴, но не повлиял на восприятие ожирения и людей с избыточным весом, закрепленное в повседневном языке. Языковой аспект в исследованиях ожирения лишь изредка затрагивается в работах польских ученых⁵.

* Плакаты получили награды в 2018 г. в 19-м конкурсе «Галерея плаката AMS» «Jedz ostrożnie» («Ешь аккуратно»). Оба плаката «Jedz ostrożnie» и «Żyjuj» («Жри») призывают к ограничению количества принимаемой пищи. Следует обратить внимание, что во втором лозунге обыгрывается сходство слов за счет перечеркнутой буквы ж: *żyj* (жри) и *żyj* (живи). Игра слов содержит ясное указание на то, что, чтобы жить, необходимо ограничить количество принимаемой пищи, т. е. нужно есть аккуратно, — это одновременно и лозунг, и название конкурса.

³ См.: *LeBesco K. Epistemologies of Fatness: The Political Contours of Embodiment in Fat Studies // Corpus / ed. by M.J. Casper, P. Currah. New York: Palgrave Macmillan, 2011. URL: https://doi.org/10.1057/97802301119536_6 (accessed: 12.09.2020).*

⁴ См., например: *Fichna P., Skowrońska B. Otyłość oraz zespół metaboliczny u dzieci i młodzieży // Family Medicine & Primary Care Review. 2008. № 10 (2). S. 269–278; Jung A. Otyłość — choroba cywilizacyjna // Pediatria i Medycyna Rodzinna. 2014. T. 10. № 3. S. 226–232. DOI 10.15557/PiMR.2014.0025; Juruć A., Bogdański P. Otyłość i co dalej? O psychologicznych konsekwencjach nadmiernej masy ciała // Forum Zaburzeń Metabolicznych. 2010. № 1 (4). S. 210–219; Kłosiewicz-Latoszek L. Otyłość jako problem społeczny, zdrowotny i leczniczy // Problemy Higieny i Epidemiologii. 2010. № 91 (3). S. 339–343.*

⁵ Ср., например: *Szopa K. Monstrualne demonstracje...; Roszak M. Grubość i chudość w polszczyźnie // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica. 2013. № 8. S. 265–275; ср. также работы, посвященные анализу концепта ТЕЛО: Kłosiewicz-Le-pianka M. Profile pojęcia ciało w dzisiejszej prasie kobiecej // Poradnik Językowy. 2004. № 7. S. 30–44; Krawczyk A. Ciało człowieka w świetle frazeologii gwarowej // Język a Kultura. Podstawowe pojęcia i problemy / red. J. Anusiewicz, J. Bartmiński. Wrocław: Wiedza o Kulturze, 1991. T. 1. S. 143–147; Sęhowska E. Językowy obraz ciała w prasie ostatnich lat // Polszczyzna w komunikowaniu publicznym. Prace poświęcone Profesor Halinie Satkiewicz z okazji jubileuszu Jej i Jej Zakładu / red. W. Gruszczyński, J. Bralczyk, G. Majkowska. Warszawa: Aspra, 1999. S. 69–77.*

Целью проекта является отбор, описание и классификация языковых средств, используемых в разговорной речи для характеристики людей с лишним весом. Его результатом будет электронная база данных лексем и метафор, которая в будущем может послужить основой для работ, связанных с концептом ОЖИРЕНИЕ в польском языке, и базой для сравнительных исследований*.

В ходе работы над проектом предполагается получить ответы на следующие вопросы:

1. Какая лексика встречается в разговорном польском языке для описания ожирения и людей с лишним весом?
2. Существует ли разница в лексических средствах, используемых для характеристики ожирения худыми и полными людьми?
3. Наблюдаются ли в разговорном польском языке эмоционально не окрашенные лексические единицы, служащие для характеристики ожирения и людей, которые им страдают?
4. Если да, то кем и при каких обстоятельствах они используются?
5. Какие метафорические модели / рамки служат характеристике ожирения?
6. Какой эмоциональной окраской обладают метафорические модели, описывающие ожирение и людей с избыточным весом?

* Стоит подчеркнуть, что проблематика ожирения является предметом множества исследований на материале русского, английского и других языков, см., например: *Вильданова Г.А.* Гендерная вежливость в английской языковой традиции (на примере эвфемизмов) // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена.* 2008. № 69. С. 49–52; *Жукова А.Г.* Выбериайте размерное решение в зависимости от ваших форматов (к вопросу о дискурсивной обусловленности эвфемии) // *И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Международная конференция (V Бодуэновские чтения): труды и материалы / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. Казань: Издательство Казанского университета, 2015. Т. 2. С. 110–112; Она же.* «Толстый человек» в рекламе: дискурсивные установки и языковые находки // *Медиалингвистика. Вып. 6. Язык в координатах массмедиа. / отв. ред. А.А. Мальшева. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2017. С. 294–295; Она же.* «Хорошего человека должно быть много»: образ адресата в российской рекламе одежды больших размеров // *Медиалингвистика.* 2018. Т. 5. № 4. С. 458–470. DOI: 10.21638/spbu22.2018.406; *Она же.* Эмпоронимы в «деликатных» сферах (на материале названий магазинов больших размеров) // *Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 6.* 2018. С. 203–209; *Иванкина Г.А.* Тематические группы эвфемистической лексики в американских рекламных текстах // *Вестник Московской международной академии.* 2013. № 1. С. 6–10; *Палажченко М.Ю.* О некоторых способах и особенностях перевода политкорректной лексики // *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода.* 2010. № 1. С. 103–113; *Соловьева Н.С.* Особенности использования эвфемизмов в русскоязычных фэшн-журналах // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2017. № 2–1 (68). С. 145–149; *Стой Минюань.* Эвфемизмы как средство создания комического в шутках КВН // *Вестник КГУ.* 2018. № 2. С. 267–270; *Lashova M., Kotikova K.* Differences and similarities in frequency and occurrence of certain euphemistic expressions related to obesity in different genres of the English-speaking written media and at different time periods // *Гуманитарные и юридические исследования.* 2019. № 2. С. 168–174.

7. Используются ли одни и те же метафорические модели худыми и полными людьми?
8. Каковы семантические доминанты образа тучного человека и образа ожирения в разговорной речи?
9. Какие синтагматические и парадигматические связи у концепта ОЖИРЕНИЕ?
10. Какое место занимает ожирение в польской аксиосфере? Можно ли говорить о его аксиологической маркированности?

Материал для анализа будет извлечен из четырех типов источников: словарей, художественной литературы, публичного дискурса и интервью.

ОТБОР ДАННЫХ ИЗ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Проект предусматривает отбор материала из толковых словарей польского языка, в частности из «Другого словаря польского языка» (польск. *Inny słownik języka polskiego*), ред. Мирослав Банько, «Универсального словаря польского языка Научного издательства PWN» (польск. *Uniwersalny słownik języka polskiego PWN*), ред. Станислав Дубиш, «Словаря польского языка» (польск. *Słownik języka polskiego*), ред. Эльжбета Соболев, «Практического словаря современного польского языка» (польск. *Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny*), ред. Халина Згулкова, «Большого словаря польского языка» (польск. *Wielki słownik języka polskiego*), ред. Петр Жмигроцкий, фразеологических словарей и словарей синонимов.

ОТБОР ДАННЫХ ИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Предполагается, что современная беллетристика (как польская, так и переводная) влияет на восприятие ожирения носителями языка, а языковые средства, в том числе неосемантизмы, используемые авторами для вербализации семантики ожирения, пополняют словарный запас поляков.

Планируется проанализировать произведения художественной литературы, опубликованные после 2010 г., где ожирением может страдать как главный герой (например: «Полная» (польск. *Gruba*) Наталии Рогиньской⁶; «Успех XXL размера» (польск. *Sukces w rozmiarze XXL*) Малгожаты Щесьняк⁷), так и второстепенные.

Существенным на этапе анализа материала, отобранного из художественной литературы, будет выявление авторской оценки лексемы или высказывания. Способствовать этому должно внимательное исследование контекстов.

⁶ Rogińska N. Gruba. Warszawa: Prószyński Media, 2010.

⁷ Szczęśniak M. Sukces w rozmiarze XXL. Warszawa: Instytut Wydawniczy Latarnik, 2013.

ОТБОР ДАННЫХ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА

В качестве источника будут использованы публицистика, телепрограммы, плакаты, рекламные надписи. Анализ будут подвергнуты тексты из общедоступной (не специализированной) периодики, например *Newsweek*, *Polityka*, *Wysokie Obcasy* (польск. «Политика», «Высокие каблук»), *Gazeta Wyborcza* (польск. «Газета Выборча»).

Материал будет отобран из телепрограмм (как польских, так и переведенных на польский язык), транслируемых на общедоступных телеканалах, например: «Истории большого веса» (польск. *Historie wielkiej wagi*), «Слишком большая невеста» (польск. *Panna młoda ponad miarę*), «Килограммы лишней кожи» (польск. *Kilogramy zbędnej skóry*), «Любовь в тяжелом весе» (польск. *Miłość wagi ciężkiej*).

Исследованы будут и рекламные надписи, в частности названия магазинов одежды для полных людей, например «Одежда для пышных» (польск. *Odzież dla puszystych*). Предусматривается использование названий культурных мероприятий, непосредственно относящихся к восприятию ожирения, ср., например: спектакль «Толстяки» (польск. *Grubasy*), который был поставлен в Театральном институте в Варшаве, плакаты 19-го конкурса «Галерея плаката AMS» «Ешь аккуратно» (польск. *Jedz ostrożnie*).

ИНТЕРВЬЮ

Предполагается провести около 30 интервью со взрослыми женщинами и мужчинами, страдающими ожирением, с индексом массы тела (ИМТ)* более 30, из разных возрастных групп и с разным социальным статусом. Из интервью будут отобраны отдельные лексемы и целые предложения, служащие описанию ожирения. Отобранный материал будет снабжен информацией о респондентах: пол, возраст, место жительства (деревня, не большой город, мегаполис), образование, профессия, значение ИМТ.

Проект предусматривает проведение интервью в трех городах: в центральной Польше — в Варшаве, в западной части страны — в Познани и на востоке — в Люблине. Это позволит учесть в исследованиях не только «столичное» восприятие ожирения, что важно, поскольку на отношении к полным людям в столице может сказываться специфика мегаполиса, стремящегося к стандартам красоты шоу-бизнеса. Необходимо заметить, что указанные города являются крупными университетскими центрами, в которых проживает и обучается молодежь со всей страны, что даст возможность учесть в исследовании также опыт жителей маленьких городков и деревень.

В ходе работы будет использована методология тематического повествовательного интервью, в котором особый акцент будет поставлен на инте-

* ИМТ — величина, указывающая на степень соответствия веса и роста, служащая для оценки массы тела как недостаточной, нормальной или избыточной.

ресующих нас фрагментах жизни субъекта, непосредственно относящихся к его восприятию ожирения. Применение качественного метода сбора материала кажется рациональным и оправданным, потому что именно в этом случае, как замечают Ян Влодарек и Марек Зюлковский, уделяется внимание субъективной позиции респондентов, воспринимаемой как необходимая отправная точка для построения теоретических обобщений⁸.

Применение метода повествовательного интервью способствует изучению индивидуального восприятия ожирения, что особенно значимо для исследования столь щекотливой темы опыта собственного тела. Интервью позволит получить информацию о том, как субъекты оценивают конкретные события, межличностные отношения и способы борьбы с ожирением. Эти данные особенно важны, поскольку, как верно замечают Паулина Беднаж-Лучевская и Михал Лучевский, «человеческие биографии, в отличие от статистических данных и сопоставлений, пробуждают эмоции и обладают способностью не только описывать, но и влиять на реальность, обращаясь к совести. Биографические исследования <...> дают слово маргинализированым, бедным, дискриминированным, тем, кого мы обычно не слышим»⁹.

Интервью имеют основополагающее значение для проекта, поскольку предоставляют возможность рассмотреть ожирение с точки зрения индивидуального опыта. Маргинализация высказываний полных людей в общественном дискурсе неизбежно приводит к одностороннему описанию ситуации, пренебрежению важной проблемой самоидентификации людей с лишним весом. Данный проект стремится, как уже упоминалось, к объективному освещению проблемы.

В ходе отбора и анализа материала предусматривается составление предметного указателя аспектов восприятия¹⁰ ожирения. Новые категории будут добавляться к указателю по мере продвижения работы и увеличения знаний исследователей. Указатель будет пополняться в результате многократного внимательного чтения собранного материала с акцентом на повторяемость определенных тематических категорий и их взаимосвязь. Каждая категория указателя будет снабжена подробной информацией о содержимом. Возможна модификация указателя до завершения отбора материала.

Собранный материал — отдельные словоформы, выражения и целые предложения — послужит основой для составления базы данных. В состав типичной статьи войдут следующие элементы: символ категории указателя;

⁸ Metoda biograficzna w socjologii / red. J. Włodarek, M. Ziółkowski. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Oddział, 1990. S. 3.

⁹ Bednarz-Luczevska P., Luczewski M. Podejście biograficzne // Badania jakościowe. Metody i narzędzia / red. D. Jemielniak. T. 2. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2012. S. 102-103. Пер. с польского автора статьи.

¹⁰ См.: Szczepaniak K. Zastosowanie analizy treści w badaniach artykułów prasowych — refleksje metodologiczne // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Sociologica. 2012. № 42. S. 83-112.

лексикографическая дефиниция, извлеченная из толкового словаря (словарей); пометы, указывающие в толковых словарях на сферу применения данной лексической единицы (если есть); фразеологизмы; синонимы; примеры употребления; выходные данные лексикографических источников, из которых была почерпнута информация; примеры употребления из художественной литературы и / или периодики; вытекающая из контекста эмоциональная окраска (оценка) единицы описания; информация об авторе высказывания — персонаж (худой / полный) или рассказчик; выходные данные источника; примеры употребления единицы из интервью; эмоциональная окраска (оценка) единицы описания, которой наделяет ее респондент; информация о респонденте (пол, возраст, место проживания, образование, профессия).

Теоретической базой проекта служат когнитивная теория метафоры Джорджа Лакоффа¹¹, теория снятия метафор Барбары Фатыги и Пшемислава Зелиньского¹², теория когнитивной дефиниции Ежи Бартмиńskiego¹³ и метод исследования индивидуального языка ценностей Ядвиги Пузынины¹⁴.

Материал будет проанализирован согласно методологии люблинской этнолингвистической школы, в частности, будут выделены аспекты восприятия ОЖИРЕНИЯ: 1) физический, 2) функциональный / социальный, 3) эстетический, 4) медицинский, 5) психологический. Особое внимание будет уделено аксиологизации материала, которая проявляется как в лексикографических дефинициях и употребляемых пометах, так и в контекстах.

Кроме того, метафоры, отобранные из художественной литературы, публицистики и интервью, будут проанализированы в соответствии с методологией Б. Фатыги и П. Зелиньского. Необходимо подчеркнуть, что метафоры играют ключевую роль в мышлении, определенным образом упорядочивая и структурируя восприятие действительности, в том числе и явлений, связанных с ожирением. В зависимости от используемой метафорической рамки в сознании человека активизируется не только определенный набор культурных ценностей, но и определенные интерпретации. Поэтому в ходе работы мы будем пользоваться понятием метафорической рамки, которое облегчит как разработку списка метафор, так и их типологию. Метафоры будут рассматриваться на двух уровнях: простых метафорических выражений, например: *paczek* «пончик», *betoniara* «бетономешалка», *pyza* «галушка» и метафорических предложений, например: *Calineczką pani nie jest* (польск. «Вы не Дюймовочка»).

¹¹ Lakoff G., Johnson M. *Metafory w naszym życiu*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1988.

¹² Fatyga B., Zieliński P. *Tempus fugit. Analiza metafor czasu — propozycja metodologiczna // Przegląd Socjologii Jakościowej*. 2006. Т. 2. № 1. S. 4–32.

¹³ Bartmiński J. *Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji // Bartmiński J. Językowe podstawy obrazu świata*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2007. S. 42–51.

¹⁴ Puzyńska J. *Język wartości*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992.

На первом этапе работы будет составлен список простых метафорических выражений (отдельных словоформ), являющихся наиболее популярными и типичными метафорами, характеризующими ожирение в польском языке. Затем будут выделены более крупные единицы (предложения). Метод снятия отдельных слоев метафор позволит восстановить структуру, называемую Б. Фатыгой и П. Зелиньским «пирамидой метафор», которая в своей основе имеет метафорические фразы, наиболее широко используемые в разговорной речи, а на следующих этажах — применяемые лишь изредка. В ходе анализа как простые метафоры, так и метафорические предложения будут охарактеризованы в соответствии с оценкой, которую им дает респондент. С этой целью отобранный материал будет квалифицироваться как оценочные высказывания, т. е. высказывания, в которых респондент выражает свою оценку, констатирует, что хорошо и что плохо¹⁵.

Стоит подчеркнуть, что анализу подвергнутся не только высказывания, в которых оценка прямо выражается с помощью оценочных слов, но и те, в которых для оценки используются слова с оценочным компонентом (например: *piękny* «прекрасный», *światny* «превосходный»). Кроме того, рассматриваться будут высказывания, в которых оценка выражается с помощью слов, приобретающих оценочное значение лишь в силу определенных ассоциаций. Наконец, будут проанализированы случаи выражения оценки не в самой речи, а при нарушении определенных правил языкового поведения. «Оценки в этом случае являются выводами, которые могут, хотя не обязательно, извлекаться из определенного высказывания. В том, способен ли собеседник сделать эти выводы, играет роль множество факторов, в частности его знания о мире и способах использования языка»¹⁶.

Результатом проведенного исследования, как уже говорилось, станет создание базы данных лексических единиц, простых метафор и метафорических высказываний, служащих для характеристики ожирения. База данных может стать основой для дальнейших подробных исследований, в частности для анализа лексики, используемой худыми людьми и людьми с избыточным весом для характеристики ожирения; для изучения простых метафор, встречающихся в общественном дискурсе об ожирении; языковых средств, служащих социальной стигматизации полных людей; слов-ключей, которые обнаруживаются в метафорических высказываниях об ожирении.

Представленный проект обогатит исследования не только в области синхронной лингвистики, но и межличностной коммуникации, так как база данных, являющаяся его итоговым результатом, будет способствовать углублению знаний о языковом насилии по отношению к людям, страдающим ожирением, и тем самым поможет противодействовать их социальной изоляции.

¹⁵ *Pawelec R. O metodach badania osobniczego języka wartości (na materiale pism Norwida) // Język a Kultura. Wartości w języku i tekście / red. J. Puzynina, J. Anusiewicz. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, 1991. T. 3. S. 105.*

¹⁶ *Ibid. S. 107.*

Литература

- Вильданова Г.А. Гендерная вежливость в английской языковой традиции (на примере эвфемизмов) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 69. С. 49–52.
- Жукова А.Г. Выбирайте размерное решение в зависимости от ваших форматов (к вопросу о дискурсивной обусловленности эвфемии) // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Международная конференция (V Бодуэновские чтения): труды и материалы / под общ. ред. К.Р. Галиуллиной, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. Казань: Издательство Казанского университета, 2015. Т. 2. С. 110–112.
- Жукова А.Г. «Толстый человек» в рекламе: дискурсивные установки и языковые находки // Медиалингвистика. Вып. 6: Язык в координатах массмедиа. Материалы II Международной научно-практической конференции (2–6 июля 2017 г., Санкт-Петербург, Россия) / отв. ред. А.А. Малышев. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2017. С. 294–295.
- Жукова А.Г. «Хорошего человека должно быть много»: образ адресата в российской рекламе одежды больших размеров // Медиалингвистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 458–470. DOI: 10.21638/spbu22.2018.406.
- Жукова А.Г. Эмпоронимы в «деликатных» сферах (на материале названий магазинов больших размеров) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 6. Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 октября 2018 г.). СПб.: РОПРЯЛ, 2018. С. 203–209.
- Иванкина Г.А. Тематические группы эвфемистической лексики в американских рекламных текстах // Вестник Московской международной академии. 2013. № 1. С. 6–10.
- Палажченко М.Ю. О некоторых способах и особенностях перевода политкорректной лексики // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2010. № 1. С. 103–113.
- Соловьева Н.С. Особенности использования эвфемизмов в русскоязычных фэшн-журналах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2–1 (68). С. 145–149.
- Сюй Минюань. Эвфемизмы как средство создания комического в шутках КВН // Вестник КГУ. 2018. № 2. С. 267–270.
- Bartmiński J. Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji // Bartmiński J. Językowe podstawy obrazu świata. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2007. S. 42–51.
- Bednarz-Łuczewska P., Łuczewski M. Podejście biograficzne // Badania jakościowe. Metody i narzędzia / red. D. Jemielniak. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2012. T. 2. S. 91–109.
- Bykowska-Godłewska B. Nadwaga i otyłość jako czynniki wykluczenia społecznego // Zeszyty Naukowe WSZiB w Krakowie — Socjologia. 2006. № 4. S. 140–149.
- Fatyga B., Zieliński P. Tempus fugit. Analiza metafor czasu — propozycja metodologiczna // Przegląd Socjologii Jakościowej. 2006. T. 2. № 1. S. 4–32.
- Fichna P., Skowrońska B. Otyłość oraz zespół metaboliczny u dzieci i młodzieży // Family Medicine & Primary Care Review. 2008. № 10 (2). S. 269–278.

- Jung A.* Otyłość — choroba cywilizacyjna // *Pediatrics i Medycyna Rodzinna*. 2014. T. 10. № 3. S. 226–232. DOI 10.15557/PiMR.2014.0025.
- Juruć A., Bogdański P.* Otyłość i co dalej? O psychologicznych konsekwencjach nadmiernej masy ciała // *Forum Zaburzeń Metabolicznych*. 2010. № 1 (4). S. 210–219.
- Kłosiewicz-Latoszek L.* Otyłość jako problem społeczny, zdrowotny i leczniczy // *Problemy Higieny i Epidemiologii*. 2010. № 91 (3). S. 339–343.
- Kłosiewicz-Lepianka M.* Profile pojęcia ciała w dzisiejszej prasie kobiecej // *Poradnik Językowy*. 2004. № 7. S. 30–44.
- Krawczyk A.* Ciało człowieka w świetle frazeologii gwarowej // *Język a Kultura*. Podstawowe pojęcia i problemy / red. J. Anusiewicz, J. Bartmiński. Wrocław: Wiedza o Kulturze, 1991. T. 1. S. 143–147.
- Lakoff G., Johnson M.* *Metafory w naszym życiu*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1988.
- Laskova M., Kotikova K.* Differences and similarities in frequency and occurrence of certain euphemistic expressions related to obesity in different genres of the English-speaking written media and at different time periods // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2019. № 2. С. 168–174.
- LeBesco K.* Epistemologies of Fatness: The Political Contours of Embodiment in Fat Studies // *Corpus* / ed. by M.J. Casper, P. Currah. New York: Palgrave Macmillan. 2011. URL: https://doi.org/10.1057/9780230119536_6 (accessed: 12.09.2020).
- Metoda biograficzna w socjologii / red. J. Włodarek, M. Ziółkowski. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Oddział, 1990.
- Pawelec R.* O metodach badania osobniczego języka wartości (na materiale pism Norwida) // *Język a Kultura*. Wartości w języku i tekście / red. J. Puzynina, J. Anusiewicz. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, 1991. T. 3. S. 103–117.
- Pągowska E.* Ludzie za dużo jedzą, bo są chorzy na otyłość // *Wysokie Obcasy*. 2017.01.14. URL: <https://www.wysokieobcasy.pl/wysokie-obcasy/7,100961,21232291,ludzie-za-duzo-jedza-bo-sa-chorzy-na-otylosc.html?disableRedirects=true> (dostęp: 12.09.2020).
- Pehe V.* Osoby otyłe niemal wszędzie spotykają się z dyskryminacją // *Krytyka Polityczna*. 2017.06.16. URL: <https://krytykapolityczna.pl/nauka/dyskryminacja-otylosci/> (dostęp: 12.09.2020).
- Puzynina J.* *Język wartości*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992.
- Rozsak M.* Grubość i chudość w polszczyźnie // *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica*. 2013. № 8. S. 265–275.
- Sękowska E.* Językowy obraz ciała w prasie ostatnich lat // *Polszczyzna w komunikowaniu publicznym. Prace poświęcone Profesor Halinie Satkiewicz z okazji jubileuszu Jej i Jej Zakładu* / red. W. Gruszczyński, J. Bralczyk, G. Majkowska. Warszawa: Aspra, 1999. S. 69–77.
- Szanecka E., Krajewska-Siuda E., Klimek K., Malecka-Tendera E.* Percepcja masy ciała w wieku rozwojowym w ocenie dziewcząt i ich matek // *Endokrynologia, Otyłość i Zaburzenia Przemiany Materii*. 2010. T. 6. № 3. S. 109–117.
- Szczepaniak K.* Zastosowanie analizy treści w badaniach artykułów prasowych — refleksje metodologiczne // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Sociologica*. 2012. № 42. S. 83–112.

- Szopa K. Monstrualne demonstracje: kulturowa reprezentacja otyłości // Transgresywne monstrum / red. D. Bastek, M. Fołta. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2013. S. 51–74.
- Vigarello G. Historia otyłości od średniowiecza do XX wieku. Warszawa: Wydawnictwo Aletheia, 2012.

References

- Bartmiński, J., 2007. Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji. In: Bartmiński, J., 2007. *Językowe podstawy obrazu świata*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, pp. 42–51.
- Bednarz-Łuczewska, P., Łuczewski, M., 2012. Podejście biograficzne. In: Jemielniak, D., ed., 2012. *Badania jakościowe. Metody i narzędzia*. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN, vol. 2, pp. 91–109.
- Bykowska-Godlewska, B., 2006. Nadwaga i otyłość jako czynniki wykluczenia społecznego. *Zeszyty Naukowe WSZiB w Krakowie — Socjologia*, 4, pp. 140–149.
- Fatyga, B., Zieliński, P., 2006. Tempus fugit. Analiza metafor czasu — propozycja metodologiczna. *Przegląd Socjologii Jakościowej*, 2 (1), pp. 4–32.
- Fichna, P., Skowrońska, B., 2008. Otyłość oraz zespół metaboliczny u dzieci i młodzieży. *Family Medicine & Primary Care Review*, 10 (2), pp. 269–278.
- Ivankina, G.A., 2013. Tematicheskie grupy evfemisticheskoi leksiki v amerikanskikh reklamnykh tekstakh [Thematic groups of euphemisms in American advertising texts]. *Vestnik Moskovskoi mezhdunarodnoi akademii*, 1, pp. 6–10.
- Jung, A., 2014. Otyłość — choroba cywilizacyjna. *Pediatrics i Medycyna Rodzinna*, 10 (3), pp. 226–232. DOI 10.15557/PiMR.2014.0025.
- Juruć, A., Bogdański, P., 2010. Otyłość i co dalej? O psychologicznych konsekwencjach nadmiernej masy ciała. *Forum Zaburzeń Metabolicznych*, 1 (4), pp. 210–219.
- Kłosiewicz-Latoszek, L., 2010. Otyłość jako problem społeczny, zdrowotny i leczniczy. *Problemy Higieny i Epidemiologii*, 91 (3), pp. 339–343.
- Kłosiewicz-Lepianka, M., 2004. Profile pojęcia ciała w dzisiejszej prasie kobiecej. *Poradnik Językowy*, 7, pp. 30–44.
- Krawczyk, A., 1991. Ciało człowieka w świetle frazeologii gwarowej. In: Anusiewicz, J., Bartmiński, J., eds, 1991. *Język a Kultura*, 1, *Podstawowe pojęcia i problemy*. Wrocław: Wiedza o Kulturze, pp. 143–147.
- Lakoff, G., Johnson, M., 1988. *Metafory w naszym życiu*. Warsaw: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Laskova, M., Kotikova, K., 2019. Differences and similarities in frequency and occurrence of certain euphemistic expressions related to obesity in different genres of the English-speaking written media and at different time periods. *Gumanitarnye i iridicheskie issledovaniia*, 2, pp. 168–174.
- LeBesco, K., 2011. Epistemologies of fatness: The political contours of embodiment in fat studies. In: Casper, M.J., Currah, P., eds, 2011. *Corpus*. New York: Palgrave Macmillan. URL: https://doi.org/10.1057/9780230119536_6 (accessed: 12.09.2020).
- Palazhchenko, M.Iu., 2010. O nekotorykh sposobakh i osobennostiakh perevoda politkorrektnoi leksiki [On certain ways of translating politically correct lexemes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 22. Teoriia perevoda*, 1, pp. 103–113.

- Pawelec, R., 1991. O metodach badania osobniczego języka wartości (na materiale pism Norwida). In: Puzynina, J., Anusiewicz, J., eds, 1991. *Język a Kultura*, 3, *Wartości w języku i tekście*. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, pp. 103–117.
- Pağowska, E., 2017. Ludzie za dużo jedzą, bo są chorzy na otyłość. *Wysokie Obcasy*. 2017.01.14. URL: <https://www.wysokieobcasy.pl/wysokie-obcasy/7,100961,21232291,ludzie-za-duzo-jedza-bo-sa-chorzy-na-otylosc.html?disableRedirects=true> (accessed: 12.09.2020).
- Pehe, V., 2017. Osoby otyłe niemal wszędzie spotykają się z dyskryminacją. *Krytyka Polityczna*. 2017.06.16. URL: <https://krytykapolityczna.pl/nauka/dyskryminacja-otylosci/> (accessed: 12.09.2020).
- Puzynina, J., 1992. *Język wartości*. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Roszak, M., 2013. Grubość i chudość w polszczyźnie. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica*, 8, pp. 265–275.
- Sękowska, E., 1999. Językowy obraz ciała w prasie ostatnich lat. In: Gruszczyński, W., Bralczyk, J., Majkowska, G., eds, 1999. *Polszczyzna w komunikowaniu publicznym. Prace poświęcone Profesor Halinie Satkiewicz z okazji jubileuszu Jej i Jej Zakładu*. Warsaw: Aspra, pp. 69–77.
- Siui Miniuan', 2018. Evfemizmy kak sredstvo sozdaniia komicheskogo v shutkakh KVN [Euphemisms as a means of creating the comic in KVN jokes]. *Vestnik KGU*, 2, pp. 267–270.
- Solov'eva, N.S., 2017. Osobennosti ispol'zovaniia evfemizmov v russkoiazychnykh feshn-zhurnalakh [Specifics of euphemism usage in the Russian fashion magazines]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2–1 (68), pp. 145–149.
- Szanecka, E., Krajewska-Siuda, E., Klimek, K., Małecka-Tendera, E., 2010. Percepcja masy ciała w wieku rozwojowym w ocenie dziewcząt i ich matek. *Endokrynologia, Otyłość i Zaburzenia Przemiany Materii*, 6 (3), pp. 109–117.
- Szczepaniak, K., 2012. Zastosowanie analizy treści w badaniach artykułów prasowych — refleksje metodologiczne. *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Sociologica*, 42, pp. 83–112.
- Szopa, K., 2013. Monstrualne demonstracje: kulturowa reprezentacja otyłości. In: Bąstek, D., Fołta, M., eds, 2013. *Transgresywne monstrum*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, pp. 51–74.
- Vigarello, G., 2012. *Historia otyłości od średniowiecza do XX wieku*. Warsaw: Wydawnictwo Aletheia.
- Vil'danova, G.A., 2008. Gendernaia vezhливost' v angliiskoi iazykovoi traditsii (na primere evfemizmov) [Gender politeness in the English language tradition (using euphemisms as an example)]. *Izvestiia RGPU im. A.I. Gertsena*, 69, pp. 49–52.
- Włodarek, J., Ziółkowski, M., 1990. *Metoda biograficzna w socjologii*. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Oddział.
- Zhukova, A.G., 2015. Vybiraite razmernoe reshenie v zavisimosti ot vashikh formatov (k voprosu o diskursivnoi obuslovlennosti evfemii) [Choose the size solution depending on your formats (to the question of the discursive conditionality of euphemism)]. In: Galiullin, K.R., Gorobets, E.A., Nikolaev, G.A., eds, 2015. *I.A. Boduen de Kurtene i mirovaia lingvistika. Mezhdunarodnaia konferentsiia (V Boduenovskie chteniia): trudy i materialy* [J. Baudouin de Courtenay and worldwide linguistics. International conference (V Baudouin readings): Proceedings]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2, pp. 110–112.

- Zhukova, A.G., 2017. “Tolstyĭ chelovek” v reklame: diskursivnye ustanovki i iazykovye nakhodki [“Fat person” in advertising: discourse settings and language findings]. In: Malyshev, A.A., ed., 2017. *Medialingvistika* [Media linguistics]. Saint Petersburg: S.-Peterb. gos. un-t, In-t “Vyssh. shk. zhurn. i mas. kommunikatsii”. Issue 6: *Iazyk v koordinatakh massmedia. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 2–6 iulia 2017 g. Sankt-Peterburg, Rossiia* [Language in the coordinates of mass media. Materials of the II International scientific conference, July 2–6, 2017, Saint Petersburg, Russia], pp. 294–295.
- Zhukova, A.G., 2018. “Khoroshego cheloveka dolzhno byt’ mnogo”: obraz adresata v rossiiskoi reklame odezhdy bol’shikh razmerov [“More of a good person to love”: the image of the addressee in Russian plus sizes clothes advertising]. *Medialingvistika* [Media linguistics], 5 (4), pp. 458–470. DOI: 10.21638/spbu22.2018.406.
- Zhukova, A.G., 2018. Emporonimy v “delikatnykh” sferakh (na materiale nazvanii magazinov bol’shikh razmerov) [Emporonims in “sensitive” spheres: on the material of big size clothes’ shop names]. *Dinamika iazykovykh i kul’turnykh protsessov v sovremennoi Rossii*, 6, pp. 203–209.

**«ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ» ИЛИ НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ
ХОРВАТСКО-ИТАЛЬЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ?
РЕЦЕНЗИЯ НА РАБОТУ ФИЛИПА ШКИЛЯНА
«ИТАЛЬЯНЦЫ В ЗАГРЕБЕ»**

**[ŠKILJAN F. TALIJANI U ZAGREBU.
ZAGREB: ZAJEDNICA TALIJANA U ZAGREBU, 2015. 95, 101 S.]***

**Александр Александрович
Пивоваренко –**

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: aleksandar.a@ya.ru

Аннотация

Рецензия посвящена монографии Филипа Шкиляна, научного сотрудника Института миграций и этнических исследований в Загребе, в сферу интересов которого входит положение этнических меньшинств в Хорватии. Представляемая книга является скрупулезным исследованием истории возникновения и развития итальянской диаспоры в Загребе с XII в. до настоящего времени. Значительную часть работы занимают результаты полевых исследований автора — в частности, интервью с различными представителями итальянской диаспоры. В работе дана полная картина итальянского присутствия в Загребе в широкой исторической перспективе, что причисляет ее к исследованиям, вносящим большой вклад в изучение вопроса о положении итальянского меньшинства в Хорватии в целом. Следует подчеркнуть, что работа не лишена различных спорных моментов, лежащих в теоретической и методологической плоскостях. В связи с этим крайне любопытным представляется рассмотрение раздела, посвященного периоду Средневековья, а также подходов, использовавшихся автором при реконструкции и характеристике данного периода. Показательны и оценки, касающиеся османского завоевания Балканского полуострова: по мнению автора, приход Османской империи на Балканы привел к разрыву Хорватии с итальянским и, следовательно, европейским пространством, что имело долгосрочные последствия для ориентированной на запад хорватской нации. Таким образом, из книги Ф. Шкиляна мы можем почерпнуть ценные сведения, касающиеся исторической и национальной психологии.

Ключевые слова

Италия, Хорватия, Загреб, диаспора, национальные меньшинства, Нада Клаич

Статья поступила в редакцию 25 сентября 2020 г.

Цитирование: Пивоваренко А.А. «Локальная история» или новые горизонты хорватско-итальянских отношений? Рецензия на работу Филипа Шкиляна «Итальянцы в Загребе» [Škiljan F. Talijani u Zagrebu. Zagreb: Zajednica Talijana u Zagrebu, 2015. 95, 101 s.] // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 197–206.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ по проекту 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

**LOCAL HISTORY OR NEW DIMENSIONS
IN CROATIAN-ITALIAN RELATIONS?
A REVIEW OF A BOOK BY F. ŠKILJAN
“ITALIANS IN ZAGREB”**

[ŠKILJAN F. TALIJANI U ZAGREBU.

ZAGREB: ZAJEDNICA TALIJANA U ZAGREBU, 2015. 95, 101 S.]

Alexander A.I. Pivovarenko,

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: aleksandar.a.p@ya.ru

Abstract

This review is dedicated to the monograph by Filip Škiljan, a researcher from the Institute for Migration and Ethnic Studies (Zagreb), whose area of interest includes the position of ethnic minorities in contemporary Croatia. The book is an extremely detailed and scrupulous piece of research on the origins and history of the Italian community in Zagreb from the 12th Century to the present day. A significant part of the work is devoted to the results of field research conducted by the author, including interviews with different representatives of the Italian diaspora. As a result, this work creates a very comprehensive picture of the Italian presence in Zagreb with a broad historical perspective, which makes it a great contribution to the question of the position of the Italian minority in Croatia as a whole. It is worth emphasizing that this work is not free from different theoretical and methodological limitations which reveal a great deal about the historical and national psychology of Croatia. In this respect, it is quite interesting to look in particular at the chapter devoted to the Middle Ages regarding the methods, evaluations, and approaches used by author. According to F. Škiljan the Ottoman conquest of the Balkan peninsula led to the divide between Croatia and the Italian (and, consequently, European) civilizational space, which had a serious impact on Croatian identity.

Keywords

Italy, Croatia, Zagreb, Diaspora, Ethnic minorities, Nada Klaić

Received 25 September 2020.

How to cite: Pivovarenko, A.A.I. “Lokal’naia istoriia” ili novye gorizonty khorvatsko-ital’ianskikh odnoshenii? Retseziia na rabotu Filipa Shkiliana “Ital’ianty v Zagrebe” [Škiljan F. Talijani u Zagrebu. Zagreb: Zajednica Talijana u Zagrebu, 2015. 95, 101 s.] [Local History or New Dimensions in Croatian-Italian Relations? A Review of a Book by F. Škiljan “Italians in Zagreb” [Škiljan F. Talijani u Zagrebu. Zagreb: Zajednica Talijana u Zagrebu, 2015. 95, 101 s.]]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 197–206.

Пресыщенность исторической литературы по Балканам традиционными сюжетами, к которым можно отнести становление национального самосознания у южных славян, события «долгого» XX века, включая распад Югославии, особенности политической трансформации стран региона после 1991 г., вынуждает исследователей обращаться к всё новым темам для расширения горизонтов своих исследований. Последнее представляется необходимым, поскольку сам факт существования на сегодняшний день на Балканах не менее десяти государственных единиц, каждая из которых имеет собственную, весьма насыщенную проблематику, говорит о том, что пределы научного поиска далеко не исчерпаны.

Ряд интересных сюжетов этнополитического и регионального свойства дает проблематика современной Хорватии. Не последнее место занимает вопрос положения национальных меньшинств и региональных движений — в том числе итальянского (романизованного) этнического меньшинства в Хорватии и Словении, другой гранью которого является положение славянского населения на территории Италии и Австрии. Хотя на общепалканском фоне данный сюжет представляется частным, его изучение необходимо для понимания процессов, развивающихся в районе итальянского Триеста, хорватской и словенской Истрии и на побережье Далмации, где славянская и романская культуры соприкасаются как в рамках ежедневных контактов, так и в рамках политического соседства¹.

В 2012 г. Ф. Шкилян в составе группы авторов принял участие в подготовке любопытного научного труда, посвященного итальянскому населению в хорватских областях Славонии и Мославине — в районе села Цигленица. Хотя исследование носит преимущественно этнографически-краеведческий характер и создано на материале опроса респондентов — простых сельских жителей, за невинными фольклорными мотивами просматриваются и конкретные историко-политические основания. «Наконец, уважаемый читатель, при прочтении воспоминаний этих славных людей, чьи предки пришли в Мославию сто лет назад, не имея ничего за душой, вы поймете, что они тоже являются частью нашего народа и что Хорватия — их вторая родина, за которую они многое отдали в ходе обеих войн — Второй мировой войны и Отечественной войны»*, — отмечают составители во введении к работе 2012 г.² За этой фразой скрываются многие историко-идеологические мотивы трудов авторского коллектива.

¹ См. например: *Мартынова М.Ю.* Модель Триеста и население итальяно-славянского пограничья // Европа меньшинств — меньшинства в Европе. Этнокультурные, религиозные и языковые группы / отв. ред. Кабицкий М.Е., Мартынова М.Ю. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 146–174; *Kanižaj I.* Predstavljenost nacionalnih manjina u hrvatskim dnevnim novinama — komparativni pregled 2001–2003 // *Politička misao. Croatian political science review*. 2004. Vol. 41. № 2. S. 30–46.

* Речь идет о вооруженном конфликте 1991–1995 гг. в Хорватии, который в национальной хорватской историографии именуется Отечественной войной (хорв. *Domovinski Rat*).

² *Pasanac I., Škiljan F., Peternel L., Del Ponte Z., Del Ponte J. et al.* Talijani u Ciglenici. Zagreb: Športski kuglački klub Ciglenica, 2012. S. 5.

В монографии «Итальянцы в Загребе»³ рассуждениям об актуальности темы не уделяется большого внимания. Но можно смело предполагать, что аспекты, выделенные Ф. Шкиляном в 2012 г., сохраняют значение и для исследования 2015 г. Следует также отметить, что в мае 2018 г. состоялась презентация книги Ф. Шкиляна, которая прошла в Риме в здании посольства Хорватии в Италии⁴. Иными словами, появление научных исследований, даже весьма специализированных, активно используется для укрепления политико-гуманитарных связей между Хорватией и Италией.

Методику работы Ф. Шкиляна с эмпирическими данными мы можем охарактеризовать как сочетание описательного метода и метода конструктивизма (в смысле «просеивания» уже имеющихся достижений национальной хорватской историографии на предмет выявления сюжетов, связанных с итальянским влиянием в Загребе). В итоге мы имеем предельно индивидуализированные описательные сюжеты с обобщениями, сделанными на базовом уровне.

В первой части работы автор стремится воссоздать картину итальянского присутствия в столице Хорватии на протяжении всего рассматриваемого периода, максимально детализируя известные ему сюжеты. К решению этой задачи он подходит старательно и скрупулезно. Отсчет истории итальянского присутствия ведется Ф. Шкиляном с конца XII в., когда в реестровых записях подданных архиепископии г. Градец (средневековое название Загреба) в одном ряду со славянами и уграми (мадьярами) были упомянуты латиняне. Но более осязаемой точкой отсчета становится 1242 год, когда после получения автономии в район Градца стали прибывать переселенцы «из районов современных Германии, Австрии, Франции и Италии» (s. 1). Этот и другие тезисы о вовлеченности района Загреба в европейскую экономику и политику имеют целью показать, что Хорватия неотделима от европейского пространства.

Приводимые Ф. Шкиляном факты призваны свидетельствовать о серьезном влиянии на Хорватию ее итальянских соседей, прежде всего Венеции и Флоренции. Автор отмечает, что в 1266 г. градоначальником Градца стал некий «венецианский торговец» Перин. Впервые в документах он появляется еще в 1256 г., причем сразу в нескольких ипостасях: сначала как капетан (хорв. *kapetan*, «командующий военным гарнизоном»), затем как торговец (1259) и только потом как градоначальник. Принимая во внимание ведущую роль Венецианской республики на международной арене того времени, мы имеем любопытные детали, характеризующие положение средневековой Венгрии (поскольку Хорватия находилась в вассальной

³ *Škiljan F. Talijani u Zagrebu — Gli Italiani a Zagabria*. Zagreb: Zajednica Talijana u Zagrebu, 2015. 200 s.

⁴ U Rimu predstavljena knjiga «Talijani u Zagrebu» (04.05.2018) // Republika Hrvatska. Ministarstvo vanjskih i Europskih poslova [сайт]. URL: <http://it.mvep.hr/print.aspx?id=12756&itemId=52605&lang=1> (дата обращения: 21.08.2020).

зависимости от нее) и подчеркивающие могущество Венеции. Не менее значимым является утверждение о том, что в 1399 г. в Загребе проживал Никколо Алигьери, правнук выдающегося итальянского поэта и мыслителя, а в 1828–1835 гг. здесь периодически давал концерты Никколо Паганини. В целом все подробности появления итальянцев в Загребе периода Средневековья и Нового времени так или иначе призваны поддержать тезис об органичном влечении итальянского сюжета в общественно-политическую и культурную жизнь Хорватии.

Центральным объектом исследования является история итальянского присутствия в XIX и XX вв., которую автор восстанавливает на основе архивных материалов и других источников. Тщательно исследовав документы, Ф. Шкилян приводит списки имен знаменитых жителей итальянского происхождения — с родом занятий и местом их проживания в тех или иных районах города, — показывая, что итальянское присутствие характеризовала устойчивая и безусловная преемственность. Хотя в абсолютных цифрах итальянское присутствие оказывается довольно незначительным⁵, что следует из осуществленной автором реконструкции статистических данных, распределенных по десятилетиям, с содержательной точки зрения масштабы этого присутствия предстают перед нами совершенно иным образом.

Учитывая научные интересы Ф. Шкиляна, крайне любопытным в книге представляется описание периода Независимого государства Хорватия, находившегося в значительной степени под протекторатом Италии. Автор мужественно открывает самые «неудобные» страницы истории этого времени, констатируя, что «ушастей Павелича к власти в НГХ привели итальянцы» (с. 43), что Хорватия уступила значительную часть Далматинского побережья Италии, а итальянская тайная полиция ОВРА имела в Загребе полную свободу действий. Подробно характеризуя черты итальянского протектората, Ф. Шкилян значительно дополняет картину данного периода. При этом он подчеркивает, что многие итальянцы, прежде всего на полуострове Истрия, а также в районах Загорье и Мославина, участвовали в антифашистской борьбе.

Важные детали, дополняющие историческую канву исследования, содержатся и в описании периода социалистической Хорватии. В 1970-е гг. численность итальянской диаспоры во всей Хорватии начала снижаться, достигнув в какой-то момент 17 тыс. человек (в Загребе итальянская диаспора составляла всего 225 человек). Тем не менее именно итальянцы, как отмечает Ф. Шкилян, стали проводниками западной культуры в социалистической Хорватии, что, по утверждению автора, как и в Средние века, способствовало возвращению Хорватии в европейскую орбиту (с. 47).

⁵ Так, согласно данным австрийской переписи 1890 г., в Загребе насчитывалось лишь 339 лиц, для которых родным языком был итальянский (мужчины — 183, женщины — 156 человек). См.: *Škiljan F. Talijani u Zagrebu*. S. 48–49.

Значимой с точки зрения страноведения является характеристика итальянского присутствия в Загребе (s. 53). Автор классифицирует итальянскую диаспору в зависимости от региона происхождения, выделяя среди них: Западную Славонию, г. Риеку с прилегающими островами (Крк, Лошинь и Црес), Северную Италию, Далмацию (Задар и Сплит) и, наконец, Боснию. Мы видим, что структура итальянского присутствия значительно шире, чем это представляется исследователю на начальном уровне. Примечательно, что в данной схеме отсутствует полуостров Истрия; это может объясняться как его причислением к Северной Италии, так и тем, что жители Истрии совершенно не стремились покинуть сей благодатный край ради главного города Хорватии.

Данные наблюдения могут быть очень полезны при дальнейшем изучении вопроса, а работа Ф. Шкиляна формирует для этого отправную точку. Например, вторая часть книги, построенная на материалах интервью с представителями итальянской диаспоры (раздел «Связи с Италией»), сообщает ценные сведения об экономических, гуманитарных и политических взаимосвязях как между простыми гражданами, так и людьми с политическим весом. Так, одним из интервьюируемых стал Фурио Радин, многие годы являющийся членом парламента Хорватии от итальянского национального меньшинства.

Можно констатировать, что значительная часть исследования Ф. Шкиляна (включая разделы, относящиеся к периоду Средневековья) базируется в основном на материале работ других авторов, представляющих хорватские научно-исследовательские организации. Отметим, что многие из использовавшихся работ (например, Л. Добронича «Ренессанс в Загребе»⁶ и Ф. Бунтака «История Загреба»⁷) появились в 1990-е гг., когда перед национальной историографией стояли вполне определенные задачи — обоснование политической самостоятельности, собственной идентичности, древнего происхождения хорватской нации.

Привлечение автором вышеупомянутых исследований, созданных так же в жанре описательной истории, вполне естественно и даже обязательно, но некритическое их использование приводит к ограничению научного поиска. Обилие же фактических подробностей, позаимствованных из этих книг, не несет иного смысла, кроме энциклопедически-краеведческого. Поскольку задача исследования сводится лишь к доказательству идеи (вполне очевидной) о связи Загреба с европейским пространством, размышления о сущности этих связей остаются за рамками данной работы.

Как следствие, в своих рассуждениях Ф. Шкилян не смог избежать ряда примечательных нелогичностей.

Прежде всего, мы не видим методологических объяснений, раскрывающих подход автора к вопросу идентичности — важнейшему для всех

⁶ Dobronić L. *Renesansa u Zagrebu*. Zagreb: Institut za povijest umjetnosti, 1994.

⁷ Buntak F. *Povijest Zagreba*. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske, 1996.

восточноевропейских государств. Стержневым сегодня, как правило, является положение о примордиалистском характере идентичности, т. е. особом и неизменном состоянии нации на протяжении многих веков, что служит доказательством тезиса о «древнем» характере современной нации и подводит базу под различные политические установки. Из встречающихся в книге утверждений, в частности о том, что «итальянцев (в Загребе XIII в.) было значительно меньше, чем французов», становится очевидно, что автор склоняется именно к примордиализму, до предела упрощая национальный вопрос и сводя представления о нем к сегодняшним.

Желание Ф. Шкиляна уклониться от рассуждений на эту тему вполне объяснимо: тем самым снимается целый комплекс неудобных вопросов, а обременение текста критическими размышлениями о неизменном характере идентичности может поставить под сомнение различные обывательские представления о прошлом и настроить против автора общественное мнение в Хорватии. Однако следствием использования данного подхода становится искажение картины средневекового мира. Например, рассуждая в вступительном разделе об итальянцах в XIII в. (с. 4–5, 11, 14, 20), историк говорит уже о выходящих из Венеции. Очевидно, что в период своего расцвета Венецианская республика была самостоятельным политическим образованием и нынешнее соотношение Венеции и Италии выглядит несколько иначе.

Второе и более важное следствие избранного автором подхода касается вопроса о месте славянского населения. Для ответа на него Ф. Шкилян обращается к авторитетной работе Нады Клаич «Загреб в Средние века»⁸. Проанализировав систему делегирования представителей в городскую коллегия судей, Н. Клаич приходит к выводу, что в период между 1377 и 1437 гг. власть в Градце, по сути, была разделена между четырьмя партиями: славянской, латинской (галло-итальянской), венгерской и немецкой.

Несомненно, деление на партии влияния является типичной формой организации власти европейского средневекового города. Но разве не следует из выводов Н. Клаич, вполне разделяемых Ф. Шкиляном, что на уровне высших слоев и административного управления средневековый Загреб не принадлежал полностью хорватской народности? И был, выражаясь современным языком, открыт транснациональным влияниям, проводниками которых являлись правящие классы? Можно ли в таком случае говорить о Градце как о центре хорватской суверенной народной жизни в данный период? Или роль рядового славянского населения исчерпывалась податной функцией — при том что славяне занимали лишь четверть привилегированных позиций, разделяя их с западноевропейскими инородцами — близкими, однако, по вере?

От ответов на эти вопросы автор деликатно уходит, предпочитая вместо историософских рассуждений (вполне актуальных, учитывая периферийное

⁸ *Klaić N. Zagreb u srednjem vijeku. Zagreb: SNL, 1982.*

положение Хорватии в современной системе европейских отношений) сообщить читателю дополнительный набор фактов, например о том, что знаменитые ювелиры в Загребе XIV в. были выходцами из Венеции, Флоренции и Ломбардии, а 32 рукописи в библиотеке кафедрального собора в Загребе в 1340-е гг. появились благодаря святому Якову из Пьяченцы.

Стоит отметить, что работа Н. Клаич была опубликована в социалистический период, когда на смену идеалистическим методам пришел марксистский подход, уделявший значительное внимание социальной структуре общества. В его рамках вполне естественными были рассуждения о важности национально-освободительной борьбы и преодоления подчиненного положения (в данном случае славянского населения относительно латинян). Следовательно, не была самодовлеющей идея европейской цивилизационной принадлежности, утвердившаяся в хорватской историографии в 1990-е гг.

Иными словами, методы и подходы Н. Клаич могли отличаться от установок более позднего поколения исследователей, для которых понятие национально-освободительной борьбы приобрело совершенно иное значение. Но Ф. Шкилян не обращает внимания на подобного рода нюансы. На протяжении всего обзорного исторического раздела автор неизменно следует по пути описательной истории, применяя избранный им метод крайне некритично и соединяя достижения историографии различных эпох без соответствующих рассуждений и пояснений.

Как следствие, крайне выдержанно и максимально политкорректно освещаются сложные моменты истории второй половины XX в. — в частности, события 1950-х гг., когда итальянская диаспора в Загребе стала заложником ухудшения отношений между СФРЮ и Италией по вопросу Триеста. С другой стороны, возможно, это и к лучшему, поскольку рассмотрение данного вопроса с использованием (с большой долей вероятности) различных постмодернистских теорий увело бы исследование в глубины абстракции и наложило бы на автора определенные цензурные ограничения. При этом, следуя жанру «устной истории», он дает слово обычным людям — простым итальянцам, рассказывающим свои истории из жизни периода 1940-х гг. — начала XXI в., что компенсирует указанный недостаток. Все приведенные в книге Ф. Шкиляна факты являются ценным свидетельством эпохи, раскрывающим отношение итальянской диаспоры к проблемам политического устройства Хорватии, идентичности, экономическим потрясениям, взаимоотношениям с хорватами на бытовом уровне (с. 57–80). В итоге мы можем констатировать, что, несмотря на различные бытовые сложности, загребские итальянцы стремятся сохранить свою идентичность, выражающуюся в сохранении двойного гражданства, владении языком, погруженности в итальянское информационное пространство, праздников и обычаев, поездках в Италию минимум раз в год.

Было бы неверно утверждать, что значимые обобщения в работе отсутствуют полностью. Стремясь отследить динамику итальянского влияния

в Загребе, автор связывает его снижение в период раннего Нового времени с возникновением внешней цивилизационной угрозы в виде Османской империи. Его вывод, что «османская опасность привела к разрыву столетних связей между центральноевропейским пространством и Апеннинским полуостровом» (s. 20), вполне убедительно доказывает тот факт, что в XVI–XIX вв. итальянцев в Загребе было значительно меньше, чем до XV в. Так, мы видим, что мотив османской угрозы оказывается более важным, чем мотив обретения субъектности по отношению к западным европейцам, что несомненно представляется важным и интересным выводом.

В целом работа Ф. Шкиляна является характерным примером исторического исследования в жанре локальной истории с применением позитивистского подхода к собиранию фактов, что дает исчерпывающую информацию по немаловажному, но сугубо частному сюжету — итальянскому присутствию в столице Хорватии. Работа полностью лежит в русле национальной историографии и обладает всеми ее признаками, включая внимание к деталям и уклонение от вопросов, имеющих историософское значение. Факты, приводимые в книге Ф. Шкиляна, будут интересны читателю, интересующемуся частными вопросами истории Хорватии. В целом исследование полезно для понимания различных аспектов итальянско-хорватских отношений и изучения истории адриатического региона. Книга может быть интересна и регионоведам, этнографам и исследователям, занимающимся вопросами исторической политики и дискурс-анализа.

Литература

- Мартынова М.Ю.* Модель Триеста и население итальяно-славянского пограничья // Европа меньшинств — меньшинства в Европе. Этнокультурные, религиозные и языковые группы / отв. ред. Кабицкий М.Е., Мартынова М.Ю. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 146–174.
- Buntak F.* Povijest Zagreba. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske, 1996.
- Dobronić L.* Renesansa u Zagrebu. Zagreb: Institut za povijest umjetnosti, 1994.
- Kanižaj I.* Predstavljenost nacionalnih manjina u hrvatskim dnevnim novinama — komparativni pregled 2001–2003 // Politička misao. Croatian political science review. 2004. Vol. XLI. Br. 2. S. 30–46.
- Klaić N.* Zagreb u srednjem vijeku. Zagreb: SNL, 1982.
- Pasanac I., Škiljan F., Peternel L., Del Ponte Z., Del Ponte J.* Talijani u Ciglenici. Zagreb: Športski kuglački klub Ciglenica, 2012.
- Škiljan F.* Talijani u Zagrebu — Gli Italiani a Zagabria. Zagreb: Zajednica Talijana u Zagrebu, 2015.

References

- Buntak, F., 1996. *Povijest Zagreba*. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske.
- Dobronić, L., 1994. *Renesansa u Zagrebu*. Zagreb: Institut za povijest umjetnosti.
- Kanižaj, I., 2004. Predstavljenost nacionalnih manjina u hrvatskim dnevnim novinama — komparativni pregled 2001–2003. *Politička misao. Croatian political science review*, XLI (2), pp. 30–46.
- Klaić, N., 1982. *Zagreb u srednjem vijeku*. Zagreb: SNL.
- Martynova, M.Iu., 2016. Model' Triesta i naselenie ital'iano-slavianskogo pogranič'ia [The Trieste Model and the population of italo-slavic border areas]. In: Kabitskii, M.E., Martynova, M.Iu., eds, 2016. *Evropa men'shinstv — men'shinstva v Evrope. Etnokul'turnye, religioznye i iazykovye gruppy* [A Europe of minorities — minorities in Europe. Ethnocultural, religious and linguistic groups]. Moscow: IEA RAN, pp. 146–174.
- Pasanac, I., Škiljan, F., Peternel, L., Del Ponte, Z., Del Ponte, J., 2012. *Talijani u Ciglenici* [Italians in Ciglenica]. Zagreb: Športski kuglački klub Ciglenica.
- Škiljan, F., 2015. *Talijani u Zagrebu — Gli Italiani a Zagabria* [Italians in Zagreb]. Zagreb: Zajednica Talijana u Zagrebu.

FANCSALY É., GÚTI E., KONTRA M., MOLNÁR LJUBIĆ M., OSZKÓ B., SIKLÓSI B., ŽAGAR SZENTESI O. A MAGYAR NYELV HORVÁTORSZÁGBAN / SZERK. M. KONTRA. BUDAPEST: GONDOLAT; ESZÉK: MEDIA HUNGARICA MŰVELŐDÉSI ÉS TÁJÉKOZTATÁSI INTÉZET, 2016. 306 old.

[ФАНЧАЙ Э., ГУТИ Э., КОНТРА М., МОЛНАР ЛЮБИЧ М., ОСКО Б., ШИКЛОШИ Б., ЖАГАР СЕНТЕШИ О. ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК В ХОРВАТИИ / ОТВ. РЕД. М. КОНТРА. БУДАПЕШТ: GONDOLAT; ОСИЕК: MEDIA HUNGARICA MŰVELŐDÉSI ÉS TÁJÉKOZTATÁSI INTÉZET, 2016. 306 с.]*

Глеб Петрович Пилипенко —

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: glebpilipenko@mail.ru

Аннотация

В публикации представлен обзор вышедшей в 2016 г. коллективной монографии венгерских и хорватских лингвистов о социолингвистической ситуации венгерского сообщества в Хорватии, которая продолжает серию «Венгерский язык в Карпатском бассейне в XX в.». Книга представляет собой пример количественного исследования — авторы провели анкетирование информантов в восьми населенных пунктах Хорватии. В итоге были рассмотрены такие составляющие языковой ситуации, как использование языка в разных сферах, языковой престиж, двуязычное образование. Установлено, что численность венгров на протяжении XX в. стремительно уменьшалась. В ходе лингвистического анализа данных было отобрано 15 переменных, отражающих наиболее характерные контактные и диалектные явления в речи изучаемого сообщества. В отличие от других регионов с венгерским меньшинством, в Баранье и Славонии велика доля венгров, которые долгое время пребывали за пределами родных мест, поскольку в 1990-е гг. из-за военных действий они вынуждены были проживать в Венгрии. Из всех сельских сообществ наиболее архаичными являются четыре реформатских села в Славонии, тогда как в католических селах Бараньи венгры являются потомками поздних переселенцев из Бачки и современных венгерских земель. Книга будет интересна лингвистам, историкам, этнологам, специалистам по социолингвистике.

Ключевые слова

Венгерский язык, социолингвистика, Хорватия, контактология, хорватский язык, Баранья, Славония, анкетирование, лингвистическая переменная, языковая ситуация
Статья поступила в редакцию 11 сентября 2020 г.

Цитирование: *Пилипенко Г.П.* Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnar Ljubić M., Oszko B., Siklósi B., Žagar Szentesi O. A Magyar nyelv Horvátországban / szerk. M. Kontra. Budapest: Gondolat; Eszék: Media Hungarica Művelődési Tájékoztató Intézet, 2016. 306 o. [Фанчай Э., Гути Э., Контра М., Молнар Любич М., Оско Б., Шиклоши Б., Жагар Сентеши О. Венгерский язык в Хорватии / отв. ред. М. Контра. Будапешт: Gondolat; Осиек: Media Hungarica Művelődési Tájékoztató Intézet, 2016. 306 с.] // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 207–216.

* Работа подготовлена в рамках проекта РНФ № 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

FANCSALY É., GÚTI E., KONTRA M., MOLNÁR LJUBIĆ M., OSZKÓ B., SIKLÓSI B., ŽAGAR SZENTESI O. A MAGYAR NYELV HORVÁTORSZÁGBAN / SZERK. M. KONTRA. BUDAPEST: GONDOLAT; ESZÉK: MEDIA HUNGARICA MŰVELŐDÉSI ÉS TÁJÉKOZTATÁSI INTÉZET, 2016. 306 OLD.

[FANCSALY É., GÚTI E., KONTRA M., MOLNÁR LJUBIĆ M., OSZKÓ B., SIKLÓSI B., ŽAGAR SZENTESI O. THE HUNGARIAN LANGUAGE IN CROATIA / ED. M. KONTRA. BUDAPEST: GONDOLAT; ESZÉK: MEDIA HUNGARICA MŰVELŐDÉSI ÉS TÁJÉKOZTATÁSI INTÉZET, 2016. 306 P.]

Gleb P. Pilipenko,

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Abstract

The review sheds light on the collective monograph published in 2016 by Hungarian and Croatian linguists on the sociolinguistic situation of the Hungarian community in Croatia, which is a continuation of the book series “Hungarian language in the Carpathian basin in the 20th century”. The monograph is an example of a quantitative study. The authors conducted an extensive questionnaire survey using participants from eight localities in Croatia. As a result, the following elements of the language situation were analyzed: language use in various fields, language prestige, and bilingual education. It is revealed that the number of Hungarians during the 20th century decreased rapidly. Fifteen variables were selected for linguistic analysis of the data, and these were chosen to reflect the most peculiar contact and dialect features in the speech of community under scrutiny. Unlike other regions with a Hungarian minority, there were many Hungarians in Baranja and Slavonia who stayed for a long time outside their homeland, but because of the war in the 90s they were forced to move to Hungary. Among all the rural communities, the most archaic dialects are found in four villages with Reformed populations in Slavonia, while in Catholic villages the Hungarians are descendants of later settlers from Bačka and from today’s Hungary and are thus more modern. The book will be of interest to linguists, ethnologists, and specialists in sociolinguistics.

Keywords

Hungarian language, sociolinguistics, Croatia, contact studies, Croatian language, Baranja, Slavonia, questionnaire survey, linguistic variable, language situation

Received 11 September 2020.

How to cite: Pilipenko, G.P., 2020. Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnar Ljubić M., Oszko B., Siklósi B., Žagar Szentesi O. A Magyar nyelv Horvátországban / szerk. M. Kontra. Budapest: Gondolat; Osijek: Media Hungarica Művelődési Tájékoztató Intézet, 2016. 306 old. [Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár Ljubić M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Szentesi O. The Hungarian Language in Croatia / ed. M. Kontra. Budapest: Gondolat; Eszék: Media Hungarica Művelődési és Tájékoztató Intézet, 2016. 306 p.]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 207–216.

В 2016 г. вышла коллективная монография хорватских и венгерских авторов (Э. Фанчая, Э. Гути, М. Контры, М. Молнар-Любича, Б. Оско, Б. Шиклоши, О. Жагар-Сентеши) о социалингвистической ситуации хорватских венгров «Венгерский язык в Хорватии» (венг. *A magyar nyelv Horvátországban*). Исследование продолжает серию «Венгерский язык в Карпатском бассейне в XX веке» (венг. *A magyar nyelv a Kárpát-medencében a XX. század végén*) и является пятой по счету книгой. Ранее были опубликованы работы по венгерскому языку в Закарпатье (Украина)¹, Воеводине (Сербия)², Словакии³, Прекмурье (Словения) и Австрии⁴, а совсем недавно вышла заключительная, шестая книга о языковой ситуации у венгров в Трансильвании (Румыния)⁵. Серия была задумана, чтобы восполнить имеющуюся в венгерской социалингвистике лауну: ранее отсутствовали исследования, посвященные положению венгерских сообществ в сопредельных с Венгрией странах. Интерес к этой проблематике возрос в начале 1990-х гг. в связи с общественными изменениями во всем центральноевропейском регионе⁶. Все книги объединяет общий методологический подход, основанный на сочетании социалингвистического исторического анализа и эмпирических исследований⁷. Авторы используют количественный подход при изучении языковых контактных ситуаций. Был проведен ряд масштабных анкетных исследований в регионах с венгерским населением, в соответствии с социалингвистическими правилами была сформирована репрезентативная выборка информантов (с учетом возраста, пола, образования). Респондентов просили ответить письменно на вопросы, в которых затрагивались темы использования языка, языковых конфликтов, языкового престижа, предлагалось оценить венгерские высказывания, содержащие диалектные / контактные особенности. По желанию информанта с ним проводилось устное интервью. С целью получения релевантных сопоставительных данных было

¹ *Csernicskó I.* A magyar nyelv Ukrajnában (Kárpátalján). Budapest: Osiris, MTA Kisebbségkutató Műhely, 1998.

² *Göncz L.* A magyar nyelv Jugoszláviában (Vajdaságban). Budapest: Osiris, MTA; Újvidék: Forum, 1999.

³ *Lanstyák I.* A magyar nyelv Szlovákiában. Budapest: Osiris, MTA; Pozsony: Kalligram, 2000.

⁴ *Szépfalusi I., Vörös O., Beregszászi A., Kontra M.* A magyar nyelv Ausztriában és Szlovéniában. Budapest: Gondolat; Alsóőr: Imre Samu Nyelvi Intézet; Lendva: Magyar Nemzeti Művelődési Intézet, 2012.

⁵ *Péntek J., Benő A.* A magyar nyelv Romániában (Erdélyben). Kolozsvár: Erdélyi Múzeum-Egyesület; Budapest: Gondolat, 2020.

⁶ Назовем несколько знаковых публикаций, не относящихся к рассматриваемой серии: *Márku A.* «Po Zákárpátszki». Kétnyelvűség, kétnyelvűségi hatások és kétnyelvű kommunikációs stratégiák a kárpátaljai magyar közösségben. Ungvár: Lira, 2013; *Koláth A.* Magyarul a Muravidéken. Maribor: Slavistično društvo, 2005; *Rabec I.* A nyelvleépülés vizsgálata szlovákiai fiatalok körében. Doktori disszertáció. Budapest, 2012; *Pili-penko G.* Hungarian-Slavic Bilingualism in Transcarpathia, Vojvodina and Prekmurje // Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2016. Vol. 10. № 4. P. 20–30.

⁷ Исследователи ориентировались на положения, сформулированные в: *Goebel H. et al.* Contact Linguistics. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1997. Vol. 2.

также проведено два контрольных исследования на территории Венгрии — в 1996 и в 2014 г. В рецензируемой книге впервые среди публикаций данной серии представлены результаты обоих контрольных исследований.

Все книги упомянутой серии имеют сходную структуру: вначале излагаются исторические и лингвистические сведения о регионе и сообществе, затем дается анализ анкетных данных. В рецензируемой книге находим такую же компоновку материала. Композиционно монография состоит из введения, восьми глав (с делением на разделы), двух приложений (пример заполненной анкеты и статистические таблицы), списка литературы, именного и предметного указателей.

Во введении обсуждается выборка хорватских и венгерских информантов. Авторы отмечают, что исследование в Хорватии удалось провести только в 2014–2015 гг., поскольку ранее в стране была нестабильная ситуация из-за войны 90-х гг., охватившей как раз Баранью и Восточную Славонию, где проживает большинство хорватских венгров⁸. Число респондентов в хорватской выборке составило 116 человек из следующих населенных пунктов: Копачево (хорв. *Kopačevo*, венг. *Kopács*), Змаево (хорв. *Zmajevo*, венг. *Vörösmart*), Дальска-Планина (хорв. *Daljska Planina*, венг. *Dályhegy*), Биле (хорв. *Bilje*, венг. *Bellye*), Драж (хорв. *Draž*, венг. *Darázs*) — в регионе Баранья; Короджь (хорв. *Korođ*, венг. *Kórógy*) — Восточная Славония; Загреб (хорв. *Zagreb*, венг. *Zágráb*) — столица страны. Отличительную особенность респондентов из Хорватии составляет то, что 45% из них провели год и более в Венгрии. Речь идет о периоде военных действий начала 90-х гг. и о пребывании их в Венгрии в качестве беженцев⁹.

В первой главе, «Историческая демография: венгры на современной хорватской территории», приводятся статистические данные о численности венгров в разные периоды по разным хорватским регионам. Более 58% всех венгров Хорватии (от общего числа 14 048) проживает на северо-востоке страны. В Осиечко-Бараньской жупании венгров 2,7% от всего населения жупании, здесь они образуют компактные группы. В Вуковарско-Сриемской жупании венгры проживают дисперсно и составляют 0,94%, доля венгров в Бьеловарско-Билогорской жупании — 0,74%, в Пожешко-Славонской — 0,2%¹⁰. На протяжении XX в. число венгров стремительно сокращалось; авторы видят в этом последствия Трианонского мирного договора (распада Австро-Венгрии), а также войны 90-х гг.¹¹ Так, только 1/5 венгров Хорватии не коснулись военные события конца XX в.¹² Сегодня восточные регионы считаются в Хорватии одними из самых отсталых в экономическом отношении¹³.

⁸ *Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár Ljubić M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Szentesi O. A magyar nyelv Horvátországban. Budapest: Gondolat; Eszék: Media Hungarica Művelődési és Tájékoztatási Intézet, 2016. 16. old.*

⁹ *Ibid.* 21. old.

¹⁰ *Ibid.* 26. old.

¹¹ *Ibid.* 44. old.

¹² *Ibid.* 48. old.

¹³ *Ibid.* 49–50. old.

Во второй главе, «Географические и этнические условия», излагаются основные сведения о хорватах, а также о сообществах национальных меньшинств в Хорватии: сербах, венграх, цыганах, итальянцах, чехах. Уделяется внимание и так называемым «“новым” меньшинствам» (венг. *új kisebbség*), которые образовались с распадом Югославии: словенцам, бошнякам, албанцам, македонцам и черногорцам.

Третья глава, «Некоторые характеристики венгерского меньшинства», посвящена географическим, экономическим, образовательным, конфессиональным и этнографическим аспектам жизни миноритарного сообщества венгров. Отмечается, что венгерский язык родным считают 73,82% всех хорватских венгров¹⁴, при этом среди венгров Западной Славонии таковых только четверть, и треть — в Пожешко-Славонской жупании¹⁵. В последнее время в венгерских селах открываются этнографические музеи в старинных домах. Авторы отмечают, что таких музеев нет в западнославонском регионе¹⁶, тогда как, по данным экспедиции, проведенной нами в 2019 г., один такой дом функционирует в селе Велика-Писаница¹⁷. В конфессиональном отношении венгры в Хорватии являются католиками и реформатами. Из-за недостатка священников (тем более говорящих по-венгерски) редко в каком католическом приходе служба проходит полностью на венгерском. У реформатов язык богослужения венгерский¹⁸. В этой же главе авторы приводят сведения о лингвистическом и этнографическом изучении Бараньи¹⁹ и Восточной Славонии²⁰, отмечается роль Ольги Пенавин, исследователя из Воеводины, описавшей язык и обычаи венгров в селе Короджь. Среди обследованных групп реформаты в славонских селах признаются наиболее архаичным сообществом. Из упомянутых в главе этнографических сведений отметим распространенный у реформатов обычай иметь при крещении 5–6 крестных, гадание в рождество по куску яблока о будущем годе, а также деление одного яблока на всех членов семьи²¹, чтобы в семье было согласие и все держались вместе²².

¹⁴ *Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár Ljubić M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Szentesi O.* A magyar nyelv Horvátországban. Budapest: Gondolat; Eszék: Media Hungarica Művelődési és Tájékoztatói Intézet, 2016. 53. old.

¹⁵ *Ibid.* 73. old.

¹⁶ *Ibid.* 81. old.

¹⁷ Полевые материалы автора (далее — ПМА): Воеводина (2012–2019), Прекмурье (2012–2014), Хорватия (2019).

¹⁸ *Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár Ljubić M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Szentesi O.* A magyar nyelv Horvátországban... 83. old.

¹⁹ *Ibid.* 111. old.

²⁰ *Ibid.* 119. old.

²¹ *Ibid.* 124. old.

²² Ср. у венгров в Воеводине: *Пилипенко Г.П.* Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: взгляд «изнутри» и «извне». М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 301.

Четвертая глава, «Политика», затрагивает политико-экономические аспекты жизни венгров, а также политику в сфере образования. Для многих беженцев, попавших в Венгрию из-за военных действий, оказалось трудно включиться в хорватскую жизнь после возвращения, поскольку они не владели хорватским языком (особенно актуально это было для молодого поколения венгров, не имевших возможности посещать школу и изучать хорватский язык)²³. Сейчас в школах региона образование осуществляется по трем моделям: «А» (обучение на родном языке), «В» (преподавание гуманитарных дисциплин на родном языке, естественно-научных — на официальном языке), «С» (обучение на официальном языке, тогда как родной язык преподается дополнительно — венг. *anyanyelvápolás*)²⁴.

В пятой главе, «Вопросы использования языка», обсуждаются сферы использования языков по данным анкет респондентов. Только 42% информантов указали, что посещают богослужение на венгерском языке, — это один из самых низких показателей в регионе Карпатского бассейна, сопоставимый только с данными из Австрии²⁵. Что касается прочих сфер, то роль венгерского языка ожидаемо выше в семейном общении и в культурных организациях, во всех остальных доминирует хорватский язык²⁶. Диалектные черты в речи молодого и среднего поколения менее заметны, чем у пожилых информантов, авторы связывают это с продолжительным пребыванием в Венгрии, где велик престиж литературного венгерского языка²⁷. Приводятся диалектные особенности речи венгров, которые исследователям удалось зафиксировать по аудиозаписям (наличие закрытого *ë*: *nëki*, дифтонгов: *Kórougyon*, отпадение конечных согласных в аффиксах: *kávëho*, *attú*, распространение окончания *-l* во 2 л. ед. ч. глаголов: *köszönöl*, окончания *-i/-ik* в 3 л. ед. / мн. ч. у глаголов объектного спряжения: *mondi / mondik*, лексические заимствования из хорватского языка: *majica*, *patika*, *szladoléð*)²⁸, дан краткий фрагмент диалектного нарратива из общего устного корпуса объемом 80 часов²⁹. Информанты также указывали, какие трудности они испытывали, говоря по-венгерски, когда оказывались в Венгрии: многие признавались, в частности, что использование некоторых слов приводило к коммуникативным неудачам. На с. 168–169 дан список таких слов (например, кроатизмы *szokk*, *szárma*, *szemafor*). Отмечается, что если с пожилыми родственниками, а также с родителями чаще используется венгерский язык, то при общении с детьми — в основном хорватский язык³⁰. В качестве глав-

²³ Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár Ljubić M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Szentesi O. A magyar nyelv Horvátországban... 134. old.

²⁴ Ibid. 135. old.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid. 154–155. old.

²⁷ Ibid. 159. old.

²⁸ Ibid. 162–165. old.

²⁹ Ibid. 164. old.

³⁰ Ibid. 171. old.

ных источников усвоения хорватского языка указываются работа, школа, университет, окружение³¹. При этом отмечается мнение, что респонденты, владеющие только хорватским языком, могут легче приспособиться к жизни, чем респонденты, владеющие только венгерским³².

Шестая глава посвящена анализу языковых переменных и обработке лингвистических данных. Рассмотрены следующие 15 переменных: порядок слов (*kell számolni / számolni kell*), употребление местоимений, аналитические конструкции (*ki tudom nyitni*), конструкция *kell legyen*, конструкция *természetes hogy*, употребление мн. ч. и согласование во мн. ч., использование уменьшительно-ласкательных суффиксов, использование падежных аффиксов при географических названиях, окончания глаголов в 1 л. мн. ч. в условном наклонении, сравнительная конструкция, феминизация существительных, использование падежных аффиксов *-ban/-ba*, употребление форм сослагательного наклонения вместо форм изъявительного наклонения у глаголов с *t*-основой, семантические кальки (*fogni / venni*; венг. *lehet / хорв. može*), выбор окончания в глагольной форме объектного спряжения в 3 л. ед. ч. Вариации по всем вышеперечисленным переменным являются либо контактообусловленными, либо результатом внутреннего развития венгерского языка и присутствуют в диалектах (в том числе на территории Венгрии). Например, со словом *Koszóvó* используется падеж с аффиксом *-n* при обозначении местонахождения (*Koszóvón*), тогда как по правилам венгерского языка ожидалось бы использование аффикса *-ban/-ben* (*Koszóvóban*)³³. При выборе аффикса сказывается влияние хорватского языка, в котором с этим топонимом используется предлог *na*. Если посмотреть на данные по странам бывшей Югославии, то абсолютно везде преобладает вариант с аффиксом *-n* (Хорватия — 62%, Воеводина — 61%, Прекмурье — 78%), тогда как в Венгрии этот вариант — маргинальный (13,4%). При этом с топонимом *Vukovár* используется аффикс *-n* в 91% случаев, что объясняется венгерским «обликом» данного географического названия³⁴. Использование в сравнительной конструкции падежного аффикса *-tól/-től* вместо *-nál/-nél* может рассматриваться и как диалектная черта северо-восточных и южных венгерских диалектов, и как влияние контактных славянских языков (сербского, хорватского, словенского), в которых сравнительная конструкция строится с предлогом *od*³⁵. В Хорватии этот показатель превы-

³¹ Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár Ljubić M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Szentesi O. A magyar nyelv Horvátországban... 174. old.

³² Ibid. 175. old.

³³ Использование аффикса *-n* отмечено в Прекмурье с заимствованным топонимом *Koroskó* (*Koroskón*). ПМА: Воеводина (2012–2019), Прекмурье (2012–2014), Хорватия (2019).

³⁴ Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár Ljubić M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Szentesi O. A magyar nyelv Horvátországban... 188–190. old.

³⁵ Аналогичные данные были получены в ходе наших полевых исследований в Воеводине и Прекмурье. ПМА: Воеводина (2012–2019), Прекмурье (2012–2014), Хорватия (2019).

шает данные других регионов (47%), на втором месте Закарпатье (46,2%), далее следуют Воеводина (19,2%), Прекмурье (17,5%), Словакия (13%). В других регионах — менее 4%³⁶.

В седьмой главе сопоставляются три южнославянских региона, в которых проживает венгерское меньшинство: Воеводина, Прекмурье, Хорватия (Баранья и Восточная Славония). Авторы приходят к выводу, что венгры в Хорватии демонстрируют наибольшее сближение с прекмурскими респондентами из Словении. Причина этого — дисперсная структура расселения и малочисленность миноритарной группы³⁷.

В восьмой главе подведены итоги исследования.

Рецензируемая книга вносит весомый вклад в изучение социолингвистической ситуации венгерского меньшинства Хорватии. Новейший эмпирический материал сопоставляется с архивными данными из регионов, в которых проживает венгерское меньшинство. Список литературы, приводимый в конце издания, представляет собой полную библиографию по лингвистической, этнографической, исторической, политической проблематике венгерского сообщества. Тем не менее в монографии рассмотрены не все контактные ситуации с участием венгерского меньшинства на территории Хорватии. Так, о венграх в Западной Славонии и в Подравине упоминается лишь в разделе о статистике. Речь идет о венграх, проживающих в окрестностях Дарувара, Бьеловара, в селе Ждала, расположенном у венгерской границы (Копривницко-Крижевацкая жупания), а также в селах Нови-Градац, Будаковац, Градина (Вировитицко-Подравская жупания), см. о них монографию Ф. Шкиляна³⁸. Эти венгерские сообщества немногочисленны, сведений в научной литературе о них крайне мало, так что включение их в исследование было бы очень ценно. Тем более что речь идет об островных венгерских говорах. Хотя авторы и признаются, что не ставили перед собой цель проанализировать все диалектные особенности у обследуемых информантов³⁹, всё же большее количество диалектных текстов, а также текстов, содержащих анализируемые контактные явления, значительно украсило бы издание, сделав его более разносторонним, а материал — более наглядным и живым. Хочется надеяться, что 80 часов аудиозаписей, о которых упоминают авторы, будут обработаны, а тексты опубликованы.

Книга, несомненно, будет интересна лингвистам, историкам, филологам, этнологам — не только специалистам по хунгарологии, но и славистам. В связи с этим выскажем пожелание, чтобы книга как можно скорее была издана на других языках (прежде всего — на английской и хорватском).

³⁶ *Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár Ljubić M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Szentesi O. A magyar nyelv Horvátországban... 192-194. old.*

³⁷ *Ibid.* 203. old.

³⁸ *Škiljan F. Mađari u središnjoj Hrvatskoj. Bilje; Velika Pisanica: DZMH Zajednica Mađara, 2016.*

³⁹ *Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár Ljubić M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Szentesi O. A magyar nyelv Horvátországban... 161. old.*

Литература

- Пилипенко Г.П. Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: взгляд «изнутри» и «извне». М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
- Csernicskó I. A magyar nyelv Ukrajnában (Kárpátalján). Budapest: Osiris, MTA Kisebbségkutató Műhely, 1998.
- Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár Ljubić M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Szentesi O. A magyar nyelv Horvátországban. Budapest: Gondolat; Eszék: Media Hungarica Művelődési és Tájékoztatási Intézet, 2016.
- Goebel H. et al. Contact Linguistics. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1997. Vol. 2.
- Göncz L. A magyar nyelv Jugoszláviában (Vajdaságban). Budapest: Osiris, MTA; Újvidék: Forum, 1999.
- Kolláth A. Magyarul a Muravidéken. Maribor: Slavistično društvo, 2005.
- Lanstyák I. A magyar nyelv Szlovákiában. Budapest: Osiris, MTA; Pozsony: Kalligram, 2000.
- Márku A. «Po Zákárpátszki». Kétnyelvűség, kétnyelvűségi hatások és kétnyelvű kommunikációs stratégiák a kárpátaljai magyar közösségben. Ungvár: Lira, 2013.
- Péntek J., Benő A. A magyar nyelv Romániában (Erdélyben). Kolozsvár: Erdélyi Múzeum-Egyesület; Budapest: Gondolat, 2020.
- Pilipenko G. Hungarian-Slavic Bilingualism in Transcarpathia, Vojvodina and Prekmurje // Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2016. Vol. 10. № 4. P. 20–30.
- Rabec I. A nyelvlételem vizsgálata szlovákiai fiatalok körében. Doktori disszertáció. Budapest, 2012.
- Škiljan F. Mađari u središnjoj Hrvatskoj. Bilje; Velika Pisanica: DZMH Zajednica Mađara, 2016.
- Szépfalusi I., Vörös O., Beregszászi A., Kontra M. A magyar nyelv Ausztriában és Szlovéniában. Budapest: Gondolat; Alsóőr: Imre Samu Nyelvi Intézet; Lendva: Magyar Nemzeti Művelődési Intézet, 2012.

References

- Csernicskó, I., 1998. *A magyar nyelv Ukrajnában (Kárpátalján)*. Budapest: Osiris Kiadó, MTA Kisebbségkutató Műhely.
- Fancsaly, É., Gúti, E., Kontra, M., Molnár Ljubić, M., Oszkó, B., Siklósi B., Žagar Szentesi, O., 2016. *A magyar nyelv Horvátországban*. Budapest: Gondolat; Osijek: Media Hungarica Művelődési és Tájékoztatási Intézet.
- Goebel, H., et al., 1997. *Contact Linguistics*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, vol. 2.
- Göncz, L., 1999. *A magyar nyelv Jugoszláviában (Vajdaságban)*. Budapest: Osiris, MTA; Novi Sad: Forum.
- Kolláth, A., 2005. *Magyarul a Muravidéken*. Maribor: Slavistično društvo.
- Lanstyák, I., 2000. *A magyar nyelv Szlovákiában*. Budapest: Osiris, MTA; Bratislava: Kalligram.
- Márku, A., 2013. “Po Zákárpátszki”. *Kétnyelvűség, kétnyelvűségi hatások és kétnyelvű kommunikációs stratégiák a kárpátaljai magyar közösségben*. Uzhhorod: Lira.

- Péntek, J., Benő, A., 2020. *A magyar nyelv Romániában (Erdélyben)*. Cluj-Napoka: Erdélyi Múzeum-Egyesület; Budapest: Gondolat.
- Pilipenko, G., 2016. Hungarian-Slavic Bilingualism in Transcarpathia, Vojvodina and Prekmurje. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 10 (4), pp. 20–30.
- Pilipenko, G.P., 2017. *Iazykovaia i etnokul'turnaia situatsiia voevodinskikh vengrov: vzgliad "iznutri" i "izvne"* [Linguistic and ethnocultural situation of Vojvodina Hungarians, The view from inside and from the outside]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Rabec, I., 2012. *A nyelvleépülés vizsgálata szlovákiai fiatalok körében*. Doktori disszertáció. Budapest.
- Škiljan, F., 2016. *Mađari u središnjoj Hrvatskoj*. Bilje; Velika Pisanica: DZMH Zajednica Mađara.
- Szépfalusi, I., Vörös, O., Beregszászi, A., Kontra, M., 2012. *A magyar nyelv Ausztriában és Szlovéniában*. Budapest: Gondolat; Unterwart: Imre Samu Nyelvi Intézet; Lendava: Magyar Nemzeti Művelődési Intézet.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Елена Семёновна Узенёва —

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
заместитель директора,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: lenuzen@mail.ru

Аннотация

Рецензия посвящена анализу коллективного труда: Взгляд на славянскую аксиологию / отв. ред. И.А. Седакова, ред. М. Китанова, П. Женох. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. 268 с. В нем осуществлен междисциплинарный и многосторонний анализ аксиологических понятий и ценностных систем в трех славянских традициях, России, Болгарии и Словакии, в разные исторические периоды, выявлены различия, касающиеся иерархии ценностей, их динамики и национальной самобытности. Исследования продемонстрировали, что в понятие «ценности» может вкладываться разный смысл в зависимости от культурного и исторического контекста. Базой для анализа послужил большой корпус текстов: исследовались как книги разных жанров: рукописные сборники религиозного содержания, народные лечебники, мемуары, травелоги, — так и данные лексики, фразеологии, фольклора и обрядности.

Ключевые слова

Аксиология, ценности, славистика, литература, история, фольклор, рукопись, народная культура

Статья поступила в редакцию 3 ноября 2020 г.

Цитирование: Узенёва Е.С. Аксиологические исследования славянских языков и культур // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 217–225.

AXIOLOGICAL STUDIES OF SLAVIC LANGUAGES AND CULTURES

Elena S. Uzeneva,

Ph.D., Leading Researcher,
Deputy Director,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: lenuzen@mail.ru

Abstract

The review is devoted to the analysis of the collective work “A Look at Slavic Axiology” (ed. I.A. Sedakova, ed. M. Kitanova, P. Zhenyukh. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2019. 268 p.). It provided an interdisciplinary and multifaceted analysis of the axiological concepts and value systems in three Slavic traditions, the Russian, Bulgarian and Slovakian ones, in different historical periods, revealing the differences according to the hierarchy of values, their dynamics and national identity. The studies have shown different completeness of the term “values”. The analysis was based on a large corpus of texts: books of different genres were studied: handwritten collections of religious content, folk medical books, memoirs, travel books, and data on vocabulary, phraseology, folklore and rituals.

Keywords

Axiology, values, Slavic studies, literature, history, folklore, manuscript, folk culture

Received 3 November 2020.

How to cite: Uzeneva, E.S., 2020. Aksiologicheskie issledovaniia slavianskikh iazykov i kul'tur [Axiological Studies of Slavic Languages and Cultures]. *Slavic World in the Third Millenium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 217–225.

Ценности в истории человечества неизменно были предметом особого внимания. Система ценностей в жизни человека является внутренним стержнем всей его личности, а такая же система в обществе становится базой ее культуры. Проблема жизненных ценностей человека изучается аксиологией, отдельным направлением научных знаний философии, социологии, психологии и педагогики. В этих науках, а также в религиоведении и культурологии предлагалось множество классификаций ценностей, неоднократно описывалась специфика их изучения. В лингвистике, этнографии, фольклористике изучение ценностей началось позже, хотя философы, обращавшиеся к этой теме, нередко сводили ее к исследованию семантики слов, обозначающих оценку (*красивый и безобразный, хороший и плохой, добро и зло, любить и ненавидеть* и пр.). Де-факто они занимались лингвистическим изучением аксиологических понятий.

Исследования и публикации российских лингвистов последних лет по аксиологии, когнитивистике, семантике, развитию концептосферы современного русского языка, в частности серии сборников статей и словари,

созданные под редакцией Ю.Д. Апресяна (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка), Н.Д. Арутюновой (серия «Логический анализ языка»), книги русистов И.Б. Левонтиной, М.А. Кронгауза, публикации А.Д. Шмелева, Е.Л. Березович отражают динамику изучения ценностей в современной повседневности и исторической перспективе.

Важную роль в разработке методики исследования системы ценностей сыграли публикации Люблинской этнолингвистической школы под руководством профессора Е. Бартминьского (вышло пять томов «Аксиологического лексикона славян и их соседей»). Однако люблинский проект по социальным и фундаментальным славянским и европейским ценностям (EUROJOS) ориентирован на современное состояние культуры и не затрагивает вопросов традиционной культуры. Значительный вклад в анализ категории оценки и системы ценностей в языке и культуре славянских народов внесли работы представителей Московской этнолингвистической школы, в частности коллективный труд «Категория оценки и система ценностей в языке и культуре» под ред. С.М. Толстой (М., 2015). В статьях сборника была предпринята попытка изучить народную аксиологию, мотивы и критерии оценки (оппозиции *свой — чужой, мужской — женский, свет — тьма, сакральное — профанное*), субъекты и объекты оценки, состав, иерархию и классификацию ценностей, сакральные и жизненные ценности, отличие традиционной системы ценностей от других систем (современной, религиозной, городской, элитарной).

Несмотря на многолетний неугасающий интерес к проблемам аксиологии в разных сферах гуманитарного знания, теоретическое осмысление роли, иерархии и динамики системы ценностей в современном мире и в историческом прошлом в славянском дискурсе оставалось всё же на периферии внимания ученых. Междисциплинарный и многосторонний анализ аксиологических понятий и ценностных систем в целом ряде славянских традиций в разные исторические периоды стал основной задачей вышедшего в 2019 г. международного научного труда «Взгляд на славянскую аксиологию» (Отв. ред. И.А. Седакова, ред. М. Китанова, П. Женюх. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. 268 с.).

Издание стало первой итоговой публикацией, подготовленной в рамках трехстороннего российско-болгарско-словацкого проекта «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире»¹ (руководитель И.А. Седакова), целью которого стали поиск связей, аксиологических схождений и расхождений, уточнение хронологических переходов от ценности к антиценности, выявление национальной специфики ценностных парадигм.

Сборник составили 15 научных статей, авторами которых являются филологи различного профиля и историки из России, Болгарии и Словакии.

¹ Книга опубликована по проекту РФФИ № 18-512-76003\19 в рамках Программы ERA. Net.RUS Call 2018 (проект #472-LED-SW).

Исследовательские статьи предваряет предисловие, в котором составители написали о том, что в самом начале работы по проекту они испытывали сомнения в том, возможно ли объединить три разные культурные традиции и пять направлений гуманитарных наук в одном исследовании. Двухлетняя кропотливая творческая работа показала, что все темы, которые исследовал коллектив, оказались связаны между собой каким-либо способом: семантически, семиотически или типологически. Составителям сборника удалось собрать и логически объединить в единое целое палеославистику, историческую семантику, современную этнолингвистику, социоллингвистику и историю.

Авторы и редакторы ставили перед собой амбициозную задачу — определить закономерности в изменении иерархии ценностей в родственных, но всё же отличных друг от друга культурах. Можно с уверенностью сказать, что они с ней справились. Базой для анализа послужил большой корпус текстов; исследовались как книги разных жанров: рукописные сборники религиозного содержания, народные лечебники, мемуары, травелоги, — так и данные лексики, фразеологии, фольклора и обрядности. Изучив столь обширные пласты культуры, ученые пришли к выводу, что «ни одна ценность не существует изолированно и не является “простой”; она коррелирует с другими, образуя определенное аксиологическое поле, которое, в свою очередь, смыкается с другим аксиологическим полем» (с. 7).

Условно сборник можно разделить на три части в соответствии с теми концептуальными понятиями, которые анализируются в статьях: христианские ценности, ценности традиционной народной культуры и общекультурные ценности. К первому разделу относятся работы, исследующие религиозные тексты, рукописные и печатные, являющиеся ценным источником по истории, духовной жизни и славянской литературе.

М. Цибранска-Костова сосредоточила свое внимание на изучении взаимоотношений и конфликтов общества и святых мучеников на примере «Жития святого Николая Нового Софийского», созданного Матвеем Грамматиком в XVI в. Автор приходит к выводу, что противопоставление описанных в житии макро- и микросоциальных общностей может быть сведено к оппозициям *свой — чужой*, *род — народ*, *идентичность — инаковость*, *герой — толпа*, *мученик — мучитель* и пр., а каждая вероисповедная общность осмысливается как таковая согласно духовно-религиозному принципу. Почитание святых и создание их житий были обусловлены религиозно-политическими мотивами. Такие произведения были направлены против ислама в целом и были призваны сплотить православных независимо от их этнического происхождения, места проживания или профессии.

Исследуя Житие св. Власия Аморийского, которое является литературным памятником и ценным источником по истории Болгарии периода Первого болгарского царства и предоставляет важные сведения о культурной политике эпохи царя Петра, Елка Мирчева ставит вопрос о первом славянском переводе одной из наиболее объемных коллекций в византийской

литературе, собрания Четых Миней, создание которого связано со Студийским монастырем и с именем св. Феодора Студита. Как она полагает, Житие св. Власия Аморийского принадлежало к корпусу этих первых славянских Четых Миней.

Ваня Мичева обратилась к анализу универсальной ценности в человеческой истории, *храбрости*, и изменениям в ее характеристиках с развитием цивилизации. На материале древнеболгарских классических произведений, созданных в IX–XI вв., рассматриваются языковые и семантические реализации *храбрости* как ценности и демонстрируется, что именно христианская культурная парадигма определяет аксиологические характеристики этого понятия.

Аксиологический подход к семантическим и языковым реализациям концепта *любовь* в произведениях древнеболгарского периода, осуществленный в статье Калины Мичевой-Пейчевой на основе семантического и контекстного анализа соответствующей лексики и лингвистического анализа словообразовательных процессов в греческом и болгарском языках, показал, что Божественная любовь, осмысляемая как любовь Бога и к Богу, является высшей ценностью, связующей нитью между сакральным бытием Бога и профанным бытием человека. Человеколюбие как своеобразное следование модели жертвы Христа также занимает исключительное место в системе ценностей средневековых болгар. В то же время ценность плотской любви отрицается, такой вид любви считается антиценностью и допускается лишь между супругами с целью продолжения рода.

Изучению того, как отразились этнокультурные процессы в паралитургической духовной культуре церкви восточного обряда под Карпатами в XVIII в., посвящена работа Петера Женюха, исследующего специфику духовных песен внелитургического (нелитургического, паралитургического) характера, в которых соединение сакрального и профанного аспектов происходит как на тематическом, так и на смысловом и поэтическом уровнях. Автор отмечает, что тема покаяния в паралитургической песенной культуре не только рисует картину бедственного состояния человека, но в первую очередь является средством, позволяющим человеку глубже познать значимость самоограничения и поста во имя постижения ценностей, таких как смирение, любовь и милосердие к ближнему. Именно они в паралитургических песнях выступают источником познания собственной идентичности.

Любомира Вилшинска анализирует монашескую жизнь в перспективе традиционных ценностей (община, призвание, верность, послушание, молитва, чистота, пост, труд) латинян и приверженцев византийского обряда на примере литературного творчества Иоанникия Юрая Базиловича, протигумена базилианского Ордена Святого Василия Великого (1742–1821). Базилович был выдающимся церковным деятелем и автором ряда литературных произведений византийско-славянской традиции. Годы его деятельности в Мукачевской епархии были ознаменованы духовным расцветом базилианского монашеского сообщества.

Отражение традиционных христианских ценностей в гомилетической традиции Мукачевской епархии в XVII–XVIII вв. стало предметом научных разысканий Светланы Вашичковой. В качестве материала для исследования было выбрано Углянское учительное евангелие, кириллический рукописный памятник письменности рубежа XVII–XVIII вв. Автор приходит к выводу, что произведения учительного жанра, сборники проповедей, толкований и поучений на Священное Писание отражают систему ценностей, имевшую распространение в месте их возникновения и использования, а традиционные ценности православных жителей Мукачевской епархии остаются неизменными и для других верующих восточного обряда до сих пор. В ситуации кризиса консерватизм духовной традиции византийской церкви способствовал сохранению традиционных ценностей.

В «фольклорном» разделе в статье Любомира Габора рассматривается метафорический (символический) образ воды и вина (в отдельных случаях воды, молока и меда), встречающийся в некоторых жанрах словацкого фольклора: сказках, повестях, а также пословицах и поговорках, — которые расширяют и подтверждают картину рассматриваемой ценностной парадигмы в отношении упомянутых напитков в фольклорной символической системе. Автор считает, что отождествление воды и вина в фольклорных мотивах, связанных с жизнью и смертью как основными человеческими ценностями, отражает восприятие носителями культуры данных веществ в словацком культурном пространстве.

Предметом исследования Катарины Женюховой является описание аксиологической шкалы концепта «болезнь, заболевание», обнаруживаемой в словацком кириллическом рукописном лечебнике XVIII в. К. Женюхова указывает на то, что здоровье — одна из основных ценностей в аксиологической системе общества, оно считается естественным состоянием человеческого организма, выступает как норма сбалансированной жизни (как витальная ценность), но одновременно являет собой и норму общественной жизни (социальную ценность). Аксиологические аспекты концепта «болезнь» рассматриваются на примере номинаций болезней (*гостец, лишай, язва, слез*), которые отсылают к демонологической сфере и архаическим магическим практикам и хорошо сохранились в современных словацких диалектах.

На материале болгарского языка и болгарской традиционной культуры Марией Китановой были исследованы аксиологические аспекты некоторых моделей эвфемизации. Автор поддерживает точку зрения о том, что основной механизм эвфемизации — это изменение аксиологического статуса с отрицательного на положительный. В народной культуре запрет на произнесение определенных слов возник вследствие веры в магическую силу произносимого слова, поэтому имена божеств, демонов, опасных животных и болезней запрещалось произносить вслух. М. Китанова подробно остановилась на одной модели обозначения диких животных, которая

прослеживается в названиях медведя и волка, а также в создании личных имен с этими зоонимическими компонентами. В последнем случае часто используются термины родства (*баба, братя, кум*) и лексемы с уменьшительными суффиксами (*кумчо, сивчо, мечле*).

И.А. Седаковой принадлежит обобщающая статья о проблемах и методах изучения традиционных и нетрадиционных ценностей у русских и болгар. Автор пытается понять причины и способы модификации ценностей, их иерархии в разные периоды в разных слоях общества, используя сопоставительный подход к языкам, культуре и истории русских и болгар. Анализируя базовые жизненные ценности, такие как *старость* и *любовь*, И.А. Седакова приходит к выводу о высокой продуктивности методики этнолингвистических исследований, заключающейся в привлечении широкого народно-культурного контекста, обращении к диалектологии, фольклору, обрядам, народной религиозности и пр. Такой подход особенно важен при исследовании традиционных ценностей, часто не выраженных эксплицитно.

Йоанна Кирилова сосредоточивает свое внимание на изучении онтологических метафор, концептуализирующих понятие «душа», которые рассматривает как ценность в традиционной картине мира болгар в сопоставлении с понятиями «ум» и «сердце». Базой для исследования послужили данные сборников устного народного творчества, откуда были извлечены 79 паремий, вербализующих концепт души и содержащих слово «душа» и его дериваты. Согласно заключению автора, в болгарской паремиологической картине мира концепт «душа» характеризуется наименьшей семиотической плотностью или, говоря другими словами, самой низкой степенью актуальности: концепт «ум» представлен 530 паремиями, а концепт «сердце» — 169. «Душе-человеку» в болгарских пословицах и поговорках не приписаны этнические характеристики, какими наделены «ум-человек» и «сердце-человек», она метафорически представлена ролями мертвеца, альтруиста, страдальца, праведного христианина, советника, просителя, грешника, старика, ребенка.

Теме аксиологии в народном календаре чехов и словаков посвящена статья М.М. Валенцовой. Автор отмечает, что характер взаимоотношения христианских и дохристианских элементов разных уровней в славянском календаре определяется взаимоотношением и даже борьбой двух систем ценностей. В результате в современном календаре можно наблюдать весь спектр результатов их столкновения — от победивших христианских ценностей до форм симбиоза христианских и языческих. При этом для народного сознания оказывается не столь важным, какое название будет у праздника и какая мотивировка будет сопровождать древнюю обрядность, ценным оказалось само сохранение празднеств и исполнение обрядовых действий как таковых.

В статье Е.Н. Стругановой освещается тема амбивалентности оценок стихии воды и огня в традиционной культуре болгар. Будучи ценностями

сами по себе (природными и ценностями — носителями благ), огонь и вода могут быть и символами целого ряда других ценностей и антиценностей: жизни и смерти, здоровья и болезни, хаоса и упорядоченности, внешнего и домашнего, — образуя определенные семиотические оппозиции. Аксиология природных стихий анализируется на лексическом и фразеологическом материале, на материале фольклорных произведений (легенды, космогонические тексты, благопожелания, проклятия, приговоры), учитывается акциональная составляющая обрядовых комплексов. Автор опирается на собственные полевые записи.

Заметим, что исторические ракурсы в исследовании динамики ценностей были освещены в российской и мировой науке очень фрагментарно. К данной проблематике обращался ряд ученых из Института славяноведения РАН, Центра болгаристики и балканских исследований им. М. Дринова ХНУ им. В.Н. Каразина (Харьков, Украина) и Института исторических исследований БАН (София, Болгария). Однако в работах ученых фиксировалось только отношение к изучаемому объекту в конкретный исторический момент (чаще всего в 1917 и 1944 гг.), а динамика его изменения не прослеживалась и, соответственно, не делалось попыток ее объяснить. Немаловажным фактором является и то, что политическая конъюнктура вынуждала исследователей приводить свои выводы и наблюдения в соответствие с текущими политическими установками. По этим причинам объективного и полноценного исследования закономерностей динамики изменения ценностей не было. Тем значимее в этом отношении статья историка Н.С. Гусева «Ретроспективная динамика ценностей и методика ее изучения (на примере “образования” в Болгарии в конце XIX — первой половине XX в.)», где автор убедительно показал, что образование соотносится с грамотностью, школьным и церковным просвещением, развитием культуры и искусства (в частности, театра), престижностью профессии (например, учителя), что ценность образования напрямую связана с экономической и культурной ситуацией в конкретной стране в определенный период ее истории, равно как и с финансовым положением отдельных людей (не все могут дать образование ребенку в силу отсутствия денег) и пр.

Проведенный авторами скрупулезный анализ на разных уровнях трех близких культур можно подытожить следующим образом: выявлены серьезные различия, касающиеся иерархии ценностей, их динамики и национальной самобытности; отмечены аксиологические сближения и нестыковки, которые вскрываются при анализе материала разных исторических эпох русской, болгарской и словацкой традиций. Исследования продемонстрировали разную наполненность термина «ценности», но показали при этом, что сами ценности переходят из текста в текст, из жанра в жанр, из одной эпохи в другую (ср., например, концепт «любовь» в религиозных текстах, фольклоре и современных языках). Редакторы отмечают, что «традиционные» ценности могут становиться «нетрадиционными», развиваются новые

аксиологические установки, для которых при диахроническом анализе находят архаические соответствия. Показано, что «нетрадиционные» ценности более характерны для новых поколений, которые отрицают ценностные ориентиры старших, а также для общества в целом после коренных идеологических, религиозных и прочих изменений (с. 8).

Таким образом, мы можем констатировать, что авторам рецензируемого сборника научных статей удалось определить перечень и иерархию традиционных и нетрадиционных ценностей в языке, культуре и истории России, Болгарии и Словакии в диахронии на материале лингвистических, этнографических, фольклорных и исторических источников, а также осуществить междисциплинарный сопоставительный аксиологический анализ ряда базовых (любовь, душа, ум, сердце, храбрость, святость и др.) и «идейных» ценностей.

Рецензируемое издание безусловно представляет новую страницу в отечественной и международной аксиологии и будет интересно не только славистам, лингвистам и историкам, но и представителям разных направлений гуманитарного знания: этнологам, культурологам, социологам, психологам. Результаты настоящего труда будут востребованы в преподавании различных дисциплин — языкознания, литературоведения, фольклора, антропологии, а также при дальнейшей разработке конкретных тем из области этнолингвистики, фольклористики, истории и культуры славянских народов.

Литература

Взгляд на славянскую аксиологию / ред. И.А. Седакова, М. Китанова, П. Жениух. М.: Институт славяноведения РАН, 2019.

Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / отв. ред. С.М. Толстая, М.: Индрик, 2015 (Библиотека Института славяноведения РАН; 18).

Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów. Tom 1–5. Lublin, 2015–2019 (T. 1: Dom; T. 2: Europa; T. 3: Praca; T. 4: Wolność; T. 5: Honor).

References

Sedakova, I.A., Kitanova, M., Zheniukh, P., eds, 2019. *Vzgliad na slavianskuiu aksiologiiu* [A look at Slavic axiology]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Tolstaya, S.M., ed., 2015. *Kategoriia otsenki i sistema tsennostei v iazyke i kul'ture* [Assessment category and value system in language and culture]. Moscow: Indrik.

Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów, 2015–2019. Tom 1–5. Lublin. (T. 1: Dom; T. 2: Europa; T. 3: Praca; T. 4: Wolność; T. 5: Honor).

25 ЛЕТ ИНСТИТУТУ СЛАВИСТИКИ ИМ. ЯНА СТАНИСЛАВА СЛОВАЦКОЙ АКАДЕМИИ НАУК*

Марина Михайловна Валенцова –

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: mvalent@mail.ru

Елена Семёновна Узенёва –

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
заместитель директора,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: lenuzen@mail.ru

Аннотация

Эссе написано по случаю 25-летнего юбилея Института славистики им. Яна Станислава САН (Братислава), который был создан для ведения междисциплинарных исследований, ориентированных на изучение связей словацкого языка и культуры с другими славянскими языками и культурами, а также словацко-латинских, словацко-венгерских и словацко-немецких культурно-языковых взаимоотношений древнейшего периода и Средневековья. Статья знакомит читателя с основными вехами становления и развития Института, с его сотрудниками, направлениями их научного творчества, значимыми трудами. Основные области исследований Института славистики охватывают языкознание (лексикографию, историю языка), историю, фольклор, культурологию, музыковедение, текстологию. Большое внимание уделяется комментированному переводу иноязычных религиозных текстов на словацкий язык. Ценным вкладом Института в мировую славистику стало создание базы данных кириллических и латинских рукописных и печатных текстов, связанных с византийско-славянской литургической традицией в Словакии.

Ключевые слова

Славяноведение, Словакия, словацкий язык, культура, литература, зарубежная славистика, история, фольклор, межславянские связи, междисциплинарные исследования, Институт славистики им. Яна Станислава Словацкой академии наук

Статья поступила в редакцию 30 октября 2020 г.

Цитирование: *Валенцова М.М., Узенёва Е.С.* 25 лет Институту славистики им. Яна Станислава Словацкой академии наук // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 226–235.

* <http://www.slavu.sav.sk>

25 YEARS OF JAN STANISLAV INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES OF THE SLOVAK ACADEMY OF SCIENCES

Marina M. Valentsova,

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: mvalent@mail.ru

Elena S. Uzeneva,

Ph.D., Leading Researcher,
Deputy Director,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: lenuzen@mail.ru

Abstract

The essay was written to mark the 25th anniversary of the Slavic Institute named after Jan Stanislav SAS (Bratislava). The Institute was founded to conduct interdisciplinary research on the relationships of the Slovak language and culture with other Slavic languages and cultures, as well as to study the Slovak-Latin, Slovak-Hungarian, and Slovak-German cultural and linguistic interactions in ancient times and the Middle Ages. The article introduces the main milestones in the formation and development of the Institute, its employees, the directions of their scientific work, and their significant publications. The main areas of research of the Slavic Institute (initially the Slavic Cabinet) cover linguistics (lexicography, history of language), history, folklore, cultural studies, musicology, and textology. Much attention is paid to the annotated translation of foreign religious texts into Slovak. A valuable contribution of the Institute to Slavic Studies is the creation of a database of Cyrillic and Latin handwritten and printed texts related to the Byzantine-Slavic tradition in Slovakia.

Keywords

Slavic studies, culture, literature, foreign Slavic studies, history, folklore, inter-Slavic relations, interdisciplinary research, Jan Stanislav Institute of Slavic Studies SAS

Received 30 October 2020.

How to cite: Valentsova, M.M., Uzeneva, E.S., 2020. 25 let Institutu slavistiki Jana Stanislava Slovenskej akadémie vied [25 years of Jan Stanislav Institute of Slavic Studies of the Slovak Academy of Sciences]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 226–235.

В нынешнем году Институт славистики им. Яна Станислава Словацкой академии наук отмечает 25-летие своего образования. Этот междисциплинарный научный центр стал одним из лидеров современной славистики благодаря развитию широкого спектра славистических исследовательских направлений. Невозможно переоценить вклад его ученых в разработку проблем компаративистики, палеославистики, лексикографии, текстологии, в изучение памятников письменности и истории словацкого языка, словацкой народной словесности, а также культурно-языковых взаимоотношений словаков и их соседей.

История института началась 1 марта 1995 г., когда решением Президиума Словацкой академии наук был образован Славистический кабинет САН, научно-исследовательская организация, задачей которой было проведение междисциплинарных славистических исследований и координация подобных исследований в Словакии в целом.

Большую роль в его организации сыграл проф. Ян Доруля, бывший в 1991–1995 гг. директором Института языкознания им Л. Штура в Братиславе (словац. *Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV*), который оставил эту должность, чтобы посвятить себя созданию новой славистической организации. Как первый директор Славистического кабинета проф. Доруля принял активное участие также в деятельности Словацкого комитета славистов, образованного в марте 1990 г.

В программе славистических исследований Словакии, подготовленной в этой связи Яном Дорулей, говорилось, что «в фокусе исследовательских интересов находится словацкий язык, изучаемый в сравнительно-лингвистической и славистической перспективе на широком культурно-историческом фоне, во всей широте его исторического развития и современного состояния»¹. Программа включала исследования по следующим направлениям: 1) этногенез словаков и древнейшей период истории словацкого языка; 2) великоморавский период и его отражение в словацком и других славянских языках; 3) развитие словацкого языка в период феодализма; 4) роль словацкой народной словесности в межславянских отношениях в историческом и сопоставительном аспектах; 5) история словацкой славистики; 6) связи словацкого языка с другими славянскими языками в историческом и сравнительно-сопоставительном аспектах; 7) словацкое национальное возрождение; 8) письменные языки словаков в славянском контексте; 9) литературное творчество на шуруповском литературном языке.

С самого начала своей деятельности Славистический кабинет сотрудничал с Матицей словацкой, совместно с которой взял на себя издание журнала *Slavica Slovaca*² как интердисциплинарного печатного органа словацкой славистики. На основании договора со Словацким комитетом славистов (СКС) Славистический кабинет становится местом размещения СКС и обеспечивает условия для его деятельности.

Как уже упоминалось, Славистический кабинет САН был создан для ведения междисциплинарных исследований, ориентированных на изучение связей словацкого языка и культуры с другими славянскими языками и культурами, а также словацко-латинских, словацко-венгерских и словацко-немецких культурно-языковых взаимоотношений древнейших времен и

¹ Doruľa J. Program jazykovedného slavistického výskumu na Slovensku // *Slavica Slovaca*. 1989. Roč. 24. Č. 3. S. 201–202.

² Ранее, с 1992 г., журнал издавался под названием «*Slavica Slovaca. Slavistica*», а до 1991 г. назывался «*Časopis pre slovanskú filológiu*». С 2011 г. издается Словацким комитетом славистов совместно с Институтом славистики им. Яна Станислава САН.

периода Средневековья. В его интересы входило также изучение произведений словацких просветителей на латинском языке и религиозных текстов на церковнославянском языке (преимущественно из восточной Словакии, где распространено богослужение по византийскому обряду), а также изучение кирилло-мефодиевского наследия.

Через 10 лет, в 2005 г., Славистический кабинет был преобразован в Институт славистики, тогда же он получил имя выдающегося словацкого слависта, диалектолога, историка словацкого языка профессора Яна Станислава (1904–1977). С 2006 до 2019 г. директором Института был профессор, доктор филологических наук Петер Женюх, внесший значительный вклад в развитие института, укрепление его международного авторитета и расширение его научных связей³.

Основные области славистических исследований, проводившихся в Славистическом кабинете и продолжающихся в Институте славистики, охватывают не только языкознание (лексикографию, историю языка, отчасти этимологию и диалектологию), но и историю, фольклор, культурологию, музыковедение, текстологию. Большое внимание уделяется комментированному переводу иноязычных религиозных текстов на словацкий язык (например, факсимильное издание рукописи Камалдульской Библии, первого перевода Библии на словацкий язык, которое вышло в серии *Biblia Slavica* в 2002 г., содержит исследование языка памятника и обстоятельств его возникновения; из последних работ см.: *Jánovo evanjelium / ed. R. Lapko. Nový preklad a krátky komentár*. Bratislava, 2019). Никогда прежде междисциплинарные исследования в Словакии не организовывались в таком широком масштабе.

Создание Славистического кабинета, его сотрудничество с СКС и Международным комитетом славистов (МКС) (проф. П. Женюх является председателем СКС, членом президиума МКС и координатором комиссий при МКС, а доц. К. Женюхова — членом Комиссии по этнолингвистике при МКС) создало также условия для представления результатов словацких славистических исследований на международном уровне. Институт сыграл решающую роль в организации и проведении XI Международного съезда славистов в 1993 г. в Братиславе. В настоящее время Институт славистики им. Яна Станислава САН выполняет функции координационного центра славистических исследований в Словакии. Институт принимает деятельное участие в организации регулярных международных съездов славистов и других международных и национальных интердисциплинарных научных мероприятий, а также вместе с другими славистическими исследовательскими учреждениями занимается организацией национальных и международных исследований в области славистики.

Уже четверть века в Институте изучаются взаимосвязи словацкого языка и культуры с другими славянскими и неславянскими языками и культурами,

³ Подробнее о нем см.: <http://www.slavu.sav.sk/pracovnici/zenuch.php>.

исследуются кириллические и латинские памятники византийской литургической традиции в Словакии, библейские тексты, фольклорные нарративы и сказки, создаются словари. Не остается в стороне и история словацкого языка и культуры. В этом направлении много сделал и продолжает работать проф. Я. Доруля, см., например: *Doruľa J. O krajine a vlasti starých Slovákov*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2011; *Pohľady do vývinu slovenského jazyka a ľudovej kultúry* / ed. J. Doruľa. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2008, и др.

Большим вкладом Института в развитие славистики стало создание базы данных кириллических и латинских рукописных и печатных текстов, связанных с византийско-славянской традицией. Это большая работа по сбору (часто, собственно, и открытию) и обработке неизвестных прежде письменных источников, хранящихся в архивах Словакии и за рубежом. В результате возникла международная научная серия *Monumenta byzantino-slavica et latina Slovaciae*, в которой к настоящему времени удалось издать шесть источников, представляющих письменную культуру, связанную с византийской литургической традицией в Словакии — уникальное собрание языковых и культурных памятников, которые составляют неотъемлемую часть словацкой культурной идентичности; см., например: *Žeňuch P. Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии = Pramene k byzantsko-slovenskej tradícii a kultúre na Slovensku*. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitét slavistov; Košice: Centrum spirituality Východ — Západ Michala Lacka; Roma: Pontificio Istituto Orientale, 2013. (*Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae*; vol. 4).

Значительным результатом деятельности Института славистики является создание и публикация Марией Кошковой «Болгарско-словацкого словаря» (*Košková M. Bulharsko-slovenský slovník*; вышло 3 тома до буквы *C* в 2004, 2013 и 2019 гг.). Широкий охват фразеологии и паремиологии обогащает это лексикографическое издание и способствует лучшему пониманию культуры двух народов.

В Институте осуществляются и международные исследовательские проекты по изучению народных нарративов карпатского ареала в диахроническом аспекте; по проблемам соотношения аутентичной фольклорной записи и ее художественной обработки (особенно в жанре сказки). Здесь можно упомянуть монографии Катарины Женюховой: *Žeňuchová K. Zbierka ľudovej prózy Samuela Cambela. Prameň k výskumu rozprávačskej tradície na Slovensku*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitét slavistov, 2014, и Яны Пацаловой: *Pácalová J. Rozprávky Janka Rimavského*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Ústav slovenskej literatúry SAV, 2015, и др. Развивается и этнолингвистика (*Žeňuchová K., Kumanova M., Žeňuch P. Jazyk a kultúra v slovanských súvislostiach. Zo slovenskej etnolingvistiky*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitét

slavistov, Veľvyslanectvo Bulharskej republiky v Slovenskej republike; Sofia: Институт за български език «Проф. Любомир Андрейчин» при БАН, 2017).

Еще одно направление исследований — изучение творчества выдающихся деятелей словацкого национального возрождения (Антон Бернолака, Павола Йозефа Шафарика, Яна Коллара, Людовита Штура, Павола Добшинского, Йонаша Заборского, Йозефа Игнаца Байзы) — ключевого периода словацкой истории и культуры и истории словацкой славистики. Уделяется внимание и современной истории славяноведения, см.: *Dvadsať rokov inštitucionalizovanej slavistiky v Slovenskej akadémii vied / zost. P. Žeňuch*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2015; *Slovenská slavistika včera a dnes / ed. P. Žeňuch*. Bratislava: Slovenský komitét slavistov, Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2012.

Особое направление составляют исследования текстов памятников, представляющих агиографию, притчи, апокрифы, тексты проповеднического и полемического творчества, связанного с кирилло-мефодиевской, поствеликоморавской и византийско-славянской традицией в Карпатах, а также самого кирилло-мефодиевского наследия (см., например: *Pramene o živote svätých Cyrila a Metoda a ich učeníkov / zost. A. Škoviera*. Bratislava: Post Scriptum, 2013; *Kliment Ochridský a jeho prínos pre slovanskú a európsku kultúru / eds. P. Žeňuch, С. Николова*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitét slavistov, Veľvyslanectvo Bulharskej republiky v Slovenskej republike; Sofia: Кирило-Методиевски научен център към БАН, 2017).

Ученые Института ведут исследования межъязыковых, межэтнических, межконфессиональных и межкультурных процессов, которые формировали и формируют словацкое культурное пространство с древнейших времен до наших дней (см., например: *Doruľa J. O slovensko-nemeckom spolunažívaní v 16.–18. storočí*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2014; *Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy od obrodzenia po súčasnosť / ed. J. Doruľa*. Bratislava: Slavistický kabinet SAV, 2000; *Pohľady do problematiky slovensko-maďarských vzťahov / ed. J. Doruľa*. Bratislava: Slovenský komitét slavistov, Slavistický Ústav Jána Stanislava SAV, 2009). Подобные работы способствуют познанию собственной национальной культуры как одной из равноценных составляющих европейской. За последнее десятилетие вышло также два совместных труда этой направленности в рамках российско-словацкого научного сотрудничества: *Sacrum et Profanum. Языковые, литературные и этнические взаимосвязи христианской культуры / отв. ред.: М.М. Валенцова, Е.С. Узенева; редколл.: П. Женюх, З. Профантова, Ф.Б. Успенский*. М.: Институт славяноведения РАН, 2012; *Jazyk a kultúra na Slovensku v slovanských a neslovanských súvislostiach / eds. P. Žeňuch, K. Žeňuchová, E. Uzeneva*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitét slavistov; Michalovce: Zemplínske múzeum v Michalovciach, 2013.

Активно ведется изучение письменности орденских сообществ (францисканцев, иезуитов, пиаристов, базилиан), см., например: *Piaristen und Schul-*

wesen, Wissenschaft, Kunst in Mitteleuropa im 17.–19. Jahrhundert / hrsg. von L. Kačič. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2012. Ученые Института внесли весомый вклад в анализ и выявление специфики и роли литургических языков в духовной культуре славян (*Žeňuch P., Zubko P. et al. Liturgické jazyky v duchovnej kultúre Slovanov. Monotematický súbor štúdií. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava Slovenskej akadémie vied, Slovenský komitét slavistov, 2017*).

В последнее время значительная часть славистических исследований направлена на анализ традиционных культурных и христианских ценностей, которые рассматриваются в этнолингвистическом и этнокультурном аспекте в славянском пространстве Европы; работа ведется международным коллективом ученых из Словакии, России и Болгарии. Важным является тот факт, что Словакия расположена на пограничье между латинским Западом и византийским Востоком, на стыке миров *Slavia Latina* и *Slavia Orthodoxa*. Результатом этого проекта стали три коллективные монографии, вышедшие в России, Словакии и Болгарии: Взгляд на славянскую аксиологию / ред. И.А. Седакова, М. Китанова, П. Женюх. М.: Институт славяноведения РАН, 2019; *Седакова И.А., Žeňuch P., Китанова М. et al. Axiologický výskum slovanských jazykov = Axiological Investigation into the Slavic Languages. Bratislava: VEDA, SAV; М.: Институт славяноведения РАН, 2019; Аксиологични проблеми в славянските езици (традиции и съвременност) / Съставители: М. Китанова, И. Седакова, П. Женюх. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2020.*

Подробнее с публикациями Института славистики им. Яна Станислава САН можно ознакомиться на сайте: http://www.slavu.sav.sk/ru/ru_publicacie.php, который предоставляет возможность свободного чтения и скачивания книг из солидной электронной библиотеки.

Институт славистики САН издает два научных журнала: междисциплинарный *Slavica Slovaca* (главный редактор П. Женюх), в котором публикуются материалы по широкому кругу вопросов в области сравнительного языкознания, истории, этнологии, культурологии, истории славистики и музыковедения и который представлен во многих международных базах данных (SCOPUS, CEJSH, DOAJ, C.E.E.O.L., ERIN PLUS, MLA, CARHUS Plus+ 2014, CIRC, SJR, ProQuest, EBSCO), а также информационный бюллетень *Slavistická folkloristika* (отв. ред. К. Женюхова) — периодическое издание Комиссии по славянскому фольклору при Международном комитете славистов.

Институт ведет активную работу по воспитанию молодого поколения славистов Словакии и зарубежных стран, в частности, здесь успешно осуществляется подготовка научных кадров в рамках очной и заочной аспирантуры по специальности «Славянские языки и литературы».

Для российских словакистов и славистов многолетнее научное сотрудничество со словацкими учеными имеет непреходящую ценность. Возможность делиться достижениями в изучении разных аспектов славяноведения,

осуществлять совместные научные проекты, обмениваться новыми книгами способствует повышению уровня научных исследований в наших научных организациях.

От лица московских коллег поздравляем дружественный Институт славистики им. Яна Станислава САН с юбилеем, хотим пожелать его сотрудникам долгих лет научного творчества, успешного продолжения начинаний, а также новых идей и открытий! Коллективу института — новых научных проектов, национальных и международных, успехов на научном, собирательском, издательском и образовательном поприще.

Литература

- Аксиологични проблеми в славянските езици (традиции и съвременност) / съставители: М. Китанова, И. Седакова, П. Женюх. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2020.
- Взгляд на славянскую аксиологию / ред. И.А. Седакова, М. Китанова, П. Женюх. М.: Институт славяноведения РАН, 2019.
- Седакова И.А., Жеңуһ П., Китанова М. et al. Axiologický výskum slovanských jazykov / Axiological Investigation into the Slavic Languages. Bratislava: VEDA, SAV; М.: Институт славяноведения РАН, 2019.
- Doruľa J. O krajine a vlasti starých Slovákov. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2011.
- Doruľa J. O slovensko-nemeckom spolunažívaní v 16.–18. storočí. Bratislava: Slavistický ústav Jana Stanislava SAV, 2014.
- Doruľa J. Program jazykovedného slavistického výskumu na Slovensku // Slavica Slovaca. 1989. Roč. 24. Č. 3. S. 201–202.
- Dvadsať rokov inštitucionalizovanej slavistiky v Slovenskej akadémii vied / zost. P. Žeňuch. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2015.
- Jánovo evanjelium. Nový preklad a krátky komentár / ed. R. Lapko. Bratislava: VEDA, 2019.
- Jazyk a kultúra na Slovensku v slovanských a neslovanských súvislostiach / eds. P. Žeňuch, K. Žeňuchová, E. Uzeneva. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitét slavistov; Michalovce: Zemplínske múzeum v Michalovciach, 2013.
- Kliment Ochridský a jeho prínos pre slovanskú a európsku kultúru / eds. P. Žeňuch, C. Николова. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitét slavistov, Veľvyslanectvo Bulharskej republiky v Slovenskej republike; Sofia: Кирило-Методиевски научен център към БАН, 2017.
- Košková M. Bulharsko-slovenský slovník. Bratislava: Slavistický kabinet SAV, 2004–2019. Diely 1–3.
- Pácalová J. Rozprávky Janka Rimavského. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Ústav slovenskej literatúry SAV, 2015.
- Piaristen und Schulwesen, Wissenschaft, Kunst in Mitteleuropa im 17.–19. Jahrhundert / hrsg. von L. Kačič. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2012.
- Pohľady do problematiky slovensko-maďarských vzťahov / ed. J. Doruľa. Bratislava: Slovenský komitét slavistov, Slavistický ústav Jana Stanislava SAV, 2009.

- Pohľady do vývinu slovenského jazyka a ľudovej kultúry / ed. J. Doruľa. Bratislava: Slavistický ústav Jana Stanislava SAV, 2008.
- Pramene o živote svätých Cyrila a Metoda a ich učeníkov / zost. A. Škoviera. Bratislava: Post Scriptum, 2013.
- Sacrum et Profanum. Языковые, литературные и этнические взаимосвязи христианской культуры / отв. ред. М.М. Валенцова, Е.С. Узенева. М.: Институт славяноведения РАН, 2012.
- Slovenská slavistika včera a dnes / ed. P. Žeňuch. Bratislava: Slovenský komitet slavistov, Slavistický ústav Jana Stanislava SAV, 2012.
- Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy od obrodzenia po súčasnosť / ed. J. Doruľa. Bratislava: Slavistický kabinet SAV, 2000.
- Žeňuch P. Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии / Pramene k byzantsko-slovanskej tradícii a kultúre na Slovensku. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitet slavistov; Košice: Centrum spirituality Východ — Západ Michala Lacka; Roma: Pontificio Istituto Orientale, 2013. (Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae; vol. 4).
- Žeňuch P., Zubko P. et al. Liturgické jazyky v duchovnej kultúre Slovanov. Monotematický súbor štúdií. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava Slovenskej akadémie vied, Slovenský komitet slavistov, 2017.
- Žeňuchová K. Zbierka ľudovej prózy Samuela Cambela. Prameň k výskumu rozprávачskej tradície na Slovensku. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitet slavistov, 2014.
- Žeňuchová K., Кутанова М., Žeňuch P. Jazyk a kultúra v slovanských súvislostiach. Zo slovanskej etnolingvistiky. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitet slavistov, Veľvyslanectvo Bulharskej republiky v Slovenskej republike; Sofia: Институт за български език «Проф. Любомир Андрейчин» при БАН, 2017.

References

- Doruľa, J., 1989. Program jazykovedného slavistického výskumu na Slovensku. *Slavica Slovaca*, 24 (3), pp. 201–202.
- Doruľa, J., 2011. *O krajine a vlasti starých Slovákov*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV.
- Doruľa, J., 2014. *O slovensko-nemeckom spolunažívaní v 16.–18. storočí*. Bratislava: Slavistický ústav Jana Stanislava SAV.
- Doruľa, J., ed., 2000. *Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy od obrodzenia po súčasnosť*. Bratislava: Slavistický kabinet SAV.
- Doruľa, J., ed., 2008. *Pohľady do vývinu slovenského jazyka a ľudovej kultúry*. Bratislava: Slavistický ústav Jana Stanislava SAV.
- Doruľa, J., ed., 2009. *Pohľady do problematiky slovensko-maďarských vzťahov*. Bratislava: Slovenský komitet slavistov, Slavistický ústav Jana Stanislava SAV.
- Kačič, L., ed., 2012. *Piaristen und Schulwesen, Wissenschaft, Kunst in Mitteleuropa im 17.–19. Jahrhundert*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV.
- Kitanova, M., Sedakova, I., Zheniukh, P., 2020. *Aksiologichni problemi v slavianskite ezitsi (traditsii i suvremennost)* [Axiological problems in the Slavic languages (traditions and modernity)]. Sofia: Akademichno izdatelstvo “Prof. Marin Drinov”.

- Košková, M., 2004–2019. *Bulharsko-slovenský slovník*. Bratislava: Slavistický kabinet SAV. Diely 1–3.
- Lapko, R., ed., 2019. *Jánovo evanjelium. Nový preklad a krátky komentár*. Bratislava: VEDA.
- Pácalová, J., 2015. *Rozprávky Janka Rimavského*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Ústav slovenskej literatúry SAV.
- Sedakova, I.A., Kitanova, M., Zheniukh, P., eds, 2019. *Vzgliad na slavianskuuu aksiologiiu* [A look at Slavic axiology]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Sedakova, I.A., Žeňuch, P., Kitanova, M., et al., 2019. *Axiologický výskum slovenských jazykov / Axiological Investigation into the Slavic Languages*. Bratislava: VEDA, SAV; Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Škoviera, A., ed., 2013. *Pramene o živote svätých Cyrila a Metoda a ich učeníkov*. Bratislava: Post Scriptum.
- Valentsova, M.M., Uzeneva, E.S., Žeňuch, P., Profantová, Z., Uspenskii, F.B., eds, 2000. *Sacrum et Profanum. Jazykovye, literaturnye i etnicheskie vzaimosviazi khristianskoj kul'tury* [Sacrum et Profanum. Linguistic, Literary and Ethnic Relationships of Christian Culture]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2012.
- Žeňuch, P., 2012. *Slovenská slavistika včera a dnes*. Bratislava: Slovenský komitét slavistov, Slavistický ústav Jána Stanislava SAV.
- Žeňuch, P., 2013. *Istochniki vizantiisko-slavianskoj traditsii i kul'tury v Slovakkii* [Sources of Byzantine-Slavic tradition and culture in Slovakia] / *Pramene k byzantsko-slovenskej tradícii a kultúre na Slovensku*. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitét slavistov; Košice: Centrum spirituality Východ — Západ Michala Lacka; Roma: Pontificio Istituto Orientale. (Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae; vol. 4).
- Žeňuch, P., Nikolova, S., eds, 2017. *Kliment Ochridský a jeho prínos pre slovanskú a európsku kultúru*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitét slavistov, Veľvyslanectvo Bulharskej republiky v Slovenskej republike; Sofia: Kirilo-Methodievski nauchen tsentur kum BAN.
- Žeňuch, P., Žeňuchová, K., Uzeneva, E., eds, 2013. *Jazyk a kultúra na Slovensku v slovanských a neslovanských súvislostiach*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitét slavistov; Michalovce: Zemplínske múzeum v Michalovciach.
- Žeňuch, P., Zubko, P., et al., 2017. *Liturgické jazyky v duchovnej kultúre Slovanov. Monotematický súbor štúdií*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava Slovenskej akadémie vied, Slovenský komitét slavistov.
- Žeňuch, P., ed., 2015. *Dvadsať rokov inštitucionalizovanej slavistiky v Slovenskej akadémii vied*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV.
- Žeňuchová, K., 2014. *Zbierka ľudovej prózy Samuela Cambela. Prameň k výskumu rozprávačskej tradície na Slovensku*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitét slavistov.
- Žeňuchová, K., Kitanova, M., Žeňuch, P., 2017. *Jazyk a kultúra v slovanských súvislostiach. Zo slovanskej etnolingvistiky*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitét slavistov, Veľvyslanectvo Bulharskej republiky v Slovenskej republike; Sofia: Institut za bulgarski ezik "Prof. Liubomir Andreichin" pri BAN.

**II МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СЕМИНАР ПО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ.
ЦЕННОСТИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
ЛИТОВЦЕВ И ПОЛЯКОВ.
НАРОДНОЕ, НАЦИОНАЛЬНОЕ, ПОЛИЭТНИЧЕСКОЕ
И МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ**

Дорота Пазио-Влазловская –

кандидат гуманитарных наук,
научный сотрудник,
Институт славистики
Польской академии наук
Почтовый адрес: ул. Юлиана Бартошевича, 16/17,
Варшава, 00-337, Польша
Электронный адрес: d.pazio@ispan.waw.pl

Аннотация

24–25 сентября 2020 г. в режиме онлайн прошел второй международный семинар по лингвокультурологии «Vertybės Lietuvių ir Lenkų pasaulėvaizdyje. Liaudiškasis, tautinis, daugiatautis ir daugiakultūris paveldas», организованный филологическим факультетом Вильнюсского университета и Институтом польской филологии Университета им. Марии Кюри-Склодовской в Люблине. В семинаре приняли участие более 30 ученых из Литвы, Польши, Германии и Украины. Участники затронули широкий спектр вопросов современной этнолингвистики. Были заслушаны 29 докладов, в которых обсуждались различные аспекты языковой картины мира славян и балтов. Внимание уделялось, в частности, лексической репрезентации концептов (РОДИНА, ДОМ, РОЖЬ, ХЛЕБ, ПАТРИОТИЗМ, ГНЕВ, БОЯЗНЬ, ПРАВДА, МАТЬ и др.), метафорам, фразеологизмам, народной фразеологии и перспективам ее дальнейшего исследования, лексикографическим источникам, служащим материалом для этнолингвистических разработок, проблемам категоризации лингвокультурных единиц.

Ключевые слова

Вильнюсский университет, Университет им. Марии Кюри-Склодовской, семинар, культурная лингвистика, этнолингвистика, народная культура, ценности

Статья поступила в редакцию 5 октября 2020 г.

Цитирование: Пазио-Влазловская Д. II Международный семинар по лингвокультурологии. Ценности в языковой картине мира литовцев и поляков. Народное, национальное, полиэтничное и мультикультурное наследие // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 236–242.

**II INTERNATIONAL SEMINAR
OF CULTURAL LINGUISTICS.
VALUES IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD
OF LITHUANIANS AND POLES.
FOLK, NATIONAL, MULTI-ETHNIC,
AND MULTICULTURAL HERITAGE**

Dorota Pazio-Wlazłowska,

PhD, Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Polish Academy of Sciences
Postal address: Juliana Bartoszewicza ul., 1b/17,
Warsaw, 00-337 Poland
E-mail: d.pazio@ispan.waw.pl

Abstract

The second international seminar on cultural linguistics “Vertybės Lietuvių ir Lenkų pasaulėvaizdyje. Liaudiškasis, tautinis, daugiatautis ir daugiakultūris paveldas” was held online between September 24th and 25th, 2020. It was organized by the Faculty of Philology of Vilnius University and the Institute of Polish Philology of Maria Curie-Skłodowska University in Lublin. More than 30 academics from Lithuania, Poland, Germany, and Ukraine attended the seminar. Participants discussed various aspects of the linguistic image of the world of the Slavs and Balts. Attention was paid, in particular, to the lexical representation of concepts (HOMELAND, HOME, RYE, BREAD, PATRIOTISM, ANGER, FEAR, TRUTH, MOTHER, etc.), metaphors, phraseological units, folk phraseology and prospects for its further research, lexicographic sources, and categorization problems.

Keywords

Vilnius University, Maria Curie-Skłodowska University, seminar, cultural linguistics, ethnolinguistics, folk culture, values

Received 5 October 2020.

How to cite: Pazio-Wlazłowska, D., 2020. II Mezhdunarodnyi seminar po kul'turnoi lingvistike. Tsennosti v iazykovoii kartine mira litovtsev i poliakov. Narodnoe, natsional'noe, polietnicheskoe i mul'tikul'turnoe nasledie [II International Seminar of Cultural Linguistics. Values in the Language Picture of the World of Lithuanians and Poles. Folk, National, Multi-ethnic and Multicultural Heritage]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 3–4, pp. 236–242.

24–25 сентября 2020 г. в Вильнюсском университете прошел второй международный семинар по лингвокультурологии «Ценности в языковой картине мира литовцев и поляков. Народное, национальное, полиэтничное и мультикультурное наследие» (лит. «Vertybės Lietuvių ir Lenkų pasaulėvaizdyje. Liaudiškasis, tautinis, daugiatautis ir daugiakultūris paveldas»), организованный филологическим факультетом Вильнюсского университета и Институтом польской филологии Университета им. Марии Кюри-Склодовой в Люблине. Семинар проходил в режиме онлайн. Участники заседали одновременно в нескольких городах, в частности в Вильнюсе, Люблине и Кракове. В семинаре приняли участие более 30 ученых из Литвы, Польши, Германии и Украины. Были заслушаны доклады исследователей из Вроцлавского университета, Ягеллонского университета, Университета им. Марии Кюри-Склодовой в Люблине, Силезского университета в Катовице, Института польского языка Польской академии наук в Кракове, Института славистики Польской академии наук в Варшаве, Академии Ignatianum в Кракове, Высшей государственной восточноевропейской школы в г. Пшемьсль, Института литовской литературы и фольклора в Вильнюсе, Вильнюсского университета, Института литовского языка в Вильнюсе, Галле-Виттенбергского университета имени Мартина Лютера.

За два дня были прочитаны 29 докладов, в которых внимание уделялось различным аспектам языковой картины мира славян и балтов, лексической репрезентации концептов, метафорам, фразеологизмам, лексикографическим источникам, служащим материалом для этнолингвистических разработок. Важной темой оказалась народная фразеология и перспективы ее дальнейшего исследования.

Семинар был открыт заседанием, в рамках которого выступили два докладчика. Ежи Бартминьский предпринял попытку исследования польского концепта родина («Dwa profile polskiego konceptu OJCZYŻNY» / «Два профиля польского концепта родина»). С его точки зрения, в интеллигентском профиле отношения человека и родины моделируются в соответствии с патриотически-героическим духом, который имеет романтическую основу и ориентирован на борьбу и жертвы. Народный профиль концепта родины, в свою очередь, вырастает из крестьянской традиции, идеи совместной работы в поле и социальной солидарности. В народном профиле преобладает образ семейно-домашней и малой родины, хотя появляется в нем также общенациональная концепция и идея мира как родины людей. По мнению Е. Бартминьского, оба охарактеризованных профиля в определенной степени дополняют друг друга. Второй докладчик, Станислава Небжеговская-Бартминьская, в своем выступлении сосредоточилась на исследовании ценностей в народной традиции («Tradycyjny obraz świata Słowian i Bałtów — projekt kognitywnych badań porównawczych (ETNO-EUROJOS)» / «Традиционный образ мира славян и балтов — проект когнитивных сопоставительных исследований (ETNOEUROJOS)»). С. Небже-

говская-Бартминьская опиралась на свою, выдвинутую еще в 2013 г., идею проекта ETNOEUROJOS, параллельного проекту EUROJOS, реализуемому под руководством Е. Бартминьского на материале литературных языков и общенациональных традиций. В статье, опубликованной тогда в журнале *Etnolingwistyka*¹, она предлагала исследовать ценности на материале славянских диалектов, применяя методологию разрабатываемого в Люблине в Университете им. Марии Кюри-Склодовской «Словаря народных стереотипов и символов» (польск. *Słownik stereotypów i symboli ludowych*). В своем докладе С. Небжеговская-Бартминьская предложила расширить проект ETNOEUROJOS за счет балтийских языков. Его целью была бы, во-первых, реконструкция четырех ценностных концептов, общих для славян и балтов (земля, работа, семья, дом), на материале 12 языков и культур (10 славянских языков и 2 балтийских языка), а на втором этапе — сопоставление описаний и выявление семантических инвариантов. Описания, разработанные в рамках проекта ETNOEUROJOS, позволили бы подтвердить или опровергнуть выдвигаемые исследователями традиционных культур гипотезы, согласно которым на уровне традиционной культуры у славян и балтов намного больше общих черт, чем на уровне общенациональных культур.

24 сентября прошли еще три заседания, в рамках которых были заслушаны 13 докладов. Выступающие уделяли внимание паремиям, фразеологизмам и метафорам, реконструкции и семантической реализации отдельных концептов (ПАТРИОТИЗМ, ДОМ, ЧЕЛОВЕК, МИР, РОЖЬ, СОСЕД, ОЖИРЕНИЕ). Обсуждались также источники, в частности словари. Даля Зайкаускаене в докладе «*Lietuvių paremių išteklių saugojimo pavidalai: prieinamumas, panašumai ir skirtumai, privalumai ir trūkumai*» / «Способы хранения паремиологических источников: доступ, сходства и различия, преимущества и недостатки» предприняла попытку охарактеризовать картотеку литовских паремий, хранящуюся в Институте литовской литературы и фольклора. Мацей Рак представил обзор работ польских исследователей народной фразеологии, которые вышли за последние годы, а также наметил перспективу дальнейших разработок («*Polska frazeologia gwarowa — stan badań i perspektywę*» / «Польская диалектная фразеология — обзор литературы и перспектива дальнейших исследований»). Анна Тырпа в качестве предмета сообщения выбрала ценностные концепты в говорах и способы их реализации посредством фразем («*Frazematyczny przyczynek do aksjolingwistyki gwarowej*» / «Фразематические замечания к диалектной аксиолингвистике»). Татьяна Вологодина рассказала о польских сюжетах в литовских заклинаниях-заговорах, предприняла попытку сравнения текстов на польском и литовском языках и представила классификацию мотивов и тем («*Polskie wątki w zamawianiach litewskich*» / «Польские сюжеты в литовских заговорах»). Бирю-

¹ Niebrzegowska-Bartmińska S. Projekt badawczy (ETNO) EUROJOS a program etnolingwistyki kognitywnej // *Etnolingwistyka*. 2013. № 25. S. 267-281.

те Ясюнайте и Елена Коницкая проанализировали метафоры звезд в литовской и русской поэзии («Daiktiškosios žvaigždžių metaforos lietuvių ir rusų poezijoje» / «Предметные метафоры звезд в литовской и русской поэзии»). Александра Невяра, исходя из теории польского социолога Яна Станислава Быстрия, рассказала о представлениях об этносах и государствах в аксиосфере культуры («Miejsce wyobrażeń o narodach i państwach w aksjosferze kultury» / «Место представлений об этносах и государствах в аксиосфере культуры»). Марюс Сметона в докладе «PATRIOTIZMAS lietuvių kalboje» / «ПАТРИОТИЗМ в литовском языке» проанализировал названный концепт. Ирена Федорович и Кинга Гебен рассмотрели концепт дом на материале произведений Войчеха Петровича, представителя польской интеллигенции в Литве, поэта, писателя, переводчика, журналиста и общественного деятеля («Językowy obraz domu w prozie wspomnieniowej Wojciecha Piotrowicza» / «Языковой образ дома в воспоминаниях Войчеха Петровича»). Материалом для их исследования послужили произведения В. Петровича, опубликованные на рубеже XX и XXI в. Беата Живицкая проанализировала результаты опросов, проводившихся среди польской молодежи на протяжении двадцати лет (в 1990, 2000 и 2010 г.), относительно восприятия концептов ЧЕЛОВЕК и МИР («Człowiek i świat w przestrzeni aksjologicznej współczesnych młodych Polaków (na podstawie badań ankietowych» / «Человек и мир в аксиосфере современной польской молодежи (по материалам анкетирования)»). Интересно, что в намеченном молодыми людьми образе человека преобладают черты, относящиеся к социальной, психологической и этической сферам. Молодежь создала идеализированный образ человека: рассудительного, умного, наделенного достоинством, честного, руководствующегося нравственными принципами, помогающего другим. Мир, в свою очередь, воспринимается молодежью в двух аспектах: физическом — как земной шар — и социальном — как сообщество людей. Лорета Вайчулите-Семенене рассказала о концепте СОСЕД в публицистике («Kaip suvokiamas kaimynas DLKT publicistikoje» / «Как понимается сосед в публицистике»). Дорота Пазио-Влазловская уделила внимание прилагательному *полный* как способу реализации концепта ОЖИРЕНИЕ в польском языке («“Prawdę mówiąc, jestem dosyć gruba. Właściwie to nawet bardzo”. Przymiotnik *gruby* jako realizacja konceptu OTYŁOŚĆ (na podstawie danych korpusowych) — uwagi wstępne» / «“Честно говоря, я довольно полная. Даже очень”. Прилагательное *полный* как реализация концепта ОЖИРЕНИЕ (на основе корпусных данных) — к постановке проблемы»). Об аксиологической лексике, зафиксированной в составленном в 70-е гг. XIX в. словаре Антанаса Юшки, рассказала Ренате Мисевица-Трилитц («Łotewsko-litewsko-polski słownik Antanasa Juski (1875): próba analizy aksjologicznej» / «Латышско-литовско-польский словарь Антанаса Юшки (1875): попытка аксиологического анализа»). Вилия Сакалаускаене с опорой на материалы диалектных словарей проанализировала в своем сообщении концепт РОЖЬ («Etnolingvistinė informacija apie rugį lietuvių tar-

miniuose žodynuose» / «Этнолингвистические данные о ржи в литовских диалектных словарях»).

В пятницу 25 сентября в рамках трех заседаний состоялось 14 выступлений. Первый докладчик Ирена Сметонене исследовала образ хлеба в народном дискурсе («Duona tarminiamе diskurse» / «Хлеб в народном дискурсе»). Йоанна Шадура сосредоточилась на аномалиях как основе категоризации и негативных стереотипов. В качестве иллюстрации докладчица использовала образ осины в народной культуре («Drzewo takie nieszczęśliwe... O idei kategoryzowania w kulturze ludowej na przykładzie osiki» / «Такое несчастное дерево... Об идее категоризации в народной культуре на примере осины»). Виля Рагайшене охарактеризовала предрассудки и ритуальные советы на материале словаря южноаукштайтского диалекта («Prietai ir patarimai “Pietinių pietų aukštaičių šnektų žodyne”» / «Предрассудки и советы в “Словаре южноаукштайтского диалекта”»»). Юрате Пайедене проанализировала наименования демонов («Demoniškosios jėgos įvardijimai žemaičių kasdienybėje» / «Наименования демонов в повседневной жизни жемайтов»). Предпоследнее заседание было посвящено религиозной проблематике. Юстина Лукашевская-Хаберкова рассказала о стратегии образования и основных религиозных текстах иезуитов со второй половины XVI в. по первую половину XVII в. («Model nauczania i podstawowe teksty religijne przygotowane przez jezuitów działających na terenach Litwy i Korony od 2. poł. XVI do 1. poł. XVII w.» / «Модель образования и основные религиозные тексты, подготовленные иезуитами на территории Речи Посполитой Двух Народов во второй половине XVI в. — первой половине XVII в.»). Галина Мишкинене, опираясь на тексты из арабографичных белорусско- и польскоязычных рукописей литовско-польских татар, представила сформировавшийся в их культуре образ Девы Марии («Образ Девы Марии в рукописях литовско-польских татар»). Кристина Рутковская в своем докладе уделила внимание образу Марии в проповедях Константина Ширвида, изданных в Вильнюсе в первой половине XVII в. («Kulturowe konteksty utworów parabolicznych. Językowy obraz Maryi w postylli Konstantego Szyrwida “Punkty kazań”» / «Культурные контексты парабиблейских произведений. Языковой образ Марии в постилле Константина Ширвида “Punkty kazań”»).

На заседании, в котором приняли участие аспиранты из Польши и Литвы, было заслушано 7 докладов, в которых шла речь о концептах УВАЖЕНИЕ (Сильвия Герчак, «SZACUNEK w ankietach» / «УВАЖЕНИЕ на материале анкет»), ПРАВДА (Ирена Снукишкене, «Kognitywny obraz PRAWDY na podstawie danych tekstowych» / «Когнитивный образ ПРАВДЫ по данным текстов»), МАТЬ (Каролина Слотвинская, «Obraz MATKI w wybranych utworach Vandy Juknaitė» / «Образ МАТЕРИ в избранных произведениях Ванды Юкнайте»), уж (Магдалена Волошин, «Zrzuciłem duży kamień na wodnego węża zwiniętego w trawie. I co mnie w życiu spotkało, było słuszną karą...» Poetycki a polski ludowy obraz węża» / «“Я сбросил камень на водяного ужа, свернувшегося

в траве. И что случилось в жизни со мной, было заслуженной карой...»² Поэтический образ ужа в сопоставлении с народным»), о понятиях ГНЕВ, боязнь и стыд (Моника Богдзевич, «Konceptualizacja metaforyczna GNIEWU, LĘKU i WSTYDU: w poszukiwaniu treści kulturowych» / «Метафорическая концептуализация гнева, боязни и стыда: в поисках культурного содержания»). Не остались в стороне и злободневные темы. Так Сара Акрам представила современные нарративы, касающиеся климата («Współczesne narracje o klimacie a solidarność z życiem» / «Современные повествования о климате и солидарность с жизнью»), были проанализированы лексемы, используемые в высказываниях о состоянии климата: *zmiany* (изменения), *kryzys* (кризис), *katastrofa* (катастрофа). Дамян Гоцул («Opowieści wierzeniowe w tekstach historii mówionej» / «Рассказы о поверьях в текстах устной истории») обратил внимание на существенное значение основанного на поверьях восприятия мира в формировании высказываний о прошлом.

Докладчики, выступавшие на семинаре, рассуждали о различных концептах и их отражении в языке, пытались выявить значение тех или иных концептов с точки зрения общенациональной и народной культуры. И хотя за два дня невозможно было бы ответить на все затронутые вопросы, вильнюсский семинар стал толчком для того, чтобы в очередной раз обратиться к проблеме отношений между культурой и языком. Думается, что оживленная, а иногда и бурная дискуссия, которую вызвали многие выступления, свидетельствует об актуальности темы прошедшего мероприятия.

Литература

- Милош Ч.* Rue Descartes // Польские поэты XX века. Антология / сост. Н. Астафьева, В. Британишский. СПб.: Алетейя, 2000. Т. 1. С. 356–357.
- Niebrzegowska-Bartmińska S.* Projekt badawczy (ETNO) EUROJOS a program etnolingwistyki kognitywnej // *Etnolingwistyka*. 2013. № 25. S. 267–281.

References

- Milosh, Ch., 2000. Rue Descartes. In: Astaf'eva, N., Britanishskii, V., 2000. Pol'skie poety XX veka. Antologija. T. 1. [Polish poets of the twentieth century. Anthology. Vol. 1]. Saint Petersburg: Aleteia, pp. 356–357.
- Niebrzegowska-Bartmińska, S., 2013. Projekt badawczy (ETNO) EUROJOS a program etnolingwistyki kognitywnej. *Etnolingwistyka*, 25, pp. 267–281.

² *Милош Ч.* Rue Descartes // Польские поэты XX века. Антология / сост. Н. Астафьева, В. Британишский. СПб.: Алетейя, 2000. Т. 1. С. 356–357. (Пер. В. Британишского).

КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ». 13–14 ОКТЯБРЯ 2020 Г.

Конференция молодых ученых в Институте славяноведения РАН проводится с 2014 г. Организаторы в этот раз были вынуждены поменять установленный порядок — впервые ежегодное научное мероприятие не было приурочено к Дню славянской письменности и культуры и прошло не в мае, а в октябре. Изменился и формат проведения конференции: участники представили доклады в удаленном режиме на платформе ZOOM. Традиционно работали три большие секции: «История», «Языкознание» и «Литературоведение. История культуры». Нельзя не отметить широкий географический охват участников. В этом году научные доклады представили молодые ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Казани, Калининграда, Кирова, Ростова-на-Дону, Кишинева (Молдавия), Любляны (Словения), Мачераты (Италия) и Минска (Белоруссия). Обсуждался широкий круг вопросов, среди которых проблемы управления и модернизации многонациональных государств, политика памяти в славянских странах, роль партий и общественных организаций в преодолении кризиса, вопросы рецепции и перевода произведений художественной литературы на славянских языках, проблемы поэтики литературы и кино, актуальные вопросы грамматики современных славянских языков, диалектология и палеославистика. Благодаря профессиональным замечаниям и комментариям модераторов конференция, как обычно, стала своеобразной «школой» для молодых исследователей. По итогам работы конференции были опубликованы тезисы докладов.

Статья поступила в редакцию 26 октября 2020 г.

Цитирование: *Борисов С.А., Лунькова Н.А., Перетьяко А.Ю.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». 13–14 октября 2020 г. // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2020. Т. 15. № 3–4. С. 243–259.

“SLAVIC WORLD: COMMONALITY AND DIVERSITY” YOUNG SCHOLARS CONFERENCE 13–14 OCTOBER 2020

The Young Scholars Conference at the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, has been held since 2014. In 2020, the organisers had to change the previous timing of the event — it had previously been timed to correspond with the Day of Slavic Writing and Culture (May 24), but for the first time it was not held in May but in October. The format of the Conference was also changed: the participants made their presentations remotely on the ZOOM platform. As usual, there were three broad topic areas: “History”, “Linguistics”, and “Literary Studies. The History of Culture”. The wide geographical coverage of the participants should be mentioned. This year, young scholars from Moscow, St. Petersburg, Yekaterinburg, Kazan, Kaliningrad, Kirov, Rostov-on-Don, Chişinău (Moldova), Ljubljana (Slovenia), Macerata (Italy), and Minsk (Belarus) presented their research. Historians discussed many issues, including the problems of governance and modernisation in multinational states, memory policy in Slavic countries, and the role of parties and public organisations in overcoming crises. The section “Literary Studies. The History of Culture” focused on the reception and translation of works in Slavic languages and the problems of poetics in literature and cinema. Linguists paid attention to issues surrounding the grammar of modern Slavic languages, dialectology, and paleoslavistics. Moderators’ comments made the Conference, as usual, a kind of “school” for the young researchers. The conference proceedings have been published.

Received 26 October 2020.

How to cite: Borisov, S.A., Lunkova, N.A., Peretyatko, A. Yu., 2020. Konferentsiia molodykh uchenykh "Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie". 13–14 oktiabria 2020 g. ["Slavic World: Commonality and Diversity" Young Scholars Conference 13–14 October 2020]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no 3–4, pp. 243–259.

DOI: 10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.18

Секция «История»

Артем Юрьевич Перетяtko —

кандидат исторических наук,
преподаватель,
Южный федеральный университет
Почтовый адрес: ул. Б. Садовая, 105,
Ростов-на-Дону, 344006, Россия
Электронный адрес: ArtPeretatko@yandex.ru

Ключевые слова

Конференция, молодые ученые, славяноведение, история идей, источниковедение, политическая история

Session "History"

Artem Yu. Peretyatko,

Ph.D., Lecturer,
Southern Federal University
Postal address: B. Sadovaya str. 105,
Rostov-on-Don, 344006 Russia
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Keywords

Conference, young scientists, Slavic studies, history of ideas, source studies, political history

Особенности современного мира заставляют меняться многие традиционные способы взаимодействия ученых. Так, сама форма научной конференции в последние десятилетия переживает если не кризис, то серьезные проблемы. Произошла своеобразная девальвация конференций: если в советское время почти любая научная конференция была значимым событием, а выступление на ней позволяло надеяться на внимание со стороны присутствующих и серьезную дискуссию, то сейчас даже небольшие провинциальные вузы могут проводить несколько конференций ежегодно; для многих участников стало важно не взаимодействие с коллегами в ходе обсуждения докладов, а получение рейтинговых баллов за сам факт участия в научном мероприятии.

Естественно, на этом фоне идет и обратный процесс: солидные научные институты пытаются организовывать конференции, различными способами снова делая их привлекательными для ученых. Иногда этого добиваются за счет приглашения авторитетных спикеров либо благодаря узкоспециальной или исключительно актуальной, так сказать злободневной, тематике, а порой за счет направленности мероприятия на определенную целевую группу. В данном отношении интересна ежегодная конференция Института славяноведения РАН «Славянский мир: общность и многообразие». Эта конференция проводится почти четверть века, а с 2014 г. организаторы решили ориентировать ее исключительно на молодых ученых. Подобное решение оказалось вполне оправданным: с каждым годом отмечается расширение географии участников и тематического разнообразия докладов¹.

С нашей точки зрения, конференция «Славянский мир: общность и многообразие» привлекательна для молодых ученых именно тем, что им предоставляется как комфортная площадка для выступления, так и обратная связь со старшими коллегами, способными поддержать, направить, и, если необходимо, дать адекватную критику.

В этом году историческая секция была разделена на 6 тематических блоков по 4–7 выступлений, в качестве ведущих каждого блока выступали занимающиеся соответствующей тематикой сотрудники Института славяноведения РАН. Молодые ученые смогли развернуто и подробно представить результаты своих исследований, а модераторы вступали в активный диалог с ними, делясь опытом. Как нам кажется, подобная форма организации близка к оптимальной для конференции такого формата, хотелось бы, чтобы ее чаще использовали и другие научные сообщества.

В нынешнем году организаторы конференции впервые были вынуждены сначала перенести ее сроки с конца мая на середину октября, а затем и ограничить мероприятие дистанционным форматом на платформе ZOOM. Однако уже во время заседаний стало ясно, что это имело свою положительную сторону, поскольку способствовало дальнейшему расширению географии участников. В числе докладчиков, указанных в программе, были молодые ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Тольятти, Казани, Тюмени, Екатеринбургa, Калининграда, Ростова-на-Дону, Иванова, Кирова, а также из зарубежных стран — Белоруссии, Молдавии и Италии (по разным причинам выступить смогли не все). Показательно, что в ряде случаев город был представлен всего одним участником: ведь далеко не каждый россий-

¹ См.: *Кокунина Л.К., Новосельцев Б.С., Усачева А.В., Ясинская М.В.* Международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» // *Славянский альманах*. 2015. № 3–4. С. 468–478; *Амелина А.В., Добычина А.С., Леонтьева А.А., Саенко М.Н.* Молодежная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» // Там же. 2016. № 3–4. С. 516–525; *Амелина А.В., Ващенко Д.Ю., Дронов А.М., Лунькова Н.А.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие» // Там же. 2018. № 1–2. С. 397–405.

ский регион может похвастаться сильной школой славяноведения, и для специалистов возможность участия в подобном мероприятии особенно важна.

Какие же конкретно доклады были представлены на исторической секции конференции «Славянский мир: общность и многообразие» в этом году?

Работой первой подсекции, «Развитие идей, терминов и понятий», руководил М.Ю. Дронов. Она была открыта докладом Н.Р. Беловой (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «Побелогорская рекатолизация Чешских земель по материалам реформационной комиссии 1627–1629 гг.». Докладчица обратила внимание на комичную ситуацию: в 1620-е гг. искоренением протестантизма на землях чешской короны занималась реформационная комиссия, а под реформацией подразумевалось изменение религиозной ситуации в стране и уничтожение конфессий, возникших в результате того, что мы сейчас называем Реформацией. В выступлении был также затронут вопрос о том, какой смысл члены комиссии вкладывали в слова «сектант» и «еретик»: протестанты рассматривались не только как религиозные, но и как государственные преступники, враги императора. Тем не менее доклад Н.Р. Беловой был посвящен в большей степени фактам, чем понятиям; в результате анализа доступных материалов исследовательница пришла к выводу о сравнительно малой эффективности работы реформационной комиссии, члены которой жаловались на равнодушие местных властей и их нежелание применять силу против еретиков. В ходе дискуссии было отмечено, что реформационная комиссия не уделяла должного внимания насаждению католической веры через школы и вообще использованию образования в религиозных целях.

Другие докладчики также обращались к своеобразным, но представляющим широкий интерес проблемам. Д.О. Жаров (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) показал на примере университетских документов Центральной Европы XVI–XVII вв. неоднозначность того, что он сам назвал «региональными терминами». Если в Грацком университете в матрикулах определения *ungarus*, *s(c)lavus*, *croata* служили для маркирования территории, с которой прибыл студент (Венгрия, Славония и Хорватия соответственно), то в Трнавском университете они же использовались для обозначения языковой идентичности студента (венгрозязычного, словакоязычного и хорватоязычного соответственно). К.А. Касаткин (СПбГУ, Санкт-Петербург) продемонстрировал, что корни «имперского» панславизма российских чиновников XIX в. были связаны не с реальным знанием прошлого славянских народов, а с псевдоисторическими мифами об этом прошлом. В частности, желание возродить Великую Болгарию могло быть инспирировано работами Ю.И. Венелина, А.Ф. Вельтмана и И.П. Липранди, первый из которых, например, представлял Гуннскую империю как общую прародину русских и болгар, подкрепляя таким образом идею русско-бол-

гарского братства. И.С. Путятин (ИНИОН РАН, Москва) коснулась дискуссионных проблем истории сербского радикализма, рассматривая вопрос о значении отдельных личностей (С. Марковича, П. Тодоровича, Н. Пашича) в его развитии. Наконец, А.В. Зайцев (РГГУ, Москва) проследил, как в 1940–1950-е гг. в советском официозе менялось количество славянских народов: то появлялись, то исчезали карпаторосы, черногорцы, боснийцы и т. д. По мнению докладчика, на признание народа как такового сильно влияли политические факторы: зачастую государства, стремясь к однородности и этническому упрощению, пытались объявить малые народы народностями и национальными меньшинствами с перспективой их дальнейшей полной ассимиляции. И доклады, и последовавшая за ними дискуссия наглядно продемонстрировали, насколько интересна история идей и насколько важно ее понимание при изучении той или иной эпохи. В связи с этим хотелось бы особенно выделить доклад «У истоков понятия “славянство”: Й.Г. Гердер, Н.М. Карамзин и славянский элемент в русской идентичности» С. Маццони (Университет Мачераты, Мачерата, Италия). Исследовательница обратила внимание на то, что сам термин «славянство» трудно перевести на неславянский язык, и проанализировала конструирование термина авторами, создававшими свои произведения до распространения панславизма, Й.Г. Гердером и Н.М. Карамзиным.

Следующая подсекция, «Источники и историография», прошла под председательством А.С. Стыкалина. Ее открыло выступление С.А. Козлова (ТюмГУ, Тюмень) «Язык из Киева проведет». В нем предпринималась попытка «обратного культурного перевода» главы «О росах, отправляющихся с моносилами из Руси в Константинополь» из знаменитого трактата «Об управлении империей» Константина Багрянородного. По мнению С.А. Козлова, материал для этой главы был сформирован на основе сведений, полученных от жителей Руси, но затем был адаптирован для византийского читателя (и неизбежно искажен). Путем «обратного перевода» докладчик старался установить, с кем и как именно контактировали византийцы. Тему оригинального использования источников продолжила Д.Ю. Чернышенко (Библиотека РАН, Санкт-Петербург). По переписке известного слависта П.А. Сырку исследовательница попыталась воссоздать состав его библиотеки. Не менее интересным было выступление Б.С. Новосельцева (ИСл РАН, Москва), посвященное электронной библиотеке сайта ЦРУ, которая предоставляет исследователям доступ к обширному пласту рассекреченных документов американской разведки. Б.С. Новосельцев особенно подчеркнул специфику данных документов, преимущественно аналитических материалов экспертов ЦРУ и показаний информаторов. Эти документы нельзя считать объективными, но при правильном использовании они могут оказаться очень полезны. Естественно, что в дискуссиях данного блока затрагивались главным образом проблемы интерпретации источников.

Подсекцию «Образы, отражения, впечатления: печать и пресса» модерировал Н.С. Гусев. И вновь вектор работы был задан первым докладом К.В. Мельчаковой (Исл РАН, Москва), «К вопросу о путешествии фотографа П.П. Пятницкого в Боснийский вилайет: новые факты». Докладчица рассказала, как Азиатский департамент МИД предложил саратовскому фотографу поехать в славяно-турецкие земли, и продемонстрировала фотоальбом, ставший результатом поездки. Е.В. Каменская (УрФУ, Екатеринбург) исследовала образы, сформировавшиеся в периодической печати: в центре ее внимания оказалось отображение польского кризиса 1970 г. в советской прессе. В выступлении было проанализировано влияние политики на содержание газетных статей: советская пресса вслед за партийным руководством пыталась сгладить конфликт, показать его преодолимым и не слишком значительным. С нашей точки зрения, доклад Е.В. Каменской интересен именно фокусировкой внимания на полутонах и деталях, а последовавшая за ним дискуссия еще ярче показала взаимосвязь политики и периодической печати: например, поскольку кризис в Польше начался вскоре после отказа ФРГ от претензий на «восточные территории», именно западногерманские власти в советских публикациях 1970 г. не подвергались критике, чего нельзя сказать о публикациях 1968 г., связанных с Пражской весной. Другой подход к материалам прессы предложила К.О. Долголаптева (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва), которая изучила тенденции формирования национальной идентичности в Белоруссии. Она применила контент-анализ к широкому кругу массмедиа от «Радые Свабода» до «Sputnik Беларусь», не касаясь отдельно разных групп СМИ, что, как отметил Н.С. Гусев, привело к определенной упрощенности. Последовательно прозвучавшие доклады Е.В. Каменской, детально проанализировавшей отображение в печати конкретного события, и К.О. Долголаптевой, четко выделившей общие тенденции формирования медиадискурса на основе статистических данных, наглядно продемонстрировали разные подходы к изучению прессы, их сильные и слабые стороны.

М.В. Лескинен и Г.Н. Энгельгардт руководили работой блока «Многонациональные государства: управление и модернизация». Его открыл доклад И.И. Думиники (Институт культурного наследия, Кишинев, Республика Молдова), посвященный проблеме участия православной церкви в борьбе с эпидемиями в Бессарабии в XIX в. Интересно, что особенно важной была информационная функция церкви: священники не только утешали больных и помогали организовать им помощь, но и распространяли важные правительственные воззвания, порой еще и убеждая им следовать. А.Н. Левандовский (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) раскрыл причины неэффективности попыток освоения Российской империей Сахалина в середине XIX — начале XX в. Как ни банально, дело было в казнокрадстве, халатности и крайней спешке чиновников, желавших отчитаться о выполнении поставленных задач. А.Ю. Перетяцько (ЮФУ, Ростов-на-Дону) рассказал,

как современники описывали конфликты казаков и «русских» на территории Земли Войска Донского во второй половине XIX в. Три этих выступления ярко показали особенности российских окраин и проводившейся на их территориях политики.

Менее традиционными оказались два следующих доклада. Е.П. Каткова (СПбГУ, Санкт-Петербург) обратилась к истории югославской автопромышленности. Развитие этой отрасли имело свои плюсы и минусы: с одной стороны, существование собственной автопромышленности было гордостью исторически аграрной Югославии, но, с другой, низкое качество произведенных машин стало объектом насмешек и шуток (марка «Юго» даже породила поговорку *Jugo nije za dugo* «Юго — это ненадолго»). Наиболее оживленную дискуссию на конференции вызвал доклад А.С. Ходунова (РГГУ, Москва), касавшийся проблем идентичности македонских славян. Опора молодого ученого преимущественно на оценки начала XX в. заставила задуматься о том, насколько эволюционирует сам понятийный аппарат науки. Заседание закончилось активным обсуждением этого вопроса.

Популярнейшей теме исторической памяти был посвящен следующий тематический блок, «Память, история, политика», который модерировал Е.А. Колосков. Первым прозвучал доклад И.И. Поздняковой (БФУ имени И. Канта, Калининград), проанализировавшей дискуссию на Парижской мирной конференции о возможном предоставлении Польше выхода к морю. Особый интерес у слушателей вызвало упоминание докладчицы о малоизвестном и редком источнике, которым она пользовалась, — материалах по истории Польши, специально подготовленных для участников Парижской мирной конференции. А.Р. Лагно (ИСл РАН, Москва) размышляла на тему взаимосвязи истории, памяти и политики, изучив различные интерпретации переселенческо-депортационных акций 1944–1947 гг. в Польше и на Украине. Исследовательница показала, как попытка написания на подобном материале героических национальных историй порождает межнациональные конфликты: герои одной страны оказываются преступниками для другой. Трое молодых историков — Д.Д. Копанева, Т.Г. Черных и К.А. Костоусова (СПбГУ, Санкт-Петербург) — проанализировали образы героев-воинов в сербском национальном самосознании и установили любопытную тенденцию: в подавляющем большинстве случаев фигура, выступающая в качестве героической для части сербов, другими таковой не считается (ярким примером этого могут быть партизаны-коммунисты). И только древнейшие воины-герои, участвовавшие в сражении на Косовом поле, признаются безусловно как таковые всеми сербами. Если эти докладчики рассуждали скорее о том, как формируется историческая память, то А.А. Жиров (БФУ имени И. Канта, Калининград) продемонстрировал ее влияние на актуальные политические события. Он рассказал о государственной политике Польши, которая направлена на уничтожение памяти о немецкой составляющей на воссоединенных после Второй мировой войны

польских землях. Докладчик показал, что даже такая политика не смогла обеспечить полной потери самобытности местного населения. По словам А.А. Жирова, в наши дни жители бывших воссоединенных земель демонстрируют особые политические пристрастия, более либеральные, чем у большинства поляков.

Тема взаимосвязи истории, исторической памяти и актуальных политических событий получила завершение в рамках последнего блока докладов, «Роль партий и общественных организаций в преодолении кризиса». Его модератором выступил Н.Н. Станков. А.В. Зорин (ВятГУ, Киров) дал качественный и развернутый анализ политической борьбы внутри чешских и словацких организаций в США в годы Второй мировой войны. Он отметил и раскол между чешскими и словацкими активистами по вопросу о предполагаемом устройстве их государства / государств, и то, что многих американизированных рядовых членов чешских и словацких организаций детали будущего их исторической родины волновали уже мало. Достаточно ироничным получился доклад Н.Ю. Шишова (РГГУ, Москва) об идеях славянской солидарности в политической риторике словацких ультраправых партий. Исследователь подчеркнул, что при всей своей декларативной преданности славянской солидарности лидеры ультраправых руководствуются политической конъюнктурой в определении того, какие страны являются славянскими и насколько: они объявляют сербов «братским народом», русских — «дружественным народом», а вот славянское происхождение украинцев может даже игнорироваться. О других словацких партиях говорил М.В. Ведерников (Институт Европы РАН, Москва), полагающий, что нынешнее правительство Словакии крайне нестабильно и состоит из партий, на самом деле не имеющих почти ничего общего между собой. Любопытны его объяснения причин подобного феномена: определенный кризис классических партий привел к победе на выборах популистов, которые, однако, на практике оказались не готовы управлять страной. В заключение конференции прозвучал доклад А.К. Александровой (ИСл РАН, Москва) «Референдум как инструмент политического давления в условиях финансово-экономического кризиса (на примере современной Греции)». Он завершил линию предыдущих выступлений, показав «двойное дно» уже не политических партий, а такой формы политической активности, как референдум: то, что задумывалось как волеизъявление народа, стало способом давления на политических оппонентов, а результаты референдумов далеко не всегда служат руководством к действию.

Таким образом, каждый из тематических блоков секции «История» оказался не похож на другие. Обсуждение источников, исследований имперских окраин или эволюции идей, образов, созданных прессой, — всё это имело свою яркую специфику. Молодые ученые могли не только представить результаты исследований, но и обогатить свои знания. Дистанционность же неожиданно сыграла свою положительную роль, обеспечив ши-

рокую географию участников. По итогам конференции был опубликован сборник тезисов². Остается надеяться, что результатом конференции станет поддержание дальнейшего сотрудничества между историками-славяноведами.

Литература

- Амелина А.В., Ващенко Д.Ю., Дронов А.М., Лунькова Н.А. Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие» // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 397–405.
- Амелина А.В., Добычина А.С., Леонтьева А.А., Саенко М.Н. Молодежная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» // Славянский альманах. 2016. № 3–4. С. 516–525.
- Кокунина Л.К., Новосельцев Б.С., Усачева А.В., Ясинская М.В. Международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» // Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 468–478.
- Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 13–14 октября 2020 г. / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2020.

References

- Amelina, A.V., Dobychina, A.S., Leontyeva, A.A., Saenko, M.N., 2016. Molodezhnaia nauchnaia konferentsiia “Slavianskii mir: obshchnost’ i mnogoobrazie” [Youth Scientific Conference “Slavic World: Commonality and Diversity”]. *Slavianskii al'manakh*, 3–4, pp. 516–525.
- Amelina, A.V., Vashchenko, D.Iu., Dronov, A.M., Lunkova, N.A., 2018. Konferentsiia molodykh uchenykh “Slavianskii mir: obshchnost’ i mnogoobrazie” [International Scientific Conference “Slavic World: Commonality and Diversity”]. *Slavianskii al'manakh*, 1–2, pp. 397–405.
- Kokunina, L.K., Novosel'tsev, B.S., Usacheva, A.V., Yasinskaya, M.V., 2015. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia “Slavianskii mir: obshchnost’ i mnogoobrazie” [International Scientific Conference “Slavic World: Commonality and Diversity”]. *Slavianskii al'manakh*, 3–4, pp. 468–478.
- Uzeneva, E.S., Khavanova, O.V., eds, 2020. *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Tezisy konferentsii molodykh uchenykh v ramkakh Dnei slavianskoi pis'mennosti i kul'tury. 13–14 oktiabria 2020 g.* [Youth Scientific Conference “Slavic World: Commonality and Diversity”. Theses of the conference. 13–14 October 2020]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

² Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 13–14 октября 2020 г. / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2020.

Секция «Языкознание»

Сергей Александрович Борисов —

младший научный сотрудник,
аспирант,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: borisovsergius@gmail.com

Ключевые слова

Славянские языки, историческая грамматика, диалектология, социолингвистика, этнолингвистика, палеославистика

Session “Linguistics”

Sergej A. Borisov,

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: borisovsergius@gmail.com

Keywords

Slavic languages, historical grammar, dialectology, sociolinguistics, ethnolinguistics, palaeoslavistics

Программа секции «Языкознание» традиционно была чрезвычайно насыщенной и разнообразной. Выступления молодых ученых затрагивали актуальные вопросы грамматики современных славянских языков, исторической грамматики, диалектологии, социолингвистики, этнолингвистики, лингвотопонимики, палеославистики.

Первый блок докладов открыло выступление А.Г. Мосинец (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Предложения с причинно-аргументирующим значением в болгарском языке», которая проанализировала семантические и синтаксические особенности сложных предложений такого рода и пришла к выводу, что они, несмотря на свое сходство с собственно причинными предложениями, обладают рядом отличий: они не выражают непосредственно причинно-следственную связь, но помогают проследить логику говорящего. Н.И. Кикило (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) в своем докладе «Показатели категории эвиденциальности и *да*-конструкция: межкатегориальные взаимодействия в македонском языке» рассматривала

ситуации, в которых происходит наложение эвиденциальных показателей на модальные *да*-конструкции. В большинстве случаев такое употребление несвидетельских форм в *да*-конструкциях не является грамматически обязательным и обусловлено прагматическими соображениями: для говорящего важно провести четкую границу между собственными высказываниями и чужими. А.И. Чиварзина (ИСл РАН, Москва) в докладе «Серый и его обозначения в балканославянских диалектах в сопоставлении с албанским и румынским» на примере цветообозначений серого, цвета между белым и черным, показала, как проявляется высокая степень взаимовлияния языков балканского ареала. В основе обозначений данного цвета лежат как собственные корни этих языков, так и многочисленные турцизмы, а также заимствования из славянских диалектов. Выступление С.А. Борисова (ИСл РАН, Москва) «Языковые и культурные контакты чехов Румынии» было посвящено социолингвистической проблематике изучения языковой ситуации у потомков чешских переселенцев в Румынии (жудецы Караш-Северин и Мехединци). В данном регионе миноритарный чешский язык находится в постоянном контакте не только с государственным языком — румынским, но и с сербским, цыганским, а в прошлом взаимодействовал также с венгерским. А.П. Якимова (ИСл РАН, Москва) в докладе «Взгляд сквозь столетие: что скажет одежда» отметила, что традиционный праздничный и повседневный наряд болгар, запечатленный на архивных фотографиях XIX–XX вв., можно рассматривать не только как иллюстративный материал для этнолингвистических исследований, но и как самостоятельный источник информации. Традиционный костюм позволял человеку рассказать о себе, а потому является высоко семиотизированной частью предметного кода культуры. Доклад Лю Ху (ИСл РАН, Москва) «Традиционная народная культура провинции Шаньдун» был посвящен мифическим существам, встречающимся в фольклорных текстах китайской провинции Шаньдун. Автор рассказал о том, как представляются внешний вид, локусы и функции данных персонажей в народной культуре Китая, обозначил возможные направления дальнейших исследований по данной теме. П.Б. Миронова (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) в своем выступлении «Змора и проблема определения категории *двоедушник*» рассматривала причины отнесения польского мифологического персонажа зморы к выделяемому этнолингвистами термину *двоедушник*. Польские информанты иногда упоминают о *двоедушии* зморы, для образа которой типичен мотив выхода души из тела во времена сна. Однако в польской народной традиции этот мотив редко связан с *двоедушием* напрямую.

Второй блок докладов открыло выступление Я.В. Мальковой (УрФУ, Екатеринбург) «К семантико-мотивационной интерпретации лексики, обозначающей недоброжелателя (на материале севернорусских говоров)», посвященное закреплённой в русском языке оценке поведения недоброжелательного человека. Так, в лексике и фразеологии севернорусских говоров

находят свое отражение особенности внешнего вида недоброжелателя, его характера, социального положения. В докладе М.М. Масальской (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «Номенклатурные термины объектов городского пространства на примере Москвы, Софии и Варшавы» был представлен анализ городского пространства трех столиц современных славянских государств с учетом лингвистических и экстралингвистических аспектов. Различия в планировочной структуре данных городов, в их исторической судьбе, а также влияние национальных и местных традиций приводят к появлению безэквивалентных номенклатурных терминов, характерных исключительно для каждого конкретного города (например, польск. *rynek, rondo*). А. Дворачек (Люблянский университет, Любляна) выступила с докладом «Стратегии вежливости в испанском и русском языках на примере интернет-рекламы косметики», в котором рассмотрела сходства и различия языковых средств, используемых в текстовой интернет-рекламе на испанском и русском языках для вежливого обращения к потенциальному покупателю косметики. Выступление А.А. Бакшаевой (КФУ, Казань) «Записи на полях Христинопольского Апостола XII века» было посвящено исследованию комментариев к тексту одного из самых ранних сохранившихся списков Апостола, выполненных в разное время разными писцами. Речь шла о глоссах как кратких пояснениях, схолиях как дидактических уточнениях толкового характера, а также о катенах. В докладе В.Ю. Шатина (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «Система шипящих в костромских и пошехонских говорах начала XVII в.» анализировался состав и характеристики шипящих фонем на материале памятников деловой письменности. В центре внимания молодого ученого была судьба фонем [ш] и [ж] и долгих шипящих. А.С. Улитова (Университет «Синергия», Москва) в докладе «Становление норм словорасположения в многокомпонентных атрибутивных словосочетаниях (на материале исторических повестей XVII в.)» рассматривала различный порядок следования определений и определяемого слова в исторических повестях XVII в. Автор выделила три самых распространенных варианта порядка слов в произведениях данного периода: 1) местоимение — прилагательное — существительное (как в современном русском литературном языке); 2) прилагательное — местоимение — существительное и 3) так называемое «обмыкание» (местоименное определение — существительное — прилагательное). Завершило работу секции выступление П.Ю. Караваевой (ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, Москва) «Житие Святого Феодора Студита в редакции Нила Сорского: к интерпретации некоторых лексических замен». Перед включением каждого агиографического текста в «Соборник житий греческих Святых» преподобный Нил Сорский занимался кропотливой работой: исправлением допущенных переводчиком с греческого языка ошибок, которые могли заключаться в неполной передаче греческого слова, смешении схожих греческих слов, итацизмах, и общей редакцией текста. Докладчица показала, что

основная часть лексических замен, осуществлявшихся Нилом Сорским при редактировании, носит системный характер и относительно легко может быть классифицирована, однако некоторые замены требуют более тщательного рассмотрения исследователем.

DOI: 10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.20

Секция «Литературоведение. История культуры»

Наталья Александровна Лунькова —

младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: lunkova_n@mail.ru

Ключевые слова

Славянские литературы, чешская литература, польская литература, польский кинематограф, болгарская литература, боснийская литература, словенская литература, белорусская литература, переводоведение, поэтика

Session “Literary studies. The History of Culture”

Natalia A. Lun'kova,

Junior researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: lunkova_n@mail.ru

Keywords

Slavic literatures, Czech literature, Polish literature, Polish cinema art, Bulgarian literature, Bosnian literature, Slovene literature, Belorussian literature, translation, poetics

В рамках работы секции «Литературоведение. История культуры» состоялось 11 научных докладов, которые были разделены на два тематических блока: «Вопросы рецепции и перевода» и «Проблемы поэтики литературы и кино». Модераторами секции выступили Н.А. Лунькова и А.Н. Красовец.

Первое сообщение-презентация «Чешский писатель Юлиус Зейер как герой анонимного мемуара в России» А.В. Грасько (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) было посвящено исследованию «русской» темы в творчестве

чешского писателя и анализу статьи неизвестного автора «Чешский писатель и русский министр» о первых поездках Зейера в Россию. Несмотря на то что данный материал не может рассматриваться как полностью достоверный источник, А.В. Грасько убеждена, что он содержит сведения, подтверждающие тесную связь Зейера с Россией. В ходе дискуссии докладчица подчеркнула, что интересуется этой темой в рамках более масштабного исследования, которое направлено на изучение связи чешских писателей с Россией и моделирования образа России в их творчестве.

О том, как была представлена русская литературная жизнь в Чехии в XX в., шла речь в докладе А.В. Амелиной (ИСЛ РАН, Москва) «Русские писатели в чешской среде первой половины 1920-х гг.: периодика левого политического крыла (газета “Руде право”)». Изучение статей, переводов, рецензий, опубликованных в этом периодическом издании, по словам докладчика, помогает понять особенности русско-чешских культурных связей в указанный период. Благодаря газете «Руде право» чешский читатель одновременно и открывал для себя постреволюционное творчество русских авторов, и по-новому смотрел на русскую классику.

Выступление М.М. Громовой (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) на тему «Переводческие ошибки в русскоязычных изданиях словенской детской литературы» дополнялось красочной презентацией с обширным иллюстративным материалом. Внимание автора было сконцентрировано не только на лексических ошибках, которые допускали переводчики при работе над текстами, но и на неточностях в области синтаксиса. Доклад вызвал оживленную дискуссию, поскольку вопросы перевода и адаптации художественной литературы, в частности детской, — тема очень интересная и многогранная. Так, вопросы и замечания Н.Н. Стариковой касались сложностей перевода словенских идиом и поиска для них максимально точного эквивалента в русском языке. Участники конференции сошлись во мнении, что работа переводчика всегда сопряжена со множеством сложностей и часто ошибки и неудачные речевые обороты заметны только со стороны. В связи с этим обсуждалось и значение роли редактора в процессе издания переводной литературы.

Тематический блок «Проблемы поэтики литературы и кино» открыло выступление «Ляцци в первых русских придворных пьесах последней трети XVII в.: задачи и функции» М.В. Каплун (ИМЛИ РАН, Москва). В своем детальном анализе докладчица сосредоточилась на тех особенностях и функциях, которые имели в русских пьесах при дворе Алексея Михайловича ляцци — сценки, короткие импровизации шутовских персон, заимствованные из комедии дель арте; их основная роль в русском театре 1670-х гг. заключалась в снятии напряжения, кратком отвлечении от главного действия. В качестве материала для исследования М.В. Каплун использовала балет «Орфей» неизвестного автора, «Артаксерксово действо» и «Иудиף» И.Г. Грегори, а также «Темир-Аксаково действо» Ю. Гивнера. Во время

обсуждения были затронуты и некоторые аспекты развития придворного театра эпохи правления Анны Иоанновны, когда комедия дель арте получила наибольший расцвет.

Следующие несколько выступлений касались разных аспектов поэтики польской художественной литературы. Р.В. Зиновьева (БФУ им. И. Канта, Калининград) выступила с докладом «Трансформация “вечного образа” Гамлета в драмах абсурда Витольда Гомбровича “Венчание” и Славомира Мрожека “Танго”», сформулировав в качестве своей главной задачи анализ функций шекспировского героя в выбранных пьесах. Докладчица стремилась показать, насколько сильно образ Гамлета, созданный польскими абсурдистами, отличается от предшествующей романтической традиции. Вопросы к автору касались уточнения термина «шекспировский интеллигент» и актуальности «вечного» шекспировского образа в современной польской литературе.

Проблеме формирования национальной идентичности было посвящено сообщение А.Р. Анютиной (НИУ ВШЭ, Москва) «Две парадигмы идентификации личности — версии Владислава Белзы и Янки Купалы». Подготовив интересную презентацию с наглядным иллюстративным материалом и сопоставив «Катехизис польского ребенка» со стихотворением «Кто ты такой?», докладчица сосредоточила свое внимание на сходствах и отличиях осмысления принадлежности к польскому и белорусскому этносу соответственно. Она пришла к выводу, что для решения данной задачи Владислав Белза прибегал к использованию элементов имперского нарратива, в то время как для Янки Купалы характерен нарратив иного типа, а именно крестьянский. Выступление Анютиной побудило участников конференции обсудить некоторые вопросы перевода текстов на русский язык, формирования белорусского этноса, а также перспективы дальнейшего исследования.

В качестве теоретической основы для своей работы «Картины мира и их роль в “израильском цикле” Марека Хласко» В.И. Федорова (ИСЛ РАН, Москва) привлекла труды Н.Д. Тамарченко и В.И. Тюпы. Изложив сюжет четырех рассказов польского писателя, докладчица охарактеризовала особенности картины мира рассказчика (он показан как носитель эгоцентрического сознания), «чужие голоса» (иные точки зрения, не совпадающие с позицией главного героя) и специфику мира автора-творца. По окончании доклада участники секции говорили об особенностях биографии и эволюции творческого пути М. Хласко, о его работе в качестве сценариста. Тема кино, по наблюдениям Федоровой, повсеместно встречается в прозе Хласко и имеет важное значение для его творчества в целом. По замечанию Д.Г. Вирена, Хласко действительно был заметной фигурой в польском кинематографе 1950-х гг. По его сценариям были сняты так называемые «черные фильмы» («Петля», «База мертвых людей», «Конец ночи»), по жанру близкие американскому нуару.

В рамках исследования нарратива современной чешской прозы С.А. Кожина (ИСл РАН, Москва) представила доклад «Движение как структурообразующий фактор произведений Д. Годровой», в котором были проанализированы особенности как ранних, так и поздних романов писательницы. С точки зрения докладчика, изучая творчество Годровой, нельзя не отметить два главных аспекта движения, актуальных для ее прозы: непосредственное перемещение героев в пространстве (смена локусов) и метафорическое понимание жизни как пути личности к познанию своего «я». Вопросы к С.А. Кожиной касались уточнения философского понимания категории пространства, связи интертекстуального повествования и выстраивания идентичности нарратора. Она подчеркнула, что в своих теоретических работах Годрова склоняется к пониманию движения как особого инициального процесса и что для данного автора важнее не национальная или культурная идентичность субъекта, а особая, текстуальная. Участники секции также обсудили, насколько Годрова вписывается в общий контекст современной литературы Чехии.

Е.В. Шатько (ИСл РАН, Москва) выступила с докладом на тему «Мотив смерти в романе С. Марич “Кинцуги тела”», рассказав об автобиографическом произведении современной боснийской писательницы. В докладе было продемонстрировано, что темой, объединяющей фрагменты повествования, структура которого уподобляется осколкам разбитого сосуда, является телесность. Кроме того, докладчица обратила внимание на разные аспекты воплощения мотива смерти, рассмотрев его соотношение с такими мотивами, как болезнь, боль, утрата, страх. У российского читателя совсем скоро будет возможность ознакомиться с «Кинцуги тела», поскольку этот роман в переводе Е.В. Шатько уже подготовлен к печати.

Доклад «“Искусство ли выше жизни?”: к проблеме сущности и существования (на материале повести В. Паскова “Баллада о Георге Хениге”)» Н.А. Луньковой (ИСл РАН, Москва) был посвящен анализу онтологической проблематики произведения болгарского прозаика. Опираясь на концепцию немецкого экзистенциалиста Карла Ясперса и разработанное им понятие «пограничной ситуации», Н.А. Лунькова продемонстрировала контраст в изображении пространства и образов героев, тяготеющих к «бытию-в-мире», и тех, кто устремлен к познанию своего истинного предназначения. По мнению исследователя, отношение к музыкальному искусству в данной повести представляет собой «лакмусовую бумажку», проверяющую подлинность бытия человека. Вопросы к докладчице были связаны с темой музыки в современной болгарской прозе в целом, а также со спецификой творческого наследия Паскова.

Работу секции завершил доклад-презентация «Авторские фильмы об искусстве в польском кино 1970-х годов» Д.Г. Вирена (ГИИ, Москва). Представив общие особенности фильмов об искусстве указанного периода, докладчик остановился подробнее на поэтике таких работ, как «Хвала

Быку» (1971) Анджея Папузиньского, «Идет Мруз» (1973) Петра Андерева и «Струмилло» (1977) Анджея Бараньского. Докладчик убедительно продемонстрировал, что все три киноленты объединены стремлением показать не просто хронику жизни художников, а их внутренний мир. В ходе активной дискуссии, которая явилась неким итогом работы всей секции, участники и слушатели обсудили вопросы поэтики не только польского, но и европейского кинематографа, обменялись впечатлениями от проведенного заседания и наметили перспективы дальнейшего сотрудничества.

**СЛАВЯНСКИЙ МИР
В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ
2020
Том 15
№ 3–4**

**SLAVIC WORLD
IN THE THIRD MILLENNIUM
2020
Volume 15
Issue 3–4**

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
DOI номера 10.31168/2412-6446.2020.15.3-4

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
Issue DOI 10.31168/2412-6446.2020.15.3-4

Главный редактор:
Е. С. Узенёва

Editor-in-Chief:
Elena S. Uzeneva

Редакторы-корректоры:
И. С. Пекунова, О. В. Трефилова

Proofreader:
Irina S. Pekunova, Olga V. Trefilova

Компьютерная верстка:
П. Н. Морозов

Layout design:
Pavel N. Morozov

Дизайн обложки:
П. К. Донской

Cover design:
Pavel K. Donskoy

На обложке:
Фотографии словацкой деревни. 1953–1968.

On the cover:
Photos of a Slovak village. 1953–1968.

© Anna Schirlbauer; Ján Grossmann

© Anna Schirlbauer; Ján Grossmann

Источник: Anna Schirlbauer:
Igor Grossmann — Moja dedina / My Village.
Vydavateľ: Matica Slovenská, Väzba: Knihy viazané,
2014.

Source: Anna Schirlbauer:
Igor Grossmann — Moja dedina / My Village.
Vydavateľ: Matica Slovenská, Väzba: Knihy viazané,
2014.

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
Ленинский просп., д. 32А, корп. «В», Москва, 119334

Адрес электронной почты:
slavmillen@yandex.ru

Сайт:
slavicworld.ru

Подписано в печать 15.12.2020. Формат 70×100¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 21,13.
Объем 16,25 печ. л.

Заказ № 79.

Тираж 500 экз.